

Люсьен
МЮССЕ



Варварские нашествия
на Европу: германский натиск

*Равновесие мифа было нарушено водоворотом
нашествий.*

ЛЮСЬЕН
МЮССЕ

ЛЮСЬЕН
МЮССЕ

ВАРВАРСКИЕ
НАШЕСТВИЯ
НА ЕВРОПУ:
ГЕРМАНСКИЙ
НАТИСК

ЕВРАЗИЯ
Санкт-Петербург

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)4
М98

*John By
Vitruvius & Kali*

Lucien Musset
LES INVASIONS:
LES VAGUES GERMANIQUES

Перевод с французского А.П. Саниной

Научный редактор А.Ю. Каракинский

Компьютерный дизайн Ю.М. Мордановой

Мюссе, Л.

М98 Варварские нашествия на Европу: германский натиск /
Люсьен Мюссе; пер. с фр. А.П. Саниной. — СПб.: Евразия,
2008. — 399, [17] с.

С.: Ист.бibil.(84):

ISBN 978-5-8071-0184-6

Серийное оформление С.Е. Власова

С.: Ист.бibil.(новая):

ISBN 978-5-8071-0249-2

Серийное оформление С.Е. Власова

Варварские нашествия на Западную Европу полностью изменили ее облик. В кровавых столкновениях между варварами и римлянами рождалась новая цивилизация — цивилизация Средневековья.

В книге известного французского историка Люсьена Мюссе на основе многочисленных исторических источников подробно анализируются процессы крушения Римской империи и становления варварских королевств.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)4

© Presses Universitaires de France

© Перевод. А.П. Санина, 2006

© Евразия, 2006

© Оформление.

ООО «Издательство АСТ», 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга составляет единое целое с томами XIII и XIV*, один из которых посвящен институциональным и политическим, а другой – экономическим и социальным проблемам. Поэтому мы ограничились самыми краткими экскурсами в эти сферы, и лишь тогда, когда это казалось необходимым для понимания варварских нашествий, являющихся темой нашего изложения. Вопросам литературы и искусства также было уделено лишь очень небольшое внимание.

Если в книгах I и II нашей задачей было не упустить ничего важного, то книга III является итогом долгого отбора, иногда достаточно субъективного. Мы постарались отдать должное самым разнообразным проблемам, надеясь взглянуть на варварский мир под правильным углом зрения. Географических, лингвистических и социальных аспектов завоеваний мы сознательно касались чаще, чем проблем, связанных с критикой источников, хронологией и политической интерпретацией. Как нам представляется, в работе медиевиста формирование общего исторического подхода должно главенствовать над чисто техническими вопросами. Наконец, хотя автор данной работы выступал скорее как представитель своего поколения историков, чем

* Речь идет о серии «*Nouvelle CLIO*» (История и ее проблемы), основанной французскими историками Р. Бутрюшем и П. Лемерлем. Серия посвящена самым значимым феноменам мировой истории. – Примеч. ред.

поборник собственных идей, мы не раз поддались искушению выразить личное мнение, хоть не всегда хватало места, чтобы его обосновать или подкрепить научными доводами.

Наша тема, связанная с изучением непрерывного процесса, препятствовала установлению точных хронологических рамок. Мы обращались к каждому народу-завоевателю незадолго до того момента, когда он приходил в движение, чтобы расстаться с ним на следующий день после его окончательного поселения или исчезновения. Этим прежде всего и объясняются совершенные нами противозаконные вторжения в период до рокового 476 г., отмечающего собой границы компетенции западноевропейского медиевиста. Просим читателя великодушно простить нам эту вольность.

Книга первая

НАШИ ПОЗНАНИЯ

Введение

ЭПОХА НАШЕСТВИЙ

Стабильность населения Западной и Южной Европы, которую мы с такой легкостью принимаем как непреложный факт, представляет собой явление, возникшее относительно недавно, а Восточная Европа до сих пор не достигла этого состояния. Традиционный взгляд расценивает период «Великих нашествий» как смутный период между двумя эрами нормальной стабильности – древнеримской и нашей. Мудрее было бы встать на противоположную точку зрения и счесть римскую эпоху исключением, полосой штиля посреди водоворота завоеваний.

Тем не менее будет ли несправедливым выделить из всех этих нашествий лишь те, которые имели место после распада Римского государства? Нет, так как между последними нашествиями древней истории и теми, к изучению которых мы приступаем, существует немаловажное различие. Римским завоеваниям предшествовали миграции, исходившие из Центральной Европы и отчасти ориентировавшиеся по оси Запад – Восток: речь идет о перемещении кельтов на запад – в Галлию и Британию, на юг – в Италию (взятие Рима в 391 г. до н. э.), на юго-восток – в Грецию (захват Дельф в 278 г. до н. э.) и Азию (оседание галатов около 275–270 гг. до н. э.). Начиная с середины III в. до н. э. и главным образом со II в. н. э. Великое переселение шло с Востока на Запад или с Северо-Востока на Юго-Запад. Римские завоевания, а затем сооружение рейнского и дунайского

*limes** на время сдержали проявления этой новой тенденции, появление которой служит отправной точкой нашего исследования.

Это начало кризиса, но когда он закончился, установить сложно. Рассматривая факты в европейском масштабе, мы не можем поставить точку на эпохе, когда в Галлии установилось владычество франков. Примерно в конце VI в. имел место еще один взрыв первостепенного значения, отмеченный вторжением лангобардов в Италию, проникновением авар в Паннонскую низменность, прорывом славян за Дунай. С точки зрения исторических последствий практически невозможно отделить от него мусульманскую экспансию VII и VIII вв. в Африке, затем в Испании и Галлии, или набеги средиземноморских пиратов, которые продлили его историю до XI в. И почти тотчас же к натиску ислама присоединились два других движения: походы викингов (которые в своей окончательной форме начались около 790 г. и продолжались без явных перерывов, по меньшей мере, до 1066 г.) и экспансия венгров (охватывающая период примерно с 875 по 955 г.). Точно так же было бы несправедливо не включить в этот список, как последнюю волну Великих нашествий, монгольскую экспансию XIII в., докатившуюся до Руси в 1237 г., а Венгрии в 1241 г.; но поскольку она почти не затронула Западной Европы, находящейся в фокусе нашего интереса, мы в другом томе доведем данное исследование до середины XI в.

В эту бурю, продолжавшуюся семь или восемь веков, оказались втянуты самые разнообразные народы. Переплетение их взаимоотношений настолько сложно, что далеко не всегда можно сказать, кто несет основную ответственность за то или иное передвижение. Волна IV–V вв. выне-

* Limes — пограничная линия Римской империи, состоявшая из рвов и валов с частоколами; через определенный интервал строились крепости (кастели). Иногда *limes* шел вдоль крупной реки вроде Дуная или Рейна. — Примеч. ред.

сла вперед главным образом германцев; однако в ее возникновении решающую роль сыграли тюрки (гунны); свою лепту внесли и иранцы (аланы) с кельтами (скоттами). Волна VI в. одновременно бросила на Запад германцев (лангобардов), азиатов (авар) и массу славян. Волна IX в. коснулась — правда, в основном на ограниченных территориях — скандинавов, арабов, берберов, народов финно-угорской группы, тюрков... Следовательно, исследовать надо скорее большие хронологические пласты, нежели этнические группы.

У столь продолжительного и сложного процесса причины могли быть настолько же непростыми. Для каждой большой волны в настоящее время различается несколько общих факторов. Наиболее очевидные из них — слабость поздней Римской империи в V в., неудача освободительных войн Юстиниана в конце VI в. и упадок империи Каролингов в конце IX столетия. Но как можно объяснить нашествия причинами, которые имеют отношение только к обороняющимся, но не к нападающим? Да и невозможно, даже в случае такого своеобразного народа, как гунны, свести их миграцию к одной причине. Толкнула ли их на Запад китайская политика в Верхней Азии, или прельстило большее богатство западных степей, «черной земли»? Гнала ли их нависшая за их спинами угроза со стороны других кочевых народов? Или просто манила добыча? Конечно же, все эти причины имели место. Кроме того, мы считаем разумным с самого начала отказаться от любого глобализма в поиске объяснения: от упрощенного и любимого средневековым духовенством подхода, который относит все за счет полигамии (ложно истолкованной как фактор демографической экспансии) и ненависти к христианству, а также и от более современных толкований, отыскивающих причину любых миграций либо в отношениях Китая с соседями, либо в климатических изменениях.

Сущность феномена нашествий постичь трудно. Общее смятение не способствует составлению исторических сочинений; неурядицы приводят к уничтожению документов.

Бедствия преувеличиваются, у побежденных заметна естественная тенденция объяснять успех противника его подавляющим численным превосходством; в обстановке паники с легкостью рождаются самые невероятные рассказы, и особенно о предательстве. К тому же в период раннего средневековья, тотчас вслед за принятием христианства, у лучших умов появляется тенденция видеть в исторических событиях в конечном счете лишь отражение сокрытого божественного замысла, который один и достоин внимания. Поскольку, с другой стороны, они унаследовали от античности абсолютное невнимание к понятиям, которые нам представляются весьма существенными — например, языку или точной «национальности» варваров, — мы нередко ощущаем обманчивость сведений, сообщаемых нам историографией. Наконец, напомним, что по истечении V в. все письменные источники составляются в церковных кругах. Умышленно или нет, любой факт оценивается по отношению к Церкви и клирикам: так, варваров-арианов систематически унижают, в то время как католиков-франков удостаивают похвал.

Следует постоянно помнить об этих жестких и часто раздражающих ограничениях, наложенных на наши познания. Привлечение, даже весьма широкое, вспомогательных дисциплин лишь очень редко позволяет их преодолеть. Таким образом, многие вопросы, заданные в этой книге, останутся без однозначного ответа.

Глава I

ВОДОВОРОТ НАШЕСТВИЙ

I. Со стороны варваров

А) Германское общество.

Примерно в эпоху Августа римляне осознали размеры и относительную сплоченность германского мира. Им понадобился термин для его обозначения: таковым послужило слово *Germani* (*германцы*), бесспорно введенное в литературный язык греческим историком Посидонием в I в. до н. э., но в любом случае популяризированное «Комментариями» Цезаря. По-видимому, это название первоначально относилось к наполовину кельтизированным племенам с левого берега Рейна — *Germani cisrhēnani* (*зарейнские германцы*). Следовательно, можно задаться вопросом, не было ли это слово кельтским по происхождению (ср. *Cenomani*, *Raetani*)¹. Во всяком случае, сами германцы никогда не давали себе родового названия. Те из них, что остались на континенте после англосаксонской миграции, впоследствии (в VIII в.?) придумали себе малоинформационное название *Deutsche*, буквально «люди народа», исходно предназначавшееся в основном для того, чтобы подчеркнуть различие между германскими и романскими элементами внутри империи Каролингов. У скандинавов не было никаких общих наименований, кроме тех, которые породила наука (*Nordboer*, *Skandinaver*).

Открытие германского мира классической античностью состоялось прежде всего морским путем (Пифей из Марселя,

IV в. до н. э.)². За этим последовали первые контакты с авангардами первых миграций: бастарнами и скирами на Черном море (конец III в. до Р. Х.), кимврами и тевтонами в Норике, Галлии, Испании и Италии (113–101 гг. до Р. Х.). Но для того чтобы приобрести целостное представление, понадобились походы Цезаря и Августа. После сотни лет войн и торговых отношений римляне уже могли решиться на обобщения, например, географ Страбон (ок. 18 г. н. э.), Плиний Старший (до 79 г.), Тацит в своей «Германии», к сожалению, слишком литературном произведении (в 98 г.), и, наконец, Птолемей (ок. 150 г.).

Латинские авторы предложили различные классификации германцев. Система Плиния основывалась на топографии. Она различала 5 групп: *Vandili* (вандилы) [в которую входят *Burgundiones* (бургундионы), *Varini* (варны), *Charini* (харны) и *Gutones* (гутоны)], *Inguaeones* (ингвеоны) [включая *Cimbri* (кимвров), *Teutones* (тевтонов) и *Chauci* (хавки)], *Isthaeones* (истеоны) [единственный народ с искаженным названием, скорее всего, — сикамбры], *Hermiones* (гермионы) [включая *Suebi* (свевов), *Hermunduri* (гермундуро), *Chatti* (хатты) и *Cherusci* (херусков)] и, наконец, *Reucini* (рекини) или *Basternae* (бастарны). Классификация Тацита приняла близкую античной историографии форму мифической генеалогии. Она возводила германцев к общему предку, *Манну* («человеку»), и троим его сыновьям, прародителям *Ingaevones* (ингевонам — обитающим близ Океана), *Hermiones* (гермионам) и *Istaevones* (истевонам). Однако, поскольку истинное единство германцев лежит в языковой сфере, мы будем искать принципы рациональной классификации современных и исчезнувших германских народов именно у филологов.

С момента зарождения сравнительной грамматики в начале XIX в. система, принятая в настоящее время, состоит из трех элементов:

- северогерманские диалекты: древнескандинавский и современные языки, которые от него произошли;

- восточногерманские диалекты: готский, вероятно, бургундский, вандальский, ругский, бастарнский и пр., все мертвые;
- западногерманские диалекты: другие диалекты, в числе которых — наречие франков, аламаннов, баваров, лангобардов, англов, саксов, фризов, современный немецкий, голландский и английский языки.

При условии признания относительности и скорее географического, чем исторического и генеалогического, характера этой схемы она помогает приблизительным образом расположить народы, участвовавшие в нашествиях. Однако лингвисты готовы опровергнуть ее, чтобы подчеркнуть относительную близость северогерманского диалекта к готскому и родственным ему диалектам и в то же время выявить переходы, связывающие северогерманский с диалектами внутренней Германии. Сторонник такой корректировки, Э. Шварц³, предлагает для эпохи нашествий трехсоставную классификацию: на противоположных полюсах находятся континентальный германский (с диалектами франков, аламаннов, бавар, лангобардов...) и гото-скандинавский (северо и восточногерманские диалекты традиционной классификации); а посередине — «германский Северного моря» (*Nordseegermanisch*), родоначальник ангlosаксонского и фризского, и, возможно, «германский Эльбы» (*Elbgermanisch*).

Желая установить прародину германцев, историки и лингвисты обычно обращаются к археологам, и это самая рискованная задача из всех, поскольку наивно полагать, что археологические слоиprotoистории можно связать с заданной лингвистической группой. Тем не менее с первобытной германской культурой не задумываясь отождествляют некую цивилизацию последней фазы Бронзового века, распространившуюся на побережье между Одером и Везером из очага в Южной Скандинавии⁴. Затем последовала экспансия этой цивилизации в направлении обширной европейской равнины: около 1000 г. до Р. Х. она распространилась

от Эмса до Центральной Померании; около 800 г. она достигла Вестфалии на западе и Вислы на востоке; к 500 г. она приблизилась к нижнему течению Рейна, Тюрингии и Нижней Силезии.

Все это следует воспринимать с большой осторожностью, но очевидно, что с V по II в. до н. э., в течение латенской эпохи, движение германцев на юг сдерживалось кельтской экспансией. Галлы, временные хозяева Центральной Европы, пользовались таким авторитетом, что германцы подражали их институтам на всем пространстве до самой Скандинавии. Эта кельтская преграда рухнула в течение последних веков до нашей эры, безусловно, из-за того, что галлы слишком поспешили и забрались слишком далеко, чтобы завоевание территории могло быть прочным. Германцы вошли в соприкосновение со Средиземноморьем сначала на востоке (бастарны), затем на западе (кимвры и тевтоны) и, наконец, в центре. Скоро римские завоевания положили предел их экспансии, сначала с запада (завоевание Галлии в 58–51 гг. до Р. Х.), затем с юга (создание провинций Реция и Норик в 16–15 гг. до Р. Х.), и некоторое время германцы могли двигаться только в восточном направлении на территории без четких границ по перешейку между Балтикой и Черным морем.

Начиная с III в. до н. э., а может быть, и раньше германский мир постоянно сотрясала миграционная пульсация, ритм которой, поначалу размежевенный, становился все более и более частым. Историки тех времен сознавали это: хорошо известна лаконичная формула гота Иордана: «*Остров Скандза, мастерская племен и утроба народов*» (*Getica*, IV, 25). Как всегда в подобных случаях, невозможно приписать этому явлению простые причины. Нет сомнения, что к середине последнего тысячелетия до нашей эры в Скандинавии и Балтийском регионе имело место ухудшение климата, но не похоже, чтобы оно по своему характеру могло обречь кого-либо на переселение. Отсутствуют всякие признаки перенаселенности; совсем напротив, в Дании послед-

ние века до нашей эры являются одними из самых бедных с точки зрения находок. Стоит ли мечтать о социологических объяснениях? Германцам была известна *ver sacrum* (*Священная весна*), обязывавшая молодых людей, принадлежащих к одному поколению, искать счастья на стороне с оружием в руках. Или же речь идет всего лишь о всеобщем стремлении к приключениям и добыче? Этого мы, разумеется, никогда не узнаем.

Первый всплеск коснулся малоизвестных народов, едва ли свободных от кельтского влияния, которые с необыкновенной легкостью пересекли, очевидно, малонаселенную Европу⁵.

Миграция бастарнов и начало переселения кимвров демонстрируют первое направление германской экспансии: движение на юго-восток, из Скандинавии на южный берег Балтийского моря, а оттуда в украинские степи. Должно быть, тем же самым маршрутом на некотором расстоянии позади бастарнов от начала и до конца следовали готы; шедшие за ними вандалы и бургунды одолели лишь первые его этапы.

Завершение похода кимвров положило начало новому движению в юго-западном направлении, лучше всего продемонстрированному в 58 г. до н. э. Ариовистом. Речь шла о том, чтобы завладеть землями кельтов, центрально-европейских, в то время пребывавших в глубоком упадке, и, если удастся, галльских, которые выжили, примирившись с римским владычеством⁶. Таким образом, ко времени Августа южная граница германского населения достигала Дуная на всем его протяжении вплоть до Паннонской равнины.

Следующий период до эпохи правления Марка Аврелия был отмечен относительной стабильностью. Нет, германцы не прекратили своего движения. Можно полагать, что, особенно на востоке, постоянно бурлил водоворот, который поставлял Риму все новых и новых противников по всей длине *limes*, по мере того как прежние враги истощали свои силы в борьбе против легионов. Однако эта оборонительная

линия была достаточно надежной, а контратаки римлян достаточно частыми, чтобы исключить любой захват территории. Благодаря этой стабилизации германское общество начало испытывать на себе влияние, исходившее с юга. Немало германцев служило в римской армии в качестве наемников, приобретая там поверхностное знание латыни, как, например, батав Цивилис и херуск Арминий; и это коснулось даже скандинавов. Наладился торговый обмен. Археологические находки обозначают собой крупные торговые пути: один, из Аквилеи к Балтийскому морю, пересекал *limes* в *Carnuntum* (вверх по течению от Братиславы); другой, шедший из Галлии через Вестфалию, заканчивался на янтарном берегу Западной Ютландии⁷. Богатые слои Германии начали привыкать к римской роскоши. Наконец, во II в. в Дании зарождается алфавитное письмо средиземноморского происхождения — руны. Так и не сумев сослужить хорошей службы интеллектуальной жизни, оно просуществовало на континенте до VII, в Англии — до IX, а в Скандинавии — до XV в. Это нововведение отражает определенное стремление поднять германскую цивилизацию до уровня средиземноморского мира⁸.

Это относительное спокойствие разом закончилось во второй половине II в. н. э., возможно, в результате ослабления римской обороны и, безусловно, из-за того, что население средней Германии стало более плотным, а давление на римские *limes* усилилось, но, главное, потому, что на восточном фланге германского мира началась цепная реакция, вызванная миграцией готов. Сигнал тревоги прозвучал в 166 г. — двойной прорыв привел квадов и маркоманов в Венецию, костобоков и бастарнов — в Ахайю и Азию. Это была лишь мгновенная вспышка, но чтобы ликвидировать образовавшиеся бреши, потребовалась ожесточенная война.

Новый пароксизм пришелся на середину III в. В 254 г. пал *limes* в верхней Германии, около 259 г. стало ощущаться сильное давление со стороны варваров в Бельгии, между 268 и 278 гг. была разграблена вся Центральная Галлия;

отдельные банды добирались до самой Испании. Некоторые города гибли, другие окружали себя тесными стенами, часто построенными из развалин *suburbium* (предмстий), *villae* (виллы) сжигались сотнями — это было горчайшее бедствие в истории Галлии. Оно, безусловно, вызвало более глубокий упадок, чем «великие» нашествия V в.⁹ В 260 и 270 гг. аламаны проникли в Италию, затем с 258 по 269 г. готы, нападавшие как с суши, так и с моря, разорили Фракию, Грецию и Малую Азию. Аврелиан взялся восстановить *limes* в соответствии с их древним планом, исключая Дакию, которую оставили готам, и Галлию, где эта задача была выполнена только к 278 г. Пробом. Еще один катастрофический прорыв произошел в Галлии при Максимиане¹⁰. Наконец, после достаточно мрачного периода жестокость и энергия Диоклетиана принесла свои плоды, закрыв германцам доступ на территорию Империи. Но они успели оценить богатство и слабость Рима и, разумеется, уже не могли об этом забыть¹¹.

Помимо неоднократных сокрушительных прорывов *limes*, III в. был отмечен еще и переменами в германском мире. Упоминаемые Плинием и Тацитом племенные конфедерации скорее культурные, нежели политические, распались, и с конца II в. стали появляться новые образования более воинственного характера. Обитатели берегов Северного моря отказались от наименования хавков, назвавшихся саксами. В начале III в. произошли перемены в составе народов Центральной Германии, которые стали называться аламанами, затем племена, обитавшие напротив рейнского *limes*, образовали народ франков. В IV в. тюринги приняли эстафету от гермундров. Этот процесс продолжался до V в., когда появилась последняя из этих групп — бавары. В это же самое время сходные процессы шли в Южной Скандинавии. Древние племена Ютландии (кимвры, тевтоны, харуды) исчезли; герулы, жившие на датских островах, ушли, а на их территориях появились юты и даны. Наконец, германцы Северного моря обнаружили в себе призвание к

мореплаванию; примерно с 285 г. все берега Галлии, Британии и даже Северной Испании были наводнены пиратами из современной Германии и Дании. Таким образом, германский мир приобрел облик, знакомый нам по периоду Великих переселений.

С этого времени цивилизация германцев становится сложной и разнообразной. Германцы степей (готы и их со-седи), лесов (главным образом народы современной Германии) и моря (саксы и фризы, даны и пр.) вели очень разный образ жизни. Поэтому мы ограничимся самыми общими чертами (которые иногда объединяют германцев с другими народами со сходной судьбой, например аланами).

К V в. германские языки уже достаточно различались, чтобы исключить возможность всеобщего взаимопонимания. И лишь два из них зафиксированы в письменной традиции. Северогерманский диалект использовал для этого руны, но в ограниченных масштабах (германцы на континенте застенчиво позаимствовали руны только к VI в.). Готское наречие под влиянием выдающегося человека, арианского епископа Вульфилы, разом превратилось в литературный язык, впервые использованный при переводе Нового Завета; обогатившись алфавитом, основой которому послужил греческий, готский встал наравне с великими культурными языками, а к концу VI в. сгинул, не оставив следа. Прочие диалекты продолжали в одиночку, медленно и с большими потерями, прокладывать себе путь, приведший их на уровень литературных языков¹².

При отсутствии лингвистической общности существовало ли религиозное единство? Эта проблема почти неразрешима: нам неизвестно о культурах некоторых важнейших народов (например, готов), а после Тацита и до эпохи христианских миссий источники почти полностью исчезают. Можно предположить наличие общего пантеона, включающего несколько хронологических пластов; что же касается мифологии, то она известна только в скандинавской версии, записанной в XIII в. («Старшая Эdda» в стихах, «Младшая

Эдда» в прозе, записанные исландцем Снорри Стурлусоном). Крупнейшие божественные персонажи — это Вотаназ (нем. Вотан, древнескандинав. Один), бог магии и победы; Тиуз (Зиу, Тур), бог права и судебных собраний; Тунраз (Донар, Тор), бог-громовержец; наконец, божества войны и плодородия, Ньёрд (северогерманская форма), которого Тацит называет богиней Нертой, и Фрейр со своей сестрой Фрейей. Какое место отводили им завоеватели империи? Единственное ясное свидетельство — это присвоение их имен названиям дней недели... Мы знаем лишь отрывочные сведения о культе и ритуале: массовое жертвоприношение оружия и пленников, которых топили после победы, о чем свидетельствуют рассказы о войне кимвров и данные датской археологии; шествия со священными колесницами; какие-то обряды, связанные с ворожбой и искуплением. Язычество южных германцев накануне нашествий выглядит неполноценным, почти выродившимся; оно противилось христианству лишь в переродившейся форме народных суеверий. Иначе обстояло дело у саксов, свевов, возможно, данов, у которых с VIII в. наблюдается государственный культ и центральные святыни — но насколько глубоко уходили корни этого явления¹³?

Еще рискованнее рассматривать германцев с точки зрения антропологического единства. Нам известно, как греко-римские авторы и скульпторы представляли себе западного варвара: он высок, светловолос, с резкими чертами и свирепым выражением лица — этот портрет кочует из столетия в столетие, от галатов Азии к галлам Галлии, а от них, наконец, к германцам. Страбон в своем знаменитом пассаже сообщает, что галлы и германцы различаются лишь в нюансах, что должно нас насторожить¹⁴. Скелеты демонстрируют относительную гомогенность долицефалического типа (который никогда не оказывается единственным) на побережье Скандинавии, более выраженное разнообразие на юге Германии и увеличение долицефалии и роста в областях, завоеванных германцами в ходе нашествий. Больше

мы не можем сказать ничего, кроме того что некоторые восточнонемецкие народы, главным образом бургунды, выказывают несомненные признаки смешения с монголоидными народами. Очень широко распространенный в первые века нашей эры обычай кремации лишает нас материала, относящегося к самым древним периодам.

Экономическая жизнь была очень разнообразной. Все германцы были знакомы с оседлым земледелием, однако саксы и фризы, чьи жилища располагались на высоких пригорках посреди влажной равнины, занимались разведением крупного рогатого скота. Лесные германцы практиковали подсечно-огневое земледелие, без сомнения, коллективное. В жизни степных народов, незнакомых с деревнями и земледелием, большое место отводилось скотоводству, главным образом разведению коней. В области изготовления керамики и, в меньшей степени, производства тканей ремесло оставалось на очень низком уровне развития, однако оно оказалось способным на подлинные шедевры в сфере обработки металла, в частности золота и серебра¹⁵. Показательно, что многие термины, относящиеся к торговле, транспортным средствам и мерам, были почерпнуты из гарнизонного латинского (нем. *kaufen*, дат. *købe*, от лат. *caupo* (торговец); нем. *Pferd*, от лат. *paraveredus* (почтовая лошадь) дат. *øre*, от лат. *aureus* (золото) и т. д.). Несмотря на проникновение в Германию и Скандинавию огромного количества римских монет, они так и не стали использоваться в собственном смысле денег; эталоном стоимости по-прежнему служил скот или же бруски и кольца из драгоценного металла. Германия оставалась невосприимчивой к городской жизни. Таким образом, между двумя сторонами, разделенными германским *limes*, всегда существовал значительный разрыв, суливший хорошую прибыль торговцам.

О социальной структуре в период независимости мы знаем лишь самые основные черты. Многое здесь неясно, в частности проблема существования у многих народов знати, не принадлежащей к королевскому роду. Основу

общества составляли свободные люди, воины, убийство которых влекло за собой уплату самого большого возмещения. Ниже свободных, которые, возможно, не везде находились в большинстве, стоял многочисленный класс «полусвободных» — данный термин спорен — несомненно, происходивших от покоренных народов. Наконец, существовали рабы, чей труд в равной мере использовался в домашнем хозяйстве и обработке земли; ими часто становились военнопленные. У некоторых народов эти перемещенные римские граждане (например, кappадокийские предки апостола готов Вульфила) в IV в. сыграли роль ценного пополнения. Независимо от того, существовал ли у этих народов монархический или «республиканский» строй, основные цели, которые ставило перед собой государство, были военного характера, и единственной устойчивой иерархией в обществе было воинское подчинение. Цементом социальной градации была дружина — военный, в своей сути, институт (лат. *comitatus*, нем. *Gefolgschaft*), связывавший сплоченные присягой и доказавшие свою верность группы молодых воинов с их вождями¹⁶.

В мирное время представители знати пользовались лишь авторитетом, зависевшим от их социального влияния и количества верных им людей, у королей к этому добавлялся религиозный престиж, но истинная власть принадлежала местным собраниям свободных мужчин (старонем. *mahal*, лат. *mallus*, сканд. *thing*), которые проводились с какой-то периодичностью под открытым небом. Во время войны потомственные или выборные вожди (лат. *duces*), напротив, получали почти неограниченную власть, при условии соблюдения некоторых элементарных прав (вроде права воинов на добычу). Скандинавский мир, Саксония и, до некоторой степени, англосаксонские королевства сохраняли верность первому принципу, то есть общественному устройству мирного времени. Большинство государств, укоренившихся на римской территории, возникли в результате завоеваний и потому по своей структуре напоминали скорее народы на

военном положении. Монархия Меровингов, в которой *mallus* (*местное собрание*) играло огромную роль, но и авторитет короля оставался значительным, занимала промежуточное положение между этими двумя типами¹⁷.

Мы видим, какая пропасть отделяла германский мир от римского общества: первый полон уникального динамизма, но не имеет представления о городе, почти безграмотен, лишен подлинной государственной структуры; второе, несколько одряхлевшее, опирается на города и писаные законы, а со временем Диоклетиана подчинено гнетущей власти тоталитарной бюрократии.

Германское общество V в. представляло собой развитие того типа, который римляне встретили и уничтожили в Галлии, Британии и дунайском регионе, более архаичного и примитивного, чем научные построения, унаследованные Римом от Греции и Востока. Таким образом, военный реванш германцев означал некоторую деградацию, возврат к прошлому, которое, казалось, ушло безвозвратно. Главное же, что соприкосновение этих двух столь разных цивилизаций привело к полному обновлению социальной структуры. С этого решающего момента и начинается европейское средневековье.

Б) Азиатский фон и мир степей.

К северо-востоку от Средиземноморья лежит огромный пояс степей, от Карпат до Амура, с придатком в Паннонской равнине. Это царство кочевых цивилизаций, подвижных и нестабильных, соприкасающихся вдоль своей южной границы с самыми разными оседлыми народами, чье влияние они воспринимают, распространяют и перемешивают. Несмотря на различия этнические и лингвистические, народы степи демонстрируют схожие социальные и культурные особенности, что позволяет рассматривать их в совокупности.

До II в. н. э. это пространство еще не проявляло себя как единое целое. Западный сектор был относительно самостоя-

тelen: очевидно, его обитатели не отказывали себе в удовольствии совершать набеги на оседлых соседей, но речь шла лишь о мелких налетах, в которых обычно принимало участие всего одно племя и которые почти никак не скрывались на равновесии в Европе. Это положение резко изменилось с появлением гуннов, первого неиндоевропейского народа, вышедшего из глубин Азии. Скоро оказалось, что весь степной мир, от Тихого океана до Дуная, объединен; в водоворот переселения втягивалось все больше и больше периферийных народов, чуждых кочевой цивилизации. Лавины сходили одна за другой с небольшими интервалами.

Первоначально западная степь была обиталищем иранских народов, скифов, а затем начиная с IV в. до Р. Х. сарматов; во II в. территорию между Доном и Днепром заняли роксоланы, оттеснив своих родичей, язигов, в направлении Паннонской равнины. С I по IV в. н. э. дунайский *limes* подвергался нападениям иранцев по всему фронту ниже Аквинкума (Будапешта). Но эти иранцы истощили свои силы в позиционной войне и были атакованы с тыла новоприбывшими, главным образом германцами; многие просили убежища у императоров, даже в Галлии (отсюда топонимы вроде Сермеза). Тем не менее иранское племя аланов, покинувшее современную Туркмению в I в. н. э., принесло им элемент обновления¹⁸.

С III в. до н. э. здесь присутствовали и германцы — бастарны — вперемешку с сарматами нижнего Подунавья. Во II в. до Р. Х. они получили подкрепление со стороны новоприбывших костобоков, принадлежавших к восточногерманской группе, а затем готов и их сателлитов. Эти германцы жили в симбиозе с иранцами: многочисленные тексты начиная с I в. упоминают о контактах между бастарнами, с одной, и сарматами и роксоланами, с другой стороны; для IV в. мы располагаем доказательствами, что между аланами и готами заключались браки. Иранцы, обладавшие более развитой цивилизацией, а главное, более адаптированные к

среде, в которой германцы чувствовали себя новичками, передали последним многие элементы своей культуры: конное сражение, одежду (меховой костюм готских королей, по-видимому, был заимствован у иранцев), наконец, знаменитое «искусство степей», корни которого уходят к сарматам и империи Сасанидов.

Такое сосуществование казалось достаточно устойчивым, когда равновесие степного мира было нарушено появлением тюрок и их сателлитов – нового кочевого сообщества, которому предстояло бушевать в течение семи или восьми столетий; их передовым отрядом были гунны.

Первое упоминание о гуннах содержится в «Географии» Птолемея, составленной в 172 г. до н. э.: в ней говорится о «хунах», обитающих в степи к северу от Кавказа, недалеко от роксоланов и бастарнов, между Манычем и Кубанью. Больше мы ничего о них не слышим вплоть до их неожиданной победы в 374–375 гг. над аланами и готами, которая для римского общества явилась как гром среди ясного неба: Аммиан Марцеллин пишет: «*Племя гуннов, о котором древние писатели осведомлены огень мало...*» и далее: «...*гревы-гайно быстры. Легки и подвижны*». Около 378 г. они сталкиваются с римской армией во Фракии. В это же самое время племена созвучным названием и, несомненно, тождественные им, обрушаются на северный и восточный Иран: это белые гунны (эфталиты), первое упоминание о которых датируется примерно 390 г.; в V в. они закрепились в Бактрии и Согдиане, а затем завоевали северо-запад Индии, где их государство просуществовало до 650 г.¹⁹

Что представляли собой гунны? Обычно им приписывают тюркское происхождение, однако эта гипотеза недостаточно аргументирована. В любом случае, речь идет о кочевом народе с отчетливо выраженными чертами и самобытными обычаями. Они брились, практиковали деформацию черепа, убивали своих стариков, кремировали мертвцев и в глазах жителей Средиземноморья выглядели как само воплощение уродства и варварства. Может быть, у них был

монголоидный тип лица, но в этом позволительно сомневаться. Было ли у них искусство? Да, если приписывать им бронзовые изделия из Ордоса и захоронения в Минусинске и Пазырыке в предгорьях Алтая — прототипы «искусства степей»; нет, если соотносить их с хиунг-ну, европеоидным народом, покорившим часть Северного Китая в последние столетия до нашей эры. Во всяком случае, гунны внесли свой вклад в цивилизацию степи и сыграли заметную роль в ее движении на Запад.

Их карьера в Европе началась с мастерского удара. В 374–375 гг. на территории современной Украины царь гуннов напал на готов, подчинявшихся королю Эрманариху, который, потерпев поражение, покончил с собой. Гунны потратили порядка двадцати лет на развитие своего успеха. Около 396 г. они заняли равнины современной Румынии и вырвались на Паннонскую равнину; несколькими годами позже власть гуннов простидалась от Восточных Альп до Черного моря, и при королях Ульдине и Мундзуке сформировалось гуннское государство, почти заслуживающее этого названия.

За гуннами сначала проявились только второстепенные народы тюркского происхождения — савиры, пришедшие в конце V в. на Северный Кавказ из Сибири и до конца VI в. сражавшиеся с византийцами к востоку от Черного моря; угры, покинувшие свои степи в районе реки Урал под на-тиском савиров и перебравшиеся на Волгу, чтобы позже, в конце VI в., совершив несколько набегов на Балканы и принять участие в формировании болгарского народа в VII и венгерского в VIII в.; наконец, старотюрки, которые в VI в., не переправляясь через Волгу, установили постоянные отношения с Византией. Ни один из них не сыграл заметной роли в европейской истории. Но около 461 г. прямо у них за спиной на горизонте константинопольских историографов появились первые авары. Им предстояло занимать передний край исторической арены в течение примерно трех столетий²⁰.

Авары начали играть свою роль в Европе в 558 г.: тесни-
мые тюрками, они попросили у византийского императора
Юстиниана земли, но получили отказ. В 561–562 гг. они
добрались до Дуная, а в 567 г. стали оседать в Паннонии,
бесхозной со временем разгрома гуннов, постоянно зонди-
руя Балканы и при случае угрожая Византии. В середине
VII в., после ста лет усиленной борьбы с Восточной имperi-
ей, они обратились на Запад; их войны с франками продол-
жались до эпохи Карла Великого. Их государство, более ус-
тойчивое и организованное лучше, чем у гуннов, оказалось
большое влияние на историю Европы. Оно проявило себя,
прежде всего перерезав великий торговый путь из Адриати-
ки в среднее Подунавье и к Балтийскому морю — одну из
осей античной Европы.

Вслед за аварами стали прибывать компактные группы
тюрок. Прежде всего это были болгары, впервые заме-
ченные в 482 г. на Украине, но по-настоящему вышедшие
на сцену только в 680 г., когда под предводительством ка-
гана Аспаруха они переправились через Дунай и захва-
тили Мезию. Часть этого народа не принимала участия в
переселении и до XII в. оставалась в среднем течении Вол-
ги, постепенно отступая в леса под давлением более удач-
ливых племен. В ходе миграции болгары подобрали оскол-
ки нескольких предшествующих переселений, в частности
угров.

Во-вторых, это были хазары, появившиеся в 626 г. на
севере Ирана, а вскоре обосновавшиеся между Кавказом,
Азовским морем, Доном, средней Волгой и, наконец, рекой
Урал. Больше они не двигались с места, пока не исчезли под
ударами русов и печенегов в конце X в.

С VIII по X в. монотонность тюркских приливов и отли-
вов разнообразило нашествие мадьяр, в большинстве своем
финно-угров. Затем появились другие тюрки — печенеги
(IX–XI вв.), на смену которым пришли куманы (XI–XIII вв.).
Экспансия монголов в XIII в. в каком-то смысле продолжи-
ла тот же самый процесс; его последним отголоском стало

прибытие в XVII в. калмыков в степные районы к западу от нижнего течения Волги.

Таким образом, в течение полутора тысячелетий по степи одна за другой прокатывались волны, шедшие с Востока, следуя одному и тому же сценарию. Народы появлялись почти неизвестно откуда, двигаясь в страну трав — на Запад. Поначалу ничтожные, они стремительно вырастали как снежный ком и обрушивались на Запад. Если им не удавалось завладеть каким-то четко ограниченным участком равнины, соприкасающимся с территориями оседлых народов, которые можно было бы эксплуатировать, их путь оказывался очень коротким. В противном случае их хватало на три, пять или десять поколений. Образовывалось более или менее устойчивое государство, достигался некий уровень благополучия, что плодило завистников; с Востока приходили новые завоеватели, и в итоге все рушилось, а народ, еще вчера могущественный, рассеивался еще быстрее, чем некогда появился. Только мадьяры избежали этой роковой закономерности. Чем можно объяснить эту повторяемость, эти стремительные рождения и скоропостижные смерти?

Прежде всего тем, что наши источники излагают скорее историю названий, чем людей. Если какой-то народ добивался успеха, в него отовсюду вливались новые силы — отсюда эти «самозарождения»; потерпев неудачу, народ лишился всего, вплоть до названия. Сила названия была такова, что оно заимствовалось, порой совершенно незаконно (безусловно, именно так обстояло дело в случае аваров, а по мнению некоторых, и гуннов). Очень часто люди оставались, ждали следующего поворота колеса фортуны и вскоре вступали в другую общность. Из одного и того же материала могли, одна за другой, сформироваться несколько империй, и для нас они выглядят очень разными, потому что до нас доходят упоминания лишь об их правящих классах, которые действительно сменяли друг друга. Не следует придавать излишнего значения и лингвистическим ярлыкам: многие из этих однодневных конфедераций были много-

язычными (как, например, государство Чингизидов в XIII в.), и порой название народа сохранялось и тогда, когда все остальное, включая язык, уже успевало измениться (такова история болгар, ставших из тюрок славянами).

Тем не менее нельзя отрицать ни реальности, ни масштабности миграций. Вероятно, они были связаны с взрывомnomadизма между V и XI вв., затронувшим не только холодные степи, но и субтропические пустыни древнего мира (нашествия арабов и сельджуков, возрождение кочевничества у берберов Северной Африки). Стоит ли здесь говорить о климатических колебаниях? Эта гипотеза соблазнительна, но историческая климатология еще не вышла из поры младенчества. В отношении Африки ученые настроены скептически. Русские и венгры питают к этой теории большее доверие, пытаясь с ее помощью объяснить переселение авар и мадьяр. Во всяком случае, прекращение миграций в западном направлении в целом явилось результатом оседания в полувлажных областях. Поскольку кочевнику в степи, чтобы прокормиться, требуется в десять раз больше пространства, чем крестьянину на своем поле, эти человеческие волны могли одна за другой достигать Паннонской равнины и накапливаться там, не создавая в итоге перенаселения.

Вклад степных народов в созидание Европы несопоставим с заслугами германцев. Тем не менее он был важен в ближайшей перспективе. Они принесли на Запад предметы, оружие и украшения, изготовленные восточными ремесленниками, и тем самым — вопрос о степени их влияния остается спорным — положили начало обновлению в области эстетики и технологии²¹. Престиж гуннов был достаточно высок, чтобы впоследствии Аттила стал одним из центральных персонажей германского эпоса, а некоторые германцы (бургунды) даже начали подражать диковинной практике деформации черепа. Тактика степной кавалерии привела к переменам в военном искусстве Византии и Персии, в ре-

зультате чего растущее значение стало придаваться конным лучникам. Некоторые авторы даже верят в возможность институциональных влияний, весьма гипотетических²².

Похоже, что Китай для кочевого сообщества был более привлекателен, чем Запад, и европейская сторона его истории, наверное, менее значительна, чем азиатская. Впрочем, между ними прослеживается любопытная симметрия: на горизонте Византии и китайских столиц²³ этапы развития кочевников в контакте с оседлыми народами оказываются почти одинаковыми, как и дипломатические реакции древних империй. В обоих случаях оседлый народ постоянно стремится использовать одних варваров как орудие против других, более далеких, и не покорять кочевников напрямую, а сеять рознь между ними.

2. Со стороны Рима

В нашу задачу не входит воссоздание картины поздней Римской империи в последней фазе ее упадка. В других работах мы уже читали о том, как строилось и рухнуло это тоталитарное государство, почти постоянно находившееся на осадном положении, обеспечивавшее с помощью жестоких мер выживание узкого правящего класса, состоявшего из образованных сенаторов и суровых военачальников. Мы наблюдали, как ортодоксальная церковь завоевала господствующее положение, согласившись существовать в тех рамках, которые ей отводили светские власти. Мы видели, как на Западе экономическая жизнь деградировала, в то время как Восток продолжал процветать²⁴. И здесь мы должны будем напомнить о судьбах всего двух институтов — армии и империи, — чтобы показать, каким образом их распад подготовил победу варваров.

А) Оборонительная тактика Рима.

Подвергаясь нападениям вдоль всех своих границ, римскому обществу пришлось осознать необходимость военных

реформ, о которых мы, впрочем, мало знаем. Наш главный источник, *La Notitia dignitatum* (Список должностей) (ок. 428–430 гг.), представляет собой собрание разрозненных документов, содержащих сведения о римских армиях: на Востоке (несомненно армии Диоклетиана), на большей части Запада (армии Константина) и на рейнской границе (армии Юлиана)²⁵. Список показывает, что в IV в. римляне все большее предпочтение отдавали не линейным оборонительным рубежам вдоль берегов Рейна и Дуная, а полевым армиям, находившимся под командованием императора или магистров войска*, способных незамедлительно вступить в бой на опасных участках. Конечно же, правительство никогда не делало сознательного выбора между этими двумя формами обороны – скорее этого потребовала жизнь. Если значительные вооруженные силы и оставались без движения долгое время, охраняя *limes* или их береговые аналоги, *litus saxonicum* (саксонский берег) ** в Галлии и Британии, то, по-видимому, это были войска второго эшелона. На самом деле в V в. ни на самой границе, ни на побережье не произошло ни одной решающей битвы. Районы, защищаемые только *ripenses* (прибрежной охраной) или *limitanei* (пограничными войсками), были принесены в жертву, как, например, Британия после 407 г. и Норик.

Оборона становилась ожесточенной и действенной только там, где размещались наступательные армии. Без сомнения, их служба дорого обходилась провинциям: чаще всего они не двигались с места до тех пор, пока враг не проникал далеко в глубь римской территории – то есть наносил уже серьезный ущерб – и, поскольку они частенько формировались из самых свирепых варваров – Аэций, например, питал слабость к аланам и гуннам – их обращение с соседями определенно не отличалось излишней любезностью. Но

* Магистр войска – (*magister militum*) – главнокомандующий на том или ином театре военных действий или империи. – Примеч. ред.

** Саксонский берег – рубеж обороны по побережью, созданный, чтобы отражать набеги саксов. – Примеч. ред.

военное и политическое значение подобных войск не оставляет никаких сомнений. Порой они добивались подлинного успеха, как, например, сражаясь с Аттилой в 451 г., и никогда не предавали Рима. Большая часть этих формирований пережила саму Империю.

Одно из самых значительных подразделений подобного рода находилось на севере Галлии; им поочередно командовали Аэций, комит Павел, Эгидий и Сиагрий. Предоставленное самому себе после смерти Майориана* в 461 г., оно просуществовало в изоляции 25 лет до победы Хлодвига в 486 г. В то время ставка этой армии находилась в Суассоне. Еще одна армия размещалась в Северной Италии между Миланом и Равенной на реке Исонзо. До 472 г. ее командующим был Рикимер, затем Орест и, наконец, Одоакр, и по-настоящему исчезла она только в 493 г., когда на Равенну напал Теодорих. Третье воинское формирование, менее крупное, представлявшее собой осколок Дунайской армии, отступило в Далмацию. С 454 по 481 г. при Марцеллине и его племяннике Юлии Непоте (эфемерный император в 474–475 гг.) его независимость была почти стопроцентной; впоследствии эта армия разделилась надвое, пополнив войска Одоакра и Византии. Британия потеряла свою небольшую мобильную армию в 407 г., когда узурпатор Константин III увел ее на континент. Африканская армия, по-видимому, лишилась своих ударных частей еще до конца IV в. Испания же их никогда не имела.

Присутствием этих армий объясняется существование отдельных осколков «римского мира», особенно в Далмации и на севере Галлии. Немаловажно, что королевство Меровингов с первых своих шагов охватило один из таких последних и самых надежных бастионов римской обороны и это повлияло на его дальнейшую судьбу самым решительным образом. Полномасштабные завоевания римских земель удавались германцам только вне зоны действия этих армий.

* Майориан – римский император в 457–461 гг. – Примег. ред.

Участь пограничных оборонительных укреплений решилась гораздо быстрее. Из-за кризиса в армии стало сложно содержать бесчисленные посты вдоль *limes*. Целые участки были сданы без боя. Численность воинов, охранявших сте-ну Адриана в Британии, так и не возросла до прежнего уровня после прорыва 367 г. А в 388 г. стена, видимо, была заброшена, если не считать нескольких отрядов местного ополчения; отныне ядром обороны стали городские стены, и сражения с пиктами в V в. происходили в глубине собственной территории Британии. В Галлии, как нам представляется, отрезок рейнского *limes* ниже Ксантена так и не был восстановлен после вторжений III в. Оборонительный рубеж вдоль маршрута из Кельна в Тонгре, Бавэ и Булонь²⁶, который, вероятно, служил им заменой, при Грациане уже перестали удерживать. После 406 г. остатки рейнских укреплений утратили всякую связь между собой; теперь это были лишь *castella* (*крепости*) и укрепленные города посреди открытых полей. В современной Швейцарии *limes*, по-видимому, были заброшены вскоре после 401 г.; там уцелело лишь несколько наспех сооруженных укреплений. Дунайская граница была оголена по приказу Стилихона около 395–398 гг., а войска были откомандированы в мобильные армии в Галлии и Италии; большая часть *castella* продержалась до ближайшей смены поколений. Жители перебрались в города, которые оборонялись примерно до 440 г. в Паннонии и 475 г. в Норике (пока в 488 г. не начался всеобщий исход).

Разумеется, за неимением людей и средств эта тактика была единственной возможной. Но она подвергала опасности главное. Римская цивилизация покоялась на взаимном дополнении города и сельской местности, надежности и быстроте сообщения. Промежуточные области, оставленные более или менее добровольно, были не менее важны для ее благополучия, чем центральные очаги, оборонявшиеся до последней капли крови. Что касается императорской власти, то она по-настоящему функционировала только в

четырех или пяти секторах, плохо связанных между собой; таким образом, начиная с 405–410 гг. империя находилась при смерти²⁷.

Б) Распад Западной империи. Одоакр.

Участь империи была предрешена с того момента, когда варварам удалось закрепиться на римских землях в промежутках между очагами сопротивления, не встроившись, за исключением индивидуальных случаев, в структуру римского общества.

На протяжении всей истории поздней Римской империи варвары не переставая прибывали к римским границам: одни приходили с войной — до 378 г. все они терпели крах, и их предприятие заканчивалось смертью, плenом или изгнанием, — а другие с миром. Это были рабы, продаваемые купцами, крестьяне, нуждающиеся в земле, или воины, жаждавшие богатства. Они часто добивались успеха, иногда достигая самых высоких постов, даже императорского трона, но для этого должны были полностью усвоить достижения римской цивилизации.

Ситуация изменилась, когда на территорию империи стали вторгаться и оседать на ней целые народы, осознающие себя и действующие как чужеродный элемент. Первоначально это было положение «де-факто», в основе которого лежало одно насилие: Рим еще наносил ответные удары и не терял надежды на конечную победу, как после кризиса III в. Затем подобное положение вещей обрело правовой статус: варварам, внедрившимся в самое сердце имперской территории, был предложен *fædus*, этот политический договор, первоначально заключавшийся с приграничными соседями с целью подчинить их интересам римского правительства. С помощью юридической уловки на одном и том же участке земли вводилось двоевластие: племенной вождь сохранял полный контроль над своими воинами при условии, что они будут служить только Риму, а римские гражданские власти теоретически никак не страдали при

условии, что будут предоставлять варварам продовольствие и кров. Понятно, что первые, обладавшие силой, постоянно брали верх над вторыми, которые за пределами зон, где находились римские армии, располагали лишь моральным авторитетом да ресурсами из нерегулярно пополняемой казны. С момента развития этой системы империя была обречена шаг за шагом прийти к распаду²⁸.

Пусть территория была расчленена, но оставался еще институт империи. Здесь мы не собираемся прослеживать процесс ее отмирания на Западе. Однако важно напомнить некоторые даты и факты.

В правовом смысле империя не исчезала. Когда «римская» армия Италии восстала, потребовав земель, под предводительством Одоакра, и последний император, юный Ромул Августул, был низложен (4 сентября 476 г.), произошло всего лишь объединение империи, доставшейся Зенону, государю, восседавшему в Константинополе. В глазах римлян Одоакр был лишь патрицием, таким же, как Рикимер или Орест²⁹. Теодорих, его враг и преемник, также сохранил в Италии видимость императорской власти. Поскольку власть Глиkerия и Ромула уже была фиктивной, переход от одной фикции к другой, конечно, не был особенно заметным³⁰.

Что представлял собой этот фантом в час своего исчезновения? В провинциях все обстояло по-разному. Британия была фактически полностью утрачена и не поддерживала никаких контактов с Римом, хотя некоторые кельтские воожди все еще напоминали о себе при случае. В Северной Галлии римская власть сохранялась в лице армии Сиагрия; впрочем, после 461 г. она не признала ни одного императора. Аквитания, фактически покоренная вестготами, с юридической точки зрения жила согласно *faedus*, возобновлявшемуся в 453 и 454 гг.; императорские прерогативы там не заботили практически никого. Подвластный бургундам район Роны оказывал им большее уважение, и с 472 г. король Гундобад носил титул патриция. Юго-восток Галлии,

напротив, остался подлинно римским, сплотившись вокруг префекта претория, правившего из Арля, и многочисленных аристократов, нашедших убежище в этом районе. Впрочем, этот островок очень быстро таял: в конце 475 г. Овернь, его бастион, сложила оружие перед вестготами; Лион, его крупнейший город, был захвачен бургундами (после 472?). Оставался только Прованс, который Одоакр фактически уступил вестготам начиная с 477 г.³¹

В Испании присутствие вестготов было узаконено лишь одним юридическим документом — *fædus* от 453–454 гг., поручавшим им искоренение багаудов в районе Тараконы. В 475 и 477 гг. этот договор был подтвержден от имени императоров Одоакром; прочие же провинции были попросту оккупированы. В Африке положение вандалов узаконили договоры 435 и 442 гг.; в 455 г. они распространились на Мавританию и Триполитанию. В Далмации Рим сохранил определенные права вплоть до исчезновения Непота в 480 г.; впоследствии эта область была уравнена в статусе с Италией. Реция, Норик и Паннония или, по крайней мере, все то, что там еще сохраняло организацию, также разделили с Италией участь, постигшую ее после 476 г.

Таким образом, до самого конца продержались четыре оплота Рима: зоны действия мобильных армий и «гражданский редут» на юго-востоке Галлии. В течение последнего века они пережили бесчисленные государственные перевороты, осуществленные под предлогом возведения на трон того или иного претендента, на деле же с целью обеспечить мимолетный успех какой-либо партии, как правило, поддерживаемой одним из варварских народов. Именно в результате такого переворота, совершенного открыто и без всяких претензий на императорский трон, и был свергнут Ромул Августул в 476 г. Империя была взорвана изнутри, а не затоплена нашествием извне.

На этот раз плоды этой акции достались варвару. Своим переворотом он перебросил мост от римского правительства к власти германских королей, которым он передал

некоторые выработанные им решения. Одоакр (*Odovacar*), без сомнения, был скиром³². Его отец, Эдика, принадлежал к окружению Аттилы и был убит в 469 г. Тиудимиrom, отцом Теодориха; его старший брат, Гунвульф, сделал блестящую карьеру в Восточной империи. Сам же Одоакр по смерти отца прибыл в Италию вместе с другими беженцами-скирами и стал телохранителем императора Анфемия. Нам неизвестно, какие именно качества этого человека побудили войска избрать его королем в Павии 23 августа 476 г.

Государственное устройство, которому он положил начало и которое в точности воспроизвел его кровный враг Теодорих, заключало в себе любопытный дуализм: с одной стороны, Одоакр, являющийся королем в силу принадлежности к княжескому роду и избрания своими воинами; он именует себя *Odoacerius rex* (король Одоакр), и не более того, так как его войска очень разношерстные³³ — таким образом, речь идет о власти короля над армией, а не над народом. Одоакр разместил свои войска в Северной Италии вокруг нескольких городов (Равенна, Верона и Милан), распределив их между земельными крупными владениями в соответствии с уже известными формами «режима гостеприимства» — то есть присутствие варваров было не более заметным, чем до 476 г., — и контролировал их напрямую. Но, с другой стороны, патриций Одоакр, который к концу своего правления принял императорское родовое имя *Флавий*, следуя примеру последних императоров Западной империи, царствовал с помощью ведомств Равенны и Римского сената. Аристократия, которую больше заботило сохранение придворной и бюрократической традиции, чем сама личность императора, постоянно демонстрировала ему верность и благодарность³⁴.

Король единолично контролировал назначения в армии, окружил себя слугами-германцами и остался арианином, однако уважал гражданские римские власти и поддерживал сносные отношения с ортодоксальной Церковью. Таким образом, строй, введенный этим «разрушителем Империи»,

представлял собой консервативный компромисс, который защищал римские интересы лучше, чем император, бывший объектом для насмешек. Он принес с собой внутренний и внешний мир, а также обещал не допускать в Италию крупные варварские народы, бесконечно более алчные, чем скромные племена, составлявшие армию Одоакра. Ради этого ему пришлось заплатить хорошую цену: уступить Приванс готам в 477 г., уйти из Норика в 488 г.; но эти меры практически не смущали общественное мнение в Италии.

Одоакр позволил себе выйти за эти благоразумные рамки только в самом конце своего правления, когда Зенон натравил на него остготов³⁵. Это не имело последствий. Одоакр погиб 15 марта 493 г., но из своей могилы он завещал Италии форму правления, которая оставалась в силе вплоть до завоеваний Юстиниана и послужила образцом для переустроенной после 507 г. Испании. Герулы, скиры, рури и тюркоязычные жители Италии погибли в той же катастрофе, что и избранный ими вождь, а плоды их трудов пожали готы.

Глава II

СУХОПУТНЫЕ НАШЕСТВИЯ: ПЕРВАЯ ВОЛНА (IV–V вв.)

С конца IV до конца VI в. по Европе прокатились три великие волны переселения народов. Только первая, настоящая волна, всколыхнувшая человеческое море до самого дна, захлестнула ее всю, от Каспия до Гибралтара и даже дальше, и донесла до самой Африки народ, зародившийся на берегах Балтики. Последующие волны были менее высокими, а их водовороты все более слабыми; если же речь идет об арьергардах, например о баварах, то едва ли вообще можно говорить о настоящем нашествии. Однако в то время как государствам, порожденным первой волной, не удалось пережить 711 г., следующая волна, более или менее непосредственным образом, положила начало одному из современных государств — Франции.

Около 375 г. гунны напали на готов в понтийской степи; Римская империя, примерно веком раньше восстановленная Диоклетианом, какказалось, на надежном фундаменте, в то время еще была единой, от низин Шотландии до первого нильского порога. В 439 г. Гензерих вошел в Карфаген, и западная половина империи свелась до нескольких искалеченных обломков, между которыми свободно передвигались варвары. За период между этими двумя датами небывалая цепь катастроф, отмеченная двумя высшими точками — битвой при Адрианополе в 378 и прорывом варваров на Рейне в 406 г., — завела римскую цивилизацию на край пропасти. Тем не менее она еще долго оборонялась, а на Востоке настолько успешно, что в конце концов Констан-

тинопольская империя похоронила всех своих врагов. На Западе тронутые тлением римские политические формы исчезли после долгой агонии, однако социальным структурам удалось изнутри навязать себя государствам, основанным завоевателями. Когда эта первая волна улеглась, можно было констатировать, что ни одна часть римского мира на континенте не уничтожена; что некоторые народы-победители готовы к искреннему воспринятию цивилизации побежденных, а грубая сила не везде одержала верх. Можно усомниться в том, что, не будь последующих волн, средневековая Европа коренным образом отличалась бы от Европы римской.

I. Восточная группа

Движущей силой этого первого миграционного взрыва стала причудливая группа из трех народов — тюрок (?), иранцев и восточных германцев. Маршруты их путешествия по Европе остались самыми длинными и замысловатыми; они безостановочно рикошетировали друг от друга и очертили поле для всей истории IV и V вв.

А) Гунны.

Было бы неверным полагать, что гунны, даже сыграв решающую роль в начале великой миграционной волны конца IV в., при первом же появлении представили в качестве непременных и непримиримых врагов Рима. Первый тревожный сигнал, грянувший в 375 г. — нападение на украинское государство готов и его уничтожение, — римлянами не был услышен. Восточно-римская империя сначала поддерживала мирные отношения с новоприбывшими и, возможно, поспособствовала их закреплению в Паннонской равнине около 390 г. В то время как на Балканах основную угрозу представляли вестготы Алариха, дружелюбие гуннов являлось ценным козырем. Размолвка произошла только после

ухода готов в Италию, когда около 408 г. гуннский король Ульдин попытался обосноваться во Фракии и Мезии. Что же касается Запада, то, не чувствуя себя в непосредственной опасности, он мог в течение еще почти полувека проводить политику союза с гуннами. Наибольшим искусством в этой области обладал Аэций: будущий магистр войска провел свою молодость (начиная с 406 г.) в качестве заложника у гуннов; помимо личных контактов он привез с собой живое восхищение их военными талантами. В решающие моменты своей карьеры Аэций прибегал к помощи гуннов — против вестготов в 427 г., франков в 428 г., бургундов в 430 г. — и именно у них искал убежища во время своей опалы в 432—433 гг. В благодарность он помог им утвердиться в Паннонии. Гунны оставались друзьями и союзниками Рима или отдельных римлян куда дольше, чем «бичом Божьим», если прибегнуть к одному слишком высокопарному эпитету.

До тех пор пока в 425—434 гг. гунны не образовали в Паннонии настоящего государства — перемена, которой они, видимо, были обязаны королям Мундзуку и Руге, отцу и дяде Аттилы, — они не представляли серьезной опасности. Имеются достаточно веские основания полагать, что за образец было принято государство Сасанидов, чье влияние на искусство гуннов не вызывает сомнений. Ритуалы, которые соблюдались в присутствии короля, вроде падения ниц или жертвенного возлияния, по-видимому, были заимствованы из иранского церемониала, как и диадема, служившая символом единоличной власти. Социальная трансформация, начавшаяся с появлением наследственной королевской власти, заменила древнюю племенную структуру господством придворной знати, обогащавшейся за счет добычи. Этот класс, очевидно, был достаточно неоднородным: кроме настоящих гуннов он включал германцев и, по крайней мере, одного паннонского римлянина, Ореста (отца будущего императора Ромула Августула), главу королевской канцелярии. По свидетельству Приска, посла, прибывшего из Константинополя в 449 г., при Аттиле даже делались

попытки создать что-то вроде столицы королевства: кроме своего передвижного лагеря король имел деревянный дворец и каменные термы, построенные из материала, привезенного из империи.

Эта зарождающаяся монархия была обязана своей силой военному искусству, унаследованному ею от кочевых племен. Возможно, в том, что касалось конницы, гунны не могли соперничать с аланами, чьи лошади славились своими достоинствами еще с III в., но их конница была многочисленной, неутомимой и прекрасно усвоила тактику восточных лучников. Включала ли она к тому же тяжелую конницу, одетую в доспехи, как в Иране или у эфталитов? Этого утверждать нельзя. Вооружение гуннских всадников состояло из тугого лука, стрел с треугольными наконечниками, деревянного седла, хлыста, аркана, оборонострой или простой сабли. Вокруг этого гуннского ядра концентрировались части из вассальных народов, в большинстве своем германских.

Трудно отвести кочевому государству определенную территорию. Одни говорят об империи гуннов, простирающейся от Одера до Иртыша, другие ограничивают государство Аттилы Венгрией и Румынией (с оговорками в том, что касается нижнего Подунавья). Первая версия определенно отличается излишним размахом: речь идет не о политическом господстве, но об ареале цивилизации. Вторая приемлема, только если оттенить ее некоторыми соображениями относительно плотности населения; гунны плотно заселяли только восточную часть пущи (*puszta*), но рассылали свои авангарды на прилегающие равнины, в Сербию, Валахию, на Украину и даже в Силезию.

При жизни сверстников Аттилы гунны являлись господствующей силой варварского мира. Множество германских народов училось у них, взяв их за образец (особенно это относится к бургундам). Мы знаем о том, какое значительное место им отводится в эпическом повествовании о Нибелунгах¹. Археология подтверждает одну из составляющих

этого престижа — чрезвычайное изобилие золота у гуннской аристократии.

Аттила подверг испытанию могущество, достигнутое предшественниками. Родившись около 395 г., он пришел к власти в 434 г. (до 445 г. он делил ее с братом Бледой). В течение первых пятнадцати лет своего правления он обращал все свои начинания против Востока. Запад, тогда находившийся под властью Аэзия, был столь любезен, что в 439 г. даже предоставил гуннам западную Паннонию. Каждый год гунны и их сателлиты — остготы, гепиды, руги, герулы и скиры — вторгались на Балканы; в 447 г. они пересекли Македонию, дойдя до Фермопил. Почти все крупные города — Наисс, Виминак, Сингидун, Сирмий — были разорены. В 449 г. Аттила, находясь на вершине своего могущества на Востоке, принял посольство, направленное в его лагерь в Валахии императором Феодосием II: именно об этом путешествии Приск оставил рассказ, являющийся нашим главным источником при изучении государства гуннов.

На следующий год Аттила резко изменил политику. Уже несколько лет его настойчиво призывали на Запад. В 449 г. он принял Евдоксия, главу галльских багаудов, который, конечно же, оповестил его о слабости римского владычества. К нему обращался и некий франкский клан, желавший добиться победы для своего ставленника. Возможно, и вандалы предлагали ему заключить союз против готов. Наконец, и это главное, Гонория, сестра Валентиниана III, обиженная на своего брата, убившего ее любовника, предложила ему свою руку и сердце. Мы видим, что этот крутой разворот не был безотчетным капризом варвара, слепо скрушающего то, что находится прямо перед ним, а, скорее, результатом дипломатической подготовки и замечательной осведомленности. Цель, впрочем, оставалась той же, что и у восточных экспедиций, — не завоевания, а захват максимального количества добычи при минимальном риске.

Первый набег вверх по левому берегу Дуная был совершен в начале 451 г., затем последовал бросок в направлении

Рейна и переправа через него в районе Майнца; территория Бельгии была разграблена, а 7 апреля сожжен Мец. Затем в конце мая гунны появились перед Орлеаном. На помощь из Италии прибыл Аэций, но опоздал (без сомнения, он ожидал своих союзников готов)². Тогда Аттила, преследуемый «римлянами» (на самом деле невероятной смесью из варваров, от франков до бургундов, включая какое-то количество галлов из Арморики) и армией вестготского короля Теодориха, сделал поворот на 90 градусов. Двадцатого июня 451 г. он был настигнут в Шампани и после кровопролитной схватки, так называемой битвы «при Каталаунских полях» или *campus Mauriacus* (*Мавриакском поле*), потерпел поражение, впрочем, не слишком серьезное. Не встречив помех, он вернулся в Паннонию.

Весной 452 г. он снова отправился в поход, на этот раз в Италию. Укрепления Фриули были взяты штурмом, Аквилея, Падуя, Мантуя, Виченца, Верона, Брешиа и Бергамо захвачены. Возможно, Аттила предполагал идти на Рим (Равенна благодаря своим болотам считалась неприступной). Именно тогда состоялась его встреча с папой Львом на реке Минцио, которая столь же знаменита, сколь и трудна для оценки. Аттиле была предложена Гонория и контрибуция. Но разве за этим он поспешил отправиться на Восток, или все-таки из-за того, что император Маркиан напал на Дунай? Вскоре после своего возвращения Аттила умер (453 г.).

Тогда его сыновья, Эллак и Эрнак, начали спор за право наследования, а союзные германцы воспользовались этим, чтобы вновь обрести независимость. Эллак напал на мятежников, потерпел поражение и погиб на реке Недао в Паннонии (454 г.). Это положило конец величию гуннов. Утратив свой престиж, уцелевшие гунны стали всего лишь заурядным племенем. Некоторые группы поступили на службу Восточной империи и были расквартированы к югу от Дуная; другие остались в Восточной Паннонии в качестве данников Рима; кое-кто вернулся в украинскую степь. Война между последними двумя сыновьями Аттилы, Эрнаком и

Денгизиком, привела гуннов к гибели. Периодически мы еще слышим о гуннах вплоть до правления Зенона (474–491), потом наступает полная тишина.

По причине шума, который наделал Аттила, название гуннов не забылось. Ряд историографов применял его к другим степным народам (аварам, мадьярам). И напротив, многие племена предъявляли свои права на их наследие, особенно болгары и сикулы (венгерские горцы Трасильвании).

Несмотря на политические таланты своих вождей, народ гуннов оставил в истории только негативный след, несколько преувеличенный литературой. Он был по-настоящему велик только во главе коалиции, в которой, без сомнения, преобладали германцы. Когда же удача изменила, эти сателлиты вернули себе свободу, и одного поколения хватило, чтобы гунны сошли с исторической сцены.

Б) Аланы.

Аланы начинают свою европейскую историю одновременно с гуннами: в 375 г. гунны разгромили империю алан в Каспийском регионе. После этого потрясения аланам так и не удалось вновь обрести политическое единство. В V в. отряды алан беспорядочно рыскали по всей Западной Европе и Северной Африке, а затем, несмотря на очень разное этническое происхождение, влились в массу германских завоевателей. Их историческая роль оказалась второстепенной³.

С 406 г. аланы были разделены на группы, чуждые всякой солидарности. Все они принимали участие в переправе через Рейн; но одна из этих групп, во главе с королем Гоаром, вскоре перешла на службу к Риму, сначала в Рейнской области, затем в Центральной Галлии. Другая, возглавляемая королем Респендиалом, действовала заодно с вандальми и вслед за ними в 409 г. вторглась в Испанию. Около 414 г. аланские воины осадили Базас. Наконец, тридцатью годами позже еще одна группа алан, возглавляемая королем Самбидой, была отмечена на Роне, в окрестностях Валанса.

Большинство алан Галлии в конце концов поступило на службу к Риму: командование над ними принял Аэций и разместил их на средней Луаре, первоначально для того, чтобы сдерживать вестготов, позже — чтобы преградить путь гуннам. Их король Сангибан, несмотря на то что его верность была несколько сомнительной, сыграл решающую роль в разгроме Аттилы под Орлеаном. Немногим позже аланы сдались вестготам. Аэций решил разместить аланских федератов в Арморике; именно от них происходят такие топонимы, как Аллэн (Эр-э-Луар, Сомма)⁴.

Что же касается алан, объявившихся в Испании в 409 г., то по воле жребия им досталась Лузитания и район Картахены — немалая доля, удержать которую у них не хватало сил. После 418 г. присланные Римом вестготы уничтожили их автономию. Остатки алан примкнули к вандалам-асдингам и последовали за ними в Галисию, Андалузию, а потом и Африку: короли вандалов до самого конца носили титул *rex Vandalarum et Alanorum* (*король вандалов и аланов*), но аланам не удалось избежать стремительной ассилияции, и они не оказали на вандалов никакого глубокого воздействия.

В) Готы.

Начиная разговор о готах⁵, мы приступаем к группе совершенно иного значения, единственной, которая пересекла империю из конца в конец, первой, которая создала долговечные государства и достигла успеха в синтезе германских и римских элементов, и, наконец, единственной, которая обладала самобытной интеллектуальной культурой. Вплоть до Юстиниана готам принадлежало лидерство в варварском мире, и завоеванное ими уважение прочих германцев еще тысячу лет находило выражение в эпической традиции.

По поводу туманного вопроса о происхождении готов лучше всего вернуться к преданиям, собранным в VI в. Кассиодором и Иорданом у остготов Италии⁶. Готы прибыли с

«острова Скандза», морем добрались до «берега по эту сторону Океана», захватили страну «ульми-ругиев» и покорили вандалов. Из этого можно понять, что, оставив Скандинавию, они обосновались на южном берегу Балтийского моря, в районе современного побережья Польши⁷. Хотя эти сведения и обросли легендарными подробностями, они не выглядят невероятными. Они достаточно хорошо описывают складывание группы народов, долгое время связанных друг с другом, — готов, ругиев, вандалов, а вскоре герулов и скиров. Процесс этот относится ко времени их совместного пребывания на побережье Балтики.

Как бы хорошо ни был изучен язык готов благодаря Вульфиле, лингвистика не слишком проясняет для нас проблему их происхождения, она лишь подсказывает, что ее решение не следует искать слишком далеко от скандинавского ареала. Но где проходили его границы на заре нашей эры? Этого мы не знаем. В средние века два скандинавских народа носили имя, по видимости, напоминающее о готовах — *Gutar* на острове Готланд и *Götar* в Готаланде (южная часть древней Швеции). У нас нет решающих доводов, чтобы установить, кто из них были родственники готов⁸.

Археология в состоянии дать только достаточно противоречивые сведения. По счастью, готовы со времени своего пребывания в Померании выделялись характерным погребальным обрядом, резко отличающимся от обычаем почти всех германских народов: они не клали оружие с мужчинами в могилы. Однако на рубеже нашей эры подобная практика обнаруживается в западной части Готаланда (Вастерготланд), в районе, который, кажется, не был заселен в тот самый момент, когда римские источники фиксируют появление готов к югу от Балтийского моря⁹. Но почти все готовы Вислы, кажется, практиковали погребение в землю, в то время как Скандинавия, напротив, знала только кремацию... Археологи не в силах ни аргументированно опровергнуть, ни по-настоящему доказать тезис Иордана.

Истинная история готов начинается с Плиния, который около 75 г. до н. э. упоминает о гутонах, и Тацита, располагавшего сведениями о готовах примерно в 98 г. Тогда они были на северо-востоке Германии — вскоре их местонахождение уточнил Птолемей: на правом берегу Вислы в ее нижнем течении. Без сомнения, их владения простирались в северном направлении, так как в балтийских языках, как полагают, встречаются многочисленные заимствования из готского. Незадолго до 150 г. король Филимер инициировал переселение на юго-восток, через болота Припяти, в направлении pontийской степи. Около 230 г. мы обнаруживаем готов к северо-западу от Черного моря. Между Карпатами, Доном, Вислой и Азовским морем они создают государство с расплывчатыми очертаниями, центр которого, видимо, находился в низовьях Днепра. Вместе с присоединившимися к ним бастарнами и скирами, готовы испытали сильное влияние иранцев, древних хозяев этих земель. Готы стали полукочевыми скотоводами, заимствовали кольчугу и — по крайней мере, их короли — иранское одеяние, причем настолько, что греко-римские авторы часто путали их со скифами или принимали алан за их родичей. Настоящие готовы, конечно же, составляли лишь часть населения этого огромного пространства, где к тому времени уже закрепились предки славян.

Именно тогда выявилось двоякое разделение, которое довлеет над всей историей готов. Первоначально выделяются *Tervingi* (тервинги) и *Greutungi* (гревтунги), но вскоре на смену этим названиям приходят вестготы и остготы¹⁰. Это никак не сказалось ни на единстве языка, ни на осознании близкого родства. Группы и отдельные персонажи всегда с легкостью переходили из одной общности в другую. Но, бесспорно, у остготов и вестготов были свои короли, и держава остготов обладала некоторым превосходством. Два народа-сателлита, гепиды и тайфалы, сохраняли автономию.

Первый контакт между готовами и империей состоялся в Дакии при Гордиане III; после 238 г. произошел набег на

Фракию. Затем готы открыли море — как впоследствии это сделали на том же самом участке славяне и варяги. На паях с герулами они грабили берега Черного моря, в 257–258 гг. форсировали Босфор и повторили это еще пять или шесть раз, пока в 276 г. не добрались до самой Киликии. После этого внезапного всплеска активности на море они вернулись к сухопутным операциям, впрочем, весьма прибыльным: в 271 г. Аврелиан уступил им Дакию¹¹. В течение века владычество готов без заметных потрясений заменило собой римское на всем протяжении Дуная, от Паннонской равнины до дельты. Как и все соседи империи, готовы поставляли новобранцев римским армиям и платили дань. После победы Рима в 332 г. с вестготами был заключен *fædus*. Этот договор, соблюдавшийся в течение 35 лет, сделал возможным замечательный обмен между цивилизациями, а главное — знакомство готов с христианством.

Проповедь христианства в Готии началась на заре IV в. (один из ее епископов присутствовал в Никее). Однако именно здесь своего самого заметного успеха добились ариане, удостоив в 341 г. епископского сана Вульфилю, вестгота с анатолийскими корнями. Вульфила проявил себя как человек по-настоящему выдающегося ума, создав письменность и литературный готский язык, чтобы перевести на него Новый Завет. Он вывел христианство из узкого круга потомков военнопленных, хотя в 348, а затем и в 369 гг. готские вожди развязали гонения на христиан. Апостол готов умер изгнаником в Константинополе в 383 г. Его вера была принята аристократией только после вступления готов в империю. Таким образом, народ готов стал полем для интеллектуального и религиозного эксперимента, не имеющего аналогов среди тех, кто имел отношение к нашествиям.

Все эти события происходили у вестготов. Об остготах до 375 г. мы не знаем практически ничего. В этот момент во главе вестготов стоял Атанарих (с титулом «судьи»), а остготами правил Эрманарих, проводивший активную завоевательную политику.

В 375 г. готское общество, которое, казалось, стояло на пути к быстрой стабилизации, было смято нападением гуннов. Остготы, отброшенные к низовьям Дона, были охвачены паникой, Эрманарих покончил с собой, его наследник пал в битве. Два вождя, гот Алатей и алан Сафрак, повели народ на Запад, через Днепр, а потом и Дунай. Вестготы выжили, как и аланы, ругии, скиры, тайфалы и герулы¹².

Осенью 376 г. готы попросили убежища в империи. Большинство их, возглавляемое вестготом Фритигерном, было радушно принято и размещено во Фракии, где римские спекулянты в полной мере воспользовались их бедственным положением. Остальные поднялись по левому берегу Дуная и во главе с Атанарихом остановились в Карпатах и Молдавии под гуннским протекторатом¹³. В обеих группах присутствовали как остготы, так и вестготы, но большинство первых осталось к северу от Дуная, а вторые почти целиком вошли в пределы империи. Примерно до 470 г. вестготы оставались для римлян чуть ли не единственным источником беспокойства.

В 377 г. вестготы взбунтовались из-за условий, предоставленных им во Фракии. Валент попытался их уничтожить, но сам встретил смерть в битве при Адрианополе 9 августа 378 г., а готы осадили столицу империи — Константинополь. Однако Феодосий быстро заставил их отступить. Вдоль Дуная был восстановлен оборонительный рубеж, но Фритигерн и его готы продолжили кочевать по Балканскому полуострову; они заключили *fædus* только в конце 382 г., разумеется, в обмен на земли в Мезии, провинции, погрузившейся в полный хаос из-за нашествий. Этот мир продлился только восемь или девять лет; в 392 г. Стилихон навязал новому вождю вестготов Алариху возобновление *fædus*; в 395 г. готы вновь нарушили договор и появились под стенами Константинополя. Скоро восточная часть Балканского полуострова была настолько разорена, что Аларих направился к Иллирии, не преминув по пути разграбить Грецию. В 397 г. империя была вынуждена пойти на

передачу ему Эпира и назначить его магистром войска в Иллирии со всей полнотой военных полномочий на западной половине Балканского полуострова. Тем временем на подступах к Византии восстали (400 г.) другие готы под командованием Гайны, военачальника, долго находившегося на службе у Рима. Чтобы одержать верх, ему нужно было только призвать на помощь гуннов. Казалось, что Восточная империя вот-вот окажется под властью готов. Но этот регион, безусловно, был слишком истощен, чтобы снова принести готовам желаемую добычу. В 401 г. Аларих внезапно решил увести свой народ в Италию¹⁴.

Таким образом, за двадцатипятилетней балканской fazой истории вестготов следует итальянская, продолжавшаяся одиннадцать лет. Впрочем, в поведении этого народа, который всегда представлял собой лишь кочевую армию, истощавшую один источник снабжения за другим, не произошло существенных изменений. Почти без боя Аларих сначала закрепился в Венеции зимой 401–402 гг., а затем подошел к Милану, где находилась резиденция императора Гонория, но тот укрылся в неприступной Равенне, и последующие годы были заняты медлительными маневрами Стилихона в Северной Италии. С помощью договора удалось добиться краткосрочного отступления готов в Далмацию, затем в Норик, и как раз во время этой паузы на Италию обрушилась армия Радагайса, приведшего с собой других готов. Договор был вновь нарушен, и в 408 г. Аларих, потребовав непомерную сумму в 4000 фунтов золотом, опять объявился в долине По. И в этот-то момент Гонорий приказал убить Стилихона. В октябре 408 г. Аларих, не встречая сопротивления, подошел к Риму. Он потребовал колоссального выкупа, но получил только его часть, отступил в Тоссию (совр. Тоскану), продолжил нескончаемые переговоры, затем разгневался, вынудил сенат провозгласить императором самозванца Аттала¹⁵ и осадил Равенну. Невозможность договориться с Гонорием вывела Алариха из себя. Тогда он решил в отместку разорить Рим, не защищаемый никем и

обреченный на голод из-за восстания в Африке. Двадцать четвертого августа 410 г. вождь готов проник в Рим благодаря предательству, и Вечный город был разграблен, за исключением некоторых храмов. Это событие казалось ужасной катастрофой, но, главное, скандалным происшествием, заставившим одних усомниться в счастливом жребии Рима, а других в самом Пророчестве. Моральный урон был горше материальных убытков и людских потерь, хотя и они были немалыми¹⁶. Заметная часть жителей бежала, чтобы уже больше не вернуться. Однако грабеж продолжался всего три дня. Двадцать седьмого августа готовы покинули Рим, взяв в заложницы сестру императора Галлу Плацидию. Они намеревались поискать в Африке других возможностей для грабежа, но нехватка кораблей помешала им переправиться на Сицилию. Аларих умер в Калабрии на следующий день после этого разочарования (конец 410 г.).

Атаульф, его шурин, повел вестготов на север. Весной 412 г., через полтора года колебаний, он отправился в Галлию через гору Мон-Женевр. Галлия в то время была во власти узурпатора Иовина; Атаульф предложил Гонорию помочь его свергнуть. Но обещанное Гонорием продовольствие не поступило, и король захватил Нарбонн, Тулузу и Бордо (413 г.). Так закончился долгий путь готов: в Аквитании прожило три поколения готов, а в Нарбонне — триста лет.

Чтобы подготовить окончательное примирение готов и римлян, Атаульф в Нарбонне женился на своей заложнице, Галле Плацидии, дочери Феодосия, с полным соблюдением римских церемоний (январь 414 г.). Затем он сформировал в Бордо некое подобие правительства под руководством аквитанских аристократов (включая Павлина из Пеллы). Однако война с Равенной продолжалась; в поисках продовольствия король отправился в Испанию и погиб от руки убийцы в Барселоне (август 415 г.).

Эта смерть выявила внутренние разногласия в среде готов: только аристократия приняла и продолжила политику

закрепления на территории, выбранной Атаульфом. Новый король, Валия, позволил навязать себе план еще одного переселения. Подобно Алариху, он захотел переправиться в Африку (через Гибралтар) и потерпел крах. Именно тогда патриций Констанций, талантливый лидер, начал подталкивать его к сотрудничеству с империей (416 г.), чередуя блокаду и военные действия. Валия покинул Испанию, заключил соглашение на условиях расквартирования в Аквитании, но умер в момент вступления в силу этого договора, давшего жизнь первому варварскому государству на землях империи, — королевству, традиционно именуемому «Тулузским»¹⁷.

Область, где вестготы начали приобретать свой политический опыт, была одной из самых богатых в Галлии, она менее всех пострадала от предшествующих вторжений и, конечно, была одной из наименее воинственных (в отличие от Оверни). Ее уступка успокоила даже самых враждебных Риму готов. Теодерих I (418–451) смог, соблюдая *fædus*, оказать Риму военную помощь три или четыре раза (он погиб в сражении с Аттилой), и при этом всецело заботился об интересах готских вождей, отныне превратившихся в земельную аристократию. Его сын Теодерих II (453–466), как говорят, мог читать Вергилия и знал римское право; Сальвиан хвалил его за мягкость правления. Возобновив *fædus*, он поступил на службу к Риму, чтобы бороться с багаудами в Испании, а затем устранил угрозу со стороны свевов. Но его главной мечтой было возвести на императорский трон своего протеже, Авита, тестя Сидония Аполлинария. Эта операция обошлась дорого и провалилась. Теодериху пришлось поступиться в пользу Майориана всеми благами, которыми он думал воспользоваться в Испании. Как только Майориан погиб, он вознаградил себя, захватив Новемпопуланию и Септиманию (462 г.).

Теодерих II был убит в 466 г., а его брат Эврих (466–484) вознес Тулузское королевство на вершину его расцвета. Пользуясь ослаблением империи, он проводил двойственную политику, стремясь расширить свои владения в Гал-

лии (победа над бретонцами при Берри в 469 г. и завоевание Аквитании I; временное занятие Арля, Авиньона и Валанса в 470–471 гг.; завоевание Оверни в 474–475 гг.) и одновременно упрочить протекторат над Испанией (начиная с 468 г.). Вовсе не обязательно, что внезапный захват двух оплотов римского мира, Оверни и Тарраконы, повлек за собой разрыв *fædus*. Во всяком случае, Эврих без труда добился признания своих завоеваний: в 475 г. от Непота в отношении Оверни и в 477 г. от Одоакра и Зенона в отношении Тарраконы (к которой он присовокупил Прованс). Относительно мягких мер — вроде изгнания Сидония в Бордо и Ливию — оказалось достаточно, чтобы сломить сопротивление на местах.

Эврих был королем-законодателем, явно восприимчивым к латинской литературе; его двор в Бордо притягивал варваров всех мастей, среди которых были остготы и даже саксы — это был прообраз равеннского двора Теодориха Великого. Его министр и советник Лев предвосхищал Кассиодора. Эврих с уважением относился к римским административным кадрам и назначал комитов и дуксов, не делая различий между готами и римлянами. Сам одеваясь как готский король, он охотно допускал малые титулы имперского протокола (*clementia vestra, mansuetudo vestra*); однако заявил о своей независимости, отказавшись от консульского календаря в пользу летоисчисления по годам своего царствования.

Готское население, без сомнения, по-прежнему занимало районы, в которых осело изначально, и вокруг стратегических пунктов (долина Гаронны, Базаде, Ба-Керси, Монтань Нуар). Мы можем с уверенностью отнести к ним только те из многочисленных топонимов на *-ens*, первая часть которых представляет собой готский антропоним, так как этот тип, по-видимому, оставался в ходу и после франкского завоевания. Надежные археологические следы отсутствуют, если не считать территории Септимании.

Аларих II, сын Эвриха (484–507), похоже, был заурядным человеком, довольствовавшимся тем, что собрал его отец. Тем не менее он упрочил готское владычество в Испании, дополнив военную оккупацию гражданской колонизацией: «Хроника Сарагосы» отмечает за 494–497 гг. «приход готов в Испанию», а позже — «расселение готов». Различные очаги сопротивления были решительно уничтожены. У нас нет доказательств того, что это первое внедрение, как и следующее, протекало в Старой Кастилии. Однако главной задачей правления Алариха II было сдерживание франкского натиска к югу от Луары; в 498 г. войска Хлодвига достигли Бордо. Хронология этих войн известна очень плохо (см. стр. 288), а закончились они катастрофой для вестготов — в 507 г. Аларих потерпел поражение и погиб в битве при Вуйе. Ортодоксальная Аквитания без боя сдалась победителю.

Вестготов спасло вмешательство остготов, действовавших во имя солидарности, объединявшей эти две ветви одного народа. На протяжении жизни целого поколения Теодорих Великий и его представители держали судьбы побежденных в своих руках. Спасение было даровано ценой радикального изменения: Тулузское королевство — по сути своей галльское и широко открытое вовне — ныне превратилось в Толедское, почти исключительно испанское, ревниво замкнутое в самом себе; но его основополагающие принципы — арианство, умение сосуществовать с римлянами и государственная структура — сохранились. Казалось, Теодорих Великий хотел ввести в Испании то двойственное государственное устройство, которое он создавал в Италии¹⁸. Однако обычай Тулузского королевства снова возобладали после 531 г., когда оно смирилось с ролью испанского государства.

Вестготское население, подгоняемое главным образом решением о закрытии арианских церквей, которое принял в 511 г. Галльский собор, в массовом порядке эмигрировало из Аквитании в Старую Кастилию, под защиту этих окрепших

структур. Главный поток переселенцев, должно быть, преодолел Пиренеи через Ронсевальское ущелье или перевал Сомпорт, но небольшая часть готов осталась в Септимании.

Остготская интермедиа закончилась новой драмой. Достигнув совершеннолетия, Амаларих пожелал вмешаться в междоусобицы сыновей Хлодвига, своих шуринов. В 531 г. потерпел поражение и был убит вблизи Барселоны. И это стало концом династии Балтов. Корону принял Тевдис, прежний остготский наместник, и сделал своей резиденцией Барселону. Он нашел общий язык с римлянами, способствуя созыву ортодоксальных церковных соборов и женившись на римлянке. Его осторожная внешняя политика спасла главное: он отразил нападение франков в 541 г., помешал византийцам (обосновавшимся в Сеуте после падения вандалов) пересекать Гибралтарский пролив, а главное, оградил Испанию от последствий побед Юстиниана над остготами. Когда в 548 г. он был убит — политическое убийство было одной из «национальных» болезней вестготов, — его заменил другой остготский военачальник, Теодегизел который, в свою очередь, был убит в Севилье (549 г.).

Тогда перед лицом угрозы высадки византийского десанта (551 г.) к власти пришел вестгот Агила, происхождение которого нам неизвестно. Он перенес свою резиденцию в Мериду; однако из-за его религиозной нетерпимости он был холодно встречен на юге, оставшимся преимущественно римским. Он был убит в 554 г. Его преемник Атанагильд, видя успехи византийцев (ими руководил бывший министр Теодориха, патриций Либерий), отступил в самое сердце месеты*, в Толедо, к самой границе зоны готской колонизации.

Это событие знаменует собой конец переселения вестготов. Толедское королевство оставалось устойчивым в своих границах вплоть до исламского завоевания в 711 г. Византийская угроза, столь серьезная в середине VI в., миновала,

* Месета — плоскогорье в Испании и Португалии. — Примеч. ред.

не принеся Константинополю успеха, так как в Испании армии Юстиниана, измотанные нескончаемой войной в Италии, так и не сумели добиться решающей победы. Прибрежный анклав от Дении до Кадикса с морской базой в Картахене в качестве центра — это было все, что им удалось отвоевать; эта область просуществовала примерно до 620–630 гг. Хоть Византия и снискала симпатии испанских ортодоксальных христиан, она так и не смогла использовать их в полной мере. Постепенно вестготы добились, что вся Испания, причем с подлинным воодушевлением, объединилась вокруг королевского двора в Толедо. Прежде всего это было религиозное единство, которое безуспешно пытался осуществить в лоне арианства Леовигильд в 570–580 гг. и которого в 587 г. с триумфом достиг Реккаред, обратившись в ортодоксальное христианство. Его следствием стал оригинальный институт толедских соборов, церковных и одновременно политических собраний, которые до самого конца оставались «мозгом» монархии. Далее было достигнуто единство политическое: королевство свевов было уничтожено Леовигильдом в 585 г., Сисебут (612–621 гг.) начал наступление на византийские владения на юге, а сепаратизму басков был дан более или менее решительный отпор. Что же касается чувства духовного единства, то оно возникло очень быстро (если оставить в стороне евреев, многочисленных в средиземноморских областях и повсеместно гонимых) на базе общности веры и культуры: видимым признаком этого процесса стало культурное возрождение, начавшееся в Бетике вокруг Исидора Севильского, а также права (законодательство было унифицировано позднее, в 654 г., Реккесвинтом)¹⁹.

Несмотря на свои недостатки (ее еврейская политика отличалась неслыханной нелепостью, заблаговременно готовя сторонников исламу) и постоянные раздоры (к которым готы питали совершенно «испанскую» страсть), толедская монархия заслуживает почетного места в истории варварских государств. После смерти Теодориха Великого

она одна покровительствовала интеллектуальной жизни. А главное — толедская монархия завещала Европе некоторые из самых характерных институтов средневекового королевства: коронационную клятву (впервые засвидетельствована в 628 г.) и обряд миропомазания (который был совершен 672 г. над королем Вамбем). Поэтому она достойна той почти фанатической преданности, которую внушала, даже посмертно, первым поколениям испанцев периода Реконкисты²⁰.

Каким в целом был вклад готов в Испании? Множество антропонимов, достаточно жизнеспособных, чтобы пережить кризис VIII в. (например, Adefonsus, Alvarus, Fredenandus, Rodericus), гораздо более ограниченное число топонимов (в основном в провинциях Бургос и Сеговия), элементы права и административный лексикон, кое-какие обычаи и стереотипы, связанные с одеждой и погребением. Готский язык, уже умирающий, был окончательно похоронен после отречения от арианства. Но, главное, зародился национальный дух, самый сильный на варварском Западе, способный захватить даже таких убежденных латинян, как Исидор Севильский.

* * *

Путь остготов был более коротким, но и более блестательным. Мы расстались с ними в момент битвы при Адрианополе, когда они были разделены на две группы.

Одна, в Паннонии, существовала на положении сателлита гуннов на бывшей римской земле, настолько разоренной, что там можно было найти только крохи цивилизации, в то время как другая, поступив на службу империи, разместилась на Балканском полуострове. Эта вторая группа, явно находившаяся в меньшинстве и не имевшая политической самостоятельности, стала посредницей между цивилизациями Константинополя и остготов, когда около 482 г. ее остатки воссоединились с Теодорихом Великим.

Готы Паннонии во главе с Валамиром, потомком брата Эрманариха, проявили себя как верные вассалы Аттилы, последовавшие за ним в Галлию и Италию, но не чувствовали привязанности к его сыновьям и сохраняли нейтралитет, когда в 454 г. держава гуннов распалась. Во время последующей смуты Валамир примирился с империей: *fædus* от 455 г. закреплял за ним район озера Балатон. Примерно в это же время у Тиудимира, брата короля, родился сын от наложницы-христианки — будущий Теодорих Великий. Временами, когда Восточно-Римская империя переставала исправно платить дань, Валамир совершил набеги на Иллирию, после чего согласие между ними восстанавливалось. В 461 г. юный Теодорих был отправлен в качестве заложника в Константинополь, что впоследствии имело для него решающее значение.

В столице Теодорих поступил в распоряжение временщика Флавия Ардабура Аспара, алана с примесью готской крови, который играл по отношению к императору Льву I ту же роль наставника, что и Рикимер по отношению к государям Равенны. В течение девяти лет с 8 до 17 — время формирования человеческой личности — Теодорих имел возможность одновременно постигать величие империи и изучать способы сделать ее игрушкой в руках варваров. Урок был усвоен на славу; в 471 г. Лев подослал убийц к своему неудобному опекуну, а Теодорих вернул себе свободу годом раньше.

Тем временем Валамир был убит скирами; ему наследовал Тиудимир и в битве при Болии (470 г.) убил своего непримиримого врага скира Эдику (отца Одоакра), а потом сарматского царя Бабая. Этот успех побудил отца и сына — когда убийство Аспара освободило их от всяких обязательств перед Римом — попытать счастья в Иллирии. Пройдя по коридору Морава — Вардар, остготы создали угрозу для Салоник, а затем и Адрианополя. В 473 г. Лев заключил договор с Теодорихом, возвещенным на трон после смерти отца. Готы стали федератами, были размещены в Македо-

нии и получили право взимать дань; их король сделался *magister militum praesentalis**. Через сто лет ожидания на границах остготы приобрели практически тот же статус, какой был пожалован вестготам в 418 г.

Тем не менее остготы не остановились: в 475 г. они перекочевали в Мезию, в 479 г. — обратно в Македонию, в 480 г. — в Эпир, а в 483 г. — в Прибрежную Дакию. С новым императором Зеноном Теодорих то ссорился, то мирился. От него он получил несколько существенных привилегий: императорское родовое имя Флавий, в 484 г. — титул консула, в 485 г. — триумф после короткой малоазиатской кампании против некоего узурпатора. Впрочем, он никогда не упускал случая применить против императора военную силу: в 488 г. он осаждает Константинополь с обоих берегов Босфора. По пути он присоединяет к своему народу разрозненные готские банды Балканского полуострова, а главное — группу, возглавляемую его дядей и тезкой, Теодорихом Страбоном.

В конце концов Зенон понял, что единственный способ избавиться от готов — услать их куда-нибудь подальше. Уже некоторое время он подумывал о том, чтобы выгнать Одоакра из Италии. Теодорих был подходящим орудием. В 488 г. был заключен договор, чему немало помогла своеобразная семейная вендетта между Одоакром и королем готов. Теодорих сосредоточил всех добровольцев в *Новах* (совр. Свиштов, Болгария). Это была почти такая же разношерстная толпа, как войско Радагайса, и настоящие остготы, должно быть, составляли в ней всего лишь меньшинство; здесь можно было видеть готов всех мастей, остатки ругиев²¹ и, наконец, «римский» корпус под командованием родственника Зенона. Войско отправилось в поход осенью, перезимовало в Хорватии, а весной 489 г. появилось у ворот Италии. У Одоакра было время, чтобы организовать

* *Magister militum praesentalis* — титул военачальника в Византии. — Примеч. ред.

оборону на реке Исонцо, но 28 августа 489 г. она была прорвана; тогда Одоакр отступил к реке Адидже, где и был разгромлен 30 сентября под Вероной. Часть его армии перешла на сторону неприятеля, а остатки укрылись в Равенне. Теодорих смог без боя завладеть землями Верхней Италии и даже Миланом и Павией. Но чтобы покончить с Одоакром, ему понадобилось еще четыре года (493 г.)²².

Опыт, приобретенный Теодорихом в качестве заложника в Константинополе, затем вождя федератов на Балканах, и позже, за годы войны в Италии, позволил ему заняться делом, очень непохожим на то, чего можно было ожидать, учитывая прошлое его народа, еще столь далекого от цивилизации. Но детище Теодориха в гораздо большей мере, чем достижения вестготских королей, имело один изъян: оно целиком и полностью было делом его рук. Пока король был жив, все шло хорошо; но после его смерти понадобилось менее одного поколения, чтобы все его свершения были полностью перечеркнуты. Стержневая идея Теодориха заключалась в том, чтобы создать в Италии государство на двойном фундаменте, и готы и римляне жили бы каждый под управлением своих властей, а единственным связующим звеном между ними были бы государь и несколько административных ведомств. Эта сложная система была построена с истинным мастерством; каждая из двух половин Италии служила опорой для другой: если готская армия обеспечивала безопасность, то римская цивилизация, как прекрасно понимал Теодорих, была единственной основой, на которой можно было созидать государство, способное гарантировать готам продолжительное превосходство в варварском мире.

В том, что касалось его армии, Теодорих жил и мыслил как германский король²³ и проводил политику семейных союзов с другими варварскими правителями: он женился на сестре Хлодвига, выдал одну из своих дочерей за бургунда Сигизмунда, другую — за вестгота Алариха II, наконец, свою сестру — за вандала Тразамунда. В трудный час он оказывал

помощь всем германцам, а его советник Кассиодор рассыпал царькам Тюрингии, которым угрожали франки, письма, выдержаные в лучших традициях латинской риторики. Теодорих включал в число своих подопечных герулов Паннонии, рейнских варнов, разбитых Хлодвигом аламаннов, остатки народа гепидов. Все воины, способные держать оружие, встречали у него радушный прием, и они стремились к нему из самой Скандинавии, настолько щедро он оплачивал их услуги. Короче говоря, король остыгов стал покровителем и добровольным наставником варваров Запада.

Даже учитывая то, что благодаря сохранившейся корреспонденции Кассиодора мы знаем его политику гораздо лучше, чем его современников, Теодорих намного превосходит всех прочих варварских королей, которые никогда не смотрели дальше своих личных, в лучшем случае племенных или династических, проблем. Он ощущал необходимость солидарности между германцами и умел проводить дипломатию в европейском масштабе, что облегчалось периодом необыкновенного мира, который тогда переживали готы. Никто не подгонял их в спину, а степные народы на время сошли с исторической сцены. Но соответствовал ли народ остыгов тем честолюбивым замыслам, которые вынашивал в отношении него Теодорих?

Для римлян Италии Теодорих являлся варваром-патрицием, более приемлемым, чем остальные. Он демонстрировал приверженность прошлому Рима и его институтам; он почти искренне говорил о древних императорах, называя их *majores nostri* (*великие наши*), и объявлял себя *bono reipublicae natus* (*рожденным в славном государстве*). Его коронационное путешествие в Рим в 500 г. стало поводом для программной речи, которая не разочаровала бы самого убежденного в своем превосходстве древнего римлянина: «Мы рады жить согласно римскому праву, которое мы желаем защищать с оружием в руках... Зачем отказываться от варварского хаоса, если не для того, чтобы почерпнуть свои жизненные правила из законов? Наше стремление заклю-

чается в том, чтобы с Божьей помощью одержать такие победы, чтобы наши подданные пожалели, что не попали под нашу власть раньше»²⁴. Но Теодорих умел сохранять хладнокровие. Помня о своем варварском происхождении, он не позволял себе открыто заявить о своих претензиях на империю, формальные прерогативы которой он всегда уважал²⁵.

Исходя из своей двойственной идеологии, Теодорих правил готовами через посредство *comites Gothorum* (комитов готов), одновременно гражданских и военных чинов, которым его приказы напрямую доставляли специальные посредники, *saiones* (сайоны), а не *cursus publicus*. Его германские военачальники, вроде Иббы или Тулуина, были самыми надежными проводниками его политики. Для римлян он сохранил традиционную иерархию придворных и сенаторских должностей, которые при нем функционировали с образцовой исправностью. В своем «политическом завещании» Теодорих предписывал готовам «любить Сенат и римский народ и всегда дорожить добрым расположением императора Востока»²⁶. Но король вмешивался в подбор кадров, почти систематически отдавая предпочтение не руководителям Сената, а провинциальной аристократии²⁷. Именно в этой среде он нашел своего главного советника и посредника в отношениях с римской аудиторией, калабрийца Кассиодора, сына высокопоставленного чиновника Одоакра. Наместник Лукании, в 514 г. — консул, позже — *магистр оффиций*, наконец, в 534–536 гг. префект претория, он вошел в историю в качестве *квестора дворца*, занимая этот пост с 507 по 534 г. Благодаря его литературной известности до нас дошло 500 образцов его административной корреспонденции под общим заголовком «*Variae*» («Варии»).

Военная администрация готов и канцелярии Священного дворца в Равенне сосуществовали без всяких трений. Меньше успеха король имел с двумя христианскими Церквями, арианской и ортодоксальной, но и здесь избежал открытых конфликтов. Его метод состоял в жестком разграничении компетенций и функций (римлянам было запре-

щено ношение оружия, а готам — арианский прозелитизм), вплоть до настоящей социальной сегрегации²⁸.

Сердцем этого обширного государства был равеннский двор. Теодорих был единственным варварским королем, усвоившим римское понятие столицы. Он любил и украшал Равенну, продолжая дело Галлы Плацидии и Валентиниана III. Там он проявил себя как великий строитель, возводивший дворцы, церкви, баптистерии и даже свое собственное конное изваяние, в ожидании мавзолея. В Риме он занимался скорее реставрацией, чем строительством, но выказал почти такое же рвение. Его постройки отличаются высоким качеством, наравне с памятниками эпохи Юстиниана, принявшего от него эстафету. Но особенно блистательным его правление оказалось в интеллектуальной сфере. В этот период гремят три имени: Эннодий, будущий епископ Павии, талант которого в основном лежит в области формы; Кассиодор, государственный муж, а впоследствии своеобразный хранитель культуры, уже в своем монастыре Вивариуме; и, главное, Боэций, последний поистине оригинальный ум, порожденный античностью, одновременно администратор, философ и математик, впитавший в себя греческую культуру. Правда, надежды короля на зарождение готской культуры так и не сбылись.

В целом правление Теодориха было необыкновенно долгим и счастливым: тридцать шесть лет, тридцать три из которых прошли в обстановке ничем не нарушенного мира в Италии. Но в последние годы появились признаки приближающихся трудностей, которые, как только король сошел со сцены, обрушились на его детище. Прежде всего Теодорих видел предпосылки кризиса вокруг вопроса о наследовании власти: он хотел завещать Италию своему зятю Эвтарию и заручился согласием императора Юстина, но Эвтарию умер, оставив только семилетнего сына Аталариха, внука старого короля. Затем Теодорих мог наблюдать крах своей политики сплочения варваров: были уничтожены его друзья среди бургундов и вандалов. Наконец, и это главное,

в 523–525 гг. сотрудничеству с римской аристократией и ортодоксальной Церковью был нанесен серьезный удар: Боецкий был казнен (в наказание за предательство в пользу Восточно-Римской империи), а папа Иоанн попал в тюрьму (за неудачную защиту религиозной политики короля, требовавшего свободы вероисповедания для ариан на Востоке, в Константинополе).

Теодорих умер 30 августа 526 г. Передача власти прошла без осложнений. Аталарих правил под регентством своей матери Амаласвинты. До 534 г. казалось, что ничего не изменилось, хотя Испания вернула себе свободу. Однако внешнеполитическая ситуация становилась все более угрожающей; бургунды были разбиты франками, византийцы начали отвоевывать Африку у вандалов, а у королевства был всего один официальный союзник, Юстиниан! В 534 г. Аталарих умер, не оставив наследника. Желая сохранить за собой власть, его мать объединилась со своим двоюродным братом Теодахадом; но тот вскоре избавился от нее — мрачная драма, возмущившая общественное мнение. Юстиниан ждал только повода, чтобы вмешаться — он объявил о намерении отомстить за Амаласвинту и послал в Италию своего полководца Велизария. Первые высадки византийцев произошли в июле 536 г. на юге и вызвали взрыв. Теодахад был свергнут, убит и замещен своим отважным военачальником Витигисом²⁹. Но армия, размещавшаяся по большей части на севере Италии, не смогла помешать Велизарию вступить в Рим 10 декабря 536 г. и совершив множество символических жестов, означавших возвращение к единой империи.

Римско-готское государство распалось: осталась готская армия, которая, под командованием выборных вождей, сражалась с другой армией, точно такой же варварской, хотя над ней и реяли римские знамена. Обе стороны хладнокровно жертвовали интересами Италии и гражданского населения. У жителей полуострова не оставалось иных перспектив, кроме как променять варваров, ставших привычными

после долгого сосуществования, на других, куда более алчных. К тому же численность византийских войск всегда была настолько мала, что они не могли вести одновременно более одной операции. Война тянулась бесконечно, в течение двадцати пяти лет, изобиловавших жестокими эпизодами. По правде говоря, для Италии это был скорее разгром, чем освобождение.

Можно понять сдержанное отношение римлян, которые не узнавали себя в солдатах Велизария. Только на юге полуострова, сохранившего тесные связи с Восточно-Римской империей, где к тому же почти не было сражений, их встретили достаточно радушно. Впрочем, доминирующим настроением среди жителей Италии был отстраненный нейтралитет. Лишь немногочисленные римляне встали на сторону готов. Равенские чиновники были обескуражены усиливающейся «реварваризацией» армии Витигиса; Кассиодор, остававшийся на своем посту пока сохранялась надежда на мирное решение, ушел в отставку, осознав, что имеет дело с войной на истребление. Недоверчивые готы взяли в заложники 300 молодых людей из сенаторского сословия, которые были преданы смерти во время окончательного разгрома 552 г. Уцелевшие были отстранены от руководящих постов в победившей партии и замещены чиновниками, присланными из Константинополя. Наконец, многие были жестоко разорены: в 546 г. Рустициана, дочь Симмаха и вдова Боэция, была доведена до нищенства! Сенаторская аристократия так и не оправилась от постигших ее ударов: то был крах, отмечающий перелом в итальянской истории, ибо именно этот класс, активный, компетентный, образованный, обеспечивал преемственность римской Италии на фоне сменяющих друг друга марионеточных императоров и варварских королей.

Но остготы, доведенные до крайности, продемонстрировали совсем иной уровень стойкости, нежели вандалы перед лицом Юстиниана в 534 г. или даже вестготы при столкновении с арабами в 711 г. В течение четверти века они

мужественно сопротивлялись. Когда в 540 г. их первый вождь, Витигис, разочарованный положением дел в Италии, сложил оружие — что позволило Велизарию войти в Равенну, — они заменили его неким Хильдебадом, а потом племянником последнего, Тотилой, который боролся одиннадцать лет с гениальной изобретательностью и, возможно, пытался перенести войну на социальную почву. В 552 г. Тотила был убит в бою и замещен Тейей, который пал в последней битве у подножия Везувия (1 октября 552 г.). Кое-где отдельные отряды готов держались до 555 г., а в 561 г. в Брешии и Вероне снова вспыхнуло восстание.

Видя подобное упорство, Юстиниан решил уничтожить народ остготов. Сначала, одержав первые победы, он стал подумывать о милосердии. В 540 г. он отозвал свою армию. В 550 г. Юстиниан снова направил в Италию двух военачальников, готовых к примирению. Но в 552 г. с возвращением к командованию Нарсеса с церемониями было покончено: в Италию были призваны персы и лангобарды со своим королем Одуином; все пленные готы были высланы на Восток. Те, кто сдался первым, спасли собственное положение, и небольшие группки готов продолжали жить у подножия Альп; остальные, согласно равенскому папирусу, стали рабами в том самом городе, который некогда был их столицей³⁰. Но как историческая сила остготы перестали существовать. Их могло бы утешить то, что они увлекли за собой в небытие последний пласт римской античности³¹.

Менее чем через двадцать лет после смерти Тейи лангобарды, сами того не зная, взялись отомстить за остготов. Но это не воскресило Италии.

II. Западная группа

С массовым проникновением остготов на земли империи завершилась череда миграций, отправной точкой которых послужила Восточная Европа, попавшая под натиск

гуннов. Впоследствии, примерно до середины VI в., империя чувствовала себя в относительной безопасности с этой стороны: дунайские *limes* продержались до переселения авар и славян. Но западные *limes*, остававшиеся почти неприступными на всем протяжении IV в., если не считать незначительных прорывов, в течение первых десяти лет V в. захлестнул девятый вал, который в конце концов затопил весь Запад. Большинство составлявших его народов пересекли рейнский рубеж в результате памятного прорыва 31 декабря 406 года³². Другие, под командованием Радагайса, проложили себе более прямой путь в Италию в 405 г., но к ним судьба была несравненно менее благосклонной: в августе 406 г. они были разбиты Стилихоном в сражении при Фьезоле, в то время как члены первой группы дошли до самой Африки, добившись при этом больших успехов³³.

Между западной и восточной группами нет смысла проводить слишком четкую границу. С обеих сторон мы находим племена одной и той же группы; удары, наносимые ими по римским оборонительным рубежам, почти совпадают во времени; их вылазки дополняют друг друга (не будь Радагайса, было бы трудно объяснить успех Алариха), и после 412 г. эти две группы сливаются воедино в Южной Галлии. Невозможно усомниться в том, что между этими двумя течениями существовала связь: отголоски мощного натиска степных народов давали себя знать даже в Западной Германии, поскольку как аланы, так и сами гунны в конце концов переправились не в нижнем течении Дуная, а через Рейн. Современники, несмотря на отсутствие у них целостного представления о варварском мире, по-видимому, ясно видели всю эту цепочку, по крайней мере, то, что она тянулась из понтической степи до самого Иллирия³⁴.

Участники прорыва 406 г. не сыграли такой роли, как готы или великие народы второй волны. Большинству так и не удалось создать своего государства. Два из тех политических объединений, что все-таки возникли, просуществовали очень недолго — речь идет об испанских королевствах

вандалов-силингов и алан. Уцелели только три, да и их история оказалась не слишком длинной — это королевства вандалов и бургундов, которые пали в 534 г., и государство свевов, исчезнувшее в 585 г. Лишь государство бургундов сумело реализовать достаточно стабильный синтез между варварами и римлянами. История вандалов в исторической перспективе Северной Африки — не более чем курьезная аномалия. Что же касается свевов, то они едва ли вообще имели историю: источники хранят о них почти гробовое молчание в течение неполных ста лет — с 469 по 558 г.!

А) Вандалы.

Древнейшая история вандалов основывается на ненадежных сведениях, замешанных на преданиях готов, лангобардов и англов, а также на некоторых данных ономастики и археологии. Большинство из них приводит нас в Скандинавию, в условия, близкие к обстоятельствам происхождения готов. Возможно, родовое гнездо вандалов находилось в небольшой области Вендюссель (обитатели которой до сих пор называют себя *Vendel-boer*) на северной оконечности Ютландии за Лимфьордом³⁵. Очевидно, они говорили на восточном диалекте, близком к готскому. Наконец, археология указывает на сходство между имеющимися в ее распоряжении материалами из Вендюсселя и Силезии (первое место обитания вандалов, подтвержденное источниками), относящимися к преддверию нашей эры. Таким образом, может оказаться, что путь вандалов пролегал параллельно маршрутам кимвров и готов.

Впервые история застает вандалов в I в. н. э. на южном берегу Балтики. В то время название *Vandali* или *Vandili* обозначает большую группу народов, в числе которых Плиний упоминает бургундов и варнов; место их обитания гипотетически сопоставляют с Померанией или Познанью. Впоследствии это название охватывает только два племени, силингов (упоминаемых Птолемеем в современной Силезии) и асдингов (которые появляются в III в. у Диона

Кассия между Вислой и верховьями Днестра)³⁶. С III по V в. эти племена вели параллельное, но самостоятельное существование.

Первые шаги в сторону Римской империи наблюдаются в 171 г. у асдингов: подхваченные течением, вынесшим готов к Черному морю, они тщетно пытаются вторгнуться в Дакию. В середине III в. оба народа стремительно перемещаются на юго-запад: после 248 г. мы обнаруживаем асдингов на равнине Паннонии, а силинги с 277 г. находятся в верховьях Майна. В этих новых местах они задерживаются примерно на полтора века – до появления гуннов; в длительном соприкосновении с *limes* восточная группа довольно быстро эволюционирует³⁷.

Незадолго до 400 г. асдинги, конечно же, под натиском гуннов пустились на запад, поднявшись по левому берегу Дуная; по пути они встретились с силингами, и между этими двумя группами установилась некоторая координация. Около 401 г. они нападают на Рецию, около 405 г. мы видим их на Рейне, среди народов, штурмующих *limes*. Король асдингов Годагизел потерпел поражение и пал во время прорыва, но основной массе двух народов, возглавляемой его сыном, удалось вступить в Галлию. Безусловно, они рвались к Средиземноморью; но угроза двойной контратаки римлян – со стороны войск из Италии и Британии – побудила их искать новых территорий для грабежа к югу от Пиренеев³⁸. В течение всего этого путешествия они составляли единое целое с частью алан и, конечно же, свевов.

Осенью 409 г., когда вандалы вторглись в Испанию, страна была не только обессилена – ее раздирала гражданская война. Разгром был полным; оборонялись только отдельные города. Варвары делили страну, как мешок золота. Асдингам и силингам достались разные доли, первым – на северо-западе Галисии, вторым – в богатой Бетике (411 или 412 г.). Приход в Галлию вестготов отнял у них всякую возможность вернуться; но скоро они все равно оказались бы под угрозой, так как Валия, которому Рим поручил

навести порядок в Испании, действовал с большой жестокостью. Король силингов был взят в плен и отправлен в Равенну; в 418 г. его народ понес такое поражение, что утратил независимость. Рассеявшись асдинги пополнили свои ряды остатками алан, также разбитых Валией. Все уцелевшие вандалы присоединились к асдингам. Последние, недовольные сильной Галисией и соседством свевов, в 419–420 гг. завладели Бетикой, и империя не смогла им в этом помешать.

Нам не слишком хорошо известно о том, что представляло собой государство вандалов в Испании³⁹. Без сомнения, оно так и не вышло из самой начальной стадии армии, расквартированной во вражеской стране. Но, несмотря на закон, который под страхом смерти запрещал посвящать варваров в тайны кораблестроения, вандалы получили доступ к морю и стали грозными пиратами. С 426 г. они нападали на Балеарские острова и Мавританию, а в 428 г. завладели морской базой в Картахене. В течение двадцати лет они, похоже, жили только грабежом и совершенно истощили ресурсы Испании. В результате у короля Гензериха (или Гейзериха) родилась мысль – бессознательно унаследованная им у Алариха – извлечь выгоду из единственной не-тронутой провинции Запада, Африки, обороноспособность которой была парализована гражданской войной.

Это было рискованное и сложное предприятие. Мы не знаем его подробностей, кроме одной: в мае 429 г. все его участники – асдинги, силинги, аланы и некоторые испано-римляне – собрались в Тарифе. Несомненно, они совершили высадку вблизи Танжера, и их дальнейший сухопутный маршрут пролегал через проход Таза⁴⁰. В мае или июне 430 г. армия поступила к Гиппону: за год было преодолено почти 2000 км бесплодной земли. Несмотря на эту отсрочку, комит Африки не смог оказать им подобающего отпора; он заперся в Гипpone, который сопротивлялся более года (во время этой осады умер святой Августин). Авангарды, конечно, уже успели добраться до Проконсульской Африки.

Не в силах отразить вандалов, римляне предложили им *fædus*; Гензерих, опасавшийся, что не сможет завладеть другими укрепленными городами, ответил согласием (Гиппон, 11 февраля 435 г.). Переданные вандалами владения охватывали север Нумидии, западную часть Проконсультской Африки (с Гиппоном и Гуэльмой) и почти всю Ситифенскую Мавританию (самые западные районы, безусловно, остались за рамками соглашения). Гензерих ненадолго удовлетворился этим: 19 октября 439 г. он напал на Карфаген, который занял почти без боя. Город был добросовестно разграблен, а некоторые его строения сожжены или разрушены⁴¹. Затем была завоевана вся остальная пригодная для жизни Африка вплоть до Триполитании. После этого возникла угроза того, что Гензерих вторгнется в Италию с тыла, зайдя с юга: в 440 г. вандалы высадились на Сицилии. Чтобы остановить их, Валентиниан III предложил им новый *fædus* (442 г.), закрепивший за ними Проконсультскую Африку, Бизацену и часть Триполитании и Нумидии. Эта территория и стала колыбелью государства вандалов⁴².

Большая часть вандалов обосновалась в Проконсультской Африке, главным образом в окрестностях Карфагена. Некоторые небольшие группы поселились к северу от Бизацены и на мавританском побережье, в Типасе и Шершелле. В главных поселениях появились арианские епископы. Языком повседневного общения стала латынь (от вандальского не сохранилось ничего, кроме имен собственных). В третьем поколении король Тразамунд выказал определенный вкус к латинской литературе, даже богословского содержания, и имел собственных придворных поэтов, впрочем, достаточно посредственных.

Чтобы укрепить свою армию, Гензерих прибег к крупным конфискациям, вместо того чтобы усвоить принцип раздела, подобно другим варварским королям. Часть захваченных земель обеспечила наделы (*sortes*) вандалам, остальное отошло короне. Вандалы превратились в землевладель-

цев, разделивших образ жизни своих по-прежнему многочисленных римских собратьев; ничто не указывает на то, что они обрабатывали землю собственными руками. Они переняли вкусы тех, кого ограбили, включая радости терм и амфитеатра. Прежние владельцы были высланы в Италию или на Восток; а их потомкам иногда удавалось кое-что себе вернуть⁴³, но данные события породили ненависть, еще более ощутимую из-за арианства. И, стремясь обеспечить себе будущее, короли вандалов до последнего дня могли рассчитывать только на силу.

Институты вандалов несли на себе отпечаток этого положения. Как войско, народ вандалов по-прежнему делился на группы по тысяче человек. Умирая, Гензерих отдал распоряжения, имевшие целью сохранить единство командования, в ущерб традиции семейного раздела. Глава администрации носил титул *praepositus regni* (препозит королевства), почерпнутый из военного лексикона. Сначала римляне не допускались ни на какие важные посты, провинциальные кадры не участвовали в управлении. Для насущных нужд, прежде всего для организации поступлений от земельного налога, которым были обременены одни римляне, хватало всего нескольких *notarii* (писцов). В общем, это был сокращенный вариант правительства, не обремененного традициями и ложным стыдом, действовавшего исключительно в интересах завоевателей⁴⁴.

У вандалов первого африканского поколения, кажется, была только одна политическая идея — непрерывная экспансия, безостановочный разбой на новых и новых территориях. Обосновавшись в Африке (возможно, лишь потому, что не дерзнули штурмовать Ливийскую пустыню), они начали планомерно обирать средиземноморский мир. В этом и заключался основной закон того, что торжественно имеют «Империей вандалов»⁴⁵. Здесь Гензерих приложил все свои способности. Начиная с 440 г. флот, базировавшийся в Карфагене, позволял ему высаживать войска в Сицилии (настоящее завоевание было предпринято только в 468 г.).

Остров находился в центре дипломатической игры, главным образом в связи с поставками продовольствия: в 476 г. Одоакр получил его в обмен на выкуп; в 491 г. Теодорих захватил остров, но около 500 г. передал его западную часть вандалам (в качестве приданого своей сестры), и Сицилия оставалась разделенной вплоть до победы Юстиниана. Около 455 г. Гензерих занял Корсику и Сардинию, а также, несомненно, Балеарские острова; они стали колониями, которые нещадно эксплуатировали и откуда угоняли в рабство местное население. Одновременно продолжались набеги на берега Испании, Италии и Греции, апогеем которых стало разграбление Рима в 455 г. Вандалы отказались от своей агрессивной политики только со смертью Гензериха (477 г.), после того как целое поколение прожило свой век, безмятежно купаясь в богатствах Карфагена. Только с этого момента историю их переселения, продолжавшегося три четверти века, можно считать законченной⁴⁶.

Гибель королевства вандалов лишний раз доказала, насколько оно было непрочным: под ударами Юстиниана все созданное вандалами рухнуло как карточный домик. Велизарий высадился в Африке 30 августа 533 г.; 15 октября он был уже в Карфагене; после в двух сражений в его руках была вся освоенная римская Африка; в марте 534 г. Гелимер, бежавший в западные области, вскоре сдался и был отправлен в Азию. Его народ последовал за ним: одни стали рабами, вторые — изгнанниками, третьих силой заставили пойти в византийскую армию. Очень небольшие группы вандалов нашли убежище у мавров, но пали во время второй облавы, устроенной византийцами в 539–540 гг. Вандалы, оказавшиеся на Востоке, сгинули в этническом хаосе византийских войск, сражавшихся в Персии. «История вандалов закончилась ничем» (Куртуа). Таким образом, в Северной Африке германская составляющая отсутствует. События 543 г. (так же как и исламское завоевание) толкнули ее на иной путь, нежели тот, по которому пошел остальной Запад. Главные следы, оставленные вандалами, оказались

негативными: за век их жестокого правления римская Африка потеряла свои лучшие духовные силы и правящий класс, а также большую часть окраинных территорий.

Б) Свевы в Испании.

Название свевов, как и вандалов, некогда было у всех на устах, и в свое время этот народ играл роль, намного более значительную, чем в 406 г. Первоначально так назывались большое неоднородное племя *герминонов* и одновременно более узкая группа, которая вошла в историю около 72 г. до н. э. вместе с Ариовистом. В то время они находились на среднем Рейне. Позднее мы встречаем их под тем же названием или под именем квадов в районе современной Моравии. Достаточно рискованно говорить о совпадении этих данных с названием *Suebicum mare* (*Свебское море*), которое Тацит присваивает Балтийскому морю, и упоминанием о *Suebi Nicretes* на Неккаре. Без сомнения, народ свевов разделился на множество групп, которые вели различную политику по отношению к Риму. В эпоху нашествий свевы присутствуют на заднем плане почти повсеместно — в Швабии (которой они оставили свое имя), Венеции, Фландрии, Великобритании и, наконец, в Испании.

Только здесь свевы начали играть по-настоящему важную роль. Можно предположить, что они переправились через Рейн в 406–407 гг., а в 409 г. вторглись на Иберийский полуостров⁴⁷. При разделе в 411 г. они получили южную часть Галисии, а в 419 г., после ухода асдингов, вдвое расширили свои владения, приобщив к ним и северную половину. Отплытие асдингов в Африку и временное отступление вестготов позволило королю свевов Гермериху создать вокруг городов Браги (служившей ему столицей) и Лugo настоящее государство. Испано-римляне попытались задушить его с помощью Аэция, к которому направили галисийского епископа Гидация — нашего единственного информатора; но Аэций, слишком занятый в Галлии, отказался вмешаться, и местные власти заключили с непрошеными

гостями нечто вроде *fœdus* (известны мирные договоры 433, 437 и 438 гг.).

Однако свевы не отказались от своего дальнейшего продвижения по иберийским землям. В 439 г. они заняли Мериду, затем Севилью (441 г.) и даже часть района Картахены. При короле Рехиаре казалось, что вся Испания готова пасть к его ногам, но у свевов не хватило сил, чтобы полностью завладеть и править ею. Карапельная экспедиция, предпринятая в 456 г. королем вестготов Теодерихом от имени императора Авита, развеяла этот воздушный замок. Рехиар был разгромлен 5 октября под Асторгой на реке Орбиго; две недели спустя готы вступили в Брагу и разграбили этот город, не делая различий между свевами и римлянами. Рехиар был настигнут на побережье у Порто и предан смерти. Королевский род угас. Но как только готы отвлеклись, свевы вернули себе независимость. Около 464 г. король Ремисмунд сумел получить официальное признание Тулузского двора. После этого королевство свевов — как и сама Галисия — почти на столетие исчезает из историографии.

Как и королевство вандалов, государство свевов выглядит нестабильным и жестоким, то есть рабовладельческим⁴⁸. Из его внутренней истории мы знаем только о религиозных колебаниях, отражавших его внешнеполитическую слабость: король Рехила, умерший в 448 г., был язычником; его сын Рехиар (448–456 гг.) стал ортодоксальным христианином, чтобы заручиться симпатиями империи и избежать вмешательства готов; около 456 г. присланный из Галлии вестготский епископ Аякс увлек свевов в арианство. К середине VI в. король Харарих ненадолго присоединился к ортодоксальной Церкви, чтобы заручиться заступничеством святого Мартина Турского и, возможно, добиться союза с франками; но арианство снова взяло верх. Вскоре его позиции были подорваны миссией другого Мартина, епископа Браги. Около 561 г. король Теодемир перешел в ортодоксальную веру. Перед лицом все еще арианского Толедского

королевства это была провокация: в 576 г. вестготский государь Леовигильд напал на короля свевов Миро. В 585 г. последний король Андека попал в плен, а его государство было захвачено — всего за год до перехода вестготов в ортодоксальное христианство. В следующем году имели место два восстания свевов, затем все было кончено: свевы растворились среди готов.

Свевы оставили в Галисии несколько незначительных следов ономастического и археологического характера, которые тяготеют к побережью по обе стороны от Браги. Почти ничего из их языка не перешло в португальский (5 или 6 слов); но их недолгое присутствие, несомненно, обеспечило Галисии часть ее своеобразия, и особенно в церковной сфере. Об их институтах мы не знаем почти ничего, если не считать того, что свевы чеканили монету имперского типа периода до 456 г. Если не считать труда Мартина из Браги — который немногим обязан местной среде⁴⁹, — у свевов полностью отсутствует собственная культура, а искусство Галисии представляет собой лишь ответвление испано-готского. Если бы испанских свевов никогда не существовало, в истории не произошло бы никаких заметных изменений.

В) Бургунды.

Бургунды (или, точнее, бургундионы)⁵⁰ появились в Балтийском регионе в I в. в составе группы виндилов; затем они продвинулись дальше, оказавшись в среднем течении Вислы. Но язык и традиции бургундов позволяют с уверенностью говорить об их скандинавском происхождении. Их восточный диалект близок к готскому, а предания, собранные в позднейший период, приводят на «остров, называемый Скандинавия»⁵¹. Действительно, в Скандинавии немало областей с аналогичными названиями: земля Боргунд на Зогнфьорде в Норвегии, а главное, балтийской остров Борнхольм (в XIII в. *Borgundarholm*). В III в. бургунды начали перемещаться из своих польских владений на Запад.

После 260 г. они бок о бок с аламаннами попытались преодолеть *limes* на Декуматских полях, но им не удалось закрепиться на римской территории. Их власть над землями между Роной и центральной Швабией растет настолько, что в 359 г. уже можно вести разговор о бургундо-римских границах⁵². Контакты бургундов с империей в течение 140 лет привели к развитию определенной экономической активности. Несмотря на это, они были подхвачены и унесены на Запад водоворотами, предшествовавшими прорыву 406 г. В результате их забросило к западу от Рейна, в Германию II, иными словами, в область ниже Кобленца.

Начиная с 411 г. бургунды поступают на службу к римской партии, возглавляемой узурпатором Иовином; в 413 г. они заключают *fædus* с законным императором и получают «ближайшую к Рейну часть Галлии». Это рейнское королевство просуществовало приблизительно тридцать лет. Его слабые попытки экспансии в Бельгию вызвали враждебность Аэция: в 436 г. Аэций натравил на бургундов своих друзей-гуннов. Король Гунтиарий был убит, королевская династия уничтожена, а бургунды обречены на переселение. Весь народ отправился на юг⁵⁴.

Однако Аэций не стремился уничтожить бургундов, из которых могли получиться хорошие воины на службе Рима; он ограничился тем, что удалил их из Северной Галлии. Поэтому он выделил им место в Восточной Галлии по соседству с аламаннами — другими, более воинственными германцами, их традиционными врагами. В 443 г. римляне заключили с бургундами новый *fædus*, по которому бургундам разрешалось осесть в *Sapaudia*, то есть французской Швейцарии и на юге французской Юры вокруг Женевы⁵⁵. Там они зарекомендовали себя как примерные федераты, готовые служить Риму при первой необходимости: в 451 г. они сражались с Аттилой, а в 456 г. — с испанскими свевами. В 457 г., возвращаясь из Испании, они вознаградили себя «натурой», захватив изрядную долю Лионской I и Вьеннской провинций. Император Майориан поспешил останов-

вить их, и бургунды отступили; но как только император ушел, они вернулись с оружием в руках и заняли Лион⁵⁶, затем распространились на район Роны, в южном (Ди, около 463 г.; Везон, до 474 г.) и в северном направлении (Лангр, до 485 г.). Около 495 г. их королевство простипалось от Южной Шампани до Дюранса и Приморских Альп.

Это было государство bipolarное (резиденция короля находилась в Лионе, а его наследника — в Женеве) и двухнациональное, так как римляне занимали в нем почти такое же место, как бургунды. Захват власти в области Роны совершился почти мирно; в VII в. предание утверждало, что бургунды прибыли туда «по зову римлян и галлов». Аристократия видела в этом немногочисленном народе, верном принципу *fædus*, если и не всегда его букве, минимальное зло, почти гарантию. Все бургундские короли, о которых мы знаем что-то кроме имени, показали себя достойными этого доверия. Хильперик I, основатель Лионского королевства, будучи арианином, взял в жены ортодоксальную христианку; он покровительствовал монахам Юры и дружил с Пациентом, епископом Лионским. Его племянник Гундобад (около 480–516 гг.) был почти римлянином, высшим военачальником итальянской армии, верным помощником, а затем наследником патриция Рикимера, «делателя императоров». Сам он посадил на трон двух императоров, Олибрия (472 г.) и Гликерия (473), и, конечно, не желал для себя иного титула, кроме титула патриция, полученного им от первой из его марионеток; но приход к власти Непота (474 г.) вынудил Гундобада вернуться к своему народу⁵⁷. Григорий Турский, хоть и не любивший ариан, все же приписывает Гундобаду заслугу введения законодательства, защищавшего римлян⁵⁸, а святой Авит, духовный лидер ортодоксального епископата в его королевстве, поддерживал с ним теплые отношения вплоть до обращения Хлодвига. «Бургундская правда» — один из самых римских среди всех варварских законодательных кодексов — недвусмысленным образом утверждает равенство в статусе между римлянами

и бургундами. Оно предоставляет тот же вергельд, что и бургундам, и открывает возможность военной службы, допускает смешанные браки. Бургунды сохраняют за собой только почетное главенство.

Народ действовал в рамках «режима гостеприимства», установленного по договору 443 г. в отношении Женевского королевства и в 456 г. возобновленного, с согласия римских сенаторов, для нового государства на Роне. Места обитания бургундов, обозначаемые главным образом топонимами на *-ingōs* (французское *-ans*, *-ens*), концентрируются во французской Швейцарии, Юре и долине Савона; в Савоии и Бургундии они более редки, а к югу от Изера почти отсутствуют. Археологические находки из бургундских слоев (до 534 г.) распределяются почти так же. Их язык, скорее всего, просуществовал до VII в.⁵⁹, а национальное чувство оставалось сильно еще в IX столетии. Бургундское законодательство померкло перед лицом франкского права одним из последних.

Германские черты бургундского государства поднимают сложные проблемы. Антропологи установили — и это один из самых замечательных вкладов, которые они внесли в историю нашествий, — что «в культурном и расовом отношении бургунды были „заражены“ гуннами»⁶⁰, на что указывает и обычай черепной деформации. Есть предположение, что имя короля Гундиоха, брата и предшественника Хильперика, своей второй частью было обязано гуннскому влиянию. Аламанны неоднократно поселялись на швейцарской равнине и в Северной Юре. Приложение к «Бургундской правде» (XXXI, 2) от 524 г. (?) содержит намек на бургундских беженцев, возможно вытесненных с юга готским вторжением 523 г., и предписывает принимать всех, кто способен к ассимиляции, вестготов и даже беглых рабов. Надпись 527 г. (Сен-Оффанж, у Эвиана) свидетельствует об ущербе от франкских нападений. Кажется, в этот критический момент бургунды считали, что им грозит гибель. Подлинное равновесие было достигнуто только в эпоху Меровингов.

Бургундские институты являются собой прекрасный образец дуализма. Король носит двойной титул: для римлян — *vir inluster* (сиятельный муж), *magister militum* (магистр войска) или *Galliae patricius* (патриций Галлии), а для германцев — *dominus noster rex* (господин наш король). В официальных текстах и актах до самого конца прослеживается уважение к верховным прерогативам императора (употребление консульских дат). Если армия сохраняла свою структуру для набегов и грабежа⁶¹, то административная система строилась по образцу равеннского двора и во главе ее по-прежнему стояли сенаторы: Сиагрий при Хильперике, Лаконий при Гундобаде, Пантагат и святой Авит при Сигизмунде. Наконец, каждый *pagus* (область) получил своего бургундского графа, правившего германцами, наряду с графом (комитом) римским, которому подчинялись коренные жители⁶².

Несмотря на эту внутреннюю гармонию, бургундское государство на деле было нежизнеспособным. Находясь в стратегически важном регионе, обладавшем значительными экономическими ресурсами, оно имело слишком узкую социальную базу, чтобы дать отпор своим соперникам, франкам и готам. Ситуация стала крайне сложной, когда в королевском роду началась междуусобная борьба, а франки сумели привлечь на свою сторону римлян, приняв ортодоксальное христианство.

В 500 г., воспользовавшись ссорой между Гундобадом и его братом Годегизилом, Хлодвиг вторгся в Вьенну. С другой стороны, переход Сигизмунда, сына Гундобада, в ортодоксальную веру в разгар яростных распрай спровоцировал вмешательство готов: территория к югу от реки Дромы, а может быть, даже от реки Изера была утрачена (523 г.). Франки воспользовались и этим: король Хлодомер пленил Сигизмунда и приказал его убить. Корона перешла к его брату Годомару, который разбил франков при Везеронсе (июнь 524 г.) и с трудом продержался до 533–534 гг., когда сгинул при неизвестных обстоятельствах. Меровинги захва-

тили все королевство, но пощадили бургундские институты и сам народ на основе своеобразного личного союзничества. Вплоть до XI в. отдельные лица жили по бургундскому праву, но переход бургундов в ортодоксальное христианство в 533 г. облегчил их ассимиляцию. Именно в рамках меровингской Галлии наступил расцвет бургундского наследия.

Глава III

СУХОПУТНЫЕ НАШЕСТВИЯ: ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ ВОЛНЫ (V–VII вв.)

I. Вторая волна нашествий (V–VI вв.)

Вслед за первой волной нашествий, прокатившейся по Европе из конца в конец, двигалась группа менее известных народов, сформировавшихся в более позднее время и менее энергичных. Они шли вперед очень осторожно, стараясь ни в коем случае не порывать связи со своим базами по ту сторону *limes*. В их истории не было ни одного эффектного набега, очень мало крупных сражений и едва ли не меньше громких ограблений римских городов. С другой стороны, эта группа была гораздо более однородной, чем те, что ей предшествовали или следовали позади; это были исключительно германцы, говорившие на западногерманском диалекте и родственные в культурном отношении. Возможно, их было больше; во всяком случае, вместо банд, совершающих броские операции, можно наблюдать главным образом толпы аграрных поселенцев, сумевших крепко взять в свои руки землю на обширных пространствах. Хотя первая волна несла Риму разрушение, она не завоевала для германских языков даже уголка Запада. Вторая же заметно сместила лингвистическую границу. Государствам, рожденным первой волной, порой блестящим, но всегда недолговечным, противостоит франкская монархия, ее жизненный срок длиной более тысячи лет, и прочное укоренение аламаннов и баваров в районе верховий Рейна и Дуная.

Из-за неторопливости и локального характера, который зачастую был присущ бегу этой волны, ее трудно ограни-

чить точными датами. В случае франков, главной силы, то их переселение было замечено современниками только около 440 г., а покорение Бургундии в 534 г. можно расценивать как конец их миграции. Отсутствие текстов, повествующих о натиске аламаннов и баваров, не позволяет расставить какие-либо вехи, даже приблизительные; скажем только, что продвижения этих народов начались несколько позже и продолжались дольше, по крайней мере, до начала VII в. Относительно альпийского района мы даже можем сказать, что на протяжении средних веков этот процесс не останавливался, однако утратил характер политического за-воевания.

А) Франки.

Франки — один из германских народов, появившихся в последнюю очередь, один из тех, чье происхождение окутано самым густой завесой. И тем не менее именно франкам было суждено извлечь из переселения наибольшую вы-году. Именно их деятельность, в эпоху раннего средневе-ковья, оказала глубокое и стойкое влияние на историю Запада¹.

Само название франков впервые встречается в походной песне римской армии, которая приводится в «Истории Августа» — весьма посредственный источник — в связи с событиями 241 г., затем, уже более уверенным образом, в рассказах о великом нашествии на Галлию при Галлиене* в 257 г.; одна ватага франков даже добралась до Испании. Вскоре после этого, при Пробе (276–282 гг.), один довольно необычный рассказ повествует о том, как группа франков, оказавшихся неведомым образом на Черном море, вернулась на родину через Гибралтар. Наконец, около 286 г. Каравсию была поручена оборона подступов к Па-де-Кале от саксонских и франкских пиратов. Таким образом, первые франки являются нашему взору как народ, представляющий

* Галлиен — римский император в 260–268 гг. — Примеч. ред.

опасность сразу на суше и на море, частично проживавший в среднем или нижнем течении Рейна.

Откуда же они пришли? Их имя мало что проясняет: на-верное, оно происходит от корня со значением «отважный, храбрый» (ср. древнесканд. *frekkr*)². Их язык — легший в основу германских диалектов Северо-Западной Европы, а также голландского — тоже не слишком красноречив. С XVII в., даже при отсутствии какого-либо текста, способного это подтвердить, большинство историков допускает, что франки появились в результате перегруппировки различных народов, чье присутствие в низовьях Рейна было зафиксировано в предшествующий период. Среди возможных составляющих этого синтеза следует упомянуть хамавов, бруктеров, ампсивариев, хаттуариев, хаттов, несомненно, сикамбров, с меньшей вероятностью тенктеров, узипов и тубантов и, в крайнем случае, отдельных батавов.

Эти предки франков были небольшими народами с туманным будущим; в большинстве своем они никак не упоминаются между концом I в. н. э. и серединой или даже концом III, а иногда и IV в. В отличие от исчезнувших впоследствии великих народов (квадов, маркоманов и др.) они не изматывали себя, беспрерывно штурмуя *limes*; они, в некотором роде, берегли силы. В течение продолжительного времени большинство из них обитало на землях, непосредственно прилегавших к римской территории, поблизости от торговых центров, вроде Кельна или Ксантена; и едва ли они не испытали глубокого влияния со стороны римлян. Их следует выделить из числа всех германцев, как наиболее готовых к восприятию римской цивилизации.

Нам неизвестно, какие факторы привели эти народы к объединению в III в. Возможно, ими руководило желание более успешно противостоять римлянам и одновременно давлению из недр самой Германии, например, аlamannам. Во всяком случае, это слияние осталось достаточно поверхностным. Не говоря уж о хамавах, бруктерах и гессах, которые до конца держались особняком, у франков всегда

насчитывалось несколько подгрупп, пользовавшихся значительной автономией.

Первое и наиболее важное упоминание относится к салиям, которых сначала упоминает Юлиан в речи к афинянам, наряду с хамавами; затем их имя фигурирует среди названий различных вспомогательных сил в «Списке должностей». Можно полагать, что они составляли «ударную силу» франков на пути в Бельгию. Но в эпоху Меровингов их название употреблялось только как юридический термин; они не встречаются в литературных или дипломатических источниках, однако обладают собственным законодательством, «Салической правдой», которое первоначально применялось ко всем франкам, жившим между «Угольным лесом» и Луарой (то есть за исключением рейнских франков, хамавов и других мелких племен).

Вторая группа — рейнские франки — была менее сплошной и не имела древнего обозначения. Название рипуариев, употребляющееся в современной историографии, ошибочно³; однако «Равеннскому космографу», компилятору, работавшему около 475–480 гг., была известна *Francia Rinensis* (Рейнская Франкия), охватывавшая берега Рейна от Майнца до Нимвегена, долину Мозеля от Туля до Кобленца, долину нижнего течения Мааса и т. д.

До Хлодвига эти две неустойчивые группы создавали политические образования только на короткие периоды. Для этой древнейшей эпохи историография сообщает нам достаточно королевских имен, чтобы доказать, что в то время речь шла не о монархии, а о существовании нескольких племенных королей. В 287–288 гг. первый известный нам король, Генобавд, заключил *fædus* с Римом; возможно, он был хамавом. Источники IV в. сообщают семь других имен, совершенно неизвестных меровингской историографической традиции (если Григорий Турский и знал некоторых, то из ныне утраченного книжного источника, принадлежавшего Сульпицию Александру). Кажется очевидным, что эти племенные короли не были предками Хлодвига.

Тогда где же искать предков Хлодвига? Похоже, что между IV и V вв. франкская конфедерация изменила свою структуру, и при этом салические вожди получили некоторое преимущество. Уже Григорий Турский располагал очень скучными сведениями о произошедшем; он почти наугад называет короля Теодомера, о котором нам известно одно только имя. «Книга истории франков», воспроизведя этот пассаж в VIII в., вводит в него, в качестве первого короля, Фарамонда, брата Маркомера; последнее имя связано с событиями 388 г., но откуда взялся Фарамонд, мы не знаем. Первый Меровинг, о котором известно хоть что-то осозаемое, – это Хлогион (*Chlogio*); Григорий Турский рассказывает, что в середине V в. он взял Камбре и дошел до Соммы. Вопреки сфабрикованным позднее генеалогиям нет уверенности в том, что он был дедом Хлодвига; скорее его потомками были три царька, упоминаемые в конце V в., Рагнахар, правивший в Камбре, и его братья Рихарий и Ригномер, приходившиеся Хлодвигу «кузенами» с неизвестной степенью родства. Что же касается короля Меровея, то это скорее мифический эпоним династии, нежели реальный персонаж. В действительности для истории основоположником этого рода является Хильдерик, отец Хлодвига, который предстает нашему взору в 457 г. в качестве вождя союзнического корпуса, сражающегося с вестготами в районе Луары вместе с магистром милитум Эгидием.

Археология дает мало дополнительных штрихов к этому неточному портрету. Ей не удается ни одождествить имеющийся материал с различными племенами, объединение которых породило народ франков, ни выделить типичные франкские слои в первый период после переправы через Рейн⁴. Кладбища, оружие и украшения приобретают характерные особенности только в начале эпохи Меровингов, когда на территории завоеванной Галлии складывается новая цивилизация.

Проникновение франков в империю происходило двумя разными путями. С IV в. внутри римского мира идет

«подрывная деятельность» за счет увеличения количества франкских отрядов в армии и франкских вождей на командных должностях – ситуация, засвидетельствованная в источниках, но не имевшая больших последствий для будущего франков как народа. Кроме того, шло медленное заселение земель в почти заброшенных пределах империи, в областях, о которых наши источники в любую эпоху способны сказать ничтожно мало, и на социальном уровне, не представлявшем интереса для античной историографии. Этот почти неизвестный аспект тем не менее имеет первостепенное значение, так как его последствия до сих пор остаются в силе. К счастью, в данном случае на помощь приходят вспомогательные дисциплины – лингвистика, ономастика и археология.

Присутствие франков в галльской армии восходит к концу III в., возможно, к правлению Постума; с началом тетрархии оно становится массированным. В своих германских походах Максимиан и Констанций Хлор опирались на помощь франкских союзников. При Константине, в 324 г., мы встречаемся с первым высокопоставленным военачальником-франком по имени Бонит. Около 370–390 гг. империей правила группа франкских командиров; три франка получили консульский титул, Рихомер (384 г.), Бауто (385 г.) и Меробавд (377 и 383 гг.). Многие из этих вождей, по-видимому, имели благородное происхождение; разумеется, все они были очень талантливыми; даже ненавидевший варваров Аммиан Марцеллин сделал исключение для некоторых из них. Их преданность Риму казалась искренней. Франк Сильван, сын Бонита (отметим их римские имена), долгое время командовал войсками Констанция, сражавшимися с рейнскими франками; в 355 г., узурпировав императорский венец (вопреки собственному желанию), он тем самым продолжал действовать в характерных для римлян рамках. Арбогаст, племянник консула (384 г.) Рихомера, на протяжении всей своей карьеры жил под сенью франкских покровителей, вроде Бауто, или сам благоволил

другим франкам, вроде Хариетто; но, прия к власти в 392 г., он воспользовался ею не для того, чтобы осуществить «передачу» империи во франкские руки, а чтобы короновать одного из «последних римлян», ритора Евгения, сторонника типично римской языческой реакции; кроме того, он энергично защищал рейнские рубежи от франков. Это люди ни в коем случае не были предтечами Хлодвига.

На менее высоком социальном уровне Рим ввозил многочисленных франкских пленников, чтобы вновь обеспечить рабочей силой поля. Это положение фигурировало уже в *fædus* от 287–288 гг. с Генобавдом. Константин заключил другие подобные договоры в Бельгии. Возможно, некоторым из этих поселений принадлежали кладбища германского типа, приписываемые *laeti* (ср. стр. 147). Они могли подготовить складывание новой романо-германской культуры⁵.

Но основной процесс переселения франков не зависел от Рима. Первые этапы, по-видимому, были связаны с модификацией римских оборонительных сооружений после катастроф 268–277 гг. Ниже Ксантина берег Рейна был оставлен римлянами, а линейные *limes* заменены на разбросанные *castella* (крепости), защищавшие маршрут Кельн — Тонгр — Бавэ — Булонь, некоторые у реки, а большинство — в удалении от нее. Четвертый век не оставил нам других римских следов между Рейном и этой рокадой⁶, что, вероятно, говорит не об эвакуации, а, по крайней мере, об обнищании и безразличии к цивилизации.

Тексты кратки и обманчивы. Начать можно с рассказа Аммиана Марцеллина: в 358 г. Юлиан напал на салиев, дерзнувших обосноваться на римской территории *apud Toxandriam locum* (близ Токсандрии), а затем заключил с ними мир в Тонгре, согласившись уступить им землю. Где это, *Toxandria locus*? Без сомнения, как и *Texandria* IX в., к северо-востоку от Анверса⁷. Таким образом, представляется, что нидерландский Брабант был заселен салическими франками позднее, в середине IV в. Затем перейдем к «Хронике»

св. Иеронима, который упоминает о поражении саксов при «*Deusone in regione Francorum*» (Деузоне в области франков), но этот топоним нельзя точно идентифицировать (вероятнее всего, это место находится в Гельдерне, к северу от Рейна). Наконец, в 388 г. Сульпиций Александр (а вслед за ними Григорий Турский) помешает сражение с франками, переправившимися через Рейн у Кельна, у *apud Carbonariam*, и это место также не удается определить. В этом контексте можно полагать, что область *Francia* (Франкия) и большинство франков еще находились к востоку от Рейна.

Затем установилось полное молчание, продолжавшееся до V в., что, видимо, указывает на ослабление франкского натиска. Несомненно, шло в основном мирное заселение территорий, которые не представляли особенного интереса для Рима. Таким образом, очевидно лишь одно: с 358 г. салии на законном основании поселились по эту сторону Рейна, на некогда римской земле, обладая юридическим статусом (федератов, надо полагать), что отличало их от других варваров, недружелюбных по отношению к Империи. Другие группы франков, например хамавы и бруктеры, оставались раздробленными и враждебными Риму.

Во время прорыва 406 г. франков среди нападавших не было. Некоторые франки, находясь в рядах римской армии, даже защищали переправу через Рейн от варваров. Франки не несут никакой ответственности за последовавшую за этим огромную катастрофу. События 406 г. имели для них в основном косвенные последствия, поскольку ослабили власть и оборону на севере Галлии. Тем не менее некоторые группы, конечно же не заключавшие с римлянами *faedus*, не могли долго устоять перед желанием получить свою долю добычи. Известно, что до 411 г. они дважды брали Трир; в 428 г. франки заняли часть Рейнской области, откуда их изгнал Аэций; один текст сбивчиво упоминает о новых столкновениях в 432 г. Наконец, около 440–450 гг. Сальвиан кратко описал судьбу рейнских городов: Майнц разрушен и разорен, Кельн «полон врагов» (то есть определенно

захвачен), Трир четырежды разграблен (то есть еще два раза после 411 г.; окончательный захват, по-видимому, произошел не раньше 475 г.)⁸.

Вполне вероятно, что в середине V в. римская оборонительная система была восстановлена: согласно одному панегиристу, в 446 г. рейнская граница снова находилась в руках Рима — но ненадолго, так как в 451 г. через римские рубежи прорвались гунны, к которым присоединились хатты. Однако большая часть франков не двинулась с места, *limes* же были окончательно заброшены. Римская власть на севере Галлии свелась к одной мобильной армии, размещенной в парижском бассейне, во главе которой в 456 или 457 г. был поставлен новый магистр милитум Эгидий, и некоторым более или менее призрачным военным округам: дукату Бельгия на побережье к северу от Соммы, *Tractus Armoricanus* (Армориканской области) от Луары до Соммы; и, возможно, еще один такой округ был создан Аэцием на Луаре вокруг Орлеана. Вот между этими оплотами римской обороны маневрировали франкские короли: Хильдерик поступил на службу к Эгидию, который в 463 г. привлек его к борьбе с вестготами неподалеку от Орлеана; римский полководец Павел, сменивший Эгидия, сражался вместе с Хильдериком против саксов в районе Анжера. Мы не знаем, что в это время происходило с народом, которым Хильдерик правил на севере Галлии, но, без сомнения, он продолжал свое неторопливое движение на юг⁹.

Из всей истории Хильдерика лучше всего нам известно о его смерти (в 481 г.): в 1653 г. в городе Турне, посреди римского кладбища была найдена его могила, что подразумевает наличие в жизни этого города некоторой преемственности. Однако Хильдерик не был единственным королем франков: в источниках упоминается, что после его смерти в Камбре и Кельне правили другие франкские короли, и это не считая еще двоих (правда, нам неизвестно, где именно они правили)¹⁰. Примерно до 508 г. франками правила группа королей, связанных родственным узами,

а не единый монарх. Мы не знаем наверняка, кто руководил движением франков на юго-восток (существует предположение, что франки должны были захватить Майнц около 459 г., а Трир, Мец и Туль – около 475 г.). В эпоху, когда на троне восседал Хлодвиг, это перемещение ограничивают три почти несомненные вехи: Суассон, о котором с определенностью известно, что на пятом году правления Хлодвига он все еще являлся столицей Сиагрия, сына Эгидия; Верден, о котором «Житие святого Максимина Орлеанского» говорит, что он был завоеван Хлодвигом; и Вормс, который Равеннский космограф отводит аламаннам.

Возможно, франкские короли пользовались широкой поддержкой на территории, доходившей до Луары, благодаря расселению там *laeti* (летов), поселенцев и своим собственным походам. Этим объясняется тот факт, что в последующую эпоху мы почти ничего не слышим о захвате Хлодвигом земель между Сеной и Луарой: это не было настоящее завоевание, а лишь возвращение франков на землю, где они уже не раз бывали раньше; им потребовалось только подавить некоторые очаги римского сопротивления, вроде Суассона и Парижа, а в методичном покорении всего региона не было нужды. Приход франков не имел ничего общего с вторжением готов в Италию и Испанию или вандалов в Африку, которые можно поместить в четкие хронологические рамки и изобразить в виде линий на карте.

С Хлодвигом франки, дотоле находившиеся во мраке неизвестности, мгновенно выходят на первый план. Но историческую фигуру этого завоевателя трудно очистить от всего наносного¹¹. На протяжении почти десяти лет мы не знаем, в каком хронологическом порядке расставить самые решающие эпизоды его жизни; нам практически неизвестно, что означал его титул, и, конечно, мы не в силах сказать ничего о его политических воззрениях. Единственное повествование, хотя бы отчасти посвященное его правлению, – это труд Григория Турского, написанный после 576 г., то

есть с опозданием на три четверти столетия. Само повествование выглядит как достаточно гипотетическая реконструкция событий, построенная Григорием на основании чрезвычайно немногословных летописных источников и некоторых устных преданий. К тому же задачи, которыеставил перед собой Григорий, не были собственно историческими, и особенно в этом вопросе: для Церкви Хлодвиг — орудие ее торжества — мог быть только посланцем Провидения. Но обойтись без Григория никак нельзя: помимо его текста мы располагаем только несколькими письмами и жизнениями святых, содержащими лишь мимолетные упоминания об этом короле.

Должно быть, Хлодвиг¹² родился около 465 г.: он был сыном Хильдерика и его супруги Базины, родом из племени тюрингов (чем объясняется тот факт, что одной из первых военных акций Хлодвига стал поход на Тюрингию). И до его прихода к власти, несомненно имевшего место в 481 г., мы не знаем о нем ничего другого. На пятом году своего правления (то есть в 486 г.) он вместе со своим родственником Рагнахаром, королем Камбре, напал на Сиагрия, сына Эгидия, «короля римлян», резиденция которого находилась в Суассоне. Потерпев поражение, Сиагрий бежал в Тулузу к королю вестготов Алариху II; но этот Аларих выдал его Хлодвигу, который приказал его убить. Этот успех, безусловно, принес Хлодвигу власть над всей территорией доLuары; во всяком случае, на пятнадцатом году правления Амбуаз находился на границе его государства. Впоследствии (но неизвестно когда именно) Хлодвиг избавился от своего союзника Рагнахара и стал единственным правителем завоеванной страны¹³.

Мы не будем следовать за каждым шагом Хлодвига, но все же отметим важнейшие этапы его военных операций¹⁴. Одни его походы направлены на восток: это кампании против тюрингов (491 г.) и аламаннов (495? или 505–506?), отмеченные победами. Они подготовили франкский протекторат над Западной Германией, который был установлен

при сыновьях Хлодвига. В большинстве же своем военные операции развивались в южном направлении — это бесславно закончившаяся война с бургундами (или, по крайней мере, с партией Гундобада) 500–501 гг., а главное — кампания против вестготов Алариха II, вплоть до решающей победы при Вуйе в 507 г. Наконец, во время похода на аламаннов Хлодвиг, женатый на Хродехильде, бургундке ортодоксального вероисповедания, поклялся стать ортодоксальным христианином. В день Рождества Христова (496?, или 498?, или 506?) в Реймсе он принял крещение из рук епископа Ремигия. Его народ постепенно последовал его примеру и в результате — первым из завоевателей-варваров — разделил веру и культ с побежденными римлянами.

Остановимся на поражении вестготов и присоединении к франкскому королевству юго-западной части Галлии. Готы, владевшие Аквитанией вот уже три поколения, прочно укоренились в этих землях, тем более что через Прованс они могли получать помощь от остготов Италии. Но они были арианами, а Хлодвиг — ортодоксальным христианином, вот уже десять лет (или несколько месяцев). Некоторые епископы королевства Алариха II — Квинциан Родезский, Волузиан и Вер Турские — уже давным-давно интриговали в пользу франков. С другой стороны, византийский император Анастасий, завидовавший Теодорику Великому, поощрял любые действия, способные нанести ущерб готам, и, конечно же, побуждал к этому Хлодвига, в то время как Теодорих тщетно пытался стать посредником между фракским и вестготским королями. Бургунды, возможно подчиняясь указаниям из Константинополя, встали на сторону Хлодвига, несмотря на недавнюю войну между ним и Гундобадом¹⁵.

После свидания с Хлодвигом в Амбуазе Аларих II почувствовал приближение опасности. В 506 г. он предпринимал все новые и новые примиряющие шаги в сторону ортодоксальных верующих: вернул изгнанных епископов, позволил провести собор в Агде и, безусловно, обнародовал (2 февраля 506 г.) «Бревиарий Алариха» (ср. стр. 264). Действенную поддержку

ему оказывали римляне Оверни под руководством Аполлинария, родного сына Сидония. Но этого было недостаточно.

О ходе боевых действий мы знаем мало. Получив подкрепление от своего родственника короля Кельна, Хлодвиг двинулся по маршруту из Тура в Пуатье. Битва произошла на некотором расстоянии от этого последнего города, при Вуйе. Аларих II был убит. Хлодвиг поспешил захватить обе его столицы, Бордо и Тулузу, и завладеть казной, в то время как бургунды дошли до самого Лимузена и ворот Тулузы.

Хлодвиг удовольствовался захватом севера и запада древнего королевства вестготов. Определенно, у него не хватило сил на большее, а благоразумие подсказало не дразнить Теодориха, выйдя к самому Средиземному морю. Франки не препятствовали ни отступлению вестготов в Испанию, ни сохранению моста между двумя готскими державами через Септиманию и Прованс. Маловероятно, чтобы Хлодвиг завладел Гасконью к югу от Гаронны. Но он посчитал своим долгом искоренить арианство в завоеванных районах.

По возвращении из похода, закончившегося при Вуйе — в результате которого королевство Хлодвига стало в два раза больше и в его состав вошло несколько «самых римских» регионов Запада, — Хлодвиг принял участие в загадочной церемонии в Туре. О ней известно только из восьми строк Григория Турского: Хлодвиг получил от императора Анастасия титул консула, облачился в пурпурную тунику и диадему в базилике Св. Мартина и проехал по городу, разбрасывая золото и серебро, и его приветствовали как «консула и августа». Далее мы рассмотрим возможные истолкования этого события¹⁶. Данный эпизод остался без практических последствий (франкские короли никогда не носили титулов консула или августа), но, с благословения империи, символически освятил союз между королем-завоевателем и римлянами юга, которые, избавившись от готов, предоставили преемникам Хлодвига значительную часть персонала для управления государством.

О последних годах правления Хлодвига мы не знаем практически ничего, кроме двух очень важных фактов. Прежде всего речь идет о ликвидации франкских корольков, главное, Сигеберта, государя Кельнского. Хлодвиг разыскал и перебил всех своих родственников, тем самым установив внутри дотоле обширной королевской семьи монополию собственной династии. Затем постоянной королевской резиденцией был выбран Париж, расположенный очень далеко от отправных точек франкского завоевания в почти не затронутой им галло-римской среде. Эти решения раскрывают желание Хлодвига строить свое государство на совершенно иных основах, нежели его предшественники: отныне меровингское королевство представляет собой новаторский синтез римских и германских элементов.

Хлодвиг умер в Париже 27 ноября 511 г. Однако натиск франков скорее в форме политической экспансии, чем миграции народа, не ослабевал при жизни еще одного поколения. В западном направлении второе поколение Меровингов продвинулось настолько, что пришло в соприкосновение с бретонцами, то есть чуть дальше линии Ренн – Ванн. Гасконь на юго-западе была оккупирована до самых Пиренеев. А главное – было разгромлено, присоединено и в 533–534 гг. разделено бургундское королевство на юго-востоке, а в 537 г. с единодушного согласия остготов, находившихся на краю гибели, и их врага Юстиниана был завоеван Прованс. Таким образом, под властью франков была объединена вся Галлия, кроме Нижней Бретани и Септимании.

К Галлии второе поколение Меровингов добавило большую часть дотоле независимой Германии вплоть до среднего Дуная, Богемских гор и примерно линии Халле – Дуйсбург. Это завоевание было поверхностным и не слишком надежным, о нем мало известно; но, если им пренебречь, мы не сможем охватить деятельность Меровингов во всей ее полноте. Эту кампанию вели сыновья и внуки Хлодвига – главным образом короли Реймса и Меца Теодорих (511–534 гг.) и его сын Теодеберт (534–548 гг.), которые

сумели воспользоваться постепенным ослаблением остготского влияния к северу от Альп.

Вполне возможно, что эта политика вдохновлялась и проводилась римским государственным деятелем, патрицием Парфением, потомком императора Авита, провансальцем, который перешел на службу к франкам, оставив остготского короля Теодориха. Его основная идея состояла в том, чтобы навязать меровингскому королю ту же политику, что проводил Кассиодор при Теодорихе Великом. Без сомнения, именно он придал готские черты праву Южной Германии (Алемания, Бавария). Чтобы получить средства для большой политики, он хотел снова ввести в Галлии регулярный поземельный налог, за что толпа забросала его камнями после смерти Теодоберта. Несмотря на гибель Парфения, его политика, по сути, была достаточно успешной; она стала отправной точкой для постепенной эволюции, которая окончательно сблизила Германию с бывшими землями империи¹⁷.

Тюрингия, покоренная Теодорихом и Хлотарем около 530 г., стала протекторатом под контролем франкских герцогов (дуксов), но осталась языческой. Теодорих, а позже Хлотарь нападали на Саксонию: сначала саксы уступили и стали платить дань, а затем, около 555 г., взбунтовались и вернули себе свободу. В отношении аламаннов Хлодвиг действовал более прямолинейно, чем где-либо еще: он уничтожил их королевский род и установил протекторат над прирейнской частью их территории. Остальное было завоевано после 536 г. Теодебертом. Запад (Эльзас и Пфальц) был прочно объединен с королевством Австразия, оказавшись под влиянием епископов Страсбурга и Базеля, и в течение V в. принял христианство; зарейнская Алемания, управляемая местным герцогами, напротив, оставалась очень независимой и примерно до 750 г. языческой. В Баварии и Паннонии, бывших протекторатах остготов, франки стали их наследниками. Около 555 г. Хлотарь навязал свой сюзен-

ренитет баварскому герцогу; его влияние на какой-то момент распространялось и на лангобардов. В VII в. за этой экспансией, апогей которой приходится примерно на 560 г., последовал явный упадок. Он сопровождался (в основном в Эльзасе) исключительно цивилизационной и ассимиляционной деятельностью. Тем не менее это одно из величайших событий европейской истории. Германский мир впервые покорился власти с центром западнее Рейна и покончил с племенной раздробленностью. Полную независимость сохранили только фризы и саксы, обитавшие между Альпами и Северным морем¹⁸.

Таким образом, небольшой народ, чьи мелкие правители до 470 г. яростно спорили из-за нескольких областей на Рейне и в Бельгии, через три поколения стал хозяином на пространстве от Пиренеев до Заале и от Ла-Манша до среднего Дуная. Что еще удивительнее, это наскоро построенное государство оказалось самым долговечным на всем варварском Западе. Этим оно, без сомнения, было обязано тому относительному равновесию между римскими и германскими составляющими, которое в нем установилось.

Б) Аламаны.

Подобно франкам, аламаны, по-видимому, появлялись в результате слияния разрозненных племен, долгое время контактировавших с римлянами «Декуматских (Десятинных) полей» между верхним Дунаем и средним Рейном; первое упоминание о них относится к 213 г. Однако их первые шаги были гораздо более заметными, чем у франков: почти без промедления они создали серьезную угрозу для *limes*; в 260 г. удачный прорыв привел их через Альпы к Милану, и в течение последующих пятнадцати лет они несколько раз повторяли этот успех. В 277 г. крупная победа Проба остановила стремительную карьеру аламаннов, но в конечном счете они не только остались хозяевами района реки Неккар, но и, воспользовавшись удобным случаем, про двинулись до эльзасского Рейна, озера Констанц и Иллера.

На протяжении всего IV в. они не оставляли попыток закрепиться на левом берегу Рейна, но каждый раз встречали отпор (от Констанция около 350 г., от Юлиана вблизи Страсбурга в 357 г., от Грациана снова в Эльзасе в 378 г.), несмотря на несколько глубоких рейдов на римские земли, например, при Констанции Хлоре, когда они дошли до Лангра.

Само название *Alamanni*, «все люди», по-видимому, указывает на их изначально пестрый состав. Каковы были составляющие этого синтеза? Страна аламаннов, в конце концов, получила наименование Швабии, которое, как полагают, связано главным образом со свевами, но, по крайней мере, одна важная ветвь этого народа сохранила свое название. Кроме того, имеются ссылки на квадов, тевтонов Неккара, харудов и *eudusii*, народы, о которых мало что известно. Формирование народа аламаннов представляет собой почти безнадежный случай *Stammesbildung* (образования племен).

Начиная с VI в. термин «аламанны» используется главным образом как внешнее обозначение (вплоть до того, что на французском языке им стали называть всех германцев континента), в то время как в качестве внутреннего названия предпочтением пользуется древнее «швабы».

Укрепившись у древнего *limes* Декуматских полей, аламанны в IV и V вв. сформировали достаточно прочное политическое образование в глубине некогда римской территории. Нам известен их правящий род, просуществовавший до времен Хлодвига. Опорой их силы была тяжелая конница, вооруженная длинными обоюдоострыми мечами. Представляется, что аламанны уничтожили римские институты к северу от Дуная, превратив часть местных жителей в рабов; захват человеческой добычи долгое время оставался единственной целью их набегов.

Аламанны сыграли большую роль в прорыве 406 г. Вероятно, именно с этой даты берет начало их первое расселение в Эльзасе и Пфальце; однако консолидировались они

только после внезапного нападения Аэция незадолго до 455 г. Часть населения сумела выжить, сохранив некоторые древние топонимы (вроде *Tabernaе*, Саверн). Из этой от правной точки они двинулись сначала на север и северо-запад вниз по Рейну и наткнулись на франкских королей Кельна, которые их остановили, в числе прочих, в знаменитой битве при Тольбиаке (Цюльпихе, к западу от Бонна). Когда на смену этим царькам пришел Хлодвиг, это направление оказалось окончательно закрытым для аламаннов; энергичная контратака франков в 506 г. привела к краху правящей династии, бегству многих аламаннов в области готского протектората (прежде всего в Рецию) и повороту вектора аламаннской экспансии на юг. Северо-запад аламанских владений (Пфальц, прирейнский Гессен, район Майна) был быстро ассимилирован франками; Эльзас же, напротив, хотя и перешел фактически под прямой франкский протекторат, сохранил в целости свой аламаннский характер.

Движение на юг и юго-восток первоначально было не более чем чередой разрозненных грабительских набегов. В 457 г. аламанны снова вторгаются в Верхнюю Италию, затем, в 470–480 гг., возобновляют глубокие рейды в разных направлениях, от *Maxima Sequanorum* (Франш-Конте) до Норика. Настоящая колонизация современной Швейцарии началась только в последние годы V в. после первых неудач в борьбе с франками. Только после 500 г. мы встречаем варварские кладбища к югу от Рейна. Продвижение в направлении швейцарской равнины, в одно время сдерживаемое бургундами, возобновляется после падения бургундского королевства; аламанны окружают и удушивают уцелевшие города, вроде Аугста (вблизи Базеля) или Виндиша (к западу от Цюриха). В начале VII в. аламанны достигли района Аванша, в 610 г. разбили двух франкских графов при Вангене и заняли страну. В то же время некоторые отряды попытались через Бургундию или перевалы Юры вторгнуться в Франш-Конте; племя варасков обосновалось в окрестностях Безансона, другое оставило свое название

местности, прилегающей к Ecuens (*pagus Scotingus*), но основная масса не вышла за пределы восточных отрогов Юры¹⁹. Во всем этом районе заметная часть населения должна была остаться на месте, несмотря на упоминаемые Фредегаром избиения назавтра после битви при Вангене, так как почти все важные населенные пункты сохранили свои древние названия (например, *Turicum* — Цюрих, *Salodurum* — Солер, *Augusta* — Аугст и т. д.)²⁰.

Еще восточнее аламаны, по приказу Теодориха, встретили мирный прием на равнинах Реции, причем жители-римляне эвакуировались к югу от озера Констанц и в Альпы. Долгое время два населения существовали на одной и той же территории, и вокруг Кура возникло маленькое полуавтономное латинское государство. Позднее, когда вся территория перешла под прямой контроль франкских королей, этот островок был подавлен.

Недоразвитость политических структур у аламаннов по истечении эпохи Хлодвига представляла разительный контраст с динамизмом колонизаторской активности: это главное отличие от франкского общества. Около 536 г. Аламания была поставлена под управление герцога, назначаемого королем Австразии; но ему только изредка удавалось контролировать всю страну (начиная с VII в. Эльзас часто ускользал из его рук). Центр его власти находился в Хегау и районе к западу от Констанца, но ничто не указывает на начало складывания государства, пусть даже в самой зачаточной форме. Народ долгое время оставался в лоне язычества, несмотря на сохранение христианства в некоторых населенных пунктах римского происхождения; обращение началось только в конце VI в. с учреждением епископата в Констанце (около 590 г.), а его решительные успехи связаны лишь с миссией Колумбана²¹. Аламаннское право было кодифицировано только под влиянием, исходившим из Австразии.

Эта политическая агония продолжалась вплоть до распада империи Меровингов в Германии. В конце VII в. аламаннские герцоги вновь получили полную свободу действия, и

майордомам из рода Пипина пришлось хорошо потрудиться, чтобы ее ограничить. Наконец, в 709–712 гг. Карл Мартел положил ей конец. В начале IX в. курская Реция покорилась своей судьбе: ею стали управлять франкские графы. История аламаннов растворилась в истории немецкого народа.

В) Бавары.

Происхождение баваров относится к еще более позднему периоду и окутано еще более густым мраком, чем появление аламаннов. Уникальный случай в истории нашествий – впервые бавары упоминаются уже после проникновения через *limes* (в 551 г.) Иорданом. С этой эпохи они находятся на своей современной территории, которую никогда не покидали. Лингвистам и археологам до сих пор не удалось снабдить их обоснованной генеалогией.

Расселение баваров по римскую сторону *limes* не менее туманно. Существуют предположения о том, что они пришли туда еще до установления франкского протектората²², но после эпохи, описанной в житии святого Северина, столь внимательном к перемещениям варваров. Следовательно, их переселение можно расположить между 488 и 539 гг., и, без сомнения, оно осуществилось в момент, когда лангобарды, покинув Нижнюю Австрию, отправились в Паннонию. Вплоть до III в. бавары и лангобарды часто находились в отношениях тесного сотрудничества²³.

Подобно аламаннам, бавары превоначально занимали лишь равнинные районы, предоставив многочисленным римским группам жить в Альпах и между вкраплениями своего очень неплотного населения. Долгое время их наиск, не менее сильный, развивался в южном направлении; в VIII в. они перевалили через хребет Альп и хлынули в Верхний Адидже. Однако бавары отличились тем, что вскоре создали политическое образование, объединившись под властью вокруг герцогов Агульфингов, первый из которых, Гарибалльд, появился на исторической сцене в середине VI в. Мы не знаем, были ли Агульфунги ставленниками

франкских покровителей или имели местное происхождение, однако ясно то, что бавары сплотились именно вокруг них. В конце VII в. они получили полную автономию, осуществляли обращение в христианство своих подданных с помощью миссионеров, прибывавших практически отовсюду, и в VIII в. стали центром притяжения для всех тех германцев, которые не хотели признавать первенство франков. Карл Великий не пожелал мириться с этой ситуацией и в 788 г., когда герцог Тассилон III начал переговоры с аварами, снова, на этот раз без всяких оговорок, включил Баварию в состав франкского королевства.

Уточнить границы баварской территории сложно. В начале VI в. она предположительно простиралась вдоль Дуная от Ингольштадта до Штраубинга. В 565 г. Фортунат причисляет к баварским землям и долину реки Лех; вскоре западная граница передвинулась к Иллеру, и бавары оказались соседями аламаннов. На востоке бавары еще до 600 г. достигли Эннса; около 610 г. их передовые отряды пришли в соприкосновение со славянами в Каринтии. Нам неизвестно, когда баварам достался Верхний Пфальц, в V в. принадлежавший тюрингам.

Относительная покорность, с которой бавары приняли меровингский протекторат в VI в., объяснялась аваро-славянской угрозой. Они поспешили избавиться от франков, когда усилившееся королевство лангобардов предложило им лучшие условия. И именно возобновление аварской угрозы в конце VIII в. сыграло свою роль в конечном покорении баваров Карлу Великому.

II. Третья волна нашествий (VI–VII вв.)

После триумфа Хлодвига варвары Запада, казалось, достигли если не окончательной стабильности, то, по крайней мере, некоторого равновесия. Каждый из крупных географических регионов *pars Occidentis* (западной части) попал

под власть народа, пустившего корни в этих землях: ангlosаксов в Британии, франков в Галлии, вестготов в Испании, остготов в Италии, вандалов в Африке. Два второстепенных народа — бургунды в Восточной Галлии и свевы в Северной Испании — еще сохраняли шаткую независимость, но их поглощение могущественными соседями было не за горами. Существовали еще спорные области (Септимания, Прованс, Сицилия), но это не меняло ничего существенным образом. Что же касается кельтских островков в Арморике и баскских в Гаскони, то они не имели никакого политического значения. Повсюду начался процесс укрепления государств.

Эти перспективы спутало одно событие, в результате которого центральная часть средиземноморского бассейна на несколько сотен лет вновь стала нестабильным регионом. Им стала попытка византийского императора Юстиниана I отвоевать римские земли. Первые шаги в Африке (532–534 гг.), стремительные и успешные, побудили его продолжить начатое дело в Италии и Испании. Но чтобы разгромить остготов (535–562 гг.), потребовалась четверть века яростной борьбы, а Италия заплатила полным разорением за уничтожение народа, который там замечательным образом преуспел. Испанию от подобной же участи спасла только ее удаленность и нехватка людских ресурсов, имевшихся в распоряжении Византии — Юстиниан освободил только юго-восток (после 552 г.).

Эта «реконкиста», закончившаяся около 560 г., высвободила одну клетку на шахматной доске наиболее желанных для варваров земель — Италию. Этот вакуум сразу же привлек лангобардов, которые покинули Паннонию, чтобы его заполнить (568 г.). Опустевшая Паннония, в свою очередь, притянула авар, вышедших из понийской степи. Чтобы в течение столь долгого времени вести масштабную войну на два фронта — борьбу с персами и освобождение Запада, — Юстиниан оголил дунайский фронт: как и в IV в., Балканский полуостров вновь оказался открытym для варваров. Авары ринулись туда, не пытаясь там закре-

питься, но следовавшие за ними болгары и славяне остались там навсегда. В степном мире этот двойной натиск на запад и юг создал новый вакуум, который, в свою очередь, заполнили хазары²⁴.

Эта третья волна бушевала примерно полторы сотни лет, начиная с переселения Альбоина в Италию и до консолидации болгарского ханства. Она была очень неоднородной по составу, объединяя германцев (лангбардов), степные народы (аваров, болгар, хазар) и славян. Но в контексте общего процесса она демонстрирует бесспорное единство.

А) Лангобарды.

Нашествие лангобардов, последнее и, возможно, самое разрушительное из всех вторжений германских племен, является делом рук народа, который оставался на заднем плане вплоть до середины VI в. и которому, казалось, ничто не предвещало роли, более выдающейся, чем роль гепидов или дунайских герулов. Разгром государства остготов в Италии Юстинианом внезапно открыл перед ними неожиданные возможности. Но главным, от чего выиграли лангобарды, была замечательная способность их короля Альбоина принимать разумные решения: они стали единственным народом, ускользнувшим из Паннонии до того, как этим регионом окончательно и бесповоротно завладели завоеватели-степняки.

Относительно происхождения лангобардов существуют два предания. Национальная мифологическая традиция сложилась после завоевания Италии²⁵; она следует тем же канонам, что и предания готов: лангобарды вышли из Скандинавии (*Scadanam*), оттуда добрались до *Golaida* или *Scoringa* (на южном побережье Балтики?), где некоторое время носили имя *Winniles* (винылы), и, наконец, поселились в *Maurunga* (на Эльбе?). Античная историография менее многословна, но более надежна: в 5 г. до н. э. лангобарды понесли поражение от Тиберия на нижней Эльбе; Веллей Патеркул описал их как «гер-

манский народ, самый жестокий и свирепый»; во времена Тасцита они снова находятся на Эльбе. Позже они перемещаются к югу: в 167 г. они приходят в соприкосновение с римской Паннонией. За этим следует продолжительное молчание. В 489 г. лангобарды обнаруживаются снова в качестве завоевателей страны ругов (Нижняя Австрия), опустевшей в результате победы Одоакра.

Скандинавское происхождение лангобардов исключать нельзя. Лангобарды говорили на западном диалекте — точнее, *Elbgermanisch*, но до нашей эры Скандинавия говорила не только на северном диалекте. Лангобардское право, по-видимому, имеет скандинавские параллели. Данные археологии нейтральны. Но история начинает обращать внимание на лангобардов только со временем их пребывания на Эльбе. Оно было достаточно долгим и обеспечило лангобардам возможность контактов с хавками (предками саксов), чем объясняется участие саксов в походах лангобардов между 568 и 573 гг.²⁶

Миграция лангобардов в южном направлении, совпавшая по времени с перемещением всей группы малых народов (ругов, герулов и пр.), охватывает долгий период. По ее окончании, в 489 г., лангобарды заняли часть современной Нижней Австрии, где провели некоторое время (15 или 57 лет?) в качестве клиентов герулов. При этом речь все время идет о племени, находящемся где-то на втором плане.

Но в начале VI в. все меняется. Вобрав в себя осколки других народов, лангобарды перебрались в Паннонию и там сделались полукочевыми скотоводами. Из этой центральной позиции они совершили набеги на Далмацию. Их король Вахо (ок. 510–540 гг.) был крупной фигурой международного уровня: он выдал своих дочерей за меровингских королей Теодеберта, Теобальда и Хлотаря, имел прочные связи с Византией и сохранил нейтралитет в 539 г., когда Витигес обратился к нему за помощью против Юстиниана. Это паннонское государство разбогатело благодаря важному

торговому маршруту из Аквилеи к берегам Балтийского моря; оно приобщилось к цивилизации и, безусловно, именно тогда впало в арианство²⁷. Немало лангобардов служило в имперской армии, поставляя ей руководящий состав эффективной военной организации (дуксов, комитов, сотников, *decani*).

Вскоре после 540 г. Авдуин, шурин и наследник Вахо, заключил *fædus* с Юстинианом: для проживания его народу отводилась Паннония и Норик, а также предоставлялись субсидии. Юстиниан думал использовать его одновременно против франков (только что захвативших Норик) и готов (угрожая их тылам и отрезав подступы для возможного подкрепления с севера). В 552 г. лангобарды даже приняли участие в последних военных действиях Нарсеса в Италии: несколько герцогов (дуксов) вошли в долину По с 2500 воинами и 3000 вспомогательными бойцами. Очень неблагоразумно было позволить им сделать сразу два открытия: своих возможностей и богатств Италии!

Испытывая сложности в отношениях с Византией и новоприбывшим кочевым народом аваров, Альбоин, сын Авдуина, быстро склонился к тому, чтобы воспользоваться этим открытием. Сначала лангобарды и авары вели совместные действия против гепидов; в 567 г. последние были уничтожены, и Альбоин собственной рукой убил их короля. Но Византия протестовала против подобного нарушения своего протектората, а аварский каган Баян выказал опасную требовательность при разделе покоренной страны.

Тогда Альбоин принял дерзкое решение: покинуть Паннонию, чтобы завоевать Италию. С аварами был заключен договор, закрепивший передачу им Паннонии, но сохранявший за лангобардами право вернуться в течение двухсотлетней отсрочки. Весь народ отправился на запад; в него входили самые разнородные элементы — «гепидов, болгар, сарматов, паннонцев, свевов, нориков», согласно Павлу Диакону²⁸. К ним стоило бы прибавить еще тюрингов, ба-

вар, саксов и тайфалов. При этом никто не заставляет отрицать их автономию: и после завоевания болгары, сарматы и саксы долгое время продолжали держаться особняком. Великий исход произошел в апреле 568 г. Авары постепенно заняли опустевшую страну, попутно посягнув на владения Византии к югу от реки Сава.

Это отступление устанавливает важнейшую дату в истории континента. Маршрут Адриатика – Балтика был окончательно перерезан, на северном фланге империи надолго установился заслон из непроницаемого варварства, способствовавший набегам болгар и славян на Балканы. Отголоски этого события отчетливо ощущались даже в скандинавском мире, куда до самой эпохи викингов прекратило поступать средиземноморское и восточное золото.

Чтобы завоевать Италию, Альбоин должен был форсировать *limes* Фриули, пришедший в упадок в результате войн между Юстинианом и готами. Двадцатого мая 568 г. он пал почти с первого удара. Вскоре была захвачена Аквилея; ее патриарх нашел убежище на прибрежном острове Градо, это положило начало первому этапу всеобщего бегства населения к морю. Лангобарды один за другим заняли *castella* (укрепления) Венеции, в то время как их разведчики уже рассыпались далеко впереди. На следующий год Альбоин завладел почти всей долиной реки По и 3 сентября взял Милан. Положение древней столицы было плачевным, но ее значение по-прежнему было таково, что Альбоин приказал начать счет лет своего правления в качестве *dominus Italiae* (государя Италии) именно с этого дня. Тем не менее успех лангобардов не был полным: в руках византийцев остались отдельные участки, а также небольшие крепости, преграждавшие альпийские маршруты (Аоста, павшая в 575 г., Суза – в 576 г., Чьявенна и Изола Комачина, продержавшиеся до 588 г., и, главное, Одерцо в Верхней Венеции, которая сопротивлялась до 650 г.), и укрепленные города на равнине: Падуя, Мантуя, Кремона и Павия. Вокруг этого-то последнего города и развернулись решающие

бои: чтобы его взять, Альбоину протребовалось три года (569–572 гг.)²⁹.

Во время этой осады лангобардские герцоги и их войска распространились во всех направлениях. На западе они трижды вторгались в Галлию через Южные Альпы между 560 и 576 г. На юге они очень быстро переправились через центральные Апеннины и вторглись в Тоскану и Лациум; начиная с 575 г. Рим был блокирован с суши. На юго-востоке другие отряды прошли по Виа Эмилия и Виа Фламиния, обогнув Равенну с юга, и около 575 г. заложили первые основы будущих герцогств Беневент и Сполето. С 578 г. отмечается присутствие лангобардов во главе с герцогами Фароальдом и Зотто в Кампании.

Альбоину не хватило времени, чтобы воспользоваться своим успехом: он был убит в 572 г. Его династия оборвалась. Король Клеф, избранный ему на смену, был, в свою очередь, убит в 574 г. Лангобарды решили обходиться без королей. В течение десяти лет ими правили 35 герцогов, состоявших в расплывчатых союзнических отношениях. Таким образом, решающие годы лангобардского завоевания соотносятся с диктатом «полевых командиров», рыщущих в поисках наживы без всякой системы³⁰. В 584 г., когда королевская власть была восстановлена и вручена Отари, сыну Клефа, главное уже было сделано. Понятно, почему вплоть до VIII в. народ лангобардов выглядит как напластование *exercitus* (войск), расквартированных в разных районах.

Начиная с периода междуцарствия напор завоевателей заметно ослабел, за исключением юго-востока. У византийцев было достаточно времени, чтобы оправиться (см. карту 3). Им удалось сохранить Истрию, побережье Венеции, район Равенны и весь треугольник вдоль реки По до Кремоны, военную дорогу из Равенны в Римини и Рим, защищенную укрепленными станциями, римские пригороды вместе с осколками Южной Тосканы, лигурийское побережье с Генуей, прибрежную Кампанию, Калабрию и область

Отранто. Вся эта территория управлялась экзархом с резиденцией в Равенне. Впрочем, власти империи не переставали думать об освобождении: например, в 586 г. экзарху удалось на десять-пятнадцать лет вернуть Модену, Реддجو Эмилия, Падую и Пьяченцу.

Архиепископ Миланский и викарий Верхней Италии, захваченные в Генуе, смирились с новым положением вещей только накануне захвата их убежища королем Ротари ок. 640 г. Ситуация по-настоящему устоялась только в середине VII в., после значительного отката византийских позиций. В ожидании этого византийская дипломатия попыталась, по своей излюбленной методе, нанести лангобардам удар с тыла, натравив на них других варваров — франков и их союзников аламаннов и баваров; впрочем, результат оказался нулевым.

Первым и наиболее явным итогом лангобардского завоевания, начавшегося назавтра после тридцати лет не-примиримой войны между готами и римлянами, стало воцарение в Италии ужасающей анархии. Римские административные кадры погибли или заперлись в убежищах на побережье, и никто не пришел им на смену. Первое поколение лангобардов не оставило стабильных поселений. Их армии, жившие добычей, привели с собой опасных союзников (беневентские болгары, авары и пр.). Как только оборона границ была оставлена, понадобилось немного времени, чтобы Италия, подобно Балканам, оказалась открытой для нашествия славян через Истрию и адиатическое побережье³¹. Реставрация королевской власти в 584 г. принесла свои плоды слишком поздно, чтобы изгладить следы этого периода. Даже будучи воссоздано, государство лангобардов оставалось незавершенным: империя сохраняла опорные пункты на побережьях и в Риме; правление военных шаек, на севере упраздненное в результате создания королевства со столицей в Павии, продолжало свое существование на юге, где лангобардские княжества пребывали в невероятном беспорядке вплоть до XI в.; ключи от Альп по-прежнему

оставались в руках франков. Этими обстоятельствами объясняется то, что лангобарды так и не создали в Италии единого национального государства, подобного королевству франков в Галлии или вестготов в Испании.

Византийские власти, решившие организовать отступление своих людей на побережье, несут очень большую долю ответственности за гибель Италии. Первоначально это была временная мера, которая в итоге стала окончательной.

Наиболее выраженной эта политика была в Венеции. Аквилея, средоточие церковной и экономической жизни, была оставлена ради Градо (на пересыпи). Епископы Конкордии и Одерцо обрели пристанище в устьях рек Ливенцы и Пиаве. Беженцы превратили рыбакские деревни в города, главным образом Риалто, ядро будущей Венеции. Эта прибрежная «новая Венеция», верная Византии, должна была располагаться у самой воды: мы знаем, какой успех на море ожидал ее в будущем. Аналогичное явление, хотя и в меньшем масштабе, затронуло Лигурию — миланские беженцы внесли свой вклад в развитие Генуи³².

По сути, государство лангобардов начинается с сына Отари Агилульфа (590–616 гг.). В его правление завоеватели окончательно укоренились в итальянской среде. Его женисьба на баварской христианке Теоделинде позволила найти общий язык с ортодоксальными христианами. Во дворце в Монце снова стали собираться остатки правящих классов, которые по-прежнему играли весомую роль в интеллектуальной и художественной сфере. После обращения короля в 607 г. еще не раз имели место возвраты к арианству, но уже ничто не могло остановить лангобардов на пути к примирению. Тот факт, что в 626 г. двор и правительство обосновались в оживленном городе Павии, привел к укреплению этой тенденции.

Закрепление лангобардов происходило в основном в форме военного поселения. Основной административной

единицей, упразднившей римскую провинцию, являлось герцогство, находившееся в ведении *exercitus* (войска) во главе с герцогом. Чтобы сохранить сплоченность армии и способствовать арианскому культу, поселение осуществлялось компактными группами, что приводило к ощутимой неравномерности на местах: так, в Тоскане и Сиене имелись *exercitus* (войска), в то время как Лукка и Ареццо оставались под управлением римских *cives* (горожан). Лингвистический вклад лангобардов состоял главным образом из военных и административных терминов (*arimannus* — «солдат», *gastaldus* — «управляющий именем», *sculda his* — что-то вроде «прево») или социальных градаций (*adelingus* — «благородный», *aldio* — «полусвободный»), не считая нового правового словаря. Это указывает на глубину социального переустройства и представляет разительный контраст с малой лептой готов, столь уважительно относившихся к институциональному наследию Рима.

В течение смутного периода основная часть земель перешла от римской аристократии к вождям лангобардов. Павел Диакон описывает имевшую место при Клефе жестокую экспроприацию, сопровождавшуюся убийствами; выжившие были низведены до положения держателей лангобардов и отдавали им треть своего урожая³³. Определенно одно: как политическая и социальная сила, римская аристократия, уже изрядно обескровленная войнами против готов, была уничтожена. Существовало даже мнение, разумеется ошибочное, что лангобардское право игнорировало свободных римлян; они продолжали жить по собственным законам, но их социальный статус понизился (ношение оружия, признак свободного человека, было им запрещено вплоть до VIII в.).

За отсутствием документов статус римлянина остается очень туманным. Мы ничего не знаем о лангобардском праве до эдикта Ротари (643 г.), а он, имея очень германский характер, без сомнения, применялся только в отношении людей

«войска», несмотря на некоторые декларации принципиального характера (в § 386). Законы VIII в. признавали особое положение римлян (например, при Лиутпранде, в области наследования). Похоже, что в своем окончательном виде законодательство лангобардского королевства сочетало территориальные элементы (публичное право, военные институты) с персональными (частное право). Только в 769 г., накануне франкского завоевания, на свет является *professio legis*, которому в Италии предстоял такой успех вплоть до XII в. По-видимому, лангобарды полностью признали юридическую автономию римлян только после длительного процесса осмысливания³⁴. Ощущение собственного превосходства у них не исчезло до самого конца: еще Аистульф говорил о римском народе, вверенном нам Господом.

Подобно тому как Галлия стала Францией, Италия, для некоторых своих соседей, превратилась в Лангобардию, особенно для византийцев, а позднее — варягов, но в IX в. античное название взяло верх. Напротив, основная часть Равенского экзархата начиная с VIII в. получила в итальянском языке наименование *Romania*, Романья.

Несмотря на свое унижение, римляне подарили лангобардской Италии все то, что стало наиболее интересным в ее цивилизации: относительно урбанистический характер, более правильную латынь (Павел Диакон, лангобард из Фриули, впоследствии внес свой вклад в каролингское возрождение), архитектуру и скульптуру (которые развивались в русле византийской традиции с заметными восточными заимствованиями в VI в.). Без сомнения, эти влияния были связаны в основном не с римлянами, выжившими в первой волне завоевания, а с пополнением, вставшим в строй в результате побед VII в. (в Лигурии, Эмилии и Венеции), и римскими чиновниками из византийских анклавов — когда арианство перестало быть для них опасным. При разрушении королевства Карлом Великим все собственно лангобардское — право и, главное, армия — оказалось частично

уничтоженным или ассимилированным франками: дистанция между победителями и побежденными была не слишком велика. Было бы совершенно излишне говорить, что в качестве своего самого явного итога лангобардское нашествие подготовило Северную Италию к полноправному входению в каролингскую Европу.

Б) Авары.

Вторжение лангобардов в Италию стало предлогом — если не истинной причиной — для агрессии авар в сердце Европы. Этот кочевой народ в середине VII в. находился к северу от Каспийского моря. Давление тюрок побудило его к перемещению на запад, и, когда каган Баян объявился на дунайской границе Империи, Юстиниан преградил ему путь. В течение нескольких лет авары рыскали по соседству с Румынией, ища себе места за счет гепидов (тогда находившихся в Восточной Венгрии), лангобардов и даже более западных народов. Мы уже видели, как за победой аваров над гепидами в 567 г. последовал уход лангобардов из Паннонии. В 570 г. авары с оружием руках заняли среднедунайский бассейн; в 574 г. Тиберий II уступил им район Сирмия, а в 582 г. Баян взял этот город, в то время — главный узел сообщения в дунайской Европе.

Таким образом, аварское государство обрело свои окончательные территориальные рамки; но поскольку основным источником средств для него был грабеж и сбор дани, почти каждый год его конница, усиленная многочисленной славянской пехотой, совершала глубокие набеги, вплоть до Черного моря, Константинополя (в 626 г.), Фессалоник, Венеции, Баварии и Тюрингии. Балканы для них закрыла в основном не греческая оборона, а конечный успех болгар. По-видимому, эта активность пережила два подъема, один — при Баяне, в конце VI в., а второй — в последние годы VIII столетия; в промежутке мы не знаем о них почти ничего. Это отступление, которое выражается еще и в исчезновении из находок византийских монет, соотно-

сится с образованием славянского государства Само в Богемии³⁵.

Насколько можно судить, аварское государство было относительно развитым: у него была кочевая столица (имеется в виду палаточный город, как у монголов), которую каролингские источники называют германским словом «ринг», «кольцо»; дипломатия; в какие-то моменты авары, несомненно, чеканили монету. Авары установили протекторат над находившимися по соседству славянскими землями вплоть до Верхней Франконии. Тем не менее экономика отставала в своем развитии — клады, найденные Карлом Великим и археологами, объясняются захватом добычи, — а городская жизнь отсутствовала.

Возобновление нападений на Баварию и Фриули начиная с 787 г. рикошетом повлекло за собой падение аварского государства. Франки нанесли ответный удар в 791 г., потом в 795 г., и на этот раз в стане аваров у них были пособники. Изъявления покорности, начавшиеся в 795 г., умножились после уничтожения ринга Пипином Итальянским в 796 г. и завершились в 811 г. Карл Великий думал обратить аваров и оставить их на месте в вассальном положении, но побежденный народ успел распасться до вмешательства франкских миссионеров. После 822 г. мы больше не располагаем никакими сведениями об аварах.

Глава IV

МОРСКИЕ МИГРАЦИИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

В то самое время, когда разворачивалось Великое переселение народов по суше, прибрежные области Северо-Западной Европы стали ареной менее известных миграций. Большинство из них имело отправной точкой Южную Скандинавию, приморскую Германию и Нидерланды. Для прочих, совершенно самостоятельных по своему происхождению, местом действия стал север и запад Британских островов. К концу III в. эти два течения начали сближаться, основным итогом чего стало разрушение римской власти и цивилизации в Британии. Пик их интенсивности приходится на V и VI вв., и в этот период охваченным оказывается все побережье от Галисии до Норвежского моря. Затем они постепенно пошли на убыль, но некоторые эпизоды говорят о наличии преемственности между этим первым всплеском активности морских народов и последующим, представителями которого стали викинги и варяги.

I. Германская волна:proto-викинги, англы, саксы и юты

История морских миграций открывается малоизвестным набегом герулов. Должно быть, этот народ обитал в Восточной Дании или Южной Швеции. Внезапно в середине III в. он, предвосхитив викингов и варягов, начал мореходную карьеру, в то время как некоторые герулы участвовали

в сухопутных миграциях в направлении среднего Дуная. На востоке герулы в 267 г. добрались до Азовского моря, форсировали Босфор и приступили к разграблению берегов Эгейского моря; в 276 г. они наведались в Малую Азию. Но большая часть пустилась на запад: в 287 и 409 гг. они совершили нападения на Галлию; около 495 г. какой-то отряд разбойничал на побережьях Галисии и Кантабрии; около 459 г. они добрались до Бетики. Когда их экспансии стало мешать растущее могущество франков, они попытались заручиться союзом с вестготами. С начала VI в. мы о них больше ничего не слышим.

Следующее переселение, намного более важное, имело совершенно иной характер: начавшись точно так же, с пиратства, оно скоро вылилось в завоевание и колонизацию. Главенствующую роль в этом движении, берущем начало со всей прибрежной территории между Ютландией и Рейном и направленном главным образом в сторону Британии, играли саксы, англы и юты.

В римскую эпоху жители побережий западной Балтики и Северного моря к востоку от Везера составляли единую группу, *ингвеоны* Плинния, которые, несомненно, говорили на *Nordseegermanisch* (северогерманском), как называют этот язык лингвисты. Из их числа Тацит знал главным образом *хавков*, между Эмсом и Эльбой, *Anglii* (англов), выходцев с п-ва Ютландия, и целый набор народов этого же самого полуострова (из которых сохранились только *Varnini*). Во II в. Птолемей первым упоминает новый народ, появившийся в этом же районе, — саксов, которых он, похоже, помещает в Голштинии. Эти саксы, возможно представляющие собой ответвление хавков, скоро вытеснили последних на их прежнюю родину; в середине III в. они как будто владели Нижней Саксонией, от Голштинии до Везера. На западе они пришли в соприкосновение с другим приморским народом, фризами, первые свидетельства о которых относятся к I в. Эти три народа — саксы, англы и фризы — вместе с ютами, четвертым и до сих пор довольно

загадочным племенем, стали главными действующими лицами германских нашествий на Британию.

До середины III в. они оставались на заднем плане. Их первое заметное появление состоялось в 286 г., когда римские власти поручили Каравсию очистить море от франков и саксов. Это было началом экспансии, продолжавшейся почти четыре века, экспансии, прежде всего и главным образом морской, но также (позднее) и сухопутной. Каковы были причины этих перемен?

Начиная со средних веков ученые указывали на геологические и демографические причины. Недавние исследования подтвердили, что на немецком побережье Северного моря, после относительной стабильности, продолжавшейся с 300 г. до н. э. до первых лет христианской эры, период с I по VI в. был отмечен наступлением моря на сушу и крупными наводнениями, после чего в VII–X вв. снова наступила пауза. Но другие периоды затопления — например, в начале X в. — не повлекли за собой никаких миграций. Самое очевидное последствие наводнений — постоянное поднятие прибрежных поселений (в среднем на 2,40 м с I по IV в.), а следовательно, появление населенных пунктов на холмах (называемых *terpen* во Фризии, *wurten* в Нижней Саксонии). Этим нельзя в полной мере объяснить миграцию, тем более что экспансия саксов на континент, которая пришла на смену морской фазе, достигла своего апогея в период относительной стабильности — в VI–VII вв.! С другой стороны, изучение кладбищ, по-видимому, доказало некоторую перенаселенность на побережье Нижней Саксонии, главным образом между Эльбой и Эмсом, но это не относится к району в целом. Таким образом, проблема, как обычно, остается практически неразрешимой. Наверное, определяющую роль сыграл случай: первые удачи повлекли за собой другие.

Вероятно, свою роль сыграли и успехи в кораблестроении, хотя в этой области еще не было достигнуто значительного совершенства. Единственный известный нам корабль этого периода, найденный в 1864 г. в Нюдаме, на

балтийском побережье Зондерйелланда, демонстрирует важное новшество (обшивка из досок внахлест, скрепленных с помощью железных гвоздей), но в то же время и серьезные недостатки (короткий киль, отсутствие мачты, маневрирование только на веслах, небольшие размеры: 23 на 3,25 м). Таким образом, в IV в. мы еще очень далеки от кораблей викингов. Большинство путешествий из Нижней Саксонии в Британию, наверное, совершалось вдоль побережий и как можно ближе к ним, с остановками во Фризии и, конечно, во Фландрии и Булони, вблизи пролива.

По-видимому, морская экспансия второстепенных народов — англов, фризов, ютов — развивалась в единственном направлении — к Британии. Напротив, саксы исследовали почти всю территорию вдоль побережья между заливом Ферт-офф-Форт и Жирондой. Кое-где, например в Британии, они попытались осесть, оставив после себя некоторые следы и во многом предвосхитив поселения викингов.

Их особенно привлекали четыре района: побережье Голландии и Фландрии; берег Нижнего Булонне; Бессен, атлантическое побережье Галлии.

О размере беспокойства, причиняемого ими с III в. вдоль Ла-Манша и, в меньшей степени, на побережье Атлантики, свидетельствуют чрезвычайно многочисленные клады монет, спрятанные в прибрежных районах, и тем более создание на континенте, на территориях, подконтрольных Римской империи, оборонительной системы под названием *litus saxonicum* (саксонский берег), аналога укреплений, о которых пойдет речь в связи с Британией. По-видимому, этот оборонительный рубеж значительно уступал своему отражению по ту сторону Ла-Манша и не оставил после себя неоспоримых археологических следов.

Роль фризов в миграции известна плохо. Только византийский историк Прокопий называет их наряду с саксами в числе завоевателей Британии. Считается, что их сле-ды обнаружены в различных районах Англии, особенно

в Восточной Англии. С IV по VII в. англосаксы и фризы оставались очень близкими как в культурном, так и в языковом отношении. Фризская экспансия разворачивалась главным образом в северо-восточном направлении, сначала между Эмсом и Везером (VII в.?), затем между Эльбой и Эдером (IX в.?), ее цель состояла в том, чтобы занять пространство, освободившееся после исхода саксов.

Юты ставят перед нами неразрешимую проблему. Беда приписывает им заселение Кента, острова Уайт и части Хэмпшира. Были ли это юты из датской Ютландии? Но последние, очевидно, принадлежали к северной группе диалектов, а между тем ничто в графстве Кент не говорит о подобной лингвистической инъекции! Не идет ли здесь речи о западном народе, самовольно присвоившем их название? Или же нужно, вслед за археологами, искать иные пути? Погребальная утварь из Кента позволяет провести параллели с франкскими землями в нижнем течении Рейна. Юристы делают аналогичные наблюдения в области институтов, в основном аграрных. Не следует ли понимать под словом «юты» франко-саксонские племена? Но эти оригинальные черты Кента не просматриваются в других владениях «ютов», на о. Уайт и в Хэмпшире! Некоторые авторы пытаются объяснить все, выделяя две фазы: северную в конце V и начале VI в., связанную с подлинными, не слишком многочисленными ютами, и более позднюю, франкскую, наложившуюся на первую примерно в 525–560 гг.¹

Происхождение англов, к счастью, намного более ясное. Они, по крайней мере большинство из них, пришли из земли Ангел (к востоку от Шлезвига), которая опустела на два столетия, когда они перебрались в Британию. Ни языком, ни цивилизацией они не отличались от саксов заметным образом; как и последние, они, должно быть, на некоторое время задержались во Фризии. Короче говоря, переселение англов практически не отличается от миграции саксов, и теперь никто не надеется выделить для них компактные и четко очерченные секторы колонизации.

По окончании миграций оставшиеся на месте юты растворились в датском единстве; англы, по-видимому, полностью исчезли с континента, освободив место для датчан, шведов, фризов и славян. Варины (или варны) попытались извлечь выгоду из ухода большей части саксов, чтобы выкроить себе нечто вроде империи в Северной Германии; в 594 г. франки вывели их из игры. Впрочем, остатки саксов вскоре проявили изрядный динамизм, но на суше. Их наиск, направленный главным образом на юго-запад, вылился в разгром бруктеров (между Липпе и Руром) около 695 г., захват всей Вестфалии и налеты на Гессен и Тюрингию. Остановить саксов удалось только Пипину Короткому и Карлу Великому.

Основополагающей проблемой англосаксонской истории, очевидно, является завоевание Британии. Оно разделялось на три этапа — набеги, создание опорных пунктов и настоящая колонизация, которые отчасти совпадали во времени. Эта эволюция была куда менее стремительной и эффектной, чем варварские нашествия на континенте, отсюда и редкость точных указаний в источниках того времени: явления, растянутые на четыре или пять поколений, не привлекают особого внимания. Что же касается средневековой английской историографической традиции, то она не сохранила воспоминаний ни об одном событии до 449 г. Хронологию миграции позволяет восстановить только археология.

Первые сигналы тревоги, по-видимому, прозвучали в конце II в.: при Марке Аврелии (161–180 гг.) в районе Темзы и залива Уош, двух главных ворот, открывающих путь в Англию с востока, было зарыто некоторое количество кладов монет. При Каракалле в этих же областях появляются фортификации (в Рекулвере, Кент, около 210–220 гг.). В конце III в., при узурпаторе Каравсии, оборонительные сооружения были объединены в нечто вроде *limes*, и их задачей стала — в равной мере — борьба с законным императором Максимианом и пиратами. В течение двух первых третей

IV в. эта система оказывалась единственной; в 364 г. произошел первый прорыв, однако в момент составления «Списка должностей» она все еще держалась. Это и был *саксонский берег*, охватывавший все восточное и южное побережье острова, со штаб-квартирой в *Rutupiae* (Ричборо) к югу от эстуария Темзы.

Кто обеспечивал оборону этих укреплений? Без сомнения, в соответствии с практикой Римской империи к этому делу привлекались бывшие завоеватели, перешедшие на службу к Риму. Первыми саксами, закрепившимися в Британии, вероятно, стали *foederati* (федераты), наемники, а не захватчики. Археологи обнаруживают их следы с первых лет V в., особенно в Восточной Англии, в окрестностях Кайстор-бай-Норвича, где керамика тяготеет к продукции англов Шлезвига. Местные жители, без сомнения, взирали на них сквозь пальцы, видя в их присутствии противовес угрозе со стороны пиктов и скотов, которая в то время была наиболее серьезна. Впрочем, в этих гарнизонах было немало и других варваров, особенно франков (в 367 г. один из них стал «дуксом Британии») и аламаннов (одно из аламанских племен поселило в Англии Валентиниан I).

В конце концов хронический кризис римской армии открыл перед саксами неожиданные перспективы. Вскоре после 395 г. Стилихон приступил к крупномасштабному восстановлению британской оборонительной системы. Но когда в 406 г. Империю постиг жестокий удар на континенте — прорыв рейнского *limes* и альпийских фортификаций, — все рухнуло. Британия, отрезанная от равеннского правительства, выбрала одного за другим трех узурпаторов, последний из которых, Константин III, попытался спасти Галлию и в 407 г. высадился в Булони с британской армией. Эта армия сгинула в галльском хаосе. Узнав об этом, саксы воспользовались случившимся, о чем в галльской хронике имеется скромная запись: «Галлия опустошена вторжением саксов».

Но чтобы начать настоящую колонизацию, им пришлось дождаться следующего поколения: археологи обнаруживают

регулярное прибытие переселенцев только примерно в 430–440 гг. Представляется даже, что большого флота не существовало приблизительно до 500 г., а до первой четверти VI в. не предпринималось попыток основать ни одной англосаксонской династии².

Внутренний разлад привел к тому, что Британия стала приманкой для саксов. Начиная с конца IV в. повсюду, даже в тех областях, где саксы так никогда и не обосновались, отмечается явный упадок. Без сомнения, частичную ответственность за это несут другие завоеватели, пикты и скотты. Но данное явление намного глубже. Как и в Арморике, только в большей степени, в Британии наблюдается необратимый спад в городской жизни и крупном землевладении, благоприятствующий местным, более примитивным формам; растет нежелание подчиняться государственной власти; городская аристократия, в той мере, в какой ей удалось выжить, погрязает в стремлении к провинциальной автономии; и если судить по найденному монетному материалу, то примерно к 410–420 гг. торговля с континентом прекращается³.

После ухода Константина III романо-британцы некоторое время верили, что сумеют сами справиться с ситуацией: греческий историк Зосим пишет: «Бритты, отвергнув власть Рима, живут по-своему, не соблюдая римских законов». Поскольку остатки администрации были, в большей или меньшей степени, скомпрометированы в период правления самозванца Константина, от них было легко избавиться под флагом теоретической лояльности по отношению к императору Гонорию. Таким образом, власть перешла к *civitates* (городским общинам). Они сохраняли некоторый контакт с Империей. Имел место обмен письмами, несколько раз присыпались войска, и очень вероятно, что юго-восточная часть острова снова оказалась в руках Рима (похоже, что при Гонории эти гарнизоны еще регулярно получали денежное содержание, но не оставили ученым ни одной монеты с изображением его преемника). Но скоро противопо-

ложный берег, в Бельгиике II, был утрачен под натиском франков, когда те закрепились в Турне. Пуповина, связывавшая Британию с Империей, окончательно разорвалась.

Когда в 429 г. святой Герман Оксеррский прибыл в Британию, чтобы бороться с пелагианством*, он уже не нашел там никаких представителей Империи, однако обнаружил исправно функционирующие власти, например, *vir tribunicae potestatis* (муж, [обладающий] властью трибуна) в *Verulamium* (Веруламии). С этого времени Британию следует считать независимой кельто-римской страной, непрочной федерацией городов. Большинство из них, должно быть, сохранило своих декурионов, и все большее их число имело своих епископов. Но эта сохранившаяся система была необыкновенно слаба; Герман видел, что бритты с большим трудом защищаются от нападений саксов, пиктов и скотов. Вспомнив, что в молодости он был наместником галльской провинции, святой объединил их и привел к победе на праздник Пасхи в 429 г. (эта победа прозвана «Аллилуйной»). К моменту второго прибытия Германа около 440–444 гг. процесс деградации успел зайти еще дальше: по-видимому, союз городов мало-помалу уступил место кельтским племенным вождям, «тиранам», как их впоследствии назвал Гильдас, и некоторым римлянам, пошедшими по их стопам. Нам известны прежде всего двое: кельт по имени Вортигерн, связанный с пелагианской партией, враждебной по отношению к епископам, а чуть позже, «римлянин» Амброзий Аврелиан, считавшийся потомком консультского рода и поддерживавший ортодоксальную Церковь. Перед лицом этого беспорядка аристократия неоднократно обращалась с призывами к «римской» армии на севере

* Пелагианство – учение, основанное монахом Пелагием (ок. 360–422). Пелагий оспаривал концепцию Блаженного Августина о благодати и предопределении; он выдвигал на первый план нравственные усилия человека и отрицал наследственную силу греха. Учение Пелагия осуждено за ересь на III Вселенском соборе (431 г.). – Примеч. ред.

Галлии, которой командовал Аэций (Гильдас, писавший сто лет спустя, уверяет, что призывов было три); мы же знаем в основном об одном письме британцев (от 446 г.), в котором жаловались на Вортигерна и варваров. От Аэция поступали только уклончивые ответы: до 451 г. его задерживала война с Аттилой, а в 453 г. он был убит, не успев ничего предпринять.

Несомненно, как раз примерно в этот период некоторые царьки задумали привлечь к борьбе друг с другом саксонских союзников. Беда относит к 449 г. появление в Кенте вождей Хенгиста и Хорса по просьбе Вортигерна. В этом эпизоде ощущается легендарный привкус, но дата выглядит выбранной не без оснований, как и место (водворение саксов в крепостях, контролирующих пролив, могло быть предосторожностью на случай высадки Аэция). В 455 г. эти наемники взбунтовались, с чего и началось подлинное за воевание острова. Многие подробности вызывают подозрения (вплоть до имени Вортигерна), но недавние исследования относятся к этому традиционному тезису намного благосклоннее, чем историки в 1930 г. Во всяком случае, археология показала, что никакой внезапной и всеобщей катастрофы не произошло; распространение англо-фризских типов керамической посуды было постепенным; первые саксонские поселения носили фракционный, почти семейный характер. Представляется, что эти силы обрели стойкую сплоченность только с некоторым опозданием, после продолжительного периода неразберихи.

Вторая половина V в. — самая туманная эпоха. Двигаясь из трех зон высадки — эстуарий Темзы и Кент; Фенские горы; эстуарий Хамбера, — саксы быстро завладели восточной третьью острова. Эти первые поселенцы, кажется, обходились почти без всякой политической организации. Только с новой волной переселенцев, нахлынувших после 500 г., появляются королевские династии, которые, все без исключения, заявляют о своих божественных основателях⁴.

Вопреки схеме, унаследованной от Беды, возникает вопрос: можно ли приписывать каждому народу некий единый ареал расселения? Представляется, что «королевства» VI в. были обязаны своим возникновением объединению очень разнородных элементов. Доказательством тому служат их названия: они либо почерпнуты из кельто-римской топонимии (Кент, может быть, Берниция), либо носят чисто географический характер («люди болота» или Мерсия, «люди, живущие к северу от Хамбера» или Нортумбрия, Уэссекс, Сассекс и пр.). Чтобы выявить подлинные племенные группы, необходимо спуститься на много ступеней вниз, на уровень *subreguli* (царьков) (например, *Hæstingas*, которые оставили свое название Гастингсу в Сассексе и являлись «людьми *Hæsta*», своего вождя; *Hroðhingas* в Эссексе).

Колонизация охватывала пахотные земли (новоприбывших скотоводство привлекало меньше, чем бриттов), разворачиваясь вдоль речных долин (которые бритты использовали мало). Мы не знаем ни одной даты взятия города, последние полностью утратили свое значение. Только благодаря топонимии и археологии мы распознаем этапные пункты этого марша на запад и очаги бриттского сопротивления. Хроники, позднейшие по времени составления, сообщают лишь о нескольких кровавых и памятных эпизодах, локализация которых часто затруднена.

В тех рамках, которые позволяют установить имеющиеся у нас научные средства, представляется, что это движение не было непрерывным и единообразным. Существовали саксонские аванпосты, глубоко вонзившиеся в сердце страны, например в верховьях Темзы, и уцелевшие бриттские островки далеко на востоке, например вблизи Кембриджа. Только достаточно поздно, примерно в середине VI в., бриттам удалось объединиться на линии обороны, тянувшейся приблизительно от Эдинбурга на севере до Портланда на юге — половина острова уже была потеряна.

Истребление местных жителей поднимает одну из самых загадочных проблем английской истории. Прежде всего

имеется несколько весомых наблюдений: английский позаимствовал из языка бриттов только 15 или 16 слов, совершенно незначительных, и названия некоторых крупных рек (Темза) и городов (Лондон, Йорк, Линкольн), которые, вероятно, были известны завоевателям еще до падения Рима. Большинство городов было заброшено за ненадобностью (английская поэзия считает их *eald anta geweorc*, «древними постройками великанов»), практически ни одна вилла не была освоена вновь. Христианство исчезло (кроме расплывчатых очагов, выдаваемых названиями Эклс, Эклстон). Оружие, одежда, украшения, погребальная утварь⁵ полностью принадлежат к германской традиции. Все ли бритты были уничтожены или изгнаны? Предания хранят память о нескольких массовых истреблениях — например, в Андериде около Певенси, — но в порядке исключения. Очевидно, бритты бежали на запад, но там ничто не указывает на ужающую скученность, которую бы повлекла за собой эвакуация всего населения острова. Следовательно, нужно допустить, что после более или менее долгого периода двуязычия какое-то количество романо-бриттов полностью ассимилировалось. В Кенте мы, вероятно, замечаем следы промежуточной фазы: в конце VI в. там существовал социальный класс *laet* (летов), который в германском мире обычно состоял из представителей покоренных народов, а в Кентербери в момент прибытия первых миссионеров (597 г.) еще сохранялась память о церковном характере некоторых зданий.

Если говорить в подробностях, то этой картине можно придать всевозможные нюансы. Название каждого города представляет собой особый случай: некоторые сохранились в чистом виде (*Londinium* = Лондон), другие были переведены (*Durovernum Cantiacorum* = *Cantwaraburh* / Кентербери), много названий смешанного характера (*Venta* = Винчестер), а еще большее количество городов утратило свои имена, получив некое невнятное прозвище: *Deva* превратилась в Честер; *Venta*

Icenorum – в Кайстер-бай-Норвич, а сколько в Британии других Честеров, Кастеров, Кайсторов и пр.! В отличие от Галлии ни одно название галло-римского поместья не сохранилось в названии деревень; но археологи установили, что некоторые населенные пункты уцелели (например, Уизингтон в Котсвoldах). Саксы, очевидно, не восприняли бриттского, и тем не менее некоторое количество староанглийских антропонимов является заимствованиями или подражаниями бриттскому, начиная с имен первого английского поэта Кэдмона и великого короля Уэссекса в VII в., Кэдваллы (популярность подобных имен в династии Уэссекса наводит на мысль о смешанных браках). Наконец, если погребальная утварь является вполне германской, то некоторые разновидности фибул (женских) многим обязаны бриттскому влиянию. Следовало бы выяснить точную географию этих пережитков, подобно тому как это сделал Макс Форстер для названий рек: почти все крупные реки носят бриттские названия, средние распределены поровну между бриттским и саксонским языками, а почти все ручьи обозначаются саксонскими словами; на востоке следы бриттов ощущаются слабее всего, а на западе особенно сильны. Римские дороги сохранились, но под саксонскими названиями. В Лондоне, хотя там не сделано ни одной саксонской находки старше VII в., в значительной мере сохранилась античная планировка; и если общественные здания быстро исчезли, то потому, что использовались как источник строительного материала – стало быть, этим занималось выжившее население. Некоторые авторы (Т. С. Лесбридж) даже определяют англосаксонскую культуру как смешанную, немало позаимствовавшую у римской провинции.

Саксонское завоевание приобрело упорядоченность только после основания главных королевств, то есть начиная с середины VI в., когда высадки заморских гостей практически прекратились. Только три королевства внесли активный вклад в эту последнюю фазу: Уэссекс, Мерсия и Нортумбрия.

Предание называет отправной точкой истории Уэссекса 495 г. и приписывает эту честь вождю по имени Сердик, который выглядит легендарным. Археология указывает, что истинное происхождение этого королевства завоевателей следует искать в слиянии двух волн миграции на запад, одна из которых брала начало из саксонских поселений в верховьях Темзы, а другая с побережья Хэмпшира. Движение на запад, навстречу бриттам, жившим в Домноне (Девон и прилегающие районы), отмечается целым рядом военных столкновений, которые трудно локализовать, начиная со сражения при *Mons Badonicus* (горе Бадон) против «последнего римлянина», романо-бриттского вождя Амброзия Аврелиана (возможно, при Вадбери Рингс на реке Ставур в Дорсете), и заканчивая битвой при Дерхэме в 577 г., когда были убиты три «короля» бриттов, а саксы, завладев римскими городами Сиренчестер, Глочестер и Бас, впервые получили доступ на западное побережье, отрезав бриттов Корнуолла от их соплеменников в Уэльсе. Около 650 г., после паузы в начале VII в., отмеченной сооружением земляного вала (*Wansdyke* — вал Одина) на границе, экспансия возобновилась. Два поколения понадобилось, чтобы избавиться от кельтов Сомерсета и Девона, значительная часть которых была вытеснена в армориканскую Бретань. Когда намного позднее, после 815 г., началось покорение Корнуолла, речь шла о совершенно иной операции — обычном политическом завоевании при сохранении кельтского населения⁶.

Первые шаги Мерсии туманнее и относятся к более позднему времени. Это продвижение было спровоцировано стараниями поселенцев, обосновавшихся в бассейне верхнего течения Рента, вокруг Личфилда, которым при короле Пенде, во второй четверти VII в., удалось захватить земли *Hwicce* (Хвисса) на среднем Северне. Основной натиск был направлен на северо-восток: в 604 или 616 г. мерсийцы вышли к побережью Ирландского моря у Честера и вбили клин между кельтами Уэльса и их собратьями с Стрэтклай-

де (в Кумберленде и Уэстморленде) и Эльмете (в окрестностях Лидса). В конце VIII в. граница с Уэльсом была усиlena огромным земляным валом, «Валом Оффы», тянувшимся от Северна до Ди, почти по линии современного рубежа.

Нортумбрия первоначально делилась на два королевства, Дейру между Хамбером и Тисой, и Берницию между Тисой и заливом Ферт-оф-Форт. Первое, вероятно, было основано федератами, поселившимися на йоркширских землях после 450 г.; второе, по-видимому, берет начало от пиратов, обосновавшихся на побережье в VI в., особенно в Бамбурге, где еще сохранилось кельтское население. В начале VII в. эти две державы объединились, и в Нортумбрию вскоре вошли земли на юго-востоке Шотландии и всей гористой зоны, вплоть до Ирландского моря; правда, прежние обитатели остались жить на месте. Своей особой насыщенностью культура Нортумбрии, сохранившая силу и самобытность до самого нашествия викингов, обязана присущей для нее восприимчивостью к кельтским элементам, не имеющей аналогов в англосаксонском мире⁷.

Когда к концу VII в. натиск ослаб, пространство, на котором предстояло зародиться средневековой Англии, было полностью заселено, и почти повсеместно уже одержал победу английский язык с диалектными вариациями, принадлежавшими политическим группам, сложившимися в конечную фазу завоевания. С конца V столетия латыни пришлось сойти со сцены вместе с высшими классами. Бриттский язык был вытеснен в три прибрежных сектора на западе, самых бедных на острове; в каждом из них он приобрел специфическую окраску после потери территориального единства к 580–620 гг. В Корнуолле корнский язык дожил до начала XVIII в. примерно в пятнадцати приходах по соседству с мысом Лэндз Энд; последний его носитель умер в 1777 г. В Уэльсе и соседнем графстве Монмут валлийское наречие всегда жило полнокровной жизнью. Что же касается бриттского языка в Стрэтклайде, то к XI в. он, бессспорно, исчез

под чередой ударов норвежских поселенцев и нормандских завоевателей.

Таким образом, на всей территории, границы которой ясны из вышесказанного, установилась гомогенная цивилизация. Несмотря на региональные вариации, язык был единым, и все наиболее древние тексты обозначают его одним и тем же названием — *englisc* (английский). Повсеместно распространилось язычество, впрочем, достаточно плохо организованное (за исключением, быть может, Нортумбрии). Множественность королевств, неравных по статусу, которых насчитывалось более дюжины, не препятствовала тому, что политические институты повсюду были, в сущности, тождественны. Археологический материал не позволяет говорить о видимых расхождениях — речь идет прежде всего о нюансах, проистекающих из неодинаковой приверженности первобытному саксонскому обычаяу кремации, быстро оставленному (под влиянием бриттов?) ради ингумации.

По-видимому, исключение составляли только аграрные структуры. По истечении VI в. переселенцы сохранили лишь очень слабые связи с морем (главным исключением являются королевские погребения в кораблях в Саффолке): с замечательной быстротой они превратились в крестьян, постоянно озабоченных проблемами на суще. Однако решали они их очень разными способами. Если почти везде на смену вилле пришла деревня, окруженная обширными лугами и обычно занимающая новые места, то Кент с его населением, распределенным по хуторам, и очень своеобразной концепцией общинного права составляет исключение, как и Восточная Англия, занимающая срединное положение между Кентом и сердцем саксонской территории. Англо-саксонская деревня, какой ее показали раскопки, заметно напоминает селения Нижней Саксонии, образованные прямоугольными деревянными домами, более или менее правильно расположенными вдоль улицы. Ее инструментарий примитивен и часто чужд даже таких простых механизмов,

как гончарный круг; однако ее юридическая организация, знакомая с разделом земли на стандартные наделы, *hides* (гайды), и упорядоченным чередованием культур, уже стоит на довольно высоком уровне развития.

Завоевав Британию, саксы принесли с собой часть своего интеллектуального достояния, а именно: руническое письмо, которым они, правда, мало пользовались. Их литературные традиции долгое время сохраняли сходство со своими аналогами на континенте, а эпические тексты — записанные в христианскую эпоху — никак не связаны с их историей в Британии, а только с давнишними событиями из жизни скандинавских (Беовульф) и континентальных (Видсид) династий. Только в IX в., уже в бесповоротно христианском контексте, Англия сумела породить самостоятельную культуру. С этого момента связь с «древними саксами» оказалась разорванной, если не считать нескольких сентиментальных воспоминаний (особенно у Беды).

Английский феномен занимает особое место в истории великого переселения народов. Возникнув из морских на-бегов, кажущихся *a priori* менее благоприятными для массовых миграций, чем перемещения по суще, он состоит не в импорте правящих слоев, как в большинстве варварских королевств на континенте, а в переселении народа. Последствия миграций V–VII вв. здесь одновременно и более радикальны, и более устойчивы, чем где-либо еще.

II. Пикты и скотты

В середине III в. контакты римской Британии с Ирландией были мирными и довольно незначительными; с независимой Шотландией они примерно до 350 г. ограничивались стычками вдоль Мура: внешняя угроза с запада и севера отсутствовала. В IV в. все переменилось. При жизни трех или четырех поколений, в ожидании триумфа саксов, на первый план выдвинулись пикты и скотты. Без сомнения,

именно они в ответе за первые масштабные разрушения в Британии и самые жестокие удары, нанесенные римскому фасаду острова.

В Шотландии жил малоизученный народ, без сомнения докельтский, который славился чрезвычайной дикостью, — пиктам, жившим к северу от Клайда и Ферт-офф-Форта. Кельтское население юга, близкое к бриттам, пользовалось не лучшей репутацией: святым Иеронимом обвиняется *Atecotti* в каннибализме. Их первый набег датируется 367 г., и следы их присутствия отмечаются вплоть до Восточной Англии. Именно с ними сражался святой Герман в 429 г. Они нанесли огромный ущерб, ужасные воспоминания о котором оставил Беда, но не имели ни одного поселения по эту сторону Мура. Впрочем, вскоре вся их воинственность ушла на защиту собственной территории от скотов.

Скоттская угроза с запада возникла в середине III в. одновременно с саксонской угрозой с востока. В Ланкашире и Уэльсе (Пемброк) было закопано несколько кладов, отмечается сооружение дорог и укрепленных пунктов. Незадолго до 300 г. на Бристольском канале была устроена морская база, в Кардиффе построена крепость, а несколько вилл оснащено оборонительными сооружениями. После 350 г. нападения усилились. Ирландские предания (достаточно поздние) утверждают, что романо-бриттские перебежчики помогли скоттам обзавестись военным флотом. Считается, что король Ниалл с девятью заложниками (конец IV в.) организовал набеги на Британию и даже Галлию, где около 425 г. встретил свою смерть его племянник Дати (как пират? Или как наемник Рима?). Один из этих рейдов на западное побережье Британии имел самые значительные последствия для религиозной истории: около 400 г. в *Bannaventa* (Рэйвенгласс, Кумберленд) в плен попала семья одного романо-британского сановника, диакона и декуриона Кэллпурния; две дочери его и сын были уведены в рабство в Ирландию; этот сын стал святым Патриком, просветителем острова.

Как и на востоке, за набегами вскоре последовала колонизация. Проникновение ирландцев на западные полуострова (Корнуолл, Южный и Северный Уэльс), должно быть, началось в IV в., быть может, в качестве федератов, призванных оберегать побережье от других захватчиков. Очень быстро эти колонии обрели фактическую независимость. Маленькое ирландское королевство в юго-западной части Уэльса, которое просуществовало до X в., гордилось тем, что его основателями были именно эти поселенцы, прибывшие в III в. В Девоне ирландские поселения датируются IV–V вв. Эти ирландцы юго-запада Британии были носителями оригинальной цивилизации, выразившейся в огамических надписях (около пятидесяти, большинство в Пемброке); они, безусловно, продолжали говорить на ирландском до VII в. В то же время эти переселенцы не были лишены римского лоска: 44 огамические надписи имеют еще и латинский текст, и в этих текстах они охотно величают себя такими римскими именами, как Помпей, Турпилий, Этерн или Виталиан. Скотты пытались ассимилировать даже институты Поздней Римской империи: некий уэльский князек (согласно Гильдасу, умерший около 550 г.) приказал выгравировать для себя двуязычную эпитафию *Memoria Voteporidis protectoris* (Память о защитнике Вотепориге), очевидно, *protector* было использовано как знак римского ранга. Это весьма примечательный пережиток через сто лет после того, как в Британии рухнула власть Империи; он свидетельствует о том, что восприятие римских обычаем здесь было таким же, как в Галлии, то есть совершенно отличным от взглядов саксов.

Одновременно и с более устойчивым успехом скотты начали колонизацию территории пиктов. Их первые следы, как пиратов, появляются в середине IV в. Во второй половине V в. они основывают королевство Дал Риада, от Клайда до южных Гебридских островов, которое напрямую опиралось на Ольстер. В конце VI в. король Аэдан мак Габран расширил периметр, занимаемый скоттами, в северном и

восточном направлении, но в 603 г. натолкнулся на нортумбрийцев, и завоевание застопорилось до IX в. В 843 г. пикты, ослабленные викингами, в конце концов покорились скоттскому королю Кеннету мак Альпину. Первоначально объединившись под названием Албан, страна впоследствии приняла наименование своих завоевателей, став Шотландией, и полностью усвоила их язык, вывезенный из Ирландии (это гэльский язык Шотландии, который на крайнем северо-западе используется до сих пор); наречие пиктов исчезло еще до XII в. Этой политической экспансии способствовало возникновение в 563 г. одного из самых активных очагов ирландского миссионерства на острове Иона.

После своего обращения в христианство Ирландия перестала рассылать по всем сторонам света пиратов и поселенцев. Однако даже под монашеской одеждой ирландцы сохраняли редкостную склонность к авантюре. Недаром «плавания» и «изгнания» значатся среди основных жанров их литературы. В сочетании с аскетическим желанием оставить мир этот дух привел ирландских монахов к открытию северных Фарерских островов, островов у норвежского побережья и вскоре даже Исландии. На эти плавания указывает географ Дикуил, а позже — скандинавские саги. Викинги положили им неожиданный конец.

Самая своеобразная черта ирландских миграций заключается в том, что они совершались с помощью плавучего средства невообразимо низкого качества, *currach*, лодки, сшитой из кожи, на деревянном каркасе, непригодной для того, чтобы перевозить тяжелый груз и трудной в управлении, но способной идти как на парусе, так и на веслах.

Трудно измерить значение каждого завоевателя для разрушения римской Британии. Англосаксы сыграли решающую роль, но на уровне подробностей возникает множество расхождений в оценках. Одно из самых серьезных касается истоков Великого переселения бриттов в Арморику.

III. Миграции бриттов на юг

Оставленные Римом и терзаемые нашествиями с севера, востока и запада, бритты не могли оказать им достойного сопротивления по причине отсутствия политической организации. В начале VI в. исчезают последние вожди римского типа, вроде Амбродия Аврелиана, однодневного победителя на горе Бадон и одного из прототипов легендарного короля Артура. Остаются только племенные князья; имена нескольких из них цитируют английские хроники: Натанлеод в 508 г., Кондидан и Фаринмайл в 577 г. Для нас это не больше чем имена. Именно этим политическим бессилием, безусловно, и объясняется отбытие части бриттов на юг; во всяком случае, эта миграция имела значительные масштабы еще до того, как треть острова оказалась захвачена саксами.

Начиная с V в. мы по разным поводам встречаем упоминания о бриттах на континенте. В 461 г. бриттский епископ Мансуэт заседал на соборе в Туре. Около 470 г. бриттский король Риотим с 12 000 воинов (*sic*) сражался в Берри с вестготами на стороне императора Анфемия, после чего отступил в Бургундию. Откуда он пришел? С острова или из уже основанного в Галлии поселения? Никаких указаний нет. До 489 г. его войско снова появляется на Луаре. Наконец, начиная с эпохи сыновей Хлодвига, франки сталкиваются с компактными (бриттскими поселениями) в западной Арморике. Первый зачаток политической организации (*Bro Werc*, на южном побережье) появляется в конце VI в. Создается впечатление, что это переселение, начавшееся около 450 г., достигло апогея между 550 и 600 гг. и завершилось только в начале VIII столетия.

Где находилась отправная точка этой миграции? Возможно, первые группы отбывали с юго-востока Британии под прямой угрозой со стороны саксов, но основная часть двигалась с юго-запада, в какой-то степени под натиском

скотов. Северное побережье Нижней Бретани, от Сен-Бриё до брестского рейда, в средние века называлось Домноне, и это название сходно с девонским; незадолго до 511 г. мы видим, как король племени *Dumnonii* (Думноний) из Девона прибывает в Малую Бретань; а юго-запад Арморики до сих пор называется Корнуай. Заманчиво связать этот великий исход с крупномасштабной экспанссией Уэссекса на запад в VI в.; прекращение миграций совпадает с остановкой саксов у ворот английского Корнуолла и Уэльса⁸.

Нижнебретонский язык, должно быть, отражал наречие последних беглецов, прибывших с юго-запада. Во всяком случае, он намного ближе к корнскому, чем к валлийскому⁹. Четыре диалекта современного бретонского языка (трегорский, леонский, корнуайский, ваннский) должны были сформироваться только после закрепления переселенцев в Арморике. Можно предполагать, что пережитки галльского во внутренних районах не могли не оказать влияния на некоторые диалектные особенности, особенно в ваннском¹⁰.

Способы расселения бриттов в Арморике очень плохо известны. Археологических данных нет¹¹, кроме следующего наблюдения: в Нижней Бретани (кроме восточного Ваннетье) отсутствуют предметы, характерные для меровингской цивилизации. Одна лишь топонимика обеспечивает нас надежными данными. Должно быть, бритты прибывали небольшими группами; первоначально единственная форма организации, которую они имели, была связана с религией. В центре ее находились уэльские монахи, формировавшие приходы. Последние кардинальным образом отличались от порожденных *villae* (виллами) округов, которые мы находим в остальной части Галлии. Бретонский *plou*, достаточно обширный, обычно носивший имя какого-либо святого (монаха-основателя), не был связан с системой землевладения и не имел настоящей деревни в центре. Диоцезы появились только впоследствии, сохранив, как и на британских островах, ярко выраженный монастырский характер. Можно сомневаться относительно роли, конечно же

вовсе не ничтожной, которую могла сыграть в образовании этих округов память о римском территориальном делении. Население, чрезвычайно разбросанное, было исключительно сельским. Города, за исключением Ванна, были либо полностью уничтожены, либо низведены до ничего не знающего уровня (Карэ, Локмария вблизи Кимпера).

Где бритты осели раньше всего? Безусловно, на территории до линии Доль — Ванн, включая англо-нормандский архипелаг. Но эти владения не были объединены. На всем востоке по-прежнему сохранялись значительные вкрапления галло-римского населения (особенно в Ренне и Ванне), и даже на западе можно распознать многочисленные римские островки как на побережье (Морлэ и полуостров Тауле-Каранте), так и в центре (вокруг Ла Фейе и Кимпера). На побережье Ваннете население, по-видимому, было смешанным. В IX в. энергичный натиск бретонцев уничтожил почти все эти островки, а главное, под командованием воинственной аристократии (*machtierns*) передвинул лингвистическую границу до линии, идущей от Доля на севере до Донжа на Луаре, огибая Ренн с запада (политическая граница во времена бретонских «королей» доходила гораздо дальше, до Виры и Майна). Дезорганизация вследствие нашествий скандинавов привела к потере начиная с X в. большей части земель, заботливо собранных в IX в., а также англо-нормандских островов. На северном побережье это попятное движение, продолжающееся до наших дней, было намного более выраженным (от Доля до Портрие), чем на южном (от Донже почти до острова Ре).

Трудно вынести точное суждение о последних завоеваниях бретонского языка. Безусловно, они остановили нормальное фонетическое развитие топонимов на *-acis* (которые в большей части Верхней Бретани дали *-ac*, а не *-é* или *-y*), но представляется, что во многих случаях «бретонизации» подвергался только правящий класс. Бретонская антропонимика, связанная с кругами, чей социальный престиж был неоспорим,

завоевала популярность даже далеко на востоке: в XI в. мы встречаем Юдикаэлей и Риваллонов в значительной части Мэна и Нижней Нормандии. Должно быть, на востоке на обширной территории продолжительное время существовал билингвизм, чем объясняется быстрое заимствование в бретонский ряда римских слов. При всей неточности лингвистического водораздела политическая граница в VI в. была вполне определенной и вызывала яростные споры, даже притом что бретонские князьки часто признавали франкский суверенитет. Франкам пришлось создать на марку* и построить там ряд укрепленных пунктов (возможно, этот факт лежит в основе распространенного топонима *La Guerche*).

Тонкая нить, берущая начало из бриттской миграции, достигла Галисии. С 507 г. в списке церквей королевства свевов упоминается *sedes Britonorum* (кафедра бриттов), должно быть, это Бритонья (вблизи Мондоньедо, пров. Лugo), епископы которой, носившие кельтские имена, перечисляются вплоть до 675 г. Если не считать некоторых литургических особенностей, об итогах этой бриттской колонизации неизвестно ничего¹².

Связи, установленные в результате бриттской миграции, сохранялись долго. Уэльс, английский Корнуолл и Нижняя Бретань до X–XI вв. составляли культурную общность, духовное руководство которой принадлежало Корнуоллу. Только скандинавские завоевания раскололи ее, лишив кельтов возможности свободно плавать по западным морям.

* Военный округ на границе. — Примеч. ред.

Глава V

СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Главным последствием Великих нашествий стал распад *Romania* — лингвистического, культурного и политического единства, которое создала на Западе Римская империя. Более или менее сплоченные лоскутья римского общества уцелели в большинстве районов, обладая различной степенью жизнеспособности и сознания своего статуса наследников Рима. По всему периметру древнего *limes* наступали германцы, постепенно подчиняя себе земли и достигая в каждом регионе различных компромиссов с местным населением. На обширных пространствах после победы одной или другой стороны еще долгое время царила неопределенность, и, во всяком случае, мы уже никак не можем говорить ни о чистом «германизме», свободном от пережитков или влияния Рима, ни о «римском мире» без всякой германской примеси. Все средневековые цивилизации Запада являются в разной степени наследницами как Рима, так и германских племен.

I. Завоевания германского языка. Новая лингвистическая граница

Завоевание Британии едва ли можно включить в число побед Германии над Римом, так как, по-видимому, бриттская латынь, уже умиравшая, сгинула в основном в кратере мощных кельтских извержений, а не под прямыми ударами англосаксов.

Все эти феномены выживания и сопротивления германскому натиску, при всей их незначительности, имеют отношение к бриттскому языку, а не к латыни. Имеются и кельтские островки, но ни одного римского оазиса. В Британии *Romania* пала жертвой социального потрясения, которому способствовали нашествия, а не самих нашествий.

На континенте все шло совершенно по-другому. Там латынь была единственным языком деятельных слоев населения; и всплески активности у коренного населения не касались лингвистической сферы, за исключением страны Басков (и, может быть, Нижней Бретани). Только германские диалекты и цивилизации серьезно сократили ареал *Romania*. Их приобретения имели отношения только к пограничным районам древней германской территории, расположенным вдоль Рейна и, еще в большей степени, Дуная. Галлия, Реция, Норик, Паннония были глубоко ранены, Италия едва оцарапана на окраинах, Испания и Африка остались нетронутыми, по крайней мере, с точки зрения своих наиболее заметных структур.

На Рейне продвижение германцев изучено лучше всего. Известен и его результат: установление далеко к западу от этой реки лингвистической границы, которая очень мало изменилась с XIII в., когда мы впервые в состоянии проследить ее точный контур. Тогда она начиналась от Булони-сюр-Мер (впоследствии романский язык распространился до Дюнкерка), шла на восток в направлении Лилля (оставляя Сент-Омер на германской стороне), затем к северу от Турне; далее она почти 30 км тянулась в северном направлении параллельно Самбре и Маасу, пересекала Маас между Льежем и Маастрихтом и проходила к западу от Ахена. Отсюда она под острым углом поворачивала на юг, прямо через Арденны, до района к юго-западу от Арлона (германского); затем, снова изогнувшись, она огибала Мец (явно бывший центром римского сопротивления) с северо-востока, чтобы достичь реки Донон. Далее, в Вогезах, где ее притягивая линия оставляла романскому языку несколько

возвышенных долин Эльзаса, и в воротах Бургундии имел место контакт, но уже не с франкскими диалектами, а с наречием аламаннов: мы рассмотрим его отдельно, так как распространение этих двух говоров отличается совершенно разной динамикой.

Только топонимика позволяет углубиться дальше XIII в. После долгих блужданий в поисках глобальных решений она на сегодняшний день удовольствовалась констатацией нескольких фактов: с VII–VIII вв. лингвистическая граница установилась в непосредственной близости от вышеописанного рубежа, но имела менее линейный характер, обрисовывая больше выступов и анклавов. Вот те основные изменения, которые представляются доказанными¹:

а) в VIII в. на побережье на германском языке, должно быть, говорили примерно до устья Канша и, безусловно, до линии Монтре-сюр-Мер / Бетюн. Язык франков, вероятно, был усилен наследием саксонских поселений Нижнего Булонне²;

б) Брабант, вероятно, достаточно долгое время оставался смешанной зоной. Возможно наличие древних германских островков к юго-западу от Намюра и на Сambre (Лобб); существование романского островка вплоть до XI в. вокруг Аша (к северо-западу от Брюсселя) подтверждается названиями полей (например, *Mutserel* = **marcerella*; *Kainoth* = **casnetum*);

в) романские оазисы могли какое-то время (до IX–X вв.?) сохраняться вокруг таких городов, как Тонгре, Маастрихт или Ахен;

г) в Эйфеле, в окрестностях Прюма, романский островок существовал, по крайней мере, примерно до 750 г., а в сельских окрестностях Трира до XIII в. сохранялось крупное романское пятно. Его продолжением были разрозненные островки в долине Мозеля до самых подступов к Кобленцу³.

Эти штрихи ничего не меняют в принципиальной проблеме, которую ставит перед нами столь ранняя привязка лингвистического водораздела к линии, никак не соотнося-

щейся с географическими объектами или какой-либо известной политической границей. Почему германская волна остановила свой бег именно здесь, а не где-то еще? И когда произошла эта остановка?

Некогда многие верили в наличие препятствий, ныне исчезнувших, на самом прихотливом участке этой границы, который перерезает Бельгию пополам. Но нужно смириться: «Угольный лес», на который прежде было принято ссыльаться, тянулся с севера на юг, а не с востока на запад; существование *limes belgicus* (бельгский лимес) вдоль дороги Булонь — Тонгре довольно спорно и никак не может служить объяснением для периода после Хлодвига. От теории препятствий следует отказаться.

Осознав свою ошибку, ученые попытались взглянуть на проблему иначе: лингвистическая граница стала передовым рубежом не поступательного движения германцев, а романской реконкисты. Согласно сторонникам этой теории (Гамильшег, Петри, фон Вартбург), в VI в. все пространство до самой Луары было более или менее глубоко германизировано; до IX в. внутри этой зоны говорили на двух языках, после чего в конце каролингской эпохи германский язык потерпел крах — что, впрочем, не лучше объясняет конфигурацию границы.

У Петри (Petri. *Germanische Volkserbe* [N 281]), самого типичного сторонника этой теории (который с тех пор отказался от самых крайних взглядов), она опирается на арсенал разных доводов. Если брать лингвистические факты, то он снова и снова ссылается на:

- а) диалектный ареал некоторых слов франкского происхождения (например, *hétre* противопоставляется *fou fagus*) — что доказывает лишь влияние цивилизации, а не распространение языка;
- б) ареал топонимических конструкций, содержащих франкские слова, неизвестные в романском, и построенных по законам, свойственным германским языкам (например, *baki*

«ручей» в сложных словах вроде *Marbais* в Айноте – нем. *Marbach* «конский ручей», или *Rebais* в Бри, 635 г. *Resbacis* – нем. *Rossbach* с тем же значением) – это куда более убедительно (для топонимов на *-bais* этот ареал почти не выдается за линию Аббевиль – Версаль – Нанси);

в) ареал топонимов с типично германской деривацией на *-ing*, на основе антропонима (например, *Doullens*, Сомма, 1147 г. *Dourleng*, или достаточно распространенное название *Hodeng*, *Houdan*, *Houdeng*);

г) наконец, ареал некоторых традиционно германских особенностей артикуляции, например, сохранение начального *w* в отличие от романского *g* (*warder* наряду с *garder*), это касается почти всех департаментов Норд, Па-де-Кале, Соммы, всей Валлонии, всей Лотарингии, севера Юры, восточной трети римской Швейцарии (и Нормандии, но, разумеется, по другим причинам).

Некоторые из этих наблюдений (особенно под буквами **б** и **в**) убедительны, но они доказывают лишь спорадическое существование франкских очагов (речь идет в основном о редких топонимах), где достаточно долго продолжали говорить на своем национальном языке. О настоящем билингвизме речи не идет.

Некоторые авторы приводили другие аргументы, оказавшиеся недоказуемыми. Из распространения топонимов на *-court*, *-ville* или *-villiers* ничего почерпнуть нельзя. Это чисто романские конструкции, даже если они построены на основе германских антропонимов, принятых начиная с VI в. во всем галло-римском сообществе, а не романизированные названия, первоначально заканчивавшиеся на *-dorf*, *-hofen*, *-heim* и т. д. (следует поместить отдельно топонимы из двуязычных областей, вроде Тионвиля / Диденхофена). Далее мы будем говорить об археологических и антропологических доказавших.

Какой вывод можно сделать из этого большого спора – впрочем, вовсе не бесплодного? Вполне возможно, что все

зависело от плотности франкских поселений при жизни первых поколений. Поблизости от отправных точек и там, где дезорганизация римских структур открывала дорогу для прямой аграрной колонизации, германские элементы пустили корни и, пользуясь своим социальным и политическим преимуществом, более или менее быстро ликвидировали романские элементы. На большем удалении и там, где лучше сохранился костяк античного общества, франкские крестьяне-воины могли создавать только небольшие разрозненные поселения, которые держались некоторое время благодаря родовым связям; некоторые проникли до самого сердца парижского бассейна. Франкского «напыления» на поверхности общества, связанного с присутствием по всей Северной Галлии иммигрировавших аристократических элементов, оказалось недостаточно, чтобы спасти эти островки от быстрой ассимиляции.

Таким образом, в конечном счете лингвистическая граница зависела от двух главных факторов: расстояния (она в общих чертах повторяет линию *limes* IV в., проходившую в 100 км к востоку и ставшую отправной точкой завоевания) и степени опустошенности сельской местности в V в. (но этот факт трудно проверить; однако относительно долины Мозеля можно отметить, что сохранение там на протяжении всего VI в. *villae urbanae* совпадает с длительным употреблением романского диалекта). Это не более чем еще одна гипотеза, просто более скромная, чем большинство ее соперниц.

Понятно, что можно вспомнить еще и о другом факторе: важную роль на локальном уровне могло и должно было сыграть наличие германских поселений, военных или гражданских, возникших еще до франкского завоевания. Но до согласия в вопросе о распространении и вкладе этих колоний еще очень далеко. Дискуссия вращается в основном вокруг двух проблем: присутствие германского языка по левую сторону Рейна в эпоху Империи и поселения

«летов», обнаруженные в результате археологического исследования.

В период римского завоевания на левом берегу Рейна встречались германцы, особенно среди вангионов, неметов и трибоков Пфальца и рейнского Гессена, а также убиев в районе Кельна. К тому же германское племя батавов упорно удерживало область в нижнем течении реки. Принадлежность этих племен к германцам в римскую эпоху не слишком очевидна (между I и V вв. примерно на 150 топонимов едва ли приходится дюжина германских); но она должна была сохраняться в сознании некоторых консервативных кругов (имена большинства местных божеств (*Matres*) являются германскими). Принято считать, что романизация Рейнской области была глубокой и что ее избежали только небольшие сельские районы: голландский Брабант и Кампен, районы Кельна и Ксантена. Города были полностью римскими. Следовательно, франки могли опереться на некоторые германские пункты к западу от Рейна, но речь идет об ограниченных зонах и о социальных кругах, не обладавших ни престижем, ни влиянием.

К проблеме «летов» нужно подходить осторожно. Так называли (об этом все еще спорят) поселенцев-варваров центральных районов Галлии, посаженных на землю и поставленных императорами под военный надзор. Нarrативные источники упоминают о их существовании начиная с 287–288 гг. почти на всем севере и северо-востоке. Должно быть, они образовывали достаточно замкнутые поселения, поскольку им было запрещено вступать в брак с римскими гражданами. Эти данные, безусловно, проверены с помощью топонимического метода (такое название, как *Allemagne*, могло означать колонию аламаннских летов). Но когда с летами связывают археологические слои, характеризуемые тесным синтезом германских и римских элементов в захоронениях, это делается почти наугад. В конце IV в. кладбища этого типа встречаются в Намюруа (Фюрфоц), в Шампани (Вер-ла-Гравель) и до самого Орлеана (Котрат). Ничто не гарантирует того, что эти поселе-

ния — без сомнения, гражданские — пользовались юридическим статусом летов. Но нельзя усомниться в том, что именно здесь находился «авангард» германского языка. Некоторые археологи (И. Вернер) приписывают ему решающую роль в формировании меровингской цивилизации, что не выглядит таким уж невероятным. Сомнительнее то, что этот «авангард» мог серьезно повлиять на лингвистическую географию.

На юго-востоке франкской территории события приняли совершенно иной оборот. Проникновение аламаннов за Рейн началось около 400 г. — то есть заметно позднее, чем нашествие франков, — но не прекращалось до XIII в. Таким образом, постепенное движение аламаннских диалектов охватывает гораздо более долгий период, чем распространение франкского языка. Если на западе в конце концов установилась относительно простая лингвистическая граница с французским — от Донона до Гран-Сен-Бернара, то на юге и востоке этого так и не произошло: лингвистическое размежевание в Центральных Альпах осуществилось только в современную эпоху вдоль линии, проведенной, исходя из наиболее заметных особенностей рельефа.

В Вогезах основные контуры современной лингвистической границы (которая часто проходит к востоку от горного хребта), по-видимому, остаются неизменными с раннего средневековья, как и во владениях франков. Однако, начиная с района Базеля, эта устойчивость пропадает: с каролингской эпохи верхнедревненемецкий язык добился заметного успеха вокруг Мора и Фрибурга, в бернском Оберланде, а главное, в Верхнем Валлисе; к XIII в. он преодолел горный хребет, чтобы захватить Вал Грессони, на итальянском склоне. В отношениях с романским диалектом, в конце концов, наступила настоящая анархия, принесшая немецкому все города и несколько долин посреди романской территории: это единственная лингвистическая граница романских языков, на которой еще и сегодня имеются нестабильные участки.

Кроме того, достаточно долго (до конца VIII в.) просуществовали романские очаги к югу от озера Констанц, в кантоне Санкт-Галлен и в Форарлберге, правда, на низшем социальном уровне.

Этот продолжительный натиск аламанского диалекта облекался в разные формы. В VII в. на западном фланге, где приходилось иметь дело с бургундами, он носил военный характер. Некоторые передовые отряды в конце концов были разбиты, например вараски в области Безансона в конце VI в.; другие одерживали победы. В 610 г. аламаны уничтожили в Вангене у Солера двух франкских графов и воспользовались этим, чтобы разграбить город Аванш (к северо-западу от Фрибурга), являвшийся центром романского сопротивления с тех пор, как там нашел убежище епископ Виндиша. Натиск на юг и юго-восток, начавшийся позднее, в VIII в., больше походил на мирную колонизацию, осуществлявшуюся широким фронтом, но все же преимущественно в альпийских долинах.

Нам мало известно о том, при каких условиях аламаны германизировали редкие города, сохранившиеся в этой зоне. Страсбург, безусловно, сохранял романские элементы на протяжении большей части VI в. Базель был окружен примерно с 550 г. В Кайзераугсте (*Castrum Rauracense*) и Обербурге (*Castrum Vindonissense*) латынь дожила, по крайней мере, до конца VI столетия. У римской цивилизации остался всего один городской оплот, Кур, под властью любопытной династии князей-епископов Викторидов; впрочем, очень скоро германское меньшинство просочилось и сюда.

Дальше на восток в провинциях Реции второй, Норике и Паннонии характер этой эволюции снова меняется. Здесь *Romania* подверглась почти полному уничтожению, которое больше напоминает события на Балканах, чем в Галлии. Однако бавары, более всего выигравшие от этого массированного отступления *Romania*, низведенной до уровня

мелких разрозненных островков, не были его истинными виновниками. Они воспользовались работой, проделанной другими народами, будь они германскими или нет, с начала V в., то есть задолго до той эпохи, когда они переправились через Дунай (не раньше 500 г., может быть, даже второй четверти VI в.)⁴.

Племена захватчиков этой первой волны не были достаточно многочисленными, чтобы надолго оккупировать страну. Германский язык совершил решительные шаги вперед только с прибытием баваров, которое, к несчастью, приходится на период ненарушимого молчания источников. Когда около 565 г. Венанций Фортунат впервые снова заговорил о Норике, эта область уже сделалась полностью германской.

В действительности многие романские элементы сохранились, но утратили свое политическое и культурное значение. В Баварии и Верхней Австрии каролингские документы часто упоминают о *Romani* (нем. *Walchen*), а топонимика подтверждает значимость этих островков⁵. Речь идет о сельском населении, разбросанном по плато, главным образом в долине Инна, а также к северу и западу от Зальцбурга (ср. карту 5). Кроме двух альпийских убежищ, *Walchengau* в Верхнем Изаре и *Vintschgau* в Верхнем Аидже, оно утратило всякую сплоченность, как и всю социальную элиту (кроме, быть может, окрестностей Аугсбурга, где сохранилось епископство). В Баварии на романском языке говорили, по крайней мере, до IX в. В Альпах произошло слияние с элементами романша, которые еще сохранялись в верховьях Инна и Аидже. Несмотря на зачатки политической организации, возникшие вокруг Кура, никакая лингвистическая граница не смогла возникнуть. Кроме ничтожных исключений, германский язык почти повсеместно пришел в соприкосновение с итальянским.

Как и в случае аламаннов, движение баваров продолжалось еще долгое время после VI в. В южном направлении, несмотря на отпор латинского населения Тироля, оно доби-

лось решающих успехов только в VII в.: после переправы через Бреннер произошла быстрая германизация Верхнего Аидже (считается, что она завершилась в IX в.). На востоке движение было возвратно-поступательным: сначала вся Австрия была германизирована, но в конце VI в. славяне, а затем авары оттеснили баваров до Линца; в IX в. германский язык вернул себе эту территорию, а после снова потерял в результате нападения венгров. Этими превратностями объясняется и отсутствие романских островков восточнее Энса.

В Паннонии *Romania* исчезла очень быстро, без сомнения уже в конце IV в., при туманных обстоятельствах. Здесь ответственность лежала на гуннах и их союзниках. Германцы воспользовались этим во вторую очередь (гепиды и, главным образом, лангобарды), но не создали ничего долговечного. В конце концов славяне и мадьяры после многих перипетий заняли страну и точно клин вонзились между румынами, последним оплотом *Romania* на востоке, и германским миром.

В целом к востоку от Базеля германский язык добился гораздо больших успехов, чем к западу. Откуда взялось это различие? После разгрома *limes* на запад обрушилась только одна большая волна нашествий, которая быстро улеглась. На востоке же речь идет о нескольких волнах, сменявших и дополнявших друг друга в течение гораздо более долгого времени. На западе меровингская монархия, возникшая на романской почве, в значительной мере стала заступницей римской культуры (например, от аламаннов) и положила конец похождениям небольших групп искателей наживы. На востоке средоточием всех сил, способных поддержать римскую цивилизацию, всегда оказывалась Италия (Одоакр, Теодорих, Юстиниан): территория по другую сторону Альп для них была не более чем гласисом, не представляющим большого интереса.

Нашествия несут лишь очень косвенную ответственность за распад *Romania* на диалекты. Центробежные тенденции

существовали и до падения Империи. Когда не стало единой администрации и образования, а правящий класс раскололся, они развились без помех. С III в. эпиграфика отражает растущую дифференциацию восточной *Romania* (Дакия, Мезия, Далмация, полуостровная Италия) от западной (Паннония, Норик, Верхняя Италия, Речия, Галлия плюс испано-африканское разнообразие). Помимо лексических заимствований, нашествия оказали прямое воздействие только на два момента: они превратили в очень самобытный мир латинскую культуру Балкан, полностью изолированную с VI в.; кроме того, перерубив прямой путь из Галлии в Речию, аламаны весьма содействовали тому, чтобы обеспечить ретороманцам возможность автономного развития⁶.

II. Сопротивление римского мира

Лишившись руководящего центра, римский мир (*Romania*) сопротивлялся очень по-разному, и зависело это от социального слоя. Этот мир раскололся, отказавшись от целых пластов своего былого престижа, но все же выжил и в значительной мере благодаря Церкви сохранил некоторое сознание своего единства и величия. Нашествия сотрясли его, но не уничтожили; после них римлянам часто удавалось снова занять господствующее положение.

Лучший способ изучить это сопротивление в той сильно иерархизированной среде, которую представляло собой общество поздней Римской империи, — это рассмотреть социальные классы отдельно. Главным примером нам послужит Галлия.

Во главе римского общества находилась политическая аристократия, включавшая порядка 3000 человек⁷. В это *ordo senatoris* (сословие сенаторов) входили семейства, чьи представители, хотя бы в единственном числе, достигали самых высоких постов в магистратуре Рима или Константинополя. Это была еще и денежная аристократия — вступ-

ление в должность магистрата сопровождалось невероятно дорогостоящими цирковыми представлениями, — обладавшая несметными земельными владениями, которые сколачивались на развалинах гражданских войн начиная с IV в. Наконец, это была аристократия культурная, и только она извлекла пользу из тех провинциальных школ, например в Бордо и Отене, которые покрыли неожиданной славой последние поколения империи.

Эта аристократия пользовалась непомерными привилегиями — военными, юридическими и налоговыми, — которые обеспечивали ей престиж, несопоставимый с оказываемыми ею услугами. На несколько блестящих офицеров приходилось большинство, ограничивавшееся господской жизнью в городе или сельской местности и предпочитавшее служить изящной словесности. Императорская власть одновременно опасалась аристократии, но и берегла ее. Церковь ей благоволила — из ее рядов вышло немало епископов, — но иногда отвлекала ее от деятельной жизни: сколько таких беглецов от мирской суеты приходится на одного святого Германа Оксеррского, предоставившего свои таланты в распоряжение защитников Британии!

Триумф варваров, отступление на второй план Рима и сената вовсе не прервали карьеры сенаторского сословия. В Галлии (где его судьба в основном изучена) оно просуществовало до VII, иногда даже до VIII в., сохранив свою социальную позицию и, благодаря интеллектуальному превосходству, частично вернув себе политическое влияние. В критические моменты это сословие часто стушевывалось, но как только восстанавливался порядок, снова вставало на ноги. Благодаря ему сохранились целые пласти античного права, административных норм и культуры.

Статистические данные Строжекера⁸ показывают, что большинство галльских сенаторов покинуло незащищенные позиции в Северной Галлии задолго до Хлодвига. В IV в. во всех крупных городах — Кельне, Майнце, Трире, Реймсе, Санс и

Туре — жили свои сенаторские фамилии; на юге их было гораздо меньше. В V в. центр тяжести постепенно смещается: вскоре севернее линии Суассон — Отен сенаторов не осталось, тогда как на юге они жили во множестве. Север был практически ими оставлен еще до поражения Сиагрия. Беженцы устраивались где могли, часто отказываясь от мирских амбиций⁹. Тем не менее большинство из них воспряло духом и посвятило свои таланты служению варварским королям. Из мирян лишь немногие дерзали искать счастья у франков, как это сделал Парфений¹⁰. Но этот класс образовал гражданскую элиту Тулузского государства вестготов и Бургундии, дав им даже какое-то количество военачальников, не говоря уж о большинстве епископского корпуса. Когда юг стал франкским, сенаторская аристократия сохраняла там свои руководящие посты вплоть до начала каролингской эпохи. Именно здесь лежат корни наблюдавшегося на протяжении всего раннего средневековья противостояния между югом и севером, ставшим оплотом франкской аристократии.

Лучшим примером стойкости, проявленной сословием сенаторов в борьбе за выживание, является прославленный род Сиагриев. Начавшись с Флавия Афрания Сиагрия, консула в 382 г., связанного по женской линии с Тонанцием Ферреолом, префектом Галлии в 450 г., этот род достигает своего апогея во второй половине V в. в лице Эгидия и Сиагрия, последних вождей римского сопротивления на севере. Однако Сиагрии уцелели в катастрофе 486 г.: в 585 г. некий граф Сиагрий, находившийся на службе у франкского короля Гунтрамна, был послан в Константинополь с дипломатической миссией. В начале VIII в. этот род все еще владел колоссальными земельными владениями: в 739 г. некая Сиагрия смогла отдать монахам Новалиса виллы в восьми *pagi* (округах) от Масонне до Гапенсе. Последний известный нам представитель рода Сиагриев — это упоминаемый в 757 г. аббат монастыря Нантуа¹¹.

Можно даже задаться вопросом, не увидела ли аристократия — там, где она оставалась многочисленной, — в три-

умфе варваров удобного случая расширить свое влияние. Политическая раздробленность удовлетворяла ее местническим тенденциям, а появление большого числа государей пропорционально увеличивало возможности для выдвижения. Несмотря на финансовые потери и неприятности, связанные с размещением германцев, образ жизни аристократии мало изменился. Во многих случаях к началу завоевания он уже был почти средневековым: Бург-сюр-Жиронд — *Burgus Pontii Leontii* (Бург Понтия Леонтия), воспетый Сидонием Аполлинарием¹², — уже представлял собой укрепленный замок. И этот образ жизни часто оставался вполне римским на протяжении всей меровингской эпохи: чтобы в этом убедиться, достаточно было бы погостить с Фортунатом в 588 г. на берегах Мозеля. Несмотря на отдельные инциденты, сенаторский класс прошел через V в. с наименьшим ущербом. В Италии только вторжение лангобардов нанесло ему удар, от которого он уже не оправился. В Африке его влияние сильно подорвала неутолимая страсть к религиозным расприям.

Городское население пострадало гораздо сильнее, поскольку с III в. ему пришлось тесниться в ограниченном пространстве за городскими стенами, не обеспечивавшем ни удобства, ни — если не считать налогового ведомства — серьезной экономической активности. Когда же горожанам удалось пережить бурю, они выиграли сразу несколько преимуществ: установление мира (относительного), расширение рынков (в сторону некогда свободной Германии), возможность выйти за пределы своей тюрьмы-крепости. К тому же этому классу не приходилось опасаться соперничества: завоевателям была неведома городская жизнь.

Убедительные примеры мы вновь находим в Галлии и Рейнской области. Они подтверждают сохранение на древних *limes* примечательных городских сообществ — состоявших главным образом из ремесленников и, естественно, церковнослужителей, — верных римскому образу жизни и способных поддерживать, если не развивать, свои тради-

ционные занятия. Исчезновение государственной экономики поздней Римской империи принесло новые возможности некоторым купцам — отнюдь не латинам, но все-таки римлянам, поскольку, будучи сирийцами, анатолийцами или евреями, они тем не менее оставались подданными империи.

Случай Трира, известный лучше всего¹³, является скорее исключением из правила, так как, утратив статус столицы (в конце IV в.), город пострадал от этого больше, чем собственно от нашествий, правда весьма интенсивных. Из Сальвиана известно, что к середине V в. Трир уже захватывали четыре раза (около 406, 411, 419 и 440 гг.); примерно в 475–480 г., во всяком случае до 496 г., имел место и пятый — окончательный — захват. Благодаря своему рангу, Трир избежал худших последствий кризиса III в.: в V в. он сохранял свою огромную крепостную стену, внутреннее пространство которой равнялось 285 гектарам.

Аристократия там, несомненно, более многочисленная, чем где-либо, в массовом порядке отбыла на юг (Сальвиан достиг Марселя), миграции благоприятствовал перевод галльской префектуры в Арль. Имперские здания, сильно поврежденные, отошли меровингским королям. Базилика, где восседал на троне император, по-видимому, была заброшена; термы, без сомнения, сделались резиденцией франкского графа; казенные склады (для рейнской армии) к VII в. были представлены монастырю. Городская стена сохранилась, но стала слишком велика, и, вероятно, большая часть окруженной ею территории стала необитаема. Однако по-прежнему существовало население, достаточно многочисленное, чтобы поддерживать в порядке сеть важных улиц с соблюдением античного шахматного плана, а главное, чтобы сохранить впечатляющую череду святилищ и кладбищ (эти последние были вынесены за пределы стен согласно римскому праву). Кафедральный собор Константина уцелел. Непрерывное использование кладбищ свидетельствовало многочисленными памятниками; изобилие

необычных надгробных надписей¹⁴ демонстрирует сохранность римских традиций и даже примечательно глубоких связей с Востоком (стелы коптского типа, эпитафии сирийцев и греков). Здесь мы наблюдаем все переходы от латинской ономастики к германской: с IV в. солдаты гвардии носят германские имена (*Flavius Gabso, Hariulfus*), а группа латинских имен сохраняется до VIII в. главным образом среди духовенства (*Aufidius, Ursinianus*). Ремесленные цеха, очень активные в эпоху Империи, в конце V в. находятся в глубоком упадке вследствие исчезновения богатой клиентуры, но в VII столетии возвращаются к жизни.

В менее защищенном Кельне находки V–IX вв. настолько редки, что некогда даже бытовала уверенность в его полном запустении. Современные историки придерживаются совершенно иного мнения: если его термы и были заброшены, то сеть уличных дорог сохранилась, Капитолийский храм превратился в церковь, а дворец (*praetorium*), без особых изменений, стал резиденцией франкских графов. Раскопки в кафедральном соборе показали, что он функционировал бесперебойно (о чем свидетельствует, например, наличие в нем королевских захоронений VI в.). Григорий Турский, безусловно, подтверждает присутствие в этом городе около 520 г. языческого храма, но около 590 г. описывает величественную базилику *Ad Sanctos Aureos* (Сен-Жерегон). Таким образом, несмотря на то, что крупные стекольные мастерские были заброшены, здесь также имела место значительная преемственность.

Приводить другие примеры со всеми подробностями было бы излишне. В Вормсе пригородные кладбища действуют без перебоев, епископство сохраняется, и если южный район города наполовину обезлюдел, то север и центр остаются населенными по-прежнему. Страсбург был сожжен в начале V в., но горожане стали жить в зданиях, построенных кое-как из уцелевших во время пожара материалов, а епископ Арбогаст (около 550 г.), несмотря на свое германское имя, был достаточно знаком с римской традицией, чтобы выпускать кирпичи с клеймом «*Arboastis epsfecit*» («Арбогаст его сделал»).

Еще более информативно изучение участия *vici* (вика) и *castella* (крепости). Показательным является случай Андернха на Рейне¹⁵. Примерно до 250 г. «*Antunnasum*» был крепостью лимеса (*limes*), возле которого существовал выделявшийся почти промышленной активностью ремесленный центр; через его порт экспортировались базальтовые глыбы из Майна и Нидермендига (Эйфель), а главное, гончарные изделия, выпускавшиеся крупной майнской мастерской. В начале V в. гарнизон исчез, но *castrum* (цитадель) сохранился: в VI в. эта штаб-квартира римского командования стала королевской резиденцией. Кладбища за пределами крепостной стены свидетельствуют о почти ненарушимой преемственности, а эпиграфии — о сохранении римского населения, на протяжении долгого времени (*Crescentius*, *Agriculus* и т. д.) жившего бок о бок с носителями франкских имен (*Adelbert*, *Astroald* и т. д., впрочем, выгравированных на *tituli* римского образца). Все указывает на то, что работа в лавовых карьерах, гончарном и стекольном производстве продолжалась без заметных перебоев: их продукцию даже экспортировали на значительные расстояния, вплоть до Скандинавии. Это ремесленное производство легло в основу подлинного процветания: богатство захоронений Андернха контрастирует с бедностью других кладбищ того же региона.

Понятно, что наряду с этим примером преемственности встречаются и случаи абсолютного и беспощадного разрушения, главным образом в военных поселениях. Военные лагеря и располагавшиеся по соседству экономические центры (*canabae*) в Бонне и Нейсе прекратили свое существование, однако гражданский *vicus* (квартал) уцелел и дал жизнь средневековому городу.

Сказанное нами в отношении приграничной зоны применимо *a fortiori* и к внутренним районам Галлии. Некоторые города там исчезли, как, например, Нион (*civitas Equestrum*) на Лемане, но такие случаи редки и относятся главным образом к военным центрам (например, Баве). Другие перемещаются на небольшое расстояние, как *civitas Vallensium* (город

Валленсий), жители которого бежали в крепость Сион (Валлис), а главное, Лион, переместившийся с плато Фурвьере на берега Соны. Но в абсолютном большинстве случаев наблюдается преемственность. Анри Пиренн доказал, что в Турне земельные угодья Римской империи перешли прямо в собственность меровингского, а затем каролингского государства, и это в том самом городе, где приказал похоронить себя Хильдерик¹⁶. В Париже левобережные предместья (гора Сен-Женевьев, Сен-Марсель) быстро вернулись к жизни после катастроф III в. и в меровингскую эпоху пережили подлинный расцвет. Только нападения норманнов IX в. разрушили эти *suburbia* (предместья), намного более крупные, чем город собственно говоря¹⁷.

Эти археологические находки, практически неоспоримые, позволяют исправить распространенную ошибку, которая возлагает основную ответственность за разрушенные города на нашествия V в., тогда как настоящие лакуны приходятся на III и, во вторую очередь, на IX столетие. Действительно, теперь сложно поверить в то, что «разорение и исчезновение среднего класса», преимущественно городского, произошло по вине нашествий. Но не вызывает сомнения следующий факт: в конце V и в VI в. экономическая жизнь отчасти переместилась из города в сельскую местность. Стекольное и оружейное производство при Империи преимущественно городское во франкскую эпоху стало в основном сельским (или, точнее, лесным).

Каково было отношение германцев к городам? Иногда можно наблюдать некоторое недоверие со стороны франкского правящего класса, но это, кажется, явление более позднего периода, отделенного от эпохи нашествий несколькими поколениями: возможно, то было просто желание избежать столкновений с Церковью (пример тому – Трир, откуда франкскийgraf в конце VI в. перебрался в Битбург). Часто франки размещали свои гарнизоны в старых римских укреплениях: например, в Руане осела группа

seniores Franci (франкских сеньоров) (Григорий Турский. *H. F.*, VIII, 31). Из-за единой веры никакая сегрегация не имела места.

Как бы не сильны были эти пережитки, возвраты к прошлому, они не должны заслонить собой постепенной деградации городской жизни, начавшейся задолго до нашествий и растянувшейся на долгие годы. Рост числа церковных зданий (впрочем, часто строившихся из низкопробных материалов) не помешал почти полному прекращению общественных работ. Чтобы объяснить разительную непропорциональность между письменными свидетельствами, оставленными Поздней Римской империей, и последующей эпохой, нет смысла лишь обвинять в посредственности исследования, посвященные меровингской эпиграфике. Городской класс не был истреблен, — он повсюду заchaх в следствии экономической эволюции, которую нам здесь нетрудно рассматривать.

Главную, но также и наиболее сложную проблему представляет участь сельских классов. Кое-какие письменные свидетельства и археологические документы позволяют пролить свет на три смежных пункта: передел земель, исчезновение вилл, подъем деревень. Впрочем, речь идет о рискованной области, где историки много спорят, но делают мало окончательных выводов.¹⁸

В какой мере нашествия изменили облик обрабатываемых земель? Археологи только начали серьезно заниматься этим вопросом. По-видимому, полностью заброшенных земель было немного, и опустели они из-за событий III, неожели V в.; самый красноречивый пример — земли в излучине нижней Сены, где до правления императоров Постума или Константина было множество вилл и деревушек, затем опустошенных и заросших лесом¹⁹. В Рейнской области, более всех открытой для нашествий, заброшенных земель почти нет; скорее происходит захват новых территорий на плато Эйфель и Хунсрюк, на фоне мало изменившейся эксплуатации земель (в основном виноградарства) в долинах

и на склонах. Почти повсеместно мы встречаем признаки сохранения античной системы межевания (центурий), главным образом в Северной Италии (где этот институт, видимо, оставался в силе до VIII в.) и Тунисе, а также на севере Галлии. К несчастью, речь идет скорее о налоговой, чем об аграрной, структуре, и ее значение для истории сельского класса не следует переоценивать.

Зато, очевидно, в этой области вклад со стороны завоевателей крайне незначителен: со времен пионеров аграрной истории, которые, ссылаясь на текст Тацита, надеялись возложить на германцев ответственность за насаждение трехгодичного севооборота²⁰, разумный скептицизм сделал большой шаг вперед.

Участь вилл (*villae*) известна лучше, хотя иногда археологические данные могут обмануть, так как хорошо изучены только те *villae*, которые, будучи полностью разрушены, не были заменены средневековыми и современными населенными пунктами. Внушительная доля *villae urbanae* (пригородных вилл) погибла. Многие были разрушены еще в III в., но в богатых регионах — в области Трира, на юге Оверни и Аквитании — Константинов мир позволил их восстановить — иногда в непривычно суровом виде укрепленных резиденций. Но даже в этом случае немногим из них удалось пережить V в. Лишь несколько королевских или епископских «дворцов» стали исключением; впрочем, они утратили атрибуты роскоши (термы) и экономическую функцию (посевные поля), присущие крупным виллам прежней эпохи²¹.

Однако чаще всего *villa* представляла собой всего лишь надстройку сельского общества. Вероятно, крестьянские массы так и не отказались от деревушек кельтского типа, состоявших из саманных хижин, оставивших в качестве единственного археологического свидетельства «*fonds des cabanes*» (обломки хижин) (фр.), с трудом поддающиеся локализации. В редких случаях можно установить преемственность между галльским поселением и меровингской

деревней. В других кажется, что деревня росла за счет разрушения соседней *villa*. Короче говоря, деревня является не новой формой населенного пункта, а свидетельством удесятерения жизненных сил после эпохи нашествий, которое становится очевидным благодаря почти безостановочному увеличению числа «упорядоченных кладбищ», отражающих даже по смерти организованность и сплоченность деревенского населения.

Расцвет деревень, по-видимому, явился одним из тех многочисленных феноменов конвергенции, при которой местные всходы, пробившиеся на свет после падения парадного фасада здания Римской империи, слились воедино с вкладом германцев. Новоприбывшим не были знакомы *villae* из каменной кладки, они даже опасались их (часто используя их в качестве складов или склепов вместо того, чтобы кое-как починить и жить в них), тогда как деревни из хижин были им знакомы. С другой стороны, деревенское население показало себя более восприимчивым к варварскому влиянию, чем класс собственников из *villae*: следы германского влияния впервые обнаруживаются в Галлии именно в сельских захоронениях.

Этот переходный процесс мог принимать самые разные формы. Почерпнем у Бонера²² те из них, которые он выявил в трирской области. Некоторые галло-римские поселения продолжали существовать без явного участия франков, а *villae* не заметно вытеснялись деревнями — при этом кладбища не меняли ни своего расположения, ни облика (например, Эранг, у слияния Мозеля и Килля). Чаще франкский населенный пункт с собственным отдельным кладбищем возникал бок о бок с римским поселением (например, в Винтерсдорфе на Сюре). Еще чаще франки селились посреди римского населения, вокруг собственной церкви — если она у них уже была, — но погребали своих мертвцев на древнем кладбище, облик которого при этом менялся (например, в Пфальцеле). Наконец, главным образом на плато имелись франкские деревни, не связанные ни с какими ранее существовавшими поселениями, где

возникали новые кладбища, а позднее возводилась церковь (например, Валлерхейм вблизи Прюма). Примеры преемственности встречаются в основном на холмах, где преобладающую роль играл незнакомый франкам виноград, как, например, в Эльзасе.

Для внутренних районов Галлии пропорция была бы иной, однако рамки исследования при этом явно остались бы теми же. Одно соображение лингвистического порядка побуждает думать, что наиболее частыми были незаметные переходы от *villa* к *village* (деревня (*фр.*)): смысл слова *villa* смещался в сторону «домена, деревни». Если бы ощущение преемственности отсутствовало, было бы использовано новое слово.

Наиболее сильные римские традиции и в то же время наиболее точная документация сохраняются в среде духовенства. На момент крещения Хлодвига оно было полностью римским (но не обязательно местного происхождения, так как всегда имели место вливания с Востока). В V в., судя по ономастике, клир оставался чисто римским: только два епископа носят германские имена²³.

Это недоверие по отношению к варварам сохранялось на протяжении большей части VI в. Статистика²⁴ установила, что из 447 известных нам галльских епископов германские имена носят 68, то есть 1/7 (тогда как для мирян, упоминаемых в эпиграфических свидетельствах, это соотношение равно половине). На Юге почти не было епископов-германцев: в Нарбонне на 153 епископа приходится 6 германских имен, в I Лионской на 34 — 1, несмотря на установление владычества бургундов. Но в провинциях Реймса и Трира германские имена составляют уже треть от общего числа, а в Майнце и Кельне — половину. Тем не менее большая часть северного епископата по-прежнему приезжала с юга, даже в Трире, в зоне наиболее активной франкской колонизации.

Около 560–570 гг. намечается перелом. В Трире первый епископ с германским именем Магнерик появился между

561 и 585 гг. В Бордо, незадолго до 574 г., после династии прелатов из сенаторского рода Понтия Леонтия, занимавшей кафедру более полувека, король Гунтрамн выдвигает своего родственника Бертехрамна. В Ле Мане первый франк — это майордом Хильперика в 581 г. Подобных примеров становилось все больше. Тем не менее нужно было дождаться VII в., чтобы это явление распространилось повсеместно, и только в VIII в. слияние представляется свершившимся фактом (если оставить в стороне средиземноморские регионы). Редкие ссылки на среднее и низшее духовенство, которыми мы располагаем, не противоречат сказанному: ни бегства, ни истребления, а компромисс и постепенное объединение.

Пока часть епископата в какой-то степени ощущала свою непричастность к франкской народности, завоевание и покорение Галлии все еще представляло проблему. Когда же в королевстве Меровингов исчезла по преимуществу римская церковная власть, служившая противовесом германскому военному командованию, объединение можно было считать достигнутым.

III. Новая цивилизация

Сказанного выше достаточно, чтобы убедиться, что среди последствий столкновения германцев и римлян перемены и эволюция преобладали над разрушениями. Раннее средневековье не сводится к замещению поверженной римской цивилизации торжествующей германской. Ни одно варварское королевство, — кроме, быть может, государства вандалов, — не знало диктатуры некоего *Herrenvolk* (господствующего народа) над массами, полностью лишенными всех прав. Повсюду имел место компромисс, более или менее законченный синтез различных элементов и создание новой цивилизации, отличавшейся от цивилизаций поздней Античности и независимой Германии. Ее можно ставить ниже классической цивилизации, но никто не вправе

отрицать ее самобытности, провозглашая ее простым «декадансом», продлившимся некоторое время, или придатком к истории германских культур.

Наиболее ярко этот феномен проявляется в двух государствах, которые одни смогли просуществовать достаточно долго — меровингской Галлии и вестготской Испании. Остготы не смогли довершить синтез с римским миром, подготовленный Теодорихом, а государство лангобардов начало свою историю слишком поздно, чтобы напрямую принять наследство поздней Римской империи. Посмотрим, как протекал этот процесс, на примере археологических и ономастических материалов, связанных с Галлией.

Яркий пример дает нам изучение захоронений. Между концом римской эпохи — скажем, началом V в. — и триумфом Меровингов — скажем, серединой VI в. — облик могил изменяется радикальным образом. Вместо небольших и достаточно бессистемных кладбищ, сочетающих ингумацию с кремацией и едва поддающихся обнаружению, мы видим эффектную форму огромных «упорядоченных кладбищ» (*Reihengräber*), которые быстро вводятся в практику и безраздельно господствуют вплоть до каролингской эпохи. Немногие изменения археологического облика являются себя взору историка более очевидным образом.

«Упорядоченные кладбища»²⁵ демонстрируют следующие особенности: а) могилы, образующие рвы, гробы из плоских камней или, позднее, монолитные трапециевидные саркофаги; б) достаточно частое присутствие погребальных приношений, нередко помещенных в сосуды; в) тела погребены полностью одетыми, женщины — с украшениями, мужчины — с оружием (по крайней мере, вначале); г) ориентация с востока (ноги) на запад (голова). Чаще всего внешние знаки отсутствуют (существует несколько деревянных столбов или дощатых рам; каменные стелы, очень редкие, встречаются главным образом у слоев, сохраняющих глубокий отпечаток римской цивилизации). До VII в. эти кладбища обычно расположены в

открытом поле, без непосредственной связи с местом отправления культа и в удалении от деревень. Количество захоронений вырастает от нескольких дюжин до нескольких тысяч. Когда речь идет о захоронениях в саркофагах — каменные ящики обходились недешево, — часты случаи повторного использования. Естественно, эту картину расцвечивают бросающиеся в глаза местные оттенки, зависящие от доступных материалов (гробы из плоских камней преобладают в Рейнской области, монолитные ящики — в районах, богатых известняком, гипсовые корыта — в парижском регионе), но они не отменяют впечатления единой цивилизации.

Этот новый археологический облик нельзя объяснить только фактом сокрушительного вторжения франков. Никто не дерзнул бы теперь заявлять, что все эти кладбища принадлежат исключительно завоевателям. Они относятся ко всему обществу, которое уже не является ни германским, ни римским, а скорее меровингским. С точки зрения происхождения в этом типе захоронений, по сути, нет ничего германского: германцы не практиковали его до переправы через Рейн. Одна из его самых характерных черт — каменные саркофаги — выглядит римской: свободные германцы не обрабатывали камень и употребляли исключительно деревянные гробы, тогда как у римлян каменные гробы в отдельных местах были в ходу всегда, а при Поздней Римской империи использовались снова и снова. Другая — хотя и с меньшей уверенностью — кажется германской: это обычай погребения мужчин вместе с оружием. Он засвидетельствован Тацитом у независимых германцев, и для периода до V в. мы располагаем несколькими его археологическими примерами, по правде говоря малочисленными, за Рейном (но некоторые галлы, восставшие против римского влияния, также практиковали его с эпохи Хальштатта). Наконец, последнее слагаемое, ориентация лицом на восток, по-видимому, порождено, хотя это и отрицается²⁶, атмосферой, навеянной восточными религиями и христианством.

Все вместе эти элементы могли встретиться, дав жизнь некоему синтезу, только где-то к западу от Рейна, на древней территории Империи. Следуя за И. Вернером, мы обычно предполагаем, что это случилось на севере Галлии в эпоху, когда германские переселенцы и наемники на службе у Рима проживали среди масс, остававшихся римскими, но обнищавших и страдавших рецидивами кельтского самосознания. Некоторые кладбища IV в. в Намюруа, Артуа, Пикардии, Шампани, Верхней Нормандии и Орлеане, по-видимому, как раз и отражают искомый переход, так как уже демонстрируют упорядоченность кладбищ и погребальную утварь смешанного характера. После создания государства Меровингов этот тип кладбищ распространился по всему северу Галлии (кроме Арморики) и – без использования саркофагов – по франкским протекторатам за Рейном (Алемания, Тюрингия), и даже по некоторым регионам, избежавшим контроля франков, вроде Вестфалии; кроме того, он переправился в южную Англию. Так, между Луарой и Эльбой родилась новая форма, независимая от лингвистических и политических границ. Завоевание повинно в этом только в той мере, в какой оно привело в соприкосновение сначала разнородные элементы, необходимые для этого синтеза, а затем различные регионы этого географического пространства.

Понятно, что следует отказаться от использования «упорядоченных кладбищ» в качестве признака германского населения. Можно ли опираться на какие-то указания второстепенного значения? Вероятно, нужно приписывать настоящим германцам (франкам, но также, может быть, и саксам) редкие захоронения с кремацией, встречающиеся на «упорядоченных кладбищах». Речь идет о противном христианству ритуале, очень быстро отвергнутом, который, должно быть, практиковался только новоприбывшими; однако эта ниточка очень скоро обрывается: 4 могилы в южной Голландии, 5 в Рейнской области, 3 в Бельгии и 4 во Франции! Захоронения с оружием

не настолько убедительны, по крайней мере, после 500 г. (раньше этой даты их, пожалуй, не наберется и дюжины): ношение оружия является скорее признаком нестабильности и богатства, чем принадлежности к германцам; кроме того, это в немалой степени было вопросом моды. Из меровингской Галлии обычай ингумации с оружием, как и использование «упорядоченных кладбищ», распространяется по всей Германии.

Только что установленное в связи с могилами можно показать и в отношении украшений и керамики, но отведя при этом чуть большую роль местным традициям Галлии.

В III в. в галло-римском прикладном искусстве произошел возврат к кельтскому прошлому: «пламенеющий» декор некоторых бронзовых предметов, использование материалов ярких цветов, стилизация человеческих и животных изображений. В то же время в декоративном отношении некоторые элементы одеяния, вроде фибулы, закреплявшей плащ на плече, или поясной пряжки, по всей Империи претерпели значительную эволюцию, вовсе несоразмерно своему утилитарному значению²⁷. Вновь проявилось все то, что ослабило греко-римский классицизм. Варвары принесли из евразийской степи дополнительные элементы (о которых мы вновь вспомним на стр. 251), однако эта тенденция наметилась еще до их вторжений²⁸.

К тому же в меровингскую эпоху признание получила новая керамика, сильно уступавшая продукции Западной Империи; она отличалась черной, серой или беловатой, достаточно грубой массой, круговой декор состоял из крестов или шевронов, расположенных в гнездах обтекаемой формы. Отчасти ее истоки, безусловно, обнаруживаются в традициях независимой Германии, но начиная с эпохи Ла Тена примитивные гончарные изделия Галлии никогда полностью не отказывались от этого кругового узора, пережившего явное возрождение в больших цехах Аргонна после IV в.

В ономастической области период после завоеваний характеризуется двумя фактами — почти полным обновлением антропонимики и менее глубокими, но все же впечатляющими изменениями в топонимии.

Антропонимическая система Западной Империи, основанная на *tria nomina* (трех именах) римского гражданина, умерла задолго до потрясения, вызванного завоеваниями. Если не считать нескольких аристократических родов, то в IV в. уже существовало только *cognomina* (имя), и каждый человек обычно носил их по два или три; почти все они были одной прозрачной этимологии и образовывались от латинской или греческой основы с помощью немногочисленных суффиксов, в основном *-ius* (например, *Leontius* (Леонтий), *Ausonius* (Авзоний), *Gregorius* (Григорий)). После очень короткой паузы — менее века — на смену этой системе приходит другая, в которой индивид носит лишь одно имя, обычно составленное, в подражание королевским именам, из двух соединенных германских основ, между которыми не всегда прослеживается достаточно ясная связь (например, *Dagobertus* (Дагоберт) «блеск + день»; *Sigibertus* (Сигиберт) «блеск + победа»; *Theudericus* (Теодерих) «король + народ»; *Hariulfus* (Гариульф) «волк + армия»; *Arnulfus* (Арнульф) «волк + орел» и т. д.). Фамильных имен не существует, но родовые связи часто выражаются путем передачи от родителей к детям одного из элементов их имени (например, *Chlodovechus* (Хлодвиг) и его сын *Chlodomeris* (Хлодомер)). Эти имена, обычно длинные (по крайней мере, из четырех слогов), в обиходе часто заменяются краткими, ласкательными формами (например, *Dado* (Дадо) от *Audoenus* (Авдоин)). Эта система оставалась основой нашей антропонимики вплоть до введения фамилий (между XII и XIV вв.); она до сих пор служит объяснением большинства наших патронимов и некоторого количества имен. Не меньшим успехом она пользовалась в Северной Италии и Испании (но не в Африке).

Распространение новой антропонимики объясняется модой, престижем двора, может быть, своеобразной лояльностью по отношению к новому режиму. Впрочем, появившиеся в IV в. германские имена совершенно не воспринимались как неслыханное новшество. Их структура напоминала

древние галльские имена²⁹. И главное, давно прошли времена, когда германцы, вторгнувшись в Империю, отказывались от своей национальной ономастики (как батав Цивилис в I в.); попадались даже консулы, именовавшиеся Рихомер или Меробавд!

Обновление топонимики было менее масштабным. Оно не коснулось практически ни одного города (кроме Страсбурга) и пощадило большинство *vici* (сельских поселений). Однако оно поглотило изрядную долю названий сельских поместий, а главное, проторило новые пути для будущих образований. Вероятно, половину названий коммун Северной Франции было бы невозможно объяснить без обращения к эре Меровингов. Значительное количество названий средневековых земель и административных округов, даже в романской зоне, имеет германское происхождение или принадлежит к германскому типу.

Пережитки латинских названий на территории, сделавшейся германской, как и появление смешанных наименований в областях, оставшихся романскими, могут просветить нас относительно истоков новой цивилизации. Несмотря на уничтожение правящего класса, на правом берегу Рейна сохранилось немало названий, характерных для античной домениальной системы. Самые типичные, произведенные от имени владельца с помощью суффикса *-асит*, во множестве уцелели в долинах Мозеля, Рейна, Роэра и Эрфта (например, *Juliacum*, фр. *Juliers*, нем. *Jülich*; *Tiberiacum*, нем. *Zieverich*; *Matriniacum*, нем. *Metternich*), но почти исчезли в нидерландских районах, безусловно, по причине благовременной эвакуации. Но есть нечто более важное, чем эти пережитки. Соприкоснувшись с этими названиями *fundi* и *villae*, германцы видоизменили свои собственные ономастические привычки. В античных источниках, относящихся к Германии, названия деревень, образованные от антропонима и эквивалента *villa* (*-heim*, *-dorf*, *-hof* и т. д.), полностью отсутствовали; начиная с VII в. они безраздельно царят как к востоку, так и к западу от Рейна. Пред-

полагается, что с V–VI вв. франки вырабатывали этот ономастический тип в контакте с галло-римлянами, а затем передали его другим германцам³⁰. К тому же один из этих суффиксов, ставший неотъемлемой частью немецкого топонимического лексикона, *-weiler*, происходит от латинского *villare*. Названия на *-ing*, *-ingen*, несмотря на свою чисто германскую структуру, также могут представлять собой кальки с имен на *-asum*, заменой которым они часто служили³¹.

Определенно, названия именно этого типа, в романской форме, заполонили Северную Галлию между VI и X вв. При жизни первых поколений продолжалось формирование топонимов на *-asum* на основе германских личных имен (например, *Athanacum* от Атанариха; *Ramanacum* от Храмна). На короткое время завоевал популярность тип на *-iacas* (например, Ландресье, *Landriciacas*, от Ландериха). Но этот мотив быстро утратил продуктивность. Его поглотила волна названий на *-ville* и *-court*, достигшая высшей точки в VII–VIII вв. и до настоящего времени не вполне иссякшая. Их первая часть почти всегда была германской просто потому, что германской в эту эпоху была вся антропонимика. Их синтаксис колеблется между римским порядком на периферии раннего королевства (*ville* и *court* в начале слова, например, *Villemomble*, *Courgains*) и германским, который и возобладал (*-ville* и *-court* в конце).

Таким образом, поверх лингвистической границы установилась своеобразная общность топонимов, охватывавшая как древнюю свободную Германию, так и сердце галльской *Romania*. Она не имела непосредственных корней ни в одной традиции — ни германской (которой она тем не менее многим обязана — повсюду личными именами, лежащими в основе этих топонимов, и почти повсеместно синтаксической структурой), ни галло-римской (по-видимому, ставшей источником первого импульса). Бессспорно то, что горнилом, в котором была выкована эта общность, стало меровингское государство (вместе с протекторатами). Внутри

этой политической структуры осуществился творческий синтез, по значению превосходивший феномены вторжения и завоевания, которые привели лишь к смещению линий лингвистической демаркации.

На последнее соображение по поводу этой новой цивилизации наводят лингвистические взаимодействия. Галло-римляне, не принявшие франкского языка, тем не менее почерпнули из него важные элементы своего словарного запаса. Всякое перечисление рискованно, коль скоро речь часто идет о вышедших из употребления терминах, относящихся к давно исчезнувшим институтам или образам жизни, или о словах, вытесненных в диалектное употребление. Но этот вклад был значительным — порядка, по крайней мере, пятисот слов³². При жизни первых поколений после завоевания разрушение системы образования, с одной стороны, и стремительная фонетическая эволюция вульгарной латыни — с другой, определенно привели этот язык в состояние повышенной восприимчивости. По-видимому, эти ворота снова захлопнулись еще до наступления каролингской эпохи. Однако, несмотря на истекшие столетия, сегодняшний французский язык был бы непостижим без учета лепты, внесенной франками.

Естественно, заимствования охватывали весь лексикон, относящийся к новым институтам (*sénéchal* (сенешаль), *maréchal* (маршал), *échanson* (кравчий), *chambellan* (камергер), *antrustion* (королевский дружинник), *aubain**, *rachimbourg* (рахимбург)**, *échevin* (эшевены)***, *taimbourg*****, *plège* (гарант, гарантия),

* Право государя получать имущество чужеземца, не натурализовавшегося в стране. — Примеч. ред.

** Свободные франки, знатоки права, которые произносили приговоры в суде. — Примеч. ред.

*** Сначала присяжный в суде, позже — представитель муниципальной власти. — Примеч. ред.

**** Право королевского покровительства над вдовами, сиротами, монахами и клириками. — Примеч. ред.

*essoine** (поджидать), *ordalie* (ордалия), *alleu* (аллод), *fief* (фьеф), *trêve* (перемирие), *arrière-ban* (ополчение) и пр.) и войне (*garder* (охранять), *guetter* (подстерегать), *gonfanon* (стяг), *fourreau* (ножны), *dard* (дротик), *flêche* (стрела), *blason* (герб), *ètrier* (стремя) и т. д.). Однако имеется немало терминов, более значимых с точки зрения степени оказанного влияния: названия частей тела (*hanche*, *èchine*, *flanc*, *quenotte*³³), цветов (*blanc*, *brun*, *bleu*, *gris*, *blafard*³⁴), сторон света (но они по-настоящему вошли в обиход только после прибытия в Нормандию скандинавского подкрепления), планет и растительных форм (*hêtre*, *troène*, *roseau*, *houblon*, *haie*³⁵), наконец, сельскохозяйственные термины (*blé*, *gerbe*, *bouc*, *fourrage*³⁶ и пр.).

В этой области франки много дали, но мало взяли. Это не значит, что в германских языках отсутствуют латинские заимствования, но большая часть из них восходит ко времени до меровингской эпохи и объясняется контактами с солдатами и гражданским населением вдоль линии *limes*.

Эти лексикографические соображения рисуют похоронить под собой важный факт: латынь и францкий язык находились не на одном и том же уровне. Латынь была языком письменным, сильным своей литературной, эпиграфической и религиозной традицией, а францкий был только лишь разговорным языком (на этом диалекте не существует практически ни одного рунического текста), лишенным особого престижа (в отличие от готского) и религиозной поддержки. Францкая аристократия Галлии осознавала это положение и даже не пыталась писать на францком или дать ему литературу. В письменной форме встречаются только краткие юридические формулы. Короли, еще до Хлодвига, писали на латыни на самые личные темы, и именно на этом языке Хильперик силялся показать свою ученость. Мысль о том, чтобы поднять язык завоевателей до уровня языка подданных, родилась только при Каролингах.

* Уважительная причина, по которой человек не являлся в суд или на ордалию. — Примеч. ред.

IV. Подведение итогов: региональное разнообразие

В различных регионах прежней Римской империи влияние германцев сказывалось крайне неравномерно. Почти незаметное в Африке и на островах Средиземного моря, слабо выраженное на юге Испании и в римской зоне, во всех остальных местах оно было очень сильным³⁷.

От вандалов в Тунисе и Восточном Алжире не осталось практически ничего. Ни единого слова из их языка, ни единого личного имени, ни единого топонима. Очень небольшое количество надписей, в основном погребальных, спасло от забвения нескольких персонажей, но у нас нет ни архивного документа, ни закона, выпущенного вандалами. Могилы и украшения находят неслыханно редко. Без сомнения, в этом забвении отчасти повинно исламское завоевание: мусульмане-завоеватели более, чем кто-либо, ответственны за уничтожение из наследия прошлого всего того, что легко стереть с лица земли. Однако они не воевали с археологическими остатками, которыми богата Северная Африка как римского, так и византийского периода. Получается, что вандалы после себя практически ничего не оставили.

На Сицилии и, в меньшей степени, на Корсике и Сардинии ислам также многое уничтожил. Но мимолетные посещения готов и вандалов там ничего после себя не оставили.

Чтобы оценить влияние готов и свевов на Иберийском полуострове, следует выделить два этапа, причем поворотным моментом служит обращение в ортодоксальную веру короля Реккареда (587 г.). До него германцы не привнесли в испано-римское общество ничего существенного; только после него их влияние неотъемлемым образом сказалось на испанской исторической традиции.

В течение первого периода присутствие готов и свевов было главным образом военным. Живя достаточно компактными сообществами, одни на атлантическом побережье

вокруг Браги, а другие к северу от Месеты в современных *campos góticos* (готских лагерях), на остальной части полуострова они были представлены лишь несколькими солдатами и чиновниками. Будучи отделены от испано-римских масс своим арианством, запретом смешанных браков и, разумеется, самобытным правом, они ограничились тем, что стали управлять в собственных интересах этой страной, которая, кажется, не слишком-то ими интересовалась. Возможно, вестготы обладали собственной интеллектуальной культурой (хотя нам ничего неизвестно о судьбах языка Вульфилы в Испании), но они определенно вели самобытный образ жизни, о чем свидетельствуют могилы, золотые изделия и оригинальные костюмы; однако испано-римлянам они не передали ничего. Целая группа последних, на юге и юго-востоке, после 554 г. сумела ускользнуть из-под готского владычества на период жизни двух поколений, но ничем не отличалась от других испано-римлян к моменту, когда было воссоздано иберийское единство. Большинство институтов, которые впоследствии подчеркивали самобытность Толедского королевства среди государств, наследовавших Западной империи, в то время еще не обрели свою форму.

После 587 г. готы выходят на передний план. Но из-за их перехода в ортодоксальную веру к ним тут же стали относиться лучше. При Реккареде и Сисебуте у испано-римских слоев ощущаются «сознание и воля к творческому синтезу», которые скоро увенчались долговечными достижениями — интеллектуальным ренессансом эпохи Исидора Севильского, разработкой правовых кодексов в VII в., созданием центрального института в королевстве — таких оригинальных собраний, как толедские соборы, наконец, рождением новой доктрины о королевской власти, основанной на обряде миропомазания³⁸. Если бы готская Испания была задушена до 587 г., то после нее не осталось бы практически никакого наследия; будучи повержена в 711 г., она завещала Европе несколько фундаментальных пред-

ствлений, которые легли в основу средневековой цивилизации. Без всякого сомнения, в этом синтезе римско-византийские элементы значительно преобладали над германским: символично, что уже Леовигильд отказался от готского костюма в пользу византийского императорского облачения. А в художественной области иберийское влияние, главным образом на севере, сыграло большую роль, чем варварское. Однако Хинохоса и Санчес-Альборноц показали значение германских элементов в институциональном развитии — это *gardingi* (гардинги), составлявшие королевский *comitatus* (окружение), *saiones* (сайоны), обеспечивавшие выполнение приказов государя, наконец, традиции частного права³⁹. Вплоть до XI в. Испания периода реконкисты жила воспоминаниями, оставленными ортодоксальным Толедским королевством, и благоговейно собирала осколки германского наследия. Если в испано-португальский лексикон и топонимику вошло очень мало германских слов (несомненно, менее 40), то новая антропонимика вызвала на полуострове такое же увлечение, как и в Галлии: в средневековой Испании безраздельно господствовали германские имена с примесью некоторых иbero-баскских элементов.

Культурный синтез, осуществленный в Толедском королевстве, был более важным, чем достигнутое в государстве Меровингов. Однако в результате изоляции готской Испании в последний век ее истории, а затем катастрофы 711 г. его непосредственное значение оказалось приниженным. Эти две параллельные попытки практически не соприкасались друг с другом. Даже на полуострове далеко не все последовали примеру, поданному Толедо. Если присоединение бывших владений свевов было стремительным, то Страна Басков замкнулась в полной самоизоляции, из которой ее не удалось вывести никаким военным давлением. Бетика же, как будто предвидя свою особую судьбу в преддверии исламского завоевания, всегда была более восприимчива к восточному влиянию, чем к германскому.

* * *

В Италии выделяется не одна, а три различные фазы германского влияния: период набегов V в., варварских командиров в армии Рима и Одоакра; период остготов; и, наконец, лангобардов. Их влияние то усиливалось, то исчезало, а промежуточный этап византийского господства в VI в. еще больше усложнил проблему, так как армия Велизария была столь же варварской, как и у его противников.

После первого из этих этапов не осталось ничего долговечного, если не считать развалин. Набеги начала V в. нанесли серьезный урон сельским районам Центральной и Северной Италии и способствовали постоянно возникающему здесь бандитизму. Однако многие города уцелели, а большинство других после более или менее долгой реконструкции, как, например, Милан после вторжения Аттилы, вновь обрели свой прежний облик. Сильнее всех пострадал Рим. Герулы, скиры и туркилинги, вместе составлявшие народ, которым правил Одоакр, были немногочисленны, и их поселения вокруг Равенны, Вероны и Милана, скорее всего, бросались в глаза не больше, чем поселения варваров, служивших Риму до 476 г. События 489–493 гг. полностью их уничтожили.

Приход остготов имел совершенно иное значение. Прежде всего речь идет не о государственном перевороте изнутри, как это было в 476 г., а о завоевании. Северо-Восточная Италия достаточно серьезно пострадала от него⁴⁰, и иммиграция была значительной. Затем личность Теодориха придала событиям новое направление: он хотел быть одновременно образцовым главой римско-готского государства и моральным лидером германцев Запада. Из всех попыток римско-варварского синтеза его собственная определенно была наиболее осознанной. Ее слабость заключалась в том, что она слишком зависела от единственного человека, а кроме того, и это главное, не располагала достаточным временем — что не помешало ей оставить после себя ценное наследие во всех областях.

Самых примечательных результатов Теодорих добился именно в интеллектуальной сфере: он одновременно покровительствовал развитию латинской культуры, лояльной по отношению к новому положению вещей, и зарождению первой интеллектуальной культуры у варваров. Готский язык Вульфилы был использован некоторыми авторами в основном в религиозных целях⁴¹. Другие готы пользовались латынью: таинственные «философы» Атанарит, Хильдебальд и Маркомир, упоминаемые «Равенским космографом», а позднее национальный историк Иордан, который писал уже после победы Юстиниана, но был воспитан в русле культуры, сформировавшейся при Теодорихе. Разумеется, эти труды были не слишком оригинальными: слово *Skeireins*, вероятно, представляет собой перевод с греческого, Иордан сжато пересказывает произведение Кассиодору. Тем не менее эти усилия достойны упоминания, тем более что они проистекают из желания заинтересовать римлян прошлым готов (Абладий, о котором нам ничего не известно, кроме имени, и сам Кассиодор написали по истории готов (*Getica*)).

В политическом плане арианство готов и их меньшинство с неизбежностью приводило к сегрегации. В рамках административной системы Поздней Римской империи, сохранившейся в целости у римлян, готовы помещались на северо-восточной границе, вокруг Равенны, в долине По и Тоскане, под управлением *comites Gothorum* (комитов готов), непосредственно подчиненных королю. В городах у готов были отдельные кварталы вокруг арианских церквей. Без сомнения, готовы сохраняли собственное право — от которого до нас не дошло никаких следов — подобно тому, как римляне сохраняли свое, в рамках, обозначенных королевскими указами. Готы пользовались исключительным правом занимать определенные командные посты, в основном военные. Однако Теодорих предложил как римлянам, так и готов общий политический идеал, нашедший выражение в клеймах на черепице («В правление господина нашего и

славного римлянина Теодориха...»⁴², монументальных надписях, например, на Аппиевой дороге («...король Теодорих... хранитель свободы и защитник имени римлян...»)⁴³ и письмах к Кассиодору, где «он ставит себе в заслугу то, что является королем-философом, согласно учению Платона»⁴⁴. Это был настоящий греко-римский идеал на том уровне, до которого он намеревался в скором будущем поднять готов — что, разумеется, было утопией.

В материальной сфере вклад готов оставался небольшим. Сомнительно, чтобы готовы хватило времени превратиться в аграрное население. Два клада, состоящие из золотых изделий, из Десаны (Пьемонт) и Реджо Эмилии, а также некоторые украшения говорят об участии готов в крупных течениях «варварского» искусства. Однако в важных постройках Теодориха в Равенне и Риме германское влияние полностью отсутствует.

Лингвистический след готов ничтожен, и его трудно отделить от наследия лангобардов. Он сводится к нескольким топонимам, в которых присутствует частица *Gothi*, и, конечно, части названий Ломбардии на *-engo*. Вошедшие в итальянский язык готовские слова в основном, кажется, принадлежат к сфере бытовой жизни, и очень немногие — к административной, юридической и военной областям, где вклад лангобардов превзошел все предыдущие.

Деятельность Теодориха включает очевидную долю театральности, *captatio benevolentiae* (погони за доброжелательным отношением), обращенной к правящим классам. Однако представляется, что в этом он мог быть искренен. Он продолжал дело готовских вождей V в., Гайны, Трибигильда и Фравитты, попробовавших найти себе место в римской системе на Востоке. Нарбоннское заявление Атаульфа (ср. стр. 229) свидетельствуют о сходном идеале. Эти продолжительные усилия готов, конечно, объясняются зачатками культуры, оставшимися после трудов Вульфилы, и амбициями этого варварского народа, вознамерившегося сравняться с Римом.

Опыт Теодориха выходил за рамки Италии. Значительно раньше Меровингов и в течение меньшего времени, обладая совершенно иной широтой взглядов, он оказал влияние на всех германцев Запада. Здесь мы не рассматриваем его дипломатических начинаний, призванных обуздить экспансию франков, защитить вестготов и бургундов, усмирить вандалов. Он заставил независимую Германию прислушиваться к своему голосу, приняв под свое покровительство немало второстепенных народов: он усыновил царька паннонских герулов, Родульфа, платил жалованье банде Мундона, полукровки гепидо-гуннского происхождения, стоявшего лагерем в Мезии, радушно встретил остатки аламаннов из Реции после их поражения от Хлодвига, покровительствовал баварам, варнам с низовий Рейна и, если верить Иордану, даже норвежцам. Конечно, если бы он смог продолжить эту деятельность, все эти народы получили бы доступ к римской цивилизации в ее самой чистой, итальянской форме, тогда как впоследствии через франков они приобщились лишь к очень сильно модифицированному наследию.

Этой политикой объясняется тот успех, не имеющий равных среди варварских королей, которым позднее пользовался Теодорих у эпических поэтов⁴⁵, даже Карл Великий в 801 г. повелел перенести из Равенны в Ахен его конную статую⁴⁶.

Лангобарды первоначально рассматривали Италию скорее в качестве трофея, чем основания для государства, о котором они не имели даже представления. Первое поколение, жившее под их властью, расплачивалось по почти целиком отрицательному балансу. Немногие периоды были настолько беспросветны, как, например, полвека, отделяющие высадку Велизария в 536 г. от избрания Отари в 584 г. По его окончании спасать было уже нечего.

Настоящее освоение земель началось только после стабилизации. Лангобардские войска (*exercitus*) осели на земле. Вожди заменили собой исчезнувшую римскую аристократию и стали земельными собственниками, окружив себя

свободными крестьянами-лангобардами и заставив работать на себя компактную массу римлян, оказавшихся в положении, близком к статусу колонов в Поздней Римской империи. Подробности этой процедуры плохо известны, однако ее масштабы не вызывают сомнений: вне византийских анклавов римляне утратили всякое влияние. Антропонимика быстро стала почти исключительно лангобардской. Топонимия испытала массированное влияние главным образом в районе Милана, в Венеции, Северной Тоскане и окрестностях Сполето. Административный, юридический и военный язык претерпел обновление: в итальянском до сих пор сохраняется около 300 лангобардских слов. Наконец, несмотря на персональность законов — в Италии более выраженную, чем где-либо еще, — лангобардское право быстро заняло господствующее положение в долине По и Тоскане. Этот отпечаток оказался настолько глубоким, что Северная Италия до начала IX в. оставалась *regnum Langobardorum* (королевством лангобардов)⁴⁷, а один из ее районов и сегодня называется Ломбардией. Плотность заселения лангобардов в долине По повторяет, а по интенсивности, может быть, даже превосходит заселение франков в Северной Галлии. Однако это было лишь локальное явление: если не считать краткосрочных вылазок в Баварию, лангобарды таки не смогли вырваться за границы своего королевства. Перед лицом франков они оставались в положении опоздавшего, часто унижаемого и постоянно пребывающего в опасности соперника.

Германские черты лангобардского королевства поднимают сложные проблемы. Лангобардский язык, засвидетельствованный только юридическими формулами и личными именами, должно быть, оставался в ходу до VIII в., и некоторое представление о нем сохранялось на протяжении каролингской эпохи. Однако в Италии было много других германцев: формуляр IX в. упоминает готов, аламаннов, баваров, бургундов. Ни один из этих языков не имел письменности, и правящий

класс, при всей своей национальной гордости, быстро приобрел поверхностное знакомство с латинской культурой. Ее очагом была Павия; именно там в VIII в. знать и короли заказывали себе стихотворные эпитафии, равных которым не породила ни одна другая страна Запада⁴⁸. Определенная литературная активность возобновилась в среде миланского духовенства в конце VII в.; в VIII в. можно говорить о возрождении. Германские черты аристократии тем не менее усиливались за счет баварских и аламаннских вливаний даже после окончательного обращения в ортодоксальное христианство (671 г.).

Знаменитый текст Павла Диакона подтверждает избиение римских аристократов и распределение уцелевших между лангобардами в качестве зависимых *hospites* (госпитов). Топонимия показывает, что в большей части Северной и Центральной Италии лангобарды селились семейными группами или военными подразделениями под названием *fara* (*Fara Vicentina*, *Fara Novarese*, *Fara in Sabina*). Ученые предполагают существование в стратегических пунктах колоний *arimanni* (ариманнов) (свободных от военной службы): Фриули, выходы альпийских ущелий. Археологические находки образуют непрерывные пояса у подножия Альп от Триеста до Пьемонта, вдоль дороги *via Emilia* и в Умбрии, но, очевидно, нельзя сказать, не были ли лангобардские формы усвоены римлянами. Вклад в искусство исчерпывается золотыми изделиями в перегородчатой технике с зооморфным узором; с ним активно соперничает восточное влияние (сирийское и коптское).

Чтобы беспристрастно оценить отношение лангобардов к римскому миру, следует помнить об их политическом и военном положении, в почти постоянной опасности со стороны Равенны и из-за Альп: их римским подданным всегда было рукой подать до измены. Наконец, арианская проблема в Италии была сопряжена если не с большей остротой, то, по крайней мере, с большей продолжительностью, чем где-либо. Лангобарды могли удержаться, только выказывая большую жестокость, чем прочие германские завоева-

тели. Но не будем забывать, что они закрыли путь в Италию еще более грозным народам. Они обороили *limes* р. Исонцо от авар и славян, тогда как иллирийские римляне, положившиеся на защиту Византии, пали.

Меровингскую Галлию едва ли можно окинуть одним взглядом, так как она не была порождением одного франкского народа. В середине VI в. Меровинги стали править бургундским королевством и распоряжались этим наследием чрезвычайно консервативно, ни в чем не лишая бургундскую «нацию» ее жизненной энергии. Бургундская аристократия сохранила за собой командные посты, и даже королевская династия продолжила свое существование (один из ее потомков упоминается в 613 г.). Обращение с наследием вестготов, полученным после битвы при Вуйе, оказалось ощутимо более грубым, так как вестготы воспринимались как внешние враги и оставались арианами. Правящий класс и большая часть побежденного народа ушли в Испанию; ни один гот не нашел себе места в среде меровингской аристократии⁴⁹. Однако какое-то количество ариан, более или менее охваченных миссионерской деятельностью (об этом по-забочились еще в 541 г.), осталось на аквитанском Юге. Указ Сигиберта III, изданный около 640–647 гг., указывает на присутствие группы готов в Руэрге, а сохранение готской антропонимики предполагает, что этот случай не был единственным. Прованс оставался своего рода римским государством, состоявшим в отношениях личного союза с меровингскими королевствами. Вплоть до середины VIII в. франки не играли там практически никакой роли. Алемания, Тюрингия и Бавария в те периоды, когда они оказывались покоренными, пользовались еще более широкой автономией. Даже в Северной Галлии древняя *tractus Armoricanus* (армориканская область) не полностью подчинялась тому же политическому режиму, что и территория первоначального завоевания. Наконец, различные мелкие группы германцев — тайфалы в Пуату, саксы в Бессене, свевы в Куртре и т. д. — достаточно долгое время сохраняли свою индивидуальность.

Тем не менее для всей этой совокупности постепенно утверждается общее национальное название, почерпнутое у одних франков, — *Francia* (Франция). Начиная с середины VI в. это наименование, употреблявшееся позднеантичными авторами для обозначения занятого франками региона Германии, используется для северной части Галлии, действительно находившейся в руках франков, а позже, под пером некоторых иноzemных авторов (Григория Великого), для всего королевства Меровингов. Только в VIII в. оно становится общепринятым и прекращается привычное противопоставление, например, *Francia* (Франция) и *Aquitania* (Аквитания), однако для земель к северу от Луары появляются новые региональные обозначения — Австразия и Нейстрия⁵⁰.

К концу VII и началу VIII в. население Галлии сохраняло сознание того, что оно разделяется на две группы: *Romani* (римлян) и *Barbari* (варваров) (хотя это последнее слово, утратившее смысл «язычник», со времен Дагоберта впало в немилость). Во всех биографиях знаменитых людей заботливо указано, к какой именно из этих групп принадлежали предки их героя — даже если он был плодом смешанного брака — и при случае из какого «варварского» народа они происходили. Затем это представление утрачивается, или, точнее, дифференциация становится прерогативой практикующих знатоков права, которые, по крайней мере в Бургундии и на юге, продолжали задаваться этим вопросом вплоть до IX в. (в Северной Галлии следы *professio legis* (занятия правом) почти отсутствуют, тогда как в некогда готической Септимании они обнаруживаются до X в.). На смену «этнической» национальности в VII–VIII вв. приходит чувство национальности «региональной»: теперь люди ощущают себя скорее австразийцами, нейстрицами, бургундцами или аквитанцами, нежели франками или римлянами. Без сомнения, формирование этих взглядов не обошлось без германского влияния периода завоевания; их успех в такой же мере говорит об успехе объединения⁵¹.

На уровне правящих классов подлинное единство, основанное на образе жизни и материальной культуре, установилось с конца VI в. между «франками», «бургундами», «римлянами» и другими группами, допущенными к власти (включая нескольких саксов, аламаннов и отдельных тюингов). Его скрепляла общность веры и многочисленные брачные союзы.

Основополагающим фактом стало принятие германским высшим классом образа жизни галло-римских землевладельцев. Он явился предметом пристального изучения Бергенгруэнса⁵² и Шпранделя⁵³. В VI и главным образом VII в. королевская казна, чрезвычайно богатая (помимо римского наследства, к ней отошли вакантные или конфискованные земли), сотнями распределяла виллы между франкскими аристократами. Представляется, что при Хлодвиге и его сыновьях правящий класс был нестабильным, подвижным, перемещаясь из одного места в другое, в зависимости от требований королевской службы, лишенным прямой связи с франкской аграрной колонизацией там, где она развивалась⁵⁴. Впоследствии короли прикрепили его к земле, наделив крупными владениями, главным образом для того, чтобы больше ему не платить. В большинстве житий святых VII–VIII вв. предки главных действующих лиц — почти все они высокого происхождения — выглядят так, как будто они лишь сравнительно недавно оказались в месте своего проживания. Эта мутация наверняка объясняется примером галло-римской аристократии. Во всяком случае, новому правящему классу не претило использование земельного права целиком римского происхождения. По-видимому, вилла франкских землевладельцев была устроена так же, как и у римских, хотя север Галлии никогда не знал *fædus*, обеспечивающего юридическую преемственность от римлян к франкам. Наконец, владения франкских вождей были разбросаны не меньше, чем патrimonии сенаторов: земельная собственность одной пары, о которой мы более ничего не знаем, Вандемира и Эркамберты, розданная ими около 690 г.

на благочестивые пожертвования, простиралась на 13 *pagi* (округов), от Бовези до Мена и Керси.

Нет смысла вновь и вновь ссылаться на брачные союзы между двумя ветвями аристократии. Уже святой Медард, родившийся в Нуайоне в середине V в., то есть задолго до Хлодвига, был сыном франка и римлянки.

Этапы экономического и социального объединения в низших слоях общества изучены очень плохо. В городах, где население уже было смешанным (сирийцы, евреи), франкский элемент, безусловно, был лишь еще одним меньшинством, которое быстро ассимилировалось. В сельской местности археология дала лишь два признака: даже назавтра после завоевания разделение кладбищ надвое было редким явлением; в VIII в. согласное скопление могил вокруг церквей показывает, что объединение, скорее всего, уже давно состоялось. Теперь франками называли себя все жители Северной Галлии, каково бы ни было их истинное происхождение.

В этом объединении интеллектуальные факторы сыграли лишь незначительную роль. Именно под сенью не новой, а объединенной культуры прежние жители и ново-прибывшие окончательно сплотились. В этой области меровингское королевство уникальным образом отстает от готских государств. Римский юг сохранил некоторую активность, подтверждаемую сохранившейся письменной документацией и сравнительным изобилием надписей; к VII в. только здесь продолжают существовать школы, открытые для мирян, и именно отсюда происходят почти все ученые, немалое количество епископов и множество произведений искусства (саркофагов, капителей). Но юг как раз избежал прямого воздействия франков. На севере все обстояло совершенно иначе⁵⁵. Лишь в конце VI в. мы то здесь, то там начинаем встречать аристократов, интересующихся духовными материями, дерзающих написать несколько стихотворных строк или вычурных букв. Их образцом и этало-

ном стал Хильперик, король Нейстрии. Не наблюдается ни каких-либо признаков решимости сохранить и защитить наследие античности, как у Кассиодора или Исидора Севильского, ни попыток создать варварскую культуру — предметом забот является только достаточно заурядный консерватизм, который, впрочем, не выходит за рамки узких кругов. Григорий Турский, даже будучи чистокровным римлянином, имел лишь поверхностное представление о свободных искусствах, и его попытка обеспечить франков национальной историей несопоставима с трудом Иордана. Ему практически нечего сказать о традициях франков до их первых контактов с античной историографией, и на всем протяжении своей огромной книги он упоминает или использует всего 4 франкских слова (не считая личных имен) — меньше, чем Фортунат, получивший образование в Равенне⁵⁶!

Заключение

Когда около 600 г. христианская Европа получила перешку, ее равновесие уже было нарушено. Античный мир был равен Средиземноморью. Примерно до 550 г. первые поколения варварских государств, порожденных завоеваниями, ничего не меняли в этом основополагающем факте: на Западе господствовали королевства, созданные восточными германцами на берегах Средиземного моря или в непосредственной близости от него. То, чего добились англосаксы в Британии и франки на севере Галлии, еще не имело большого значения, так как речь шла о традиционно маргинальных областях. Однако в середине VI в. все изменилось: Юстиниан уничтожил государства Теодориха и Гензериха, не заменив их ничем достойным упоминания, в то время как сын и внук Хлодвига более чем в два раза увеличили свое королевство, включив в него регионы, традиционно обладавшие большой значимостью (как принято думать о роли Лиона и Арля в Поздней Римской империи). В то же время большая часть древней независимой Германии, дотоле упрямо противившейся притяжению Средиземноморья, вошла в состав государства, центр которого находился на древней территории Рима. Этот центр тяжести Запада сместился к северу от Луары и Альп. Там ему предстояло долгое время оставаться в неподвижности. Эта решающая революция поистине отмечает собой поворотный момент от античности к средневековью¹. Нашествия, разумеется, повинны в этом лишь наполовину — поскольку первоначально они сохранили прежнее положение вещей, — но без них необходимые условия для этого переворота никогда бы не возникли.

Книга вторая

НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

И НАПРАВЛЕНИЯ

ИССЛЕДОВАНИЯ

Предисловие

БУДУЩАЯ РАБОТА НАД ИСТОЧНИКАМИ

При всей редкости и расплывчатости источников, необходимо проделать значительную работу, которая позволит с большей отдачей использовать те из них, что имеются в нашем распоряжении. Историк, изучающий завоевания, лишен рабочих инструментов, сравнимых с теми, к которым ежедневно прибегает исследователь античности: у него нет ни эпиграфического «*Corpus*», ни «Просопографии», ни «*Realencyklopädie*», ни даже аналога «*Thesaurus*». Некоторые осуществляемые в настоящее время начинания частично возместят эти лакуны (*Prosopographia Imperii Christiani*, или *Nouveau Du Cange*). Однако еще не пришло время для слишком широких обобщений. Остро необходимы неполные, но критические описания.

Наиболее насущны эти потребности в области эпиграфики. За последние сто лет историк античности привык не делать и шагу, не опираясь на письменные памятники; историк раннего средневековья почти полностью их игнорирует. С подобным неравенством трудно примириться. Без всякого сомнения, начиная с V в. эпиграфические тексты становятся чрезвычайно редкими, а их содержание чаще всего носит исключительно частный характер. Однако тщательное изучение почти всегда позволяет извлечь из них какую-то пользу для общей истории. Пример тому можно найти в работах Кристиана Курута. Его большая компиляция *Les vandales et l'Afrique* [N 233] основана на критическом описании африканских надписей. В другой работе он

обновляет пласт меровингской хронологии, используя надписи из Лионе¹.

Прежде чем использовать эпиграфические документы, необходимо собрать их в критических публикациях. Отставание в этом отношении очень велико. Во Франции за последние 80 лет не сделано ничего серьезного; другие страны (особенно Испания) находятся в лучшем положении, но список заголовков, приведенный в общей библиографии [N 1–12], не должен вводить в заблуждение. Почти все подлежит критике. Конечно, прежде, чем браться за общие *corpus*, лучше всего было бы составить хорошие региональные или локальные описания, наподобие работы Гозе для Трира [N 4]. Следовало бы одновременно провести тщательное исследование формул и палеографии этих надписей². Никакое поощрение историков к изучению этой благодатной темы не может быть излишним.

Исследование археологических источников продвинулось несколько дальше, хотя многие описания восходят к донаучному периоду не только по той причине, что знание хронологии и типологии тогда находилось в зачаточном состоянии, но главным образом потому, что погоня за «предметом» коллекционирования в то время преобладала над скрупулезным изучением контекста, без чего любая находка теряет свою основную ценность³. Против подобных ошибок предостерегает *Manuel des fouilles* Э. Салена [N 306] и, в меньшей степени, *Civilisation mérovingienne* [N 308]. Чтобы быть в курсе развития технологии, можно извлечь необходимую информацию из превосходного *Revue archéologique de l'Est et du Centre-Est* (Дижон). Но этот журнал не в состоянии научить сложному искусству ведения раскопок.

К тому же раскопки, даже хорошо проведенные и опубликованные, — это только начало. Они поставляют едва подготовленные материалы, которые приобретают свое истинное значение только в рамках обобщающих работ. Последние должны быть двух видов. Несомненно, особенно необходимо типологическое обобщение: установление

географической и хронологической протяженности, а также вариаций в пространстве и времени какого-то определенного типа предметов, декоративных мотивов, планов строений... На французском языке прекрасные примеры можно найти в работах Дениз Фоссар⁴. Региональные обобщения, гораздо более рискованные, требуют подлинного мастерства при оценке сложного материала, и к ним можно приступать лишь на продвинутой стадии исследования; в качестве примера можно привести работу Карла Бонера по региону Трира [N 409]. Однако в их ожидании неоценимые услуги оказывают критические каталоги находок, опубликованных или хранимых в музеях⁵. Подчеркнем, что во всех случаях первостепенное значение имеет точная картография типов и находок; в Германии этому аспекту специально посвящен важный печатный орган археологической науки: *Archeologica Geographica* (Гамбург, печатается с 1950 г.).

Археологи развили разные ветви своей дисциплины неравномерным образом. Погребальные находки ценятся больше всего: мы располагаем бесчисленными прецедентами и проверенными техниками. Изучение поселений раннего средневековья (и его королларии, вроде исследования бытовой керамики) почти повсеместно до сих пор находится в младенческом состоянии. В Галлии одна Рейнская область, в широком смысле, перестала быть *terra incognita*; Англия достигла несколько большего, отчасти благодаря своему обозрению *Medieval Archaeology*. Монументальная археология варварской эпохи едва начинает приоравливаться к истинно научным дисциплинам — во Франции в основном под влиянием работ Жана Юбера⁶. Только Италия взялась за систематическое региональное описание скульптур раннего средневековья⁷. Следовало бы распространить его на весь Запад. Даже не рассчитывая на впечатляющие открытия, которые тем не менее следуют одно за другим в быстром темпе, благодаря постоянному увеличению количества опубликованных работ, историк может ожидать самого существенного углубления своих познаний

в результате разумного осмысления археологических материалов⁸.

Учет и обобщение литературных источников до сих пор требуют больших усилий. Поучительна новизна работ Пьера Курселя⁹. Им трудно подражать, однако описание текстов, относящихся к тому или иному конкретному сюжету, еще многому может нас научить¹⁰. Немало работы еще предстоит проделать в области агиографических документов¹¹. Наконец, очень плодотворным может оказаться изучение словаря. Если в юридической области эта работа уже проделана, то в сфере истории идей этот процесс только начинается, особенно под влиянием голландки Кристин Морманн, занимающейся патристической эпохой. Остается место и для продолжения этих усилий. В каждом разделе этой книги мы попытаемся в эскизном виде рассмотреть термины, обозначающие различные варварские народы: трудно поверить, что до сих пор эта проблема не стала темой ни одного понастоящему серьезного обобщения. Понятно, как необозримо поле, ожидающее своих добровольных тружеников.

Глава VI

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ

I. Откуда происходит «варварство» раннего средневековья

А) «Варварские нашествия» или «Великое переселение народов»?

Традиционно в этом терминологическом споре французские и немецкие медиевисты высказывают противоположные мнения. В сущности, это надуманный вопрос. Однако о нем следует напомнить.

Слово «варвар» — наследие греческого языка. В глазах эллинов варварам был всякий, кто не разделял с ними ни языка, ни нравов, ни греческой цивилизации, даже если он был выходцем из такой высокоцивилизованной империи, как Персия. Это представление было взято на вооружение и в таком двуязычном государстве, как Римская империя. В ней варварам был всякий, кто не принадлежал ни к греческой, ни к латинской культуре. Таким образом, варварами оказывались просто неассимилированные чужестранцы. Разумеется, этот термин не являлся лестным: римляне были слишком высокого мнения о себе, чтобы ценить чужаков. Однако он и не постыден, и также верно, что после полной победы над Римом завоеватели часто сами применяли его к себе за неимением лучшего родового названия. Таким образом, назвать завоевания V в. «варварскими» — значит всего лишь констатировать очевидный факт, даже тавтологию: Империя была завоевана извне!

Историю слова *barbarus* (варвар) в период раннего средневековья еще предстоит написать. Этот термин, должно быть, не отделялся ни от своей противоположности, *Romanus* (римлянин), к юридическим оттенкам которой до сих пор было приковано основное внимание¹, ни от производных, вроде *barbaricum opus* «златокузнечество», *barabaricanrius* «золотильщик, ткач по золотой нити», ни от топонимических соединений. Наконец, не следует забывать и о таких синонимах, как *gentes* (роды, племена)².

Покамест подчеркнем то, насколько концепция «варвара» была удобна для древних историков, раз они позволили себе не задумываться о разнообразии своих врагов. Тем не менее в IV в. проницательный Аммиан Марцеллин осознал, что своей строгой организацией империя Сасанидов больше напоминает Римскую империю, чем германские племена или степных кочевников, и поэтому отказался рассматривать персов как варваров. Затем, на стыке V и VI вв., можно видеть, что в германских государствах термин «варвар» применяется к чужакам, даже германцам. Так, для Теодориха Великого к «варварам» относились люди, не являвшиеся ни римлянами, ни готами; а Салическая правда считает варваром неримлянина и в то же время нефранка. Чуть позже франки и бургунды употребляют это название по отношению к самим себе. Наконец, в VII в. его значение смещается в направлении религии: «германец-нехристианин, язычник», или становится отчетливо уничижительным³.

Д. Синор⁴ наряду с историей этого слова мастерски очертил историю самого понятия в очень широком контексте (с упором на Дальний Восток). Преобладают две концепции: варвар есть носитель хаоса⁵, или субъект, незнакомый с элементарными приличиями. Однако варвар и цивилизованный человек — это взаимодополняющие представления: цивилизация, по природе своей эгоцентрическая, осознает себя только в контрасте с варварством. Эти существенные наблюдения не касаются периода позже V в. Что же последовало? Реабилитация варвара, предпринятая Сальвианом Марсельским, не ока-

зала почти никакого влияния. Остальное же до сих пор покрыто мраком.

Таким образом, раннее средневековье оказывается варварским ровно настолько, насколько не является чистым продолжением римской античности. Цель этой книги — прояснить истоки этого «варварства».

Остается обосновать термин «нашествия». Он несет в себе идею насилия, которая несколько шокирует современных наследников германцев; он затуманивает тот факт, что самые большие коловращения — которые происходили за пределами *limes* — часто бывали мирными; наконец, этот термин подчеркивает начальную фазу процесса в ущерб последовавшему поселению на земле, которая имеет большее значение. Таким образом, если бы мы говорили о «переселении», это, без сомнения, выглядело бы лучше.

Нашествие — лишь предварительный аспект гораздо более обширного феномена: действия и ответная реакция, вызванные резким соприкосновением радикально отличающихся обществ, одно из которых, римское, достигло определенной конечной планки и даже впало в состояние бездействия, а другие, заметно более архаические, стояли на пороге стремительного, почти взрывного развития. Само по себе нашествие — явление в основном военного плана — ограничивается несколькими годами. Однако наша тема охватывает несколько поколений и все сферы социальной жизни.

Само собой разумеется, социальный аспект варварского феномена заключает в себе бесконечно больше, чем этнические или лингвистические аспекты (которые тем не менее больше привлекают современных ученых, пропитанных представлениями, совершенно чуждыми для V–VI вв.). Неоднозначность цивилизации властно притягивала внимание современников, враждебно или сочувственно относившихся к новоприбывшим. Как теоретик, Сальвиан в своем сочинении

«Об управлении Божьем» охотно распространяется о социальных и моральных качествах — правосудии, человечности, целомудрии, — чтобы противопоставить варваров, которых он превозносит, ненавистным для него чиновникам Империи. Напротив, Сидоний Аполлинарий (*Carmina*, XII) мстит бургундам, которых вынужден терпеть, высмеивая их костюм, прическу и гастрономические вкусы. Язык — когда он не принадлежит лучшим авторам — не интересует приверженцев литературных традиций античности. Когда они упоминают о нем, то только для того, чтобы объявить его хриплым, отвратительным или неудобоваримым, самое большое, чтобы где-нибудь ввернуть удачно подобранное словцо для создания местного колорита. Похоже, ни один из современников не имел ясного представления о лингвистическом единстве германского мира. Название «германцы» применяется только к народам между лингвистической границей и Эльбой; никто не догадался распространить это понятие на готов, бургундов и скандинавов⁶.

Впрочем, если римляне ясно ощущали, что с социальной точки зрения «варварство» представляет собой единое целое, то варвары, напротив, разделяли подобный взгляд лишь в редчайших случаях. По-видимому, Теодорих Великий был чуть ли не единственным, кто поднялся до этой концепции политической солидарности германцев Запада (главным образом германцев, исповедавших арианство), для него совпадавшей с самой прямой выгодой. Отдельных авторов иногда осеняла идея религиозного единства в лоне арианства⁷, да и всё. Каждый за себя — таков был негласный принцип, существовавший повсеместно. В глазах цивилизованных людей он оставался типично «варварским».

Б) Варварство туземное и варварство пришлое.

Главную, но очень сложную проблему представляют «всплески» туземной культуры, когда на поверхности вновь проступает образ жизни, искусство, языки и институты, принадлежащие к эпохе доримского завоевания, на время

сметенные им, но затем возродившиеся в момент всеобщего разрушения античных надстроек благодаря варварским нашествиям. «Варварство» бывало не только привнесенным извне; оно могло быть плодом консерватизма, глубокой связи с доримским прошлым. Это явление отмечается все чаще и чаще, особенно в археологии. Однако очень сложно различить эти два «варварства», которые накладываются одно на другое, и к тому же точка их соединения скрыта от нас за классическим греко-римским или христианским фасадом.

Некоторые факты очевидны, вроде реставрации туземных элементов на пространстве от Гаскони до Кантабрии, которая дала жизнь народу басков. В этой области романизация зашла не слишком далеко (надписи из Пиренеев содержат необычно большую долю местных имен, как божественных, так и человеческих); любопытно и загадочно, что примерно между IV и VIII вв. она была полностью вытравлена. Высказано предположение, не лишенное правдоподобия, но не имеющее доказательств, что первое национальное движение басков следует видеть в испанских багаудах в Таразоне около 449 г.⁸ Во всяком случае, ясно, что с конца V в. баски не переставали яростно противиться централизаторским усилиям вестготского правительства; то же самое продолжалось и в мусульманскую эпоху, а начиная с VIII в. это движение получило развитие к северу от Пиренеев в виде постоянной вражды гасконцев по отношению к франкскому государству. Мы не станем исследовать, какие доримские элементы иберийского полуострова присоединились к баскам (без сомнения, иберам). Важен только результат: устойчивый отказ от римской культуры, к которому нашествия вовсе не имеют отношения, по крайней мере, прямо го. Под той же рубрикой следует поместить и крупномасштабное контрнаступление берберов в Африке⁹.

Части Нумидии и всем провинциям Мавритании, хоть и находящимся внутри *limes* IV в., удалось избежать владычества

вандалов. Но удаленность и разрыв морских контактов помешали этим свободным районам оставаться полностью римскими.

Отказ от части Африки, очевидно, связан с наступлением кочевничества. Но было ли оно причиной или следствием? Когда система пограничных войск, охранявших подступы из пустыни, рухнула, путь для кочевников был свободен и они в свою очередь стали уничтожать оседлых жителей. Принятые против них меры, особенно возведение фортификаций вокруг крестьянских хозяйств, были неэффективными. Город еще мог себя защитить, но утратил смысл своего существования, когда в окрестных районах исчезла оседлая культура. Здесь мы, исключительно в качестве напоминания, поставим две экономические проблемы, которые до настоящего времени плохо изучены: в какой мере натиск кочевников (без сомнения, очень слабый) объясняется ухудшением климата? И какую роль сыграло распространение верблюда в росте агрессивности кочевых племен (видимо, значительную)¹⁰?

Равным образом, следовало бы вспомнить об энергичной экспансии кельтов в ту же самую эпоху в островную Британию (см. гл. IV) и, возможно, также в Арморику. В целом этот феномен, несомненно, затронул пятую часть территории римского Запада; однако поскольку это явление заметно только по своим негативным последствиям, мы всегда склонны его недооценивать.

Впрочем, данная тенденция была гораздо более общей, чем принято считать, опираясь на одни лишь лингвистические признаки. Стало привычным (несмотря на отсутствие точных исследований) сопоставлять искусство галло-римских провинций и самого Рима в том, что касается рельефных изображений. По-видимому, последовал значительный разрыв; но установлено, что в Испании надвратная арка (*arco de herradura*) вестготских, а затем мосарабских* церквей и,

* Масарабы — христиане в мусульманской Испании, перенявшие исламский уклад жизни — Примег. ред.

наконец, мечетей восходит в конечном счете к иберо-римскому искусству (согласно Гомезу Морено). Некоторые детали декора на меровингской керамике продолжает галло-бельгийские традиции, унаследованные от эпохи Ла Тена. Повсеместный подъем провансальских населенных пунктов в жилых зонах, где находились доримские *oppida* (укрепленные поселения), относится к тому же контексту, так как Прованс был одним из тех регионов Запада, которые были наименее затронуты нашествиями. Повсеместная победа деревень над римскими виллами была в значительной мере связана с сохранением туземных поселков галльского типа за фасадом, возникшим в результате перераспределения земель после Цезаря, и вне его. Помимо всего этого, можно сказать, что погребальные одеяния меровингской Галлии, по-видимому, принадлежат местной традиции (стр. 166).

Таковы размеры этой проблемы, одной из наименее изученных, но и, безусловно, одной из самых важных для истории раннего средневековья. К ней приходится возвращаться на каждом шагу даже в политической истории: возможно, регионализм V в. в северо-западной Галлии в определенной мере явился итогом подобного «всплеска», как на то указывает возврат к кельтскому названию «Арморика» для обозначения данного региона. Обобщать все было бы неосторожно, однако опасность ошибки была бы даже большей, если бы в общем балансе завоеваний мы отнесли за счет преемственности только типично римские элементы в чистом виде и приписали одним пришлым германцам все то, что в новой цивилизации, очевидно, чуждо римской культуре.

В) Варварство до эпохи нашествий.

Также не стоит относить на счет «Великих» нашествий — до 406 г. — всю совокупность германского культурного вклада. Постепенная «варваризация» Поздней Римской империи известна, но важно подчеркнуть ее глубину и повсеместное распространение.

Как на вершине, так и в основании общества самым действенным инструментом этого «предварительного» вторжения была армия. Наверху это были бесчисленные варвары-командиры высшего звена, которых со времен Феодосия Великого можно было встретить повсеместно¹¹. Внизу бытоваля практика вербовки пленных варваров с целью обеспечить под командованием военных заселение регионов, опустошенных другими варварами. Восходит она, самое позднее, к Марку Аврелию, который применил ее к маркоманам в долине По¹². В Галлии эту политику начал Максимиан в 287 г.: заключенный им *fædus* с Геннобавдом предусматривал появление франкских поселенцев между Маасом и Мозелем. Константин позволил поселиться варварам-пахарям (из хамавов и фризов) по всей бельгийской Галлии. Таким образом, мы вновь встречаемся с проблемой «летов», упоминавшейся выше (стр. 147) в связи с Галлией. Как бы мы не относились к археологическим и юридическим аспектам, присутствие значительного числа германских очагов в сельской местности не вызывает сомнения.

Обнаружить это помогает топонимия: *Sermaise* обозначает сарматов, *Marmaigne* – маркоманов, *Allemagne* – аламаннов и т. д.¹³ Однако поселения экзотических и нежданных гостей имели больше шансов привлечь внимание галлов, чем деревни такого знакомого народа, как франки. И эта проблема, возможно, менее ясна, чем кажется на первый взгляд¹⁴: прежде всего все ли эти названия относятся к коллективам? Не мог ли их породить какой-нибудь одинокий варвар?

Этот способ восстановления опустошенных территорий с помощью вынужденных переселенцев, столь странный для нас с тех пор, как появился национализм, на самом деле стар как мир. Он применялся еще в древних империях Востока, начиная с ассирийцев и персов. Мы знаем, что его возрождение в римскую эпоху создало традицию – Византия использовала его до своего последнего дня.

Эти вливания задолго до падения Империи породили моду, которую, таким образом, не стоит связывать лишь с престижем завоевателей. Три указа Гонория, между 397 и 416 гг., запрещали ношение варварского одеяния — мехового плаща, длинных волос — в городах (в сельской местности это, разумеется, был напрасный труд). И известно, например, что святая Женевьеве Парижская, дитя галло-римских родителей, получила свое чисто германское имя (*Genovefa*) задолго до середины V в. Эта мода могла также затрагивать и менее ничтожные области, особенно погребальные обряды и юридические традиции. Однако возмущенное сопротивление официальных кругов римского общества, которые одни оставили письменные свидетельства, никогда не позволит нам узнать об этом что-то определенное¹⁵.

II. Борьба социальная и борьба против завоевателей

В любой период нашествий возникает одна и та же проблема: в каких пропорциях внешний враг получает осознанную или неосознанную поддержку изнутри? Использовали ли угнетенные социальные классы эту ситуацию, чтобы взять реванш? Не пытались ли беспокойные элементы воспользоваться беспорядком для собственной выгоды? И как понять, кто причинил больше ущерба — завоеватели или преступники?

Размах социальных движений, охвативших латинский Запад в V в., внушителен¹⁶. Они сотрясали все провинции и особенно Британию, запад Галлии, север Испании и Африку. Их сложно охарактеризовать, так как источники слишком немногословны и страдают необъективностью.

Прежде всего, и это точно, колossalного распространения достигает разбой, который усиливается после каждого варварского вторжения. С конца IV в. кодексы пополня-

ются суровыми законами против разбойников и их пособников. При всей недоверчивости Поздней Римской империи гражданам дважды, в 391 и 403 гг., поручалось преследовать *latrones publici* (общественных преступников) с оружием в руках. Последние действовали как настоящие корпорации, покупая маленьких детей, чтобы обучить их своему ремеслу (эту практику пришлось запретить в 409 и 451 гг.), и обладая собственной сетью для реализации добычи. Стать разбойником было самым простым выходом для того, кто разорился, находился в опасности или просто стремился сделать быструю карьеру.

На высшем уровне находятся *циркумцеллионы*, эти таинственные африканские мятежники, «люди, которые кружат вокруг амбаров». Их случай сложен: жестокие деяния этих берберских банд объясняет, с одной стороны, аграрная безработица и нищета, а с другой — религиозный фанатизм, подогретый донатизмом. С середины IV в. они внесли свой вклад в уничтожение римского порядка в значительной части Нумидии¹⁷.

В Галлии и Северной Испании речь идет о багаудах — новом социальном и одновременно политическом движении. Это слово, как и явление, по-видимому, коренится в еще слабо романизированной кельтской среде Западной Галлии. В V в. оно уже было не в новинку: когда вследствие вторжения 406 г. багауды проявились снова, они уже имели традицию, восходящую к III в. В 435 г., после различных кратковременных кризисов, движение багаудов внезапно приняло очень серьезный оборот. Некий Тибатто вовлек недовольных почти со всей Галлии в открытое восстание, отчетливо сепаратистского толка («откололся от римского общества», сообщает хроника)¹⁸. Подавленный с огромным трудом к северу от Пиренеев, мятеж почти тотчас же перекинулся на юг, в Тарраконскую область, где полыхал до 443 г. Второй приступ имел место около 448 г.: во главе галльских багаудов встал интеллектуал и врач Евдоксий, который вслед за тем потерпел крах и бежал к гуннам.

На следующий год испанские багауды убили епископа Тарazonы (вблизи Сарагосы); только в 454 г. это последнее движение пало под ударами готов, присланных Аэцием. С тех пор багауды более не появлялись¹⁹.

Остается его интерпретировать. Социальный характер этого движения засвидетельствован в «Житии Германа» и Сальвианом: речь идет о возмущении жертв тоталитарного угнетения гибнущей Империи против фискальной системы и судей. Ничто не указывает на то, что оно привлекало одних крестьян. Здесь можно предполагать нечто очень близкое к проявлениям обостренного сепаратизма, которые разворачиваются в это же самое время в городах Британии под руководством местных властей (ср. гл. IV)²⁰. Не следует ли пойти дальше и усмотреть в багаудах, особенно испанских, еретические тенденции (а именно присциллианские) подобно тому, как в британском сепаратизме часто распознают проявление пелагианства? Это остается очень сомнительным. Что касается тайных сношений багаудов с варварами, то они были совершенно случайными и уравновешивались стычками, по крайней мере, такими же частыми²¹.

Таким образом, доля участия социальных волнений в разрушении римского порядка установлена. Однако кажется несправедливым верить в сознательное сотрудничество между внутренним врагом и варварами. Похоже, что и варвары не искали союза с этими социальными движениями и даже не понимали их значения. Вандальские короли, хотя и смертельно враждовавшие с ортодоксальным епископатом в Африке, не протянули руку помощи циркумцеллионам. Готы и аланы увидели в багаудах только повод предоставить Риму наемников для подавления повстанцев за дорогою плату²². Единственным заметным исключением, по-видимому, явился предпоследний король итальянских остготов Тотиля, который в эпоху, когда его народу уже было нечего терять, повел «спартаковскую» политику, оказывая помочь рабам против хозяев²³. Однако Тотиля потерпел поражение, возможно столкнувшись с прочностью отношений

клиентеллы между патронами и крестьянами. В целом германцы были приверженцами социального консерватизма. Режим гостеприимства, а затем приобретение их вождями крупной земельной собственности сделало их сторонниками интересов аристократии.

Совпадение нашествий, социальных вспышек и нескольких эпидемий произвело большое впечатление на современников, подготовленных христианством к тому, чтобы видеть в этом признаки приближающегося конца света. Собраны литературные свидетельства, относящиеся к 398 г., 365 г. от распятия Христа²⁴, и разграблению Рима в 410 г.²⁵ Данная тема заслуживает того, чтобы рассмотреть ее во всей совокупности. Именно высказанным в изрядной степени объясняются столь частые проявления пораженчества. Выразителем этого чувства (и только) является Сальвиан — тот самый трирский священник, бежавший в Лерен, который в столь необычной манере бичевал Рим и превозносил варваров в своем сочинении «Об управлении Божьем»²⁶. Под довольно ожесточенными антитезами этого ритора кроется менталитет, носители которого, разумеется, находились в меньшинстве, но именно им объясняется не одна измена. В V в. невозможно приписывать христианскому населению чувство неприятия *a priori* к военной защите Империи, но некоторые индивиды, безусловно, не решались встать на защиту государства, которое так мало отвечало моральным идеалам христианства и, казалось, было приговорено к гибели судьбой.

В момент серьезного кризиса Империи имело место отступничество значительной части правящего класса. Причины этого явления были многочисленными и сложными. Растущая роль придворной службы и интриг в жизни магнатов в ущерб управлению провинциями подорвала местную оборону. Крепнувшая привязанность сенаторов к своей родной земле затмила ощущение единства между различными частями Империи. Многое объясняет и отвращение

людей благородного рождения к пребыванию в среде выскочек, чаще всего варварского происхождения, составлявших военное командование. Однако ответственность не является односторонней: правительство, терзаемое боязнью заговоров, сделало все, чтобы отдалить аристократию от активной деятельности. В IV в. система *honores* отстраняла магистратов от полезных затрат и вынуждала их расходовать огромные суммы на зрелица. Разумеется, народ Рима от этого выигрывал, но теперь это очень мало интересовало государство, поскольку Рим более не был местом пребывания правительства. В течение этого времени государство должно было насмерть душить *humiliores* (низшие слои) налогами, чтобы обеспечить себе жизненный минимум. Семейство Мелании, подруги святого Иеронима, получало ежегодный доход в 12 000 фунтов золотом, а император не сумел найти 4000 фунтов, которые пошли бы на содержание армии Алариха в течение трех лет, что избавило бы Рим от разграбления... Законодательство даже вынуждало состоятельных людей бездействовать: немногие люди решались, подобно писателю Синезию Киренскому, преступить закон, запрещавший браться за оружие без императорского разрешения, даже в случае насущной необходимости²⁷.

В целом малодушие пошло на пользу аристократии. При варварских королях она продолжала пользоваться большей частью своих привилегий и значительной долей богатств. Она утратила их только в Италии во второй половине VI в. за то, что не сохранила своей обычной безучастности в войнах между готами, византийцами и лангобардами. Эта позиция, которая нас шокирует, по крайней мере, спасла античную науку, которая бы, без сомнения, погибла, если бы аристократия, отстраненная от прямой деятельности, не приложила всех стараний, чтобы сохранить ее (как это делали Симмах или Макробий), прежде чем передать этот светоч монастырям, где по примеру Кассиодора она сама нередко забывала свои горести.

* * *

Социальный режим оскорбительного неравенства, политическая система, опиравшаяся на страх и подозрение в течение двух столетий, пристрастное правосудие, отличавшееся абсурдной и все возрастающей жестокостью²⁸, — достаточные причины для глубокого разочарования, даже при всей действенности этой системы. Однако в свои последние годы она функционировала с перебоями и от краха перешла к капитуляции. Мирской престиж Рима, как бы велик он еще ни оставался²⁹, больше не мог скрывать этого бессилия. Теперь уже нельзя было удовлетвориться поиском козла отпущения, вроде Стилихона или Аэция. Во многих провинциях, помимо традиционных взглядов на римское единство, зародилась мысль о том, что полагаться стоит только на самих себя. Предвестники этих регионалистских реакций, нормальных в случае глубокого кризиса, можно было наблюдать еще в III в., во времена Тетрика* и Зенобии**. В V в. они были различимы в менее приметных формах, которые почти не привлекли внимания историографов.

В Африке, Галлии и Британии они были наиболее ощущимы. Там в зависимости от социального уровня они облекались в несколько разных форм. На вершине — аристократия, которая замыкается на своей малой родине или ставит привязанность к региону выше верноподданических чувств по отношению к Риму. Этот феномен имеет свои эмоциональные и литературные аспекты, которые известны лучше, а также институциональные (только итальянцы продолжают заседать в римском Сенате, а сенаторская карьера уже не перемещает молодых аристократов из конца в конец средиземноморского мира) и политические стороны.

* Тетрик (271–274) — последний император Галлии; в борьбе с законным римским императором Аврелием Аврелианом был разбит и сдался в плен. — Примеч. ред.

** Зенобия (267–274) — царица Пальмиры, подняла мятеж против Римской империи, захватила Сирию и Египет, но была разбита войсками Аврелия Аврелиана. — Примеч. ред.

Муниципальная аристократия оставалась более восприимчивой к центробежным тенденциям, чем сенаторы, за воевание Рима ее не занимало, и интересы ее оставались чисто локальными. Это была питательная среда для армоканского и британского движения, природу и связи которого хорошо разглядел греческий историк Зосим: «Вся Арморика и другие провинции Галлии, подражая британцам, отвергают римские власти». Она часто прислушивалась к голосу честолюбивых туземных вождей — мавров или бриттов, — которые предлагали ей свою руку. Прозябание мало пугало ее, лишь бы это было подальше от налогов.

В не полностью управляемых и оккупированных областях — например, на возвышенных алжирских плато или на западе Британии — появились племенные вожди, готовые выступить против власти Империи. Некоторые были настоящими сепаратистами, вроде мавра Гилдона в Африке в 396–398 гг. Большинство же, меньшего калибра, стремилось лишь к тому, чтобы получить или узурпировать власть по римскому образцу, начиная с *rex gentium Maurorum et Romanorum* (правителя родов мавров и римлян) в Мавритании и заканчивая галлом, который заносчиво присвоил титул *protector* (защитник)³⁰.

В целом эти центробежные движения были скорее консервативными, чем революционными. Речь шла о «самосохранении» в широком смысле слова, о противодействии крушению и бессилию власти, а не о настоящем сепаратизме. Они не были порождены «нацией» мавров или «нацией» армоканцев. Долговременная кристаллизация осуществлялась только в рамках варварских королевств, а не городов или автономных племен.

В конце концов, самым разрушительным и, ненамеренно, самым революционным из всех начинаний V и VI вв. стала реконкиста Юстиниана. Только она вылилась в подлинные социальные коловороты, разрушение Рима и исчезновение сенаторского класса в большей части Италии. Таково было следствие упорства византийских армий, всегда

недостаточно многочисленных для настоящей победы, прошедших в боевых действиях двадцать лет. То, что пощадила стратегия военачальников Юстиниана, пало жертвой отчаянного сопротивления готов³¹. В Африке итог был менее бедственным. Однако, несмотря на энергичные усилия, например, Соломона, византийские наместники не смогли помешать ситуации ухудшаться в том же темпе, что и при вандалах, если не быстрее под напором берберских кочевников.

Помимо текстов, следовало бы начать, в узких региональных рамках, целое исследование о возможных разрушительных факторах, явных симптомах обнищания и первых признаках восстановления безопасности.

А. Оден, например, убедительно показал, что перемещение античного поселения *Lugdunum* (Лиона) с возвышенности Фурвье на берега Соны было вызвано не вмешательством варваров, а нестабильностью, связанной с появлением багаудов, которые повреждали акведуки, инициировавших антиобщественное поведение очистителей сточных канав (бедствие, знакомое нашим городам!), и сделали невозможным водоснабжение кварталов, находящихся на возвышенности³². Спуск Рима с Семи холмов к берегам Тибра и Марсову полю также был связан с разрушением акведуков во время готских войн. Напротив, каким замечательным признаком возвращения порядка стало восстановление арен в Париже и Суассоне сыновьями Хлодвига или амфитеатра в Павии Аталарихом³³!

Таким образом, можно обозначить более точные контуры этого смутного периода и, конечно, отметить, что в большинстве случаев он начался еще до великих варварских прорывов и прекратился сравнительно скоро после возникновения новых королевств. Можно приблизительно определить границы островков спокойствия и зон смятения: начиная с V в. социальная история Запада распадается на ряд региональных историй, развивавшихся в очень неравномерном ритме. И повинны в этом не только варвары.

III. Завоеватели

Что собственно представляли собой германские «народы» эпохи нашествий? Некоторые изначально выглядят очень сплоченными ячейками, но не слишком многочисленными; другие походят на большие конфедерации, каждое мгновение готовые расширяться, впитав в себя других варваров, или распасться. Существовали и всевозможные промежуточные формы. В Германии природа эволюции этих *Stämme* (племен) стала предметом многочисленных исследований³⁴.

На процесс *Stammesbildung* (образования племен) влияли самые разные факторы: социологические (общность предков, брачные связи), религиозные (единство в культовом отношении), юридические (сходство правовых обычай), географические (местопребывание), лингвистические (особенности диалекта), но чаще всего определяющим являлся политический фактор. Почти все народы, участвовавшие в дележе Империи, имели в качестве объединяющего начала наследственную королевскую власть. Разумеется, она не была их изначальной особенностью: в Германии Тасцита, как и в Галлии Цезаря, насчитывалось немало «республиканских» народов; монархическое устройство преобладало только на Востоке. Борьба с Римом и дележ трофеев благоприятствовали власти королей; избежали ее только отдельные народы, так и оставшиеся на заднем плане, например саксы (которые обзавелись королями только после высадки в Британии).

У германцев королевская власть носила двойственный характер, сакральный и военный, а соотношение этих элементов варьировалось в зависимости от народа. Готские и англосаксонские династии, как впоследствии шведские и норвежские, считались происходящими от богов; а у франков и лангобардов они скорее были военными, однако повсюду королевская власть сохраняет оттенок сверхъестест-

венности (известно, какое значение придавалось длинным волосам Меровингов)³⁵.

Сплоченность *Stämme* (племени) демонстрирует самые удивительные вариации. Сознание этнического единства может сохраняться при любом географическом разделении, как у герулов³⁶. И напротив, крупные народы растворялись за несколько лет, почти не оставляя следов, как это случилось с вандалами и остготами под ударами Юстиниана, или, на более низком уровне, с гепидами и скирами, а до них почти со всеми народами, упоминаемыми Тацитом. Как разрешить это противоречие? Здесь можно усмотреть две истины. Прежде всего конфедерации народов, особенно самые крупные, живут ровно столько, сколько им удается достигать успеха; неоднократные неудачи влекут за собой распад и исчезновение названия, а составляющие их племена вновь обретают свободу или входят в другие группировки. Затем все эти народы одинаково напоминают астрономическую туманность: ядро сохраняет прочную приверженность национальному названию и королевской династии, в то время как внешние пласти, присоединившиеся в ходе исторического развития, обладают меньшей сплоченностью. Ядро, по причине ограниченности его размера, сравнительно несложно уничтожить, но пока оно сопротивляется, «этническое» сознание не ослабевает.

Этот тезис, энергично поддерживаемый Венскусом [N 135] (Р. 63–78), разрешает противоречие между незначительными размерами «родин», приписываемых германским народам, и тем значением, которого они достигали на вершине своей карьеры. Неужели все бургунды пришли с о. Борнхольм? Все вандалы из Вендюсселя? В действительности оттуда происходило только ядро народа — носителя традиций.

Для полноты следует упомянуть и о другом типе, «военной ватаге», столь любезной Фюстелю де Куланжу и, скорее всего, представляющей собой исключение. Речь идет об искателях

приключений без общих традиций, объединенных лишь стремлением к наживе.

Если «организационный» аспект этой проблемы столь сложно уяснить, то следует набраться мужества и сказать, что ее численный аспект вообще непознаваем. Через полвека после того, как вслед за Белоком историки античности сумели установить численность населения Афин при Перикле и Рима при Августе, медиевисты тоже захотели выдвинуть несколько цифр. Подтвердить их нечем — ни те, что были почерпнуты из источников своего времени, ни те, которые были высчитаны на основании ненадежных фактов или, скорее, исходя из представления, что они естественным образом следуют из изучаемого явления.

Самая последовательная попытка принадлежит Шмидту, *Die Ostgermanen* [N 127]. Р. 29–41: 50 000 батавов к 70 г. н. э., 20 000 аламаннов в Страсбурге в 357 г., 10 000 готских воинов при Адрианополе и т. д. Другой немецкий историк, В. Рейнхарт, оценил численность вестготов на момент их вступления в Испанию в 70 000 или 80 000 душ. Данные, относящиеся к вандалам — почерпнутые у Виктора из Виты, — стали предметом исследования Куртуа (*Vandales* [N 233]. Р. 215–218). Не отрицая полностью цифру в 80 000 душ при переходе в Африку, он доказывает, что она приобрела характер штампа.

Удовольствуемся уверенностью в том, что варварские армии эпохи нашествий были немногочисленными. Даже с учетом невоинов и пленников они были не в силах наводнить обширные регионы, которыми завладели. Но даже эта убежденность оставляет нас безоружными перед проблемой заселения. Если в случае вандалов и вестготов можно допустить, что конечная сумма варваров очень близка к их первоначальному числу, то, говоря обо всех остальных великих народах, следует учитывать вероятность дальнейшего переселения, спровоцированного достигнутым успехом и

охватывавшего несколько поколений. Нет никакой возможности оценить эти вторичные переселения, о которых письменные источники обычно не упоминают.

Одновременно мы очень мало знаем о способах содержания варварских армий во время их передвижения по Империи. Самые надежные сведения относятся к готам³⁷. На всем пути из Дакии в Аквитанию они жили в основном за счет торговли с римлянами и поставляемого последними продовольствия. В 369 г. Валент попытался расправиться с готами, обосновавшимися к югу от Дуная, перекрыв дороги и введя торговый бойкот: готы были принуждены к вооруженной борьбе, а из рассказа Аммиана следует, что сельским хозяйством они прокормиться не могли. К тому же в 414 г. Констанций вынудил их покинуть Испанию, устроив морскую блокаду (Орозий. *Hist. adv. pag.*, VII, 43, I). В конце концов был заключен *fædus* в обмен на обещание 600 000 мер зерна, а затем регулярных поставок продовольствия, предусмотренных режимом гостеприимства. Случай с вестготами — это, разумеется, крайность: это были полукочевники, для которых сельское хозяйство всегда было не более чем источником дополнительного дохода, и они пересекли Империю в эпоху, когда годовое содержание армии (аннона) и *cursus publicus* (прохождение по государственной службе) еще обладали определенной эффективностью, что позволяло Риму организовать блокаду. Последующие армии смогли гораздо шире расселиться по территории Империи; вероятно, наряду с грабежом они вели какую-то торговлю, обменивая свою добычу на продовольствие. Эта потребность в провианте удерживала вождей, способных действовать сообща, в одном секторе. Варварское наступление, когда оно развивается стремительно, неизбежно является действием какого-то одного отряда, который отделяется и перегруппировывается в зависимости от доступных ресурсов. Успех *fædera* (договоров с римлянами) понятен: они возвращали завоевателей к нормальной жизни, к земледелию и обеспечивали бесперебой-

ные поставки продовольствия. Варвары ни в коем случае не были заинтересованы в разрушении ранее существовавших структур.

Хотя регулярные сражения были не слишком многочисленными, история завоеваний в значительной мере остается историей военной. Следовало бы лучше изучить тактику и методы ведения битвы, однако точные документы редки³⁸.

Структура варварских армий строилась на воинской обязанности всех свободных мужчин, способных сражаться, экипироваться и прокормиться, по крайней мере, в течение короткой экспедиции. Бургунды и франки распространяли эту систему и на своих римских подданных. Деление на отряды в период переселения, безусловно, происходило на племенной основе. Впоследствии оно опиралось на территориальное деление. Командование, первоначально осуществлявшееся наследственными вождями или богачами, которые возглавляли значительную *comitatus* (военную свиту), позднее, в эпоху Меровингов, перешло к местным представителям королевской власти, графам. Мы располагаем точными указаниями о низших подразделениях только у тех народов, которые долгое время соприкасались с римскими армиями на Востоке, где организация оставалась жесткой, а также у готов и лангобардов.

Благодаря археологии, оружие мы знаем лучше всего, по крайней мере, в тот период после IV в., когда обычным становится его захоронение в могилах воинов. Как и другие элементы цивилизации, оно сильно изменилось между подготовительной фазой «летов» и миграционным периодом эпохи нашествий: например, во владениях франков метательный топор и меч приобретают свою окончательную форму только в VI в. Каждый народ имеет свои характерные разновидности оружия. На стр. 284 мы рассмотрим вооружение франков, которые, подобно англосаксам, были в основном пехотинцами. Конные аламаны умело пользовались длинным мечом. Кроме бургундов, никто из западных

германцев не придавал большого значения оборонительному вооружению и луку. Оружие готов нам известно плохо: они не клали его в могилы. Вандалы, в большинстве своем всадники, использовали копье, длинный меч, лук и часто носили латы.

Одна из самых важных проблем, связанных с гражданской организацией германцев, касается рода (нем. *Sippe*). Это понятие, сыгравшее ключевую роль в построениях немецких юристов, остается туманным. Соответствующим термином, по мнению большинства авторов, является *fara*, засвидетельствованная у франков (только топонимией: Фер-Шампануаз, Ла Фер) и лангобардов (топонимией, историографией и юридическими источниками). Членами *fara*, очевидно, являлись *faramanni* (фараманнами), термин, который известен только у бургундов. Но что же такое в действительности *fara*? Павел Диакон, лангобард, дает определение: «фары» — это *generationes vel lineas* (*Hist. Langob.*, II, 9). На первый взгляд, *fara* действительно кажется гражданским институтом, группой людей, происходящих от общего предка. Но тот же Павел Диакон говорит, что это первичная ячейка армии, что подтверждается и эдиктом короля Ротари. Впрочем, греческие тактики подтверждают, что лангобарды сражаются семьями³⁹. Тогда действительно ли речь идет о семье или о «ячейке самообороны»? Лучший итальянский специалист, Богнетти, верит в военное объединение. Остается *faramannus*. Бурдинская правда (LIV, 2) употребляет это слово в смысле *consors*, «участник союза между римлянами и варварами, имеющего целью эксплуатацию земли». Фредегар называет «фараманнами» аристократию, а в лионском и форезском диалектах этот термин сохранился со значением «бродяга». Все это не позволяет выдвинуть целостную теорию *fara* как рода, и мы по-прежнему пребываем в неуверенности перед лицом французских и итальянских топонимов, производных от *fara*: о чем они говорят — о расселении семейных групп или военной колонизации⁴⁰?

Некоторые направления исследований.

Одна из главных трудностей в истории нашествий связана с интеллектуальной позицией, унаследованной от античности. При встрече с новым этническим наименованием историография всегда испытывает нерешительность: если на полке библиотеки прославленных авторов она отыскивает уже ставшее привычным название, то использует его в качестве замены. Отсюда, как можно догадаться, неточности и систематическое обращение к «обноскам», под которыми нет ничего конкретного.

Эта тенденция коснулась главным образом степных народов: готы были окрещены гетами, гунны переряжены в скифов, а авары стали гуннами. Долгое посмертное странствие совершили также маркоманы, квады и сарматы. Вандалы в агиографических рассказах выступают в качестве удобного подставного лица на месте всех мыслимых завоевателей Галлии, как и аланы. Литературным термином, обозначающим франка, стал сикамбр. Лишь лангобарды и саксы избегли подобного маскарада.

Еще одной темой для исследования могла бы стать иконография завоевателей-варваров. Ценная документация собрана в отношении готов⁴¹. Вожди и простые солдаты носили характерную прическу: длинные волосы закрывали часть лба, а ниже ушей закручивались на своеобразные «бигуди». У вандалов Куртуа нашел только тексты, одну утраченную мозаику и одну спорную⁴². Если не считать вклада погребальной археологии, то о других народах мы знаем не больше. Следовало бы одновременно изучить исчезновение в триумфальной иконографии (которая сохранилась на Востоке) классической фигуры варвара, унаследованной от эллинистического образа галата, и ее замещение реалистическими изображениями, вроде готов на обелиске Феодосия в Константинополе.

Отношения Рима и варваров в V в. редко рассматриваются в контексте дипломатической истории⁴³. Каким обра-

зом осуществлялись контакты между Римом и варварскими королями? Следовало бы провести исследование на тему посреднической роли священнослужителей: нам известно о встрече папы Льва с Аттилой, правда, в сопровождении высокопоставленных чиновников; о действиях святого Германа Оксерского в борьбе против багаудов и британских сепаратистов, о епископах, служивших посредниками между готским королями Тулусы и Империей⁴⁴. Какому церемониалу при этом следовали⁴⁵?

Каково было значение выплачиваемой Римом дани: не только ее размеров, но и содержания (кажется, скандинавы никогда не соглашались принимать *triens*, а только *aurei**), источников и эффективности этих выплат? Можно подсчитать, сколько получили от Рима Аларих, Гензерих и Аттила, но на что эти суммы тратились? Разумеется, главным образом на покупку продовольствия и оружия, но еще их копили, снаряжали на них посольства, может быть, приносили в дар. Представляется, что в отличие от того, что имело место в конце движения викингов, их экономическая ценность была отрицательной.

Надо изучить и другую похожую практику — институт предоставления заложников в обеспечение *fædus* — обычное явление на протяжении всего V в. В 418 г. один сенатор, родственник будущего императора Авита, был передан вестготскому королю. Аэций в молодости был заложником у Алариха, а затем при дворе гуннов; в 448 г. его сын был отдан Аттиле вместе с сыном одного сенатора. Значимость этих эпизодов для подготовки взаимопонимания между варварскими королями и римской аристократией видна главным образом на примере Аэция.

Следовало бы лучше установить, в какой степени римляне могли снабжать германцев информацией, советами или даже руководством в ходе их переселения. Сложные операции почти неизбежно требовали такого сотрудничества.

* *Aurei* — золотая монета, равная 100 сестерциям. — Примеч. ред.

Можно быть уверенным, что именно пятеро *Hispani* (испанцев), прибывших в Африку вместе с Гензерихом⁴⁶, помогли ему переправиться через Гибралтар. Для Теодориха переход его народа через Балканы в Италию и штурм *limes* Фриули определенно облегчался присутствием рядом с ним римлянина Артемидора, родственника императора Зенона, которого он вознаградил должностью префекта Вечного города. Таким образом, еще до стабилизации завоевателей римский правящий класс подготовил себе то место, которое впоследствии занял при дворе королей, осевших на землях Империи. Мы часто обнаруживаем, что великие идеи германских королей на самом деле принадлежат их римским советникам, за миролюбивой политикой Эвриха в Аквитании стоит Лев Нарбоннский, за деятельностью Теодориха в Италии — Кассиодор, за франкской экспансией в Южную Германию при Теодеберте — Парфений и т. д.⁴⁷ Даже Аттила, возможно, имел римского вдохновителя — своего секретаря Ореста. Было бы интересно выяснить, откуда появились эти реалисты, двигали ли ими экономические интересы или одно честолюбие и не имели ли они, в глубине души, задней мысли послужить Риму руками варварского короля (так, определенно, обстояло дело в случае Кассиодора, Боэция и Парфения).

В заключение не упустим из виду потенциальную опасность, которую представляет для историка манипулирование этими коллективными абстракциями — готы, франки, вандалы. В интересующую нас эпоху ни один из этих народов не существовал в чистом виде, все они состояли из разных компонентов, порой неожиданных. Африканские вандалы по большей части были асдингами, но, кроме того, в их составе имелись силинги, аланы, какое-то количество свевов и испано-римлян. К вестготам и бургундам присоединялись и азиатские группы. Остготы Теодориха привели с собой ругов, а в Италии поглотили скиров, герулов, каких-то аламаннов и даже скандинавских искателей приключений. То же самое происходило повсюду. Уже одно это

обрекало институты, принесенные каждым народом, на со-
поставление и адаптацию и подготавливало путь к прими-
рению с римлянами.

IV. Оборона и жертвы

А) Оборона: укрепления.

При приближении варваров, в начале V в., городам не нужно было окружать себя стенами: все это уже было сделано либо еще в эпоху Ранней империи, либо в период кризиса III в., а те, что не имели защиты, давно погибли⁴⁸. Достаточно было восстановить эти укрепления. Эти работы, не имевшие большого размаха, не оставили заметных следов, если не считать Африки, избежавшей предшествующих испытаний. Варвары обычно продолжали содержать в порядке городские стены, которые, таким образом, сохранились в целости до средних веков. Очень редки были случаи, когда из недоверия к враждебному городскому населению они разбирали городские укрепления (как поступили вандалы с Типасой в Мавритании).

В беспокойном мире V в. стены оставались самым надежным прибежищем, по крайней мере, на короткое время. Чаще всего варвары, лишенные осадных машин, были не в силах взять город приступом. Успех им могла принести только долгая осада, сопровождаемая разрушением канализации. Именно так вандалы завладели Гиппоном в 431 г., а остготы Равенной в 493 г. Военные действия византийской реконкисты в Италии сводились к нескончаемым осадам Рима. Только высокие стены, примыкающие к морю, откуда могло поступать продовольствие, делали возможной длительную оборону. Однако тесный и перенаселенный город, характерный для периода Поздней Римской империи в Галлии и Испании, мог продержаться только несколько дней или недель. Лишь только блокада затягивалась, общественное мнение — или, по крайней мере, *humiliores* (низ-

шие слои) — настойчиво требовало капитуляции — так случилось во время осады Базаса вестготами, описанной Павлином из Пеллы⁴⁹. В Испании Гидаций повторяет почти обо всех городах, занятых северами, что они были взяты *per dolorem* (обманом) или *sub specie pacis* (в надежде на мир). Что касается городов Британии, покинутых своими активными защитниками, то они, похоже, вообще не оборонялись.

Города, которые обзавелись слишком протяженными крепостными стенами к III в., было невозможно оборонять местными средствами, не прибегая к мобильной армии. Безусловно, именно этим объясняется та легкость, с которой франки утвердились в Кельне (сохранившем свою стену времен Клавдия, окружающую территорию в 100 га), и четыре захвата Трира в V в., известные Сальвиану (у города имелась гигантская стена древней столицы, 285 га). Орлеан со своей небольшой стеной вокруг территории в 25 га, напротив, смог стать оплотом римской обороны на Луаре, а Сиагрий сделал своим опорным пунктом Суассон (12 га). Возможно, окончательный выбор Толедо на роль столицы вестготов отчасти объяснялся тем фактом, что с этим опорным районом площадью в 5 га они были защищены от повторения катастрофы 507 г., когда 90 га огромной тулузской стены оказались непригодными для обороны.

Если городские стены в целом выдержали испытание, то в отместку варварские нашествия за три века окончательно добили линейные укрепления, протянувшиеся вдоль сухопутных или приморских границ *limes* (заброшенные еще до великого штурма), и «Саксонский берег» в Галлии и Британии. Только Италия сохранила ностальгию по этим «ограждам». Вплоть до победы лангобардов оборонительные рубежи преграждали доступ в долину По с северо-востока (*limes* Фриули) и через альпийские ущелья, у выхода из которых теснились крепости — Суза, Аоста, Изола Комачина.

Нам недостает данных, чтобы оценить то, что мы сегодня именуем «обороной территории». Теоретически, как

представляется, главной слабостью Поздней Римской империи было то, что она никогда не могла, не умела или не хотела организовать региональную «самооборону», привязанную к конкретной территории. Эта неспособность, тактически равная самоубийству, объясняется тоталитарным характером государства, а также патологической и постоянною боязнью заговоров и узурпаций. Тем не менее следует напомнить о региональных нюансах. На границах Восточно-Римской империи нередки были частные фортификации (виллы, оснащенные башнями, хутора, копировавшие план *castella* (крепостей)). В Западно-Римской империи они играли заметную роль только в Африке⁵⁰. В Британии раскопки, хоть и проводились очень обстоятельно, все же обнаружили только полдюжины. В Галлии наиболее ярким примером является Бург-сюр-Жиронд, знаменитый *Burgus*, велеречиво описанный Сидонием Аполлинарием⁵¹, — укрепленная вилла Понтия Леонтия.

При отсутствии надлежащего военного отпора удивительно, что ставшая христианской Империя даже не подумала о религиозном отпоре варварам, которые в 476 г. еще были почти исключительно язычниками. Обратить варваров: не было ли это тайным средством уменьшить причиняемый ими вред — тем более что в то время бытоваля единодушная вера в действенность духовного оружия? Три века спустя империя Каролингов, атакуемая с севера и востока, ответила именно так. Рим же не делал почти ничего — совсем ничего, пока варвары не перешли через границы, и очень мало впоследствии. Ортодоксальная церковь была не в силах взяться за то, что безвестные готские миссионеры, вышедшие из основанных Вульфилой очагов арианства, осуществили на удивление быстро⁵².

Это самоустраниние тем более удивительно, что присутствие христианских пленников на варварской территории могло подготовить почву, как это было у готов, а Восточно-Римская Церковь вела активную миссионерскую деятельность. Единст-

венным латинским епископом, попытавшим счастья у германцев, был еретик и изгнаник Авдий. Мы можем предположить только одно объяснение⁵³: в глазах латинян самой насущной миссионерской задачей выглядело довершение обращения в истинную веру своих соотечественников, значительная часть которых в пределах государственных границ все еще оставалась в лоне язычества, тогда как греки, в полном составе принявшие христианство, имели больше свободы, чтобы обращать взоры вовне.

Б) Участь гражданского населения. Добыча.

Необходимо более подробно изучить участия гражданского населения во время великих кризисов. За редкими исключениями⁵⁴, подобные работы остаются слишком абстрактными. Наше поколение обладает достаточно обширным опытом в том, что касается проблем, связанных с военными вторжениями, почему мы уже не вправе рассматривать их с тех же позиций, в основном институциональных и юридических, что и наши предшественники в XIX в. Для понимания эпохи перемещение беженцев, разрушение и восстановление куда важнее, чем многие правовые или лингвистические вопросы.

В силу характера источников больше всего мы знаем о потоках беженцев (их сложности и создаваемой ими сумятице) в Италии.

Миграция беженцев начинается с появлением в Иллирии Радагайса, а затем Алариха. Закон от 10 декабря 408 г. изобличает порабощение беглых иллирийцев итальянцами. В 410 г. многие итальянцы в свою очередь обратились в бегство из-за разграбления Рима. Богачи расселились во всех направлениях; в течение последующих лет их можно встретить на островах Тосканы и главным образом в Африке (не только в портах, но также и во внутренних районах, до самой Джемилы), в Константинополе и даже Палестине. Этим влиятельным людям иногда удавалось спасти изрядную часть своего имущества⁵⁵.

С бедняками, как и в 408 г., поступали постыдным образом: Иероним обвиняет африканского графа Ираклиана в том, что он организовал продажу молодых беженок в восточные дома терпимости⁵⁶. Едва паника успела улечься, как в Италию прибыла новая волна беженцев из Аквитании, спасавшихся от Алариха (теперь отправившегося в Галлию): в 415 г. Рутилий Намациан встретил их в Тоскане.

Натиск Аттилы в 452 г. привел к выселению жителей Аквилеи в Паннонию сроком на шесть лет. Разгром Рима Гензерием в 456 г., конечно, вызвал новую волну паники, но главным образом огромный наплыв пленников, доставленных в Африку. В Карфагене их, в ожидании покупателей, разместили в двух церквях.

Через тридцать лет Италия приняла беженцев из Норика, распространявшихся вплоть до Кампании (488 г.). Затем бургундская армия пересекла Альпы и пригнала в Лион целую армию рабов, которых в количестве более 400 человек в 495 г. выкупил епископ Павии.

Правление Теодориха принесло некоторую передышку. Однако круговерть возобновилась в середине VI столетия. Вторжение лангобардов вызвало великий исход в направлении побережий, в Венецию, Лигурию и Тоскану. Италия превратилась в огромный невольничий рынок. Григорий Великий повествует о том, что при подступе Агилульфа к Риму (592 г.) он своим глазами видел, как римлян, привязанных за шею, угоняли на продажу в Галлию⁵⁷. В 610 г. авары захватили множество пленников в Фриули⁵⁸. И на этом дело не кончилось...

После Италии более всего свидетельств предоставляет Африка. Перипетии вандальского владычества вынудили часть сенаторов пуститься в Италию или Константинополь, затем ортодоксальные священнослужители отправились в изгнание в Испанию, Галлию, Македонию или Грецию⁵⁹. Бегство продолжилось и после византийской реконкисты под давлением нарастающих беспорядков⁶⁰. В Галлии документы очень редки; кроме нескольких сенаторов с севера, укрывшихся на юге,

и аквитанских господ, покинувших свою страну из страха перед готами (подобно тому как Павлин из Пеллы бежал в Марсель), мы знаем недостаточно, чтобы делать выводы о перемещениях в целом⁶¹.

Напрашиваются два заключения: неспособность властей обеспечить бедняков минимальной помощью, и в разительном контрасте способность богатых найти приют в самых отдаленных регионах. Организованные отступления являются редчайшим исключением — на Западе мы располагаем лишь указанием на эвакуацию из Норика, — а вмешательства государства с целью обеспечить беженцев новым жильем или выкупить пленников почти полностью отсутствуют. Помощь гражданским жертвам исходила исключительно от Церкви и была очень ограниченной.

Государство проявляет такое же безразличие и к проблеме восстановления (за исключением нескольких военных построек). В самых тяжелых случаях (Тоскана и Южная Италия в 412 г.) оно довольствуется налоговыми послаблениями. Восстановление Беневента, сожженного Аларихом⁶², ложится на плечи богатого частного лица; а за восстановление Милана после похода Аттилы берется епископ Евсевий⁶³. Чаще всего все оставляли, как есть. Варварские короли выказывали не больше заботливости, кроме Теодориха в Риме (но речь шла скорее о престиже, чем о благотворительности). Правда, состояние казны, уже полностью истощенной военными расходами, исключало любые эффективные меры: налогоплательщики исчерпали все свои возможности⁶⁴.

Что стало с добычей, отнятой у Рима? Большая часть, разумеется, осталась на месте, лишь сменив владельцев, в ожидании своего возвращения к Церкви — римскому институту, которому предстояло скопить их в изрядном количестве. Древняя независимая Германия, видимо, удержала лишь малую толику. Парадоксальным образом, самые четкие следы этих вещей можно обнаружить в Скандинавии.

Успех германцев вылился в подлинный золотой век: в V и VI вв. золотые солиды накапливались на балтийских островах, причем эти монеты недолго находились в обращении и поступали из Италии. Безусловно, это была плата, доставленная сюда германскими солдатами последних императоров и Теодориха⁶⁵. Обычно это золото переплавляли и превращали в украшения, но в конце концов погребали в могилах или схронах (в одном из них было до 12 кг чистого золота!). Попав на Север, находившийся на доденежной стадии развития экономической жизни, этот драгоценный металл не обогатил его по-настоящему; после VII в. он практически исчез из обращения. В целом варвары немного выиграли от того, что потерял Рим⁶⁶.

Все эти соображения, пока поверхностные, приобретут подлинную ценность только в тот день, когда живописные описания уступят место критическим перечислениям, которые послужат основанием для картографической работы. Мы с нетерпением ждем набросков, отражающих, в широком контексте, распределение крепостей и укрепленных пунктов IV, V и VI вв., кладов (монет и украшений); поддающихся датировке разрушений и редких восстановлений. Следовало бы также графически изобразить направления бегства населения, а также перемещения отдельных беженцев. Без сомнения, при этом выявилось бы преобладание перемещений с запада на восток, превративших Восточно-Римскую империю в истинный оплот римской культуры, и, во вторую очередь, концентрическое движение от периферии Империи к ее средиземноморскому центру.

В) Судьба патrimonий.

У нас есть сведения о патrimonиях нескольких сенаторов: это были огромные владения, чьи размеры и географическая разбросанность совсем не способствовали их долговечности. Знаменитый отрывок из Олимпиодора позволяет сделать некоторые подсчеты: многие семьи имели ежегодный доход в 4000 золотых фунтов наличными и еще треть

натурой; другие – от 1000 до 1500 фунтов; Проб в 424 г. потратил 1200 фунтов золотом, чтобы отметить свое вступление в должность претора; оратор Симмах, даже будучи «не слишком богатым», выделил 2000 фунтов на такое же празднование для своего сына, Максим в аналогичных обстоятельствах промотал 4000 фунтов на игры, длившиеся семь дней⁶⁷. Еще больше, чем своими размерами, эти имения поражают своим разбросом – осязаемый признак единства средиземноморского мира. Мелания Юная и ее супруг Пиниан в начале V в. владели имениями в Риме, Южной Италии, на Сицилии, в Галлии, Испании, Британии, Проконсульской Африке, Нумидии и Мавритании⁶⁸. Симмах обладал земельной собственностью в Риме, Капуе, Самнии, Апулии, на Сицилии и в Цезаревой Мавритании. Павлин из Пеллы имел дома в Бордо, поместье в Базасе, земли в Марселе и значительные владения в Македонии, вокруг Пеллы, откуда происходила его мать.

Эти слишком крупные патrimonии плохо выдерживали потрясение, вызванное варварскими вторжениями. Мелания и Павлин известны нам в основном благодаря своему бегству и скитаниям. Первая покинула Рим в 408 г. и отправилась на Сицилию, а затем в Африку, где жила и поддерживала беженцев, продавая свои владения. В конце концов в 417 г. она через Египет добралась до Святой земли. От ее владений, уже изрядно растратенных, правда, на благотворительность, должно быть, осталось немногое. Павлин пережил вторжение вестготов в Аквитанию без ущерба для себя и даже сумел, служа Атаульфу, избежать присутствия варварских постояльцев в своем имении в Борделе; однако падение императора Аттала, личная щедрость которого сделала его комитом, вынудило его оставить Бордо навсегда. Он уехал в Базас, но тот был разорен во время нападений багаудов, аланов и готов; тогда Павлин решил отправиться в Грецию, где родился, но его жена отказалась последовать за ним: слишком уж рискованным было путешествие. Тогда он обосновался в Марселе, где жил за счет небольшого

участка земли, многократно перезаложенного; очевидно, ему так и не удалось получить даже малейшей прибыли от своих греческих земель, однако по воле случая он сумел продать часть своих владений в Аквитании какому-то готу. Его сыновья вернулись в Бордо, чтобы получить обратно кое-какое имущество, но умерли, не успев добиться успеха⁶⁹. После 400 г. этими патrimonиями, раскиданными по всему римскому миру, стало невозможно управлять.

Крупная земельная собственность не исчезла, не перестала быть разбросанной, но ее владельцам пришлось приспосабливаться к новым политическим условиям. Как и после распада империи Каролингов, этот феномен был мощным фактором зарождения «региональных национальностей». Впрочем, этот тезис еще предстоит проверить.

V. Существовало ли идеологическое противостояние между варварами и римлянами?

Античная историография изображает варваров лишь в черных красках: они приносят хаос или разрушение и не способны к созиданию. Подтверждается ли этот штамп событиями V и VI вв.? Двигало ли варварами одно желание завладеть чужим добром, поселиться на самых богатых землях под самым благодатным небом и впредь вкушать плоды своего завоевания? Или же их вдохновлял более возвышенный идеал, например заменить римское государство другим политическим строением, а ортодоксальную Церковь — другой церковью?

В политическом плане этот тезис сложно доказуем. Лишь немногие варварские короли могли свободно выражать политические мысли, а если могли, то облекали ее в римскую форму (например, «платоновской» монархии, которой хвалились готские короли из династии Амалов). Кажется, даже Аларих

скорее искал себе места в Империи, чем стремился ее подменить. Единственная по-настоящему антиримская программа, сформулированная в заявлении, сделанном в 414 г. в Нарбонне, приписывается Атаульфу (об этом сообщает Орозий в *Hist. adv. pag.*, VII, 43): заменить *imperium Romanum* (империю римлян) на *imperium Gothorum* (империю готов), превратить в *Gothia* (Готию) то, что было *Romania* (Романией), стать для готов тем, чем был Август для римлян. Сам Атаульф в конце концов признал, что готам это было не по силам, и единствен-но возможная политика заключалась в том, чтобы найти себе место в римском мире и «преумножить славу Рима, приведя ему на службу готов». Был ли этот вывод сделан самим Атаульфом или нет, но вплоть до самой гибели Империи варвары были не в силах предложить системы, пригодной для того, чтобы ее заменить.

А) Проблема арианства.

Только в религиозной сфере возникает настоящее противостояние. Дело не в том, что, преодолев *limes*, варвары принесли с собой последовательную религиозную программу или оригинальное учение. Их язычество было апатичным, семейным и хтоническим, ни в коем случае не агрессивным. Возможно, что они даже его стыдились и, как только осели на землях Империи, постарались от него избавиться. Только франки и свевы оставались верны своей религии на протяжении первого поколения, и ни один народ не продержался дольше этого срока⁷⁰. Ни один современник не попытался объяснить поступки и жесты варваров языческим фанатизмом.

Таким образом, остается нелегкая проблема германского арианства⁷¹. Известно, что это учение родилось в Империи из типично эллинистических представлений и первоначально не имело никакой связи с варварами. Его распространение в варварском мире объясняется двумя случайностями: прибытием Вульфилы, апостола готов, в Константинополь в период, когда двор был арианским, и авторитетом готов

среди германцев после победы при Адрианополе. Ни своим учением (которое они едва ли развили), ни своей литургией, отличавшейся в основном ночным богослужением, арианство не имело ничего особо привлекательного для варваров. Только использование народного языка⁷² делало его более доступным. Однако германцы видели в нем знак своей оригинальности на фоне господствовавшей у римлян ортодоксальной веры и гарантию от слишком быстрой ассимиляции.

Первоначально, сразу после посвящения Вульфили в 341 г., арианство у готов затронуло очень узкие круги, простых людей или потомков пленников, вроде Вульфили. В момент переправы через Дунай в 376 г. большинство оставалось язычниками; массовое принятие арианства относится к периоду пребывания в Мезии (382–395 гг.). Арианство оставалось официальной религией вестготов до 587 г. и примерно до 610 г. периодически давало всплески: это его самая длинная карьера. У остготов с 400 г. насчитывалось несколько христианских групп, но по-настоящему христианство одержало верх около 456–472 гг. в Паннонии: остготы оставались арианами до самой своей гибели в середине VI в. Их пример увлек за собой два племени со среднего Дуная, гепидов (около 472 г.?) и ругов (до 482 г.).

Народы, переправившиеся через Рейн в 406 г., были язычниками; они очень быстро приняли арианство, когда пришли в соприкосновение с вестготами, ушедшими в Галлию. У бургундов это событие относится ко времени их пребывания в Германии I, между 413 и 436 гг.⁷³ В случае вандалов отсчет следует вести с момента их утверждения в Испании, между 409 и 417 гг. (а не пребывания на Дунае, как думал Куртуа). Свевы познакомились с православием при Рехиаре (ок. 450 г.?), а после, около 465 г., сделались арианами, чтобы около 570 г. вернуться к ортодоксальному христианству.

Это первоначальное арианство успело практически угаснуть, когда лангобардское нашествие 568 г. занесло арианство

в Италию. Лангобарды, без сомнения, обрели свою веру на среднем Дунае около 488–505 гг. через посредство ругов⁷⁴ и сохраняли ее вплоть до 616 г., а попытки арианской реставрации возобновлялись до 662 г. Окончательная победа ортодоксального христианства была достигнута только в 671 г.

Религиозное расхождение между германцами и римлянами повсюду порождало политические проблемы. Там, где ариане селились в соответствии с договором, они образовывали замкнутые и обычно неагрессивные общины. В районах, захваченных военной силой, сосуществование оказалось менее мирным. Отсюда и ожесточенный спор по поводу арианского фанатизма, средоточием которого было королевство вандалов в Африке, а также вестготов в Испании и лангобардов в Италии. Действительно ли ариане ополчались против приверженцев ортодоксальной веры под влиянием глубокой религиозной вражды, как полагали все тогдашние церковные авторы и продолжают думать некоторые наши современники? Или же следует считать, что религия была лишь окраской, которую приобрела, на этот раз у стольких авторов, борьба, главным образом социального и политического характера.

Прежде всего признаем, что арианство не несло в своем учении ничего агрессивного, и пути его распространения у германцев, кажется, были в основном мирными. Некоторые варварские государства смогли сохранить мирный характер арианства, например бургунды и остготы. Ариане требовали лишь свободного распоряжения несколькими церквями в каждой местности, где они насчитывались в достаточном количестве (эта традиция восходила ко времени до завоевания: еще Рикимер основал в Риме арианскую церковь, Сант'Агата деи Готи). Никакого прозелитизма, даже в Равенне, где тем не менее в 561 г. ортодоксальные христиане сумели перетянуть на свою сторону 6 готских церквей. То из арианской литературы готов, что удается мельком увидеть (с большим трудом, из остатков палимпсестов),

носит чисто экзегетический характер — никакой полемики. Планы арианского святилища и ортодоксального храма настолько близки, что там, где, как в Салоне, нет никаких текстов, различить их чрезвычайно сложно.

У вестготов таким же мирным сосуществованием были отмечены Тулузское и Барселонское королевство, и даже первые шаги Толедского государства. Исидор Севильский гордился терпимостью короля Тевдиса (531–548 гг.), и ортодоксальное христианство, по-видимому, пользовалось полной свободой. Можно встретить только одно указание, свидетельствующее об обратном, но оно ничтожно: попытка вернуть свевов к арианству, предпринятая в 465 г. Аяксом, знатным арианином, в прошлом приверженцем ортодоксальной веры. Настоящая напряженность возникла только при Леовигильде (568–586 гг.); она была связана с попытками византийской реконкисты в Бетике, угрозой франкского вторжения, но в основном это отклик на восстание Гэрменгильда (мотивы которого, вероятно, не были религиозными по сути). Гонения ограничились конфискацией нескольких церквей, изгнанием ортодоксальных священнослужителей, поощрением ариан к богословским спорам и перехода ортодоксов в арианство; очень скоро эта вспышка потухла. Таковы выводы самого углубленного исследования, принадлежащего Томпсону. *The conversion* [N 199]. Охотно добавим, что этот эпизод является лишь проявлением испанской страсти к духовному единству, которое в скором времени, после 587 г., выразилось, напротив, в борьбе с последними арианами, а позже в гонениях против евреев.

А в Италии не попытались ли ариане начать гонения в конце правления Теодориха, когда король приказал казнить Боэзия и грозил низложением папе Иоанну? В этом можно усомниться: Боэзия и папу обвинили не за приверженность ортодоксальной вере, а за многочисленные услуги, оказанные ими Византии. Кажется, остготы никогда не помышляли о том, чтобы обратить ортодоксов в арианство, и все арианские храмы, по-видимому, были новыми постройками.

Таким образом, мы видим, что за исключением Африки арианство не приводило с неизбежностью к фанатизму или гонениям, но, рано или поздно, происходило обращение в ортодоксальное христианство. Почему в Карфагенском королевстве события приняли другой оборот? Одни ли вандалы повинны ли в этом? Или еще и другие обстоятельства их завоевания?

Существует великое множество текстов, которые в самых жестких выражениях бранят религиозные взгляды вандалов. Последние уже пользовались дурной славой в миру: в 406 г. святой Иероним наделил их эпитетом *ferocissimi* (жесточайшие), а их дальнейшие подвиги не способствовали их оправданию. Затем в имени Гензериха было выявлено число зверя. Но только после «Истории гонений вандалов» Виктора из Виты (конец V в.) вандалы были приняты за эталон варваров-гонителей ортодоксальной веры: но заслужено или напрасно? Давно установлено, что в «вандализме» этот народ не превосходил своих современников. Но куда сложнее вынести беспристрастное суждение по поводу религиозной проблемы. Идет ли речь об арианском фанатизме в чистом виде (это мнение священнослужителей того времени), о религиозном продолжении социального, в сущности, противоречия между вандальскими королями и римской земельной аристократией (это точка зрения Куртуя), о сложном сплетеении обстоятельств, куда африканскую Церковь завела традиционная жесткость ее политico-религиозных позиций, а Гензериха — полное отсутствие чуткости к нюансам (во что нетрудно поверить)?

Истоки этой борьбы ясны: с момента своего прихода к власти Гензерих проводил массовые конфискации, которые серьезно затронули крупных землевладельцев. Первое место среди них занимала Церковь. Прежние хозяева были ограблены и изгнаны, чтобы не омрачать радость новых. Этой участи подверглись и многие епископы. В конечном счете имущество досталось вандалам, а церкви — арианскому духовенству, начиная с кафедрального собора в Карфагене.

гене. Меры, принятые против ортодоксальной иерархии, были одним из аспектов общей политики, направленной против римского правящего класса, но они имели больше отголосков, чем прочие.

В отчаянии, африканская Церковь легко нашла поддержку: внутри страны, среди класса собственников, пострадавшего одновременно с ней и бывшего ее союзником в донатистских спорах, и за рубежом, в имперском правительстве, не желавшем смириться с потерей Карфагена. Таким образом, сопротивление духовенства окрасилось в цвет политического заговора. В 440 г. обозначились рамки, в которые можно вписать всю историю отношений между вандалами и ортодоксами. Это была «непримиримая борьба», отмеченная ссылками епископов на рудники Сардинии или в Сахару, многократными конфискациями (в 484 г. — всех ортодоксальных церквей), указами, предписывающими обращение в арианство и перекрещивание ортодоксальных христиан. Кризис продолжался порядка сорока лет. В 495 г. церкви были возвращены ортодоксальным христианам, и все успокоилось; но до воцарения Хильдериха в 523 г. епископат оставался объектом ограничительных мер и всяческих придирок (запрет церковных выборов).

Короче говоря, арианство явилось скорее поводом, чем настоящей причиной конфликта, в котором столкнулась жестокость вандалов — не имевшая религиозных истоков — и воинственность африканской Церкви, обратившей против вандалов оружие, выкованное в ходе спора с донатистами. Проявления чисто религиозной нетерпимости имели место только на продвинутой стадии борьбы и были сравнительно непродолжительными. Только епископат постоянно находился под прицелом, поскольку являл собой руководящую верхушку римского общества Африки и главное политическое препятствие на пути к духовному единению вокруг короля вандалов.

Остается лангобардское арианство. Несмотря на столетнее опоздание, ситуация в лангобардской Италии была

сходна с той, что сложилась у вандалов. Как и вандалы, лангобарды с момента появления в Италии повели себя очень сурово с местным населением; римлян не защищал никакой *fædus*. Как и в Африке, ортодоксальная Церковь оказалась солидарна с ограбленной аристократией; к тому же близость Равенны и Рима, остававшихся под властью Восточно-Римской Империи, вызывала политические подозрения. Тем не менее лангобарды никогда не выходили за рамки индивидуальных преследований, возможно, по причине опасности, которую представляло для них столь близкое соседство с византийцами, а еще, может быть, потому, что они в какой-то мере унаследовали терпимость готов. За пределами своей столицы Павии они оставили ортодоксальных епископов на их кафедрах и, кажется, не отнимали церквей в массовом порядке. Правда, итальянское ортодоксальное духовенство было не слишком склонно к войне и никогда не образовывало такого монолитного фронта, как африканская Церковь, а политика эвакуации, начатая после 569 г., имела целью скорее разрыв контактов, чем начало открытой борьбы.

Думаем, можно сделать вывод, что западное арианство не было заведомым гонителем ортодоксальной веры. Когда ариане дурно обходились с ортодоксальным населением, это происходило не по призыву их церкви, а потому, что являлось неизбежным следствием политики их правителей по отношению к римским правящим классам. Сцены фанатизма были лишь побочным эффектом. Даже удивительно, что арианство в большей степени не воспользовалось обстановкой, созданной варварскими нашествиями. Чаще всего ариане допускали мирное сосуществование двух культов — что ортодоксы с ужасом отвергали: даже побеждая, арианство обычно соглашалось со скромным положением религии меньшинства. Весьма вероятно, что причина этого кроется в интеллектуальной слабости арианской иерархии, плохо подготовленной к полемике, неспособной и помыслить о миссионерских планах. Данный Вульфилой импульс,

который, быть может, еще поддерживался некоторыми священнослужителями остготской Италии, угас довольно быстро.

Б) Социальная сегрегация.

За неимением настоящей идеологии, нацеленной против римлян, варвары-ариане смогли извлечь из гражданских и религиозных законов Империи элементы покровительственной сегрегации, оградившие их национальное меньшинство от незамедлительного растворения в недрах римской цивилизации, которое постигло большую часть германских групп, получивших разрешение поселиться на имперских землях до 406 г.

Римское законодательство с 370 г. запрещало браки между римлянами и варварами под страхом смерти. Это непомерное требование, противоречащее церковному праву, тем не менее было подхвачено несколькими варварскими королевствами, и прежде всего готскими. Остготы соблюдали его до конца, вестготы отказались от него только при Леовигильде, когда идеал испанского единства побудил их к объединению в интересах арианского элемента. Бургундское право, напротив, сняло этот запрет еще в V в. (*Lex Burgundionum*, XII, 5). Франкское законодательство обошло его молчанием, безусловно, по причине раннего обращения в ортодоксальную веру. Позиция вандалов неясна⁷⁵.

Нравы соответствовали закону. В городах Италии — единственной страны, о которой мы что-либо знаем точно, — римские и варварские кварталы разграничивались достаточно четко. В готскую эпоху, как и в эпоху лангобардов, ариане жили вокруг своих церквей и королевских дворцов. Готская Равенна имела *civitas barbarica* (варварский квартал) и 6 арианских церквей (называвшихся *ecclesiae legis Gothorum* (церкви готского права) или *legis sanctae* (святого права)). На о. Градо и в Салоне было по два центра притяжения в виде ортодоксального и арианского кафедральных ансамблей. В Цивидале дель Фриули, важном гарнизонном

городе, лангобардский квартал вокруг церкви Св. Иоанна был отделен от знаменитого в истории искусства Темпьетто и основного квартала маленькой оградой между римской стеной и рекой Натисоне⁷⁶.

В нескольких государствах, например у остготов и лангобардов, военное ремесло и право ношения оружия было закреплено за варварами, однако бургундские короли охотно принимали на военную службу своих римских подданных, и Меровинги сделали то же самое, правда, не столь открыто. Это было связано с дуалистической структурой, положенной в основу государства. Далее мы вернемся к персональности законов, еще одной дискриминационной практике, которая также способствовала сохранению самобытности варварских групп⁷⁷.

Меньшинство охотно верит в свое превосходство; правящий класс в нем не сомневается. Отсюда и презрительное отношение к римлянам, которое проявлялось то здесь, то там. Впрочем, это случалось редко (правда, у нас мало возможностей узнать мнение варваров). В качестве примера можно привести пролог Салической правды, бросающий в лицо римлянам упрек за то, что они были безжалостными господами и предали смерти стольких мучеников (религиозный довод, имеющий мало отношения к делу), а также наивную декларацию баварского гlosсатора VIII в. — «римляне глупы, а бавары — мудры» — и некоторые другие позднейшие тексты того же характера. Все это не заходило далеко и плохо сочеталось с проримскими убеждениями Теодориха. О расовой ненависти между варварами и римлянами не было и речи.

VI. Проблемы расселения

А) Границы ономастического и археологического исследования.

Топонимика и археология определенно представляют собой лучшие инструменты исследования, которые позволяют

оценить глубину варварского расселения. Однако важно никогда не забывать об ограниченности этих дисциплин. Энергичное предостережение, высказанное Ф. Лотом еще двадцать лет назад, в целом остается в силе. Прежде всего существуют трудности, присущие ономастическому методу: необходимо начинать с древних форм, скрупулезно установленных и датированных, а затем соотносить их с рядом параллельных случаев, ловушек неправильного написания, народных и научных этимологий, переносов имени. Но мы уделим основное внимание проблемам исторической интерпретации ономастических данных, с помощью некоторых галльских примеров.

Прежде всего Лот настаивал на двоякой необходимости⁷⁸ учитывать демографический ранг населенного пункта, обозначаемого топонимом, и всегда рассматривать полученные результаты в числовом контексте, предлагаемом совокупностью названий аналогичной ценности: название прихода важнее, чем название селения или поля, регион можно считать германизированным, только если о германском влиянии свидетельствует значительная доля его топонимов. Но даже этим благоразумным подходом не следует злоупотреблять: эти пропорции должны высчитываться по отношению не к современной ономастике, а к ономастическому материалу, с уверенностью датируемому эпохой, как можно более близкой к изучаемому феномену (например, столько-то германских названий по отношению к общему количеству названий, засвидетельствованных до тысячного года). Одно название, даже совершенно обособленное, может при наличии установленной лингвистической принадлежности иметь значение для определения границ или маршрутов вторжения или уцелевшего островка.

Лот равным образом подчеркнул (по поводу долатинского *-isco*, а также готского и бургундского *-ingōs*) серьезную опасность, которую навлекают на целые пласти ономастики совпадения форм в разных языках. Они особенно пагубны, когда речь идет об очень близких языках. Так,

сходство старосаксонского и северогерманского затрудняет, если не исключает, точное исследование саксонских поселений Бессена, и, в меньшей степени, возможны серьезные ошибки в различении готского и франкского вклада в Аквитанию⁷⁹. Другая опасность: когда язык Б, близкий к языку А, закрепляется в регионе, где А уже сформировал топонимы, он видоизменяет их согласно собственным правилам и делает их едва узнаваемыми; так, между IX и XI вв. многие английские топонимы в Восточной Англии были более или менее поверхностно «данизированы». В истории одного названия подобное может произойти даже несколько раз: *York* представляет собой скандинавскую форму *Jorvik*, прошедшую через ряд преобразований, начиная со староанглийского *Eoforwic*, которое, в свою очередь, являлось германской интерпретацией кельтского названия, на латыни переданного как *Eboracum*...

Роль моды полностью признается специалистами по антропонимике. Она не лишена исторического интереса: изобилие германских имён в меровингской Галлии, как и баскских и иберийских в Гаскони в IX–X вв., не указывает на прямую колонизацию, а раскрывает едва ли менее значимое явление цивилизации: престиж отчасти пришлого правящего класса. Однако в топонимии мы, возможно, слишком пренебрегаем этим. Именно это явление, несомненно, отражается внезапным распространением названий поместий на *-curtis* и *-villa*. Некоторые из этих мод не прошли в глубину и остались после себя только недолговечные топонимы⁸⁰.

Во Франции топонимисты слишком мало внимания уделяют микротопонимии, а именно кадастровым названиям (нем. *Flurnamen*, англ. *field names*), опираясь на наименования обитаемых мест. Без сомнения, средний возраст таких названий меньше (очень немногие восходят ко времени до тысячного года, если не считать тех из них, которые обозначают исчезнувшие населенные пункты), но их лингвистическое значение

часто огромно: они помогли выявлению, с одной стороны, древних островков, а с другой — бельгийской и рейнской лингвистической границы.

В антропонимике, помимо чистой формы имен в данную эпоху, следовало бы чаще принимать во внимание их распределение внутри семей от поколения к поколению. Имя Людовик, данное Карлом Великим одному из своих сыновей, отмечает восприятие Каролингами некоторых меровингских традиций.

Таким образом, доказательная ценность, приписываемая каждому топониму или человеческому имени в области изучения расселения, требует исторической проверки, в дополнение к критике источников и лингвистическому анализу. Каждый случай необходимо рассматривать отдельно, и можно установить только несколько очень общих правил. Они сильно различаются в зависимости от того, стремимся ли мы определить древний лингвистический ареал или границы цивилизации, и слишком много ученых не сумело разделить эти исследования.

Например, само собой разумеется, и Лоту удалось это доказать⁸¹, что бесчисленные топонимы на *-ville* и *-court*, образованные от имени какого-нибудь германца в качестве первой или второй составляющей слова, ничего не значит для истории франкского расселения или распространения франкского диалекта; и, напротив, они очень полезны для истории меровингской цивилизации, главным образом во второй фазе, когда аристократия, окружающая короля, трансформировалась в класс крупных землевладельцев. Для истории расселения необходимо отобрать только чисто германские названия, особенно состоящие из двух составляющих, соединяющихся в соответствии с германским синтаксисом, или производные от основы-корня согласно германским обычаям. Следует осторегаться простых слов, которые могли перейти в местный романский диалект, а затем из него исчезнуть; часто их помогает

обнаружить присутствие артикла: так, *La Fère* ни в коем случае не доказывает закрепления в данном месте группы носителей франкского языка, а лишь то, что институт под названием *fara* (ср. стр. 216) был известен местным жителям, которые могли издавна говорить на романском диалекте. Поскольку этот институт типичен для меровингского общества на начальном этапе, этот факт по-прежнему представляет — но в совершенно ином плане — живой интерес для историка.

Топонимисты уже давно привыкли отражать свои главные выводы на карте. Но историк должен настойчиво требовать, чтобы они с помощью соответствующих значков различали относительную значимость пунктов, которые наносят на карту, не только в порядке определенности (происхождение 1) несомненно, 2) вероятно, 3) возможно), но еще и доказательной ценности (1) названия, доказывающие колонизацию или простое влияние; 2) названия новых поселений; 3) названия, появившиеся вследствие переименования).

Подчеркнем еще раз очевидность того, что лингвистическое происхождение названия ничего не говорит о происхождении населенного пункта; факты этой последней категории устанавливаются только путем изучения текстов (редко) или археологического исследования (обычно). Так, известно, что на востоке Франции десятки деревень, носящих германские названия, существуют с галло-римской эпохи.

Можно задать два дополнительных вопроса, порожденных скорее казуистикой, чем историей. Какой должна быть численная пропорция, чтобы какая-то группа населения могла навязать деревне название на собственном языке? Опыт двухязычных зон современной эпохи свидетельствует о том, что для этого совершенно нет нужды находиться в большинстве; достаточно обладать большим социальным влиянием. В какой мере ослабление государства — и особенно гибель римских кадастровых списков — благоприятствовало масштабному обновлению топонимии в период раннего средневековья?

Можно предполагать, что многие домениальные названия на *-iasum* и *-apum* были лишь официальными и плохо усваивались крестьянами, а потому исчезли, как только государственная власть перестала их поддерживать.

Что касается археологического исследования, то уже отмечалось, что если оно и не в силах просветить нас относительно национальных вопросов (за исключением случая скелетов, очевидно чуждых европеоидной расе), то взамен оно предлагает самые драгоценные и самые надежные документы по проблемам цивилизации. Лишь благодаря ему мы можем обозначить точными вехами распространение нового образа жизни, формирование меровингского общества, ареалы преобладания франкских, бургундских, алеманнских, готских и лангобардских слоев и пр. Только оно позволяет датировать населенные пункты, определить с точностью их деление и экономический характер. С каждым днем, по мере совершенствования технологий раскопок и лабораторных исследований, множатся уроки, которые оно может нам дать. Короче говоря, именно от археологии в следующих поколениях следует ожидать самого существенного обновления в области, которой посвящена данная книга.

В настоящее время огромное большинство археологических материалов является плодом случайных находок — отсюда и незначительная ценность карт распределения, когда они опираются на слишком ограниченное число. Это соотношение стремительно смещается в сторону организованных раскопок, польза от которых бесконечно выше: только они позволяют методично ставить общие проблемы. В то время как могила, главным образом с захороненным телом, привлекает внимание наименее сведущего землекопа, «остатки хижины», деревянной, плетеной или саманной, заметны только для грамотного специалиста. Так исчезнет дисбаланс, опасный для нашего видения: мы напрямую узнаем жизненную

ситуацию галлов эпохи Империи (по крайней мере, высшего класса), в то время как подданные меровингского короля известны только по своим могилам.

В ожидании этой революции необходимо сдержанное отношение к работам, которые по старинке, без пристального рассмотрения даты и контекста, заявляют о проведенном исследовании «варварских захоронений». Из них мы можем извлечь данные лишь в очень грубом приближении: многие могилы, нареченные «меровингскими», принадлежат к VIII, если не IX в., а многие «варварские воины» оказываются местными крестьянами, воспринимавшими франков лишь как новую моду в одежде. Историк будет пользоваться только работами, основанными на критическом рассмотрении, журналами раскопок, достаточно полными, чтобы выдержать любые желаемые проверки, или материалами, которые он сможет лично изучить в музеях.

Б) Варвары и сельская жизнь.

Оценка роли варваров в эволюции сельских областей, в сущности, выходит за пределы возможностей тех инструментов исследования, которыми мы располагаем, даже там, где историческая работа продвинулась дальше всего, как в Англии, Северной Галлии и Рейнской области. С углублением наших познаний развеиваются упрощенные взгляды, в недавнем прошлом воплощавшиеся в теории. Остается рассмотреть только некоторые археологические и юридические аспекты этой проблемы.

Первое препятствие: мы не знаем точно, каким был аграрный строй Поздней Римской империи. Некоторые крупные виллы были центрами земледелия, но все ли? В действительности не занимались ли нередко обработкой земли жители туземных селений? О севообороте мы знаем только одно, из Плиния: в I в. культура озимых злаков в области Трира еще не была привычной; может быть, она стала таковой до V в., так

как можно заметить, что с Империей в Галлию пришло множество нововведений (использование косы и даже жнейки, водяная мельница, распространение виноградарства и пр.)? Нам совершенно неизвестна — если не считать деления на центурии — парцелярная структура земель и способ их разграничения. Мы даже не знаем хорошо, в каких регионах проживание было компактным, а в каких — разбросанным.

Второе препятствие: еще меньше мы знаем о том, как было устроено земельное хозяйство до составления великих полиптихов IX в. (в районах, которых последние почти не коснулись, как, например, Запада; и эта неопределенность доходит до XI в.). В меровингскую эпоху нам доступна только история землевладения, а не эксплуатации земли. Сельская археология до сих пор фиксирует только развалины античных вилл, церквей и кладбищ; мы почти ничего не знаем о новых поселениях и совсем ничего о земледельческих орудиях. Система севооборота и земельного деления от нас ускользает. Методы микротопонимии позволяют дать ответ не раньше X в.

В этих условиях не стоит переносить реалии позднего средневековья или даже современной эпохи на эпоху нашествий. Представления, которые некогда пользовались популярностью, вроде отнесения обязательного тройного севооборота на узкой полосе *openfield*⁸² за счет германского влияния, а бессистемно расположенных огороженных участков с двойным севооборотом — за счет галло-римских пережитков, сегодня не имеют никакой ценности для истории. То же верно и для жилища (например, якобы «римских» черепичных кровель на юге и в Лотарингии), и для сельскохозяйственных орудий (например, южной сохи, иногда квалифицируемой как римская).

Историческая работа показала, что «древние» или «характерные для региона» структуры уходят в толщу времен лишь на несколько поколений или снова появляются в самых неожиданных контекстах. В настоящее время известно, что островки

двойного севооборота в Северной Франции (Эльзас, Румуа) образовались уже после окончания средних веков, а в Англии тройной севооборот вошел в систему только начиная с XII в. (в парижском бассейне — с IX в.). Как же можно отнести один за счет римских пережитков, а другой — германских новшеств? Более того, на Сардинии и вплоть до Сирии можно обнаружить формы, которые, как сначала полагали, имеют северогерманское происхождение... Не вся проделанная работа была тщетной, но ее вывод, с нашей точки зрения, негативен: «незыблемый сельский уклад» является мифом; в действительности его непрестанно задевали колебания огромной амплитуды, вызываемые демографическим, экономическим и технологическим развитием. Разумеется, нашествия придали некоторым из этих колебаний направление или дополнительный импульс, но мы не в силах определить, каким именно⁸³.

Что же нам остается после этого избиения младенцев? Прежде всего некоторые археологические данные. Переустройство многих английских земель при появлении саксов (однако разрушенная система была туземной, а никак не римской). Сохранение, не менее бесспорное, в самых разных районах Галлии и почти до самого *limes* сельскохозяйственных структур, порожденных cadastrом римских *agrimensores* (землемеров). Непрерывность истории некоторых населенных пунктов и ее отсутствие у стольких других. Короче говоря, каждый регион, может быть, угодья каждой деревни представляют особый случай. Понадобятся еще сотни монографий, прежде чем можно будет отважиться на обобщения, которые, опять же, прояснят лишь небольшое количество аспектов проблем нашествий в сельской среде.

Что же касается юридических данных, к которым мы вернемся более подробно в другом томе, то относительно их значения не следует обольщаться. Они допускают надежный вывод только тогда, когда касаются очень конкретного института: например, упоминание *jus tancianum* на табличках Альбертини можно воспринимать как признак

сохранения в вандальской Африке римских форм землевладения. Но что подумать об использовании в эпоху Меровингов таких растяжимых понятий, как *colonus* (колон) или *villa* (вилла)? Их выбор для обозначения реалий франкского общества подразумевает наличие определенной аналогии с одноименными римскими институтами, но, не имея других указаний, было бы опрометчиво пытаться идти дальше. Можно также сделать наблюдение статистического порядка: если в лексиконе юридических, военных и административных институтов изобилуют германские заимствования, то они почти полностью отсутствуют в применении к сельским, домениальным и сенюриальным институтам в зоне, оставшейся римской. Но какова ценность этого количественного признака для проблемы колонизации?

Следует также остерегаться относить за счет нашествий все волнения сельского населения. Например, в Испании, где во внутренних районах Леванта (*Carpetania*) наблюдается катастрофическое падение численности населения. Германцы здесь ни при чем — благодаря случайности хроники позволяют увидеть в ней последствие почти непрерывных эпидемий VI и VII вв.

Короче говоря, кажется, надлежит недвусмысленным образом придерживаться тех благоразумных позиций, на которых остановился Марк Блок в конце своей жизни⁸⁴. Следовало бы чаще совмещать дисциплины (прежде всего археологию, топонимию и историю права) на уровне локальных монографий, прежде чем снова дерзнуть взяться за целостные картины.

В) Варвары и города.

Нашли ли варвары себе место в городах? Разумеется, необходимо различать времена и народы.

В целом можно присоединиться к формулировке Тацита (*Germania*, 16): «Хорошо известно, что народы Германии не живут в городах», при том условии, что это неприятие городской жизни не будет преувеличиваться: в Германии были

oppida, обширные площади, огороженные стенами из земли, сухой каменной кладки и дерева, такие же, какие описывает Цезарь в Галлии, служившие убежищем в военное время и иногда полупостоянными населенными пунктами. Но ничто не указывает на то, что в них имела место экономическая деятельность или какой-то особый статус отличал их от окрестной местности. Ни один из них не сыграл роли «доурбанистического ядра» для городов каролингской Германии (зато их расположение с неизбежностью привело к тому, что на их месте появились укрепленные замки). Народы, далекие от Империи, оставались на этой первобытной стадии до конца VIII в. (когда появляются первые *emporia* (торговые центры) во Фризии и на берегах Балтики): этим объясняется непонимание англов и саксов при встрече с городом в Британии.

Однако большинство германцев уже соприкасалось с Империей вдоль *limes*, который по военным и экономическим причинам представлял собой цепь городов⁸⁵. Безусловно, в IV и начале V в. эти города были на пути к утрате своего престижа: великие памятники были разрушены, правящие классы бежали, торговля находилась в упадке. Однако они не менее сильно притягивали германцев. После начальной фазы разгула насилия все германцы выказали готовность сохранять и использовать городской феномен⁸⁶.

В Галлии, как и в Италии, прорыв 406 г. имел катастрофические последствия: чтобы в этом убедиться, нужно лишь прочитать знаменитое (и слишком литературное) письмо святого Иеронима к Агерухии или заметить в некоторых местах, например в Страсбурге, слой пепла. Согласно Гидацио, то же самое происходило и в Северной Испании. Но он ни коим образом не озnamеновал собой паузы в городской истории, сравнимой с провалом в III в.; ураган пролетел, и через несколько лет города Запада вернулись к прежнему ритму жизни в тех же самых топографических рамках, под тем же самым управлением, более или менее успешно восстановленным. Это был косметический ремонт, а не

снос. Некоторые города являли взору лишь жалкие «бараки для пострадавших от стихийного бедствия», но в большинстве из них по-прежнему господствовали здания, типичные для города Поздней Римской империи: *praetorium* (дворец наместника) и епископальная базилика.

Поскольку варвары, оставшиеся на территории Империи, рано или поздно становились федератами, уважение, которое они должны были выказывать Риму, распространялось и на города. Большинство германцев оседало в сельской местности; но их вожди, следуя примеру римских властей, обосновывались в городах. В каждом королевстве у двора имелась городская резиденция⁸⁷. Начало этому было положено вестготами в Бордо и Тулузе в 418 г. (затем в Нарбонне в 508, в Барселоне в 531 и в Толедо в 551 г.); затем короли вандалов поселились в Карфагене (439 г.), бургундов — в Женеве (ок. 443 г.) и Лионе (ок. 470 г.), свевов — в Браге (между 430 и 440 гг.?) и, наконец, франков — в Турне (до 481 г.), а позже, при Хлодвиге, — в Париже. Только остготы в 490 г. дерзнули выбрать для этого имперскую столицу Равенну; другие народы, возможно боясь быть «разложенными» римскими элементами, довольствовались провинциальными метрополиями или второстепенными городами; Трир и Арль были заброшены. Очевидно, эти королевские резиденции служили образцом: тому, что делал в своем городе король, в остальных подражали простые вожди.

Благодаря замечательным работам Л. Блонделя⁸⁸ мы знаем о том, как происходило внедрение варварского двора в структуру римского города в Женеве — это один из самых ранних примеров. В начале V в. город состоял из четырехугольной укрепленной цитадели на высоком холме, над которой доминировали дворец наместника, кафедральный собор и церковь Св. Германа, и обширного *suburbium* (пригорода), отводившего большее или меньшее пространство мертвцам и часовням. Этот облик восходил к III в. Бургундские короли

сохранили его. Они поселились во дворце наместника и пользовались его удобствами (банями, подземными печами для отопления комнат) и часовней, ничего в нем не изменив за поколение. Около 500 г. пожар в ходе гражданской войны частично его разрушил: вскоре он был восстановлен почти по прежнему плану (он пришел в упадок, только став бесполезным после франкского завоевания 534 г.). Кафедральный собор также без приключений пережил судьбоносный 443 г. Когда около 513–517 гг. король Сигизмунд, перейдя в ортодоксальную веру, реконструировал собор, он вполне сознательно подражал великим церквям имперских метрополий: сбоку к собору был пристроен круглый мавзолей, напоминающий усыпальницы императоров IV в. Наконец, без сомнения, при Гундобаде была реставрирована городская стена. Осевшие в этом городе бургунды, по сути, олицетворяли консервативное начало.

Бургундский король не жил в городе постоянно: в его распоряжении было две огромные виллы, Амберье в Домбе и Ка-руж на Арве. Это последнее поместье также было изучено Л. Блонделем: это была сильно перестроенная римская вилла, где на смену каменным строениям пришли деревянные здания германского типа; ее окружал ров (с палисадом?). Здесь государь наверняка вел жизнь, более созвучную его вкусам, а женевский дворец служил главным образом для церемоний.

Наблюдения, сделанные в Кельне, говорят о том же самом⁸⁹: франкское королевство на Рейне сохранило огромный дворец легатов Германии, и, конечно, именно он стал резиденцией короля. Везде, где это было возможно, происходило то же самое. Только в Британии имела место полная неудача. В Италии город сохранился без изменений, за исключением определенной сегрегации, неизвестной в римскую эпоху⁹⁰. В Африке некоторые разрушения на начальном этапе не получили продолжения⁹¹. Наконец, в Испании античная обстановка в большинстве случаев сохранялась во всей полноте, однако пришлось видоизменить Толедо, и

этот очень маленький город внезапно поднялся до уровня великой столицы⁹².

Уважение завоевателей к городской жизни не помешало тому, что их победа положила начало ее упадку; но их можно обвинять скорее в том, что они ему не воспрепятствовали, чем в том, что сами же его и вызвали. Чтобы в этом убедиться, достаточно одного мимолетного взгляда на эволюцию институтов. В момент появления варваров муниципальная автономия уже существовала только на бумаге. Курии сделались игрушкой в руках правительственный чиновников Империи, *defensor civitatis* (дефенсора города) и финансового инспектора, *curator* (куратора); роль куриалов часто сводилась к регистрации передач земельной собственности в *gesta municipalia* (городских регистрах). Эта пара антиподов курия — дефенсор надолго пережила завоевания. В Галлии курия Манса существовала еще в 642 г., Орлеана — в 651 г., Пуатье — в 677–678 гг., а дефенсор иногда сохранялся на юге и, главное, в Бургундии до IX и даже X в. Но эти пережитки не имели особого значения: на самом деле в городах лицом к лицу остались епископ и военные власти (герцог, граф), а эти последние охотнее жили в деревне, чем в городе⁹³. Дух древних институтов полностью умер, в основном от старческой немои.

VII. Проблемы цивилизации

А) Проблемы варварского искусства.

Эра нашествий совпадает с триумфом новой эстетики, которая на три или четыре века воцарилась на развалинах греко-римского классического искусства. Очевидно, не следует относить все новшества за счет варваров. Сильные течения, захватившие архитектуру (функциональное планирование зданий, исходя не из внешнего вида, а из внутренних помещений; сокрытие материалов, играющих архитектурную роль под декоративной облицовкой) или скульп-

туру (предпочтение, оказываемое скорее декоративному, чем фигурному, рельефу), не слишком зависели от этих пришельцев. Они были общими для Запада и Востока, черпая вдохновение либо у искусства Поздней Римской империи, либо у восточных влияний. Мы уже упоминали о том, к каким результатам приводили выходы на поверхность дотирмских туземных традиций. Остается рассмотреть собственный вклад варваров, германцев или иранцев, определить его границы и проследить развитие.

Этот вклад касается главным образом ремесел, хотя и не исчерпывается ими: работа с серебром и золотом, обработка металлов и, в меньшей степени, производство стекла и керамики (и, может быть, искусства, связанные с текстильным производством, о котором мы очень мало знаем). Отсюда и яркий контраст между «основными» и «малыми искусствами»: первые, не без задержек или оплошностей, обычно следуют импульсам из средиземноморского мира, в то время как вторые выказывают большую оригинальность и творческую энергию. Проблема состоит в том, чтобы узнать, откуда исходило это обновление? Было ли оно чисто германским? Однако археологические находки первых трех веков нашей эры, сделанные в независимой Германии, отмечают лишь предварительные, очень далекие от совершенства, шаги в развитии искусства. Следует ли связывать его с искусством степняков, особенно с иранским фактором? Но в действительности этот последний, видимо, занимал очень незначительное место в процессе нашествий. Или же нужно настаивать в основном на изменении вкусов самого римского общества накануне вторжений варваров под действием восточных влияний? Все эти три подхода (которые, впрочем, допускают множество нюансов) имеют своих сторонников⁹⁴.

Чтобы судить об этом здраво, необходимо выделить в новой ориентации искусства несколько элементов: а) эстетическая революция, привлекающая большее внимание к цветам и

линии контуров, чем к насыщенности форм и объемов; б) новый смысл движения, понимаемого как неизменно повторяющееся усилие, заполняющее любые рамки, пока они не треснут, проявление стихийной и неистребимой жизненной энергии; в) в то же время осуществляется сближение между эстетической и фактической ценностью произведения искусства. Самое утонченное искусство находит выражение на драгоценном металле, и художник никогда не забывает, что он прежде всего ремесленник. Его виртуозное мастерство проявляется скорее в чисто технической сфере (филигрань, эмали, золотое и серебряное травление и пр.), чем в поиске новых форм или выражений; г) наконец, искусство, за редкими исключениями, возвращается к анонимности; личное творчество отступает перед лицом коллективной традиции; любое произведение снова выпускается сериями, внутри которых допускаются лишь незначительные различия.

Никто не сомневается в том, что революция вкусов, с одной стороны, и возврат к анонимности, с другой, были общими чертами средневековья, как в варварских государствах, так и за их границами, — немало примеров тому предлагает коптское и сирийское искусство. Любой спор вращается вокруг двух других пунктов, прежде всего второго — анималистического декора, переполненного жизнью, но очень стилизованного, который заполонил ювелирное искусство. Начато и более детальное рассмотрение технологий и их применения.

Чтобы разрешить этот спор, здесь было бы очень кстати поговорить о технологиях, и прежде всего речь пойдет о золотых и серебряных изделиях в перегородчатой технике (небольшие перегородки служат оправой для цветных камней, гранатов, альмандинов и пр., а также эмалей или смальт ярких цветов, на фоне гильошированного золота). Эта техника появилась в Южной Руси, затем быстро распространилась на Запад по маршрутам готских и гуннских миграций. Оттуда же пришла мода на филигрань, зернь и чернь.

Таким образом, кажется разумным выделить три фазы. Первое обновление варварского искусства незадолго до 400 г. совпало с началом переселения на римскую территорию и было связано с южными влияниями (посредниками которых выступали федераты и леты). Затем начиная с середины V в. восточные влияния обусловили появление нового декора на основе перегородчатого золота, ярких камней и некоторых простых анималистических мотивов. Наконец, примерно в конце VI или в начале VII в. разрабатывается, возможно в лангобардской Италии, новая техника перегородчатого золота и орнамент, в котором животные преобразуются в плетеный узор невероятной сложности; эта последняя фаза была многим обязана римско-византийским малым искусствам⁹⁵. Понятно, что речь идет о постепенном процессе, сложном на всех своих этапах, который никогда нельзя объяснить одними заимствованиями.

К концу этой эволюции на Западе царит новый стиль, его единство поражает, тем более что внутри него наблюдается огромное региональное разнообразие: скандинавский и англосаксонский пояс, франко-лангобардский пояс, охватывающий почти все народы древней Германии, кроме саксов, и готский пояс, который в конечном счете ограничивается Иберийским полуостровом. Это одна из самых ярких иллюстраций воздействия, оказанного королевствами — наследниками Рима на весь германский мир, даже независимый.

Однако в этом стиле уже успели пробить брешь возвращающиеся средиземноморские влияния, доставляемые Церковью из Италии, Испании, а также саксонской Англии, — этот факт объясняется обстоятельствами ее обращения. Такие мотивы, как ветви с сидящими на них птицами, пальметта и лист аканта, быстро овладевают своими утраченными владениями, в то время как малые искусства в эпоху Каролингов уходят на второй план общего эстетического развития.

Нужно подчеркнуть, что даже наименее восприимчивые по отношению к варварскому искусству слои не выказывают

никакой приверженности к подлинно римской традиции. В искусстве, которое пользовалось их предпочтением, не было ничего классического. Вдохновлявшие его образцы следует искать у коптов и сирийцев, в туземных обществах восточного Средиземноморья, в то время переживавшего могучий ренессанс, причем передаточным звеном служили либо выходцы с Востока, все еще многочисленные по всему Западу (кроме Британии), либо Византия. Таким образом, с учетом всего сказанного, по духу оно было достаточно близко к исламскому искусству, которое отчасти сформировалось на тех же основах: отказ от иконографии, пристрастие к флористическому и геометрическому орнаменту, скульптура со слабо выраженным рельефом. Этим объясняется то, что Испания, которая в эпоху вестготов являлась западным оплотом восточного стиля в его христианской форме, смогла, не изменив себе, проявить столько творческой энергии, когда после 711 г. этот же стиль вернулся в нее в своем мусульманском обличье.

Б) Технический вклад варваров.

Мы только что видели, что варварский мир дал замечательных ювелиров, способных обновить и видоизменить свое искусство. Историки уже давно осознали этот вклад. Однако совсем недавно целая археологическая школа последователей Э. Салина и А. Франс-Ланора открыла нам, что это техническое превосходство распространялось также на сферу первостепенного значения — металлургию, а точнее, оружейное дело⁹⁶. Оказывается, варвары собрали или довели до совершенства разнообразные технологии, конечно, только ремесленные, но замечательные по своей изобретательности и эффективности, в области изготовления сплавов, закалки, ковки, сварки и т. д. Они научились выплавлять для лезвий своих мечей и топоров специальную сталь, которая оставалась непревзойденной вплоть до XIX в. и бесконечно превосходила все то, что могло дать серийное производство на мануфактурах Поздней Римской империи.

Заслуга Рима в этих новшествах выглядит ничтожной. Одни новшества стали возможны благодаря тому, что варвары развили приемы кузнецов доисторической эпохи, усовершенствовав их с чрезвычайной изобретательностью, другие — родились благодаря восточным влияниям. Они изучены главным образом во франкской Галлии. Так, одно и то же оружие там часто совмещает элементы очень разного характера (сердечник из мягкого железа и приваренные к этому сердечнику лезвия из закаленной стали), выкованные с бесконечным терпением (ковка под молотом, сварка, скручивание и шлифовка чередовались в течение долгого времени), а результат является собой истинное чудо виртуозного мастерства. Мы видим мечи с сердечником из восьми полос, перекрученных, перевитых, снова изогнутых, сваренных между собой, с лезвием, присоединенным к сердечнику с помощью сварки, и все это не больше 5 мм в толщину! Эта технология давала очень красивое оружие, прочное и замечательно упругое («слоеные» клинки из полос, наклеенных одна на другую, обладают в три раза лучшим сопротивлением на изгиб, чем простые). Этим объясняется и то эмоциональное восхищение, которое оно вызывало, которое находит отражение, хотя и с заметным хронологическим отставанием, в скандинавских легендах или эпических поэмах. Тексты раннего средневековья не сообщают почти ничего об этих технических знаниях (безусловно, потому, что они предназначались для посвященных, с которыми духовенство не было связано), иными словами, весь этот пласт меровингской цивилизации так и остался бы неведомым для нас, если бы в последнее время археология не обогатилась лабораторными методами.

Это открытие дает много материала для размышления. На фоне уже современного по духу галло-римского производства — посредственное качество, большие партии — рождается средневековая концепция предмета-шедевра, всегда уникального в каком-то отношении. С другой стороны, эксперимента-

торский эмпиризм франкских кузнецов создает разительный контраст с безропотностью современных им римских ученых перед школьными стереотипами. Не было ли здесь возможности для обновления, которая осталась не использованной из-за преждевременного приобщения элит к античной традиции?

В) Интеллектуальная жизнь варварской Европы.

Хоть с именем варваров и связаны несколько свежих идей в отдельных областях искусства и технологии, в интеллектуальную жизнь они не привнесли ничего существенного. Большинство религиозных учений, к которым они обнаруживают приверженность — прежде всего арианство, — возникли в средиземноморском мире. В готской литературе нет ничего оригинального — за исключением языка. Все посредственные сочинения германских королей, вроде Сисебута иди Хильперика, следуют традиции, заложенной латинским образованием. Единственный подлинно национальный элемент германской культуры — руническая письменность — не привлек ничьего внимания, кроме стопроцентного римлянина Венанция Фортуната, и практически никак не использовался. Следовательно, надо ответить только на два вопроса: в какой мере завоевания способствовали разрушению античной культуры и подготовили ли они рождение в последующую эпоху культуры германской?

Современники чувствовали резкие перемены только в отдельных регионах, например в Галлии. В Италии ничего подобного не наблюдалось вплоть до вторжения лангобардов; еще меньше в Испании, где в начале VII в. Исидор Севильский был истово предан античной традиции. Однако он был достаточно умен, чтобы признать, что в истории его родины готский период решительным образом сменил римский (впрочем, он надеялся, что они были одинаково блестящими)⁹⁷. Можно даже заподозрить в некоторой неискренности Григория Турского, сетующего с пафосом, что изящная словесность погибла. Без всякого сомнения, его язык хромал, а литературная

техника отличалась несовершенством, но то немногое от свободных искусств, что он еще хранил в памяти, не так уж далеко отошло от классической традиции⁹⁸.

Еще одно значительное изменение было еще менее заметен: это «интеллектуальная раздробленность римского мира» (Ж. Фонтен), превратившая каждый сектор древней Западно-Римской империи в почти автономную единицу. Подобно диалектной раздробленности (ср. стр. 151), этот интеллектуальный провинциализм намного старше варварских нашествий: он растет и ширится в IV в. Потрясения V в. его уничтожили. Но, по крайней мере, в двух странах, в Африке и Испании, провинциализм развивался и дальше. В готской Испании хранили верность своим последним великим авторам римской эпохи (Ювенку, Пруденцию, а главное, Орозию), но совершенно — несмотря на связи, некогда установившиеся между вестготами и остготами, — не были знакомы с работой, проделанной в Италии Кассиодором и Боззием⁹⁹. Усиление варварских государств лишь закрепило и усилило эту изоляцию: Исидор Севильский не только мало знает о Галлии, но и высказывает к ней некоторое презрение и враждебность, которые готы питали к франкам.

Поскольку преемственность в церковной культуре не оставляет никаких сомнений, усилия современных историков сосредоточены на проблеме выживания светской культуры. В своей известной статье¹⁰⁰ А. Пиренн поставил вопрос об образовании милян в меровингской Галлии. Он счел возможным дать положительный ответ, подтверждавший его излюбленный тезис о наличии преемственности между античностью и ранним средневековьем вплоть до арабских завоеваний. С тех пор его взгляды пришлось серьезно пересмотреть¹⁰¹: публичные школы античного образца сохраняются лишь на юге, а затем, в конце V в. или, в лучшем случае, в первой трети VI в., исчезают. У аристократов остается возможность обучения у домашнего учителя, а позднее (VII в.) — при дворного образования, в котором, впрочем,

интеллектуальный аспект не является главным. Вероятно, в школе можно было получить только юридическую подготовку. Впрочем, миряне для развития своей культуры не располагали ни библиотеками, ни дидактическими трудами по светской науке. В сфере их интереса лежало другое – воинская цивилизация.

В Испании картина более отрадна. Мы не знаем, что здесь стало со школой, но в течение всего VII в. графы еще владели библиотеками, а техническая культура оставалась достаточно распространенной, чтобы в конце VI в. епископ Мериды смог организовать бесплатную медицинскую помощь, собрав для этого многочисленных *medici* (врачей)¹⁰². Король Сисебут был образован гораздо лучше, чем Меровинг Хильперик. А главное, готская Испания стала ареной самых энергичных за все раннее средневековье усилий с целью обобщить и сделать доступным для новых поколений литературное наследие Поздней Римской империи и эпохи патристики: речь идет об «Этимологиих» и «Истории» Исиодора Севильского (первая треть VII в.). Безусловно, этими сочинениями пользовалось в основном духовенство, но преобладающее место в них занимала светская культура. Как показал Ж. Фонтен¹⁰³, во всем этом присутствует доля иллюзии: материальные и социальные условия живой античной культуры исчезли. Но эта упорная верность символична: Испания отказывалась признать тот факт, что античность умерла вместе с Римской империей, вплоть до 711 г.

В Италии в этой сфере, как и в остальных, античность, без малейшего сомнения, просуществовала до эпохи Юстиниана, причем обладала невероятной жизненной энергией: там по-прежнему рождались оригинальные мысли (прежде всего имеется в виду Бозций), а король Теодахад хвалился тем, что, подобно Антонинам, является философом на троне. Византийские императоры, отвоевав Италию, были полны благих побуждений: новая Империя восстановила систему высшего образования. Как и в Испании, техническая

культура выжила¹⁰⁴, и вся жизнь Григория Великого свидетельствует о том, что в конце VI в. Италия еще была способна рождать великие умы. Однако теперь круг носителей этой культуры был чрезвычайно узким. Если ему и удалось сохраниться в Равенне и с большим трудом восстановиться в Риме, то из всех остальных районов Италии его представители бежали в беспорядке (Венанций Фортунат бежал в Галлию в 565 г.). Даже те, кто выжил физически, находились в полном смятении. Символическое значение приобретает уход из мира, в калабрийский монастырь Вивариум, Кассиодора — того, кто в течение готской эры выполнял роль связующего звена между культурой и правительством. Лангобардское общество, в первую очередь, было военным и арианским; в правление лангобардов Италия была подобна белому пятну на карте культурной Европы; когда она приняла ортодоксальное христианство, было уже слишком поздно, и ее положение очень напоминает франкскую Галлию.

Гибель античной культуры не была результатом «Великих нашествий» — слишком абстрактного и обобщенного понятия. Она очень успешно пережила некоторые нашествия, особенно готское, а когда умерла, это случилось скорее не от самого потрясения, а от слишком смелого внедрения в социальную среду, которая в ней не нуждалась, видя свои идеалы в другом.

Эпоха нашествий не породила у германцев интеллектуальной культуры, заслуживающей этого названия. Разрозненные усилия, приложенные в этом направлении, имеют место либо до (создание рун, деятельность Вульфилы), либо после (немецкие авторы каролингской эпохи) этого социального и политического кризиса, очевидно неблагоприятного для расцвета мысли. Однако когда эта культура наконец родилась, то с предубеждением отнеслась к этой блестательной эпохе. Нашествия служат фоном почти для всего германского эпоса. «Песнь о Хильдебранде», записанная в Фульде около 810–820 гг., отражает борьбу Теодориха против Одоакра, а все последующие значимые тексты

(«Видсид» в Англии, эпическая поэма «Эдда» и «Сага о Вольсунге» в Скандинавии, «Песнь о nibelунгах» в Германии) вдохновляются памятью о двух веках, отделяющих столкновение готов и гуннов на Украине в 375 г. от завоевания Юстинианом Италии. Поразительно, что исландские ученые, записывая тексты «Эдды» примерно в XII в., правильно транскрибируют унаследованные от 700-летней устной традиции названия Карпат (*Harfadhafjöll*) и Днепра (*Danpr*), имена Германариха (*Jörmunrekr*) и Аттилы (*Atli*). У англосаксов, при всей их удаленности от событий на континенте, придворный поэт (*scöp*) считал себя обязанным украсить свое сочинение все теми же готскими и гуннскими именами¹⁰⁵. В этом эпическом мире господствуют три или четыре персонажа: два гота, Германарих и Теодорих; гунн Аттила; возможно, еще франк Теодорих, сын Хлодвига, довершивший завоевание Германии¹⁰⁶.

Г) Рикошет по Германии.

Для германской цивилизации серьезной неудачей было то, что государство остготов рухнуло, а франков – устояло. Теодорих испытывал по отношению к германцам, остававшимся за пределами Империи, чувство солидарности, о чем свидетельствует переписка Кассиодора и изобилие наемничих денег, найденных повсюду вплоть по Скандинавии. Хлодвиг и его потомки, очевидно, не ощущали ничего подобного; они предоставили своим братьям за Рейном самим искать выход. Меровингское общество почти не интересовалось своими германскими протекторатами. В интеллектуальной области эта истина подтверждается тем, как удивительно не скоро за Рейн проник алфавит. Руны, которые на материке пользовались лишь ограниченным успехом, здесь исчезли в VII в., оставив после себя пустоту, которая так и оставалась невосполненной до IX столетия¹⁰⁷.

Эта реакция распространилась и на религиозную сферу. В Германии, вплоть до эпохи английских миссионеров в самом конце VII в., евангельская проповедь была уделом

частной инициативы, исходившей из римской среды, сохранившейся вблизи лингвистической границы. Деятельность этих миссий, медленная и неуверенная, увенчалась лишь отвоеванием левого берега Рейна и созданием нескольких опорных пунктов в Гессене и Алемании¹⁰⁸. Конечно, большая часть правящего класса, поддерживающего контакты с королевским двором, приняла ортодоксальное христианство, кое-где было возведено несколько церквей, но не существовало никакой церковной организации, никакой религиозной культуры. Казалось, тотальное бессилие поражало франкскую Церковь, как только заходила речь о том, чтобы выйти за унаследованные от Рима границы.

Даже в экономическом плане меровингская Галлия не смогла передать зарейнским землям столь необходимый для любого развития элемент, как монета. Невероятная скучность меровингских монетных дворов удивительным образом редеет уже на подступах к Рейну, а на той стороне реки не было создано ни одного заметного цеха, если не считать Фризии (которая, несомненно, избежала политического господства франков). Хождение монеты в зарейнской Германии не существовало до самой каролингской эпохи: в этом регионе по-прежнему расплачивались драгоценными металлами на вес¹⁰⁹. Городская цивилизация также не была привита в этих землях.

Подобная реакция ставит перед нами вопрос, некоторые социальные аспекты которого были хорошо изучены Р. Шпранделем¹¹⁰. Он показал, что вопреки экспансии за Рейн в VI в. продолжала существовать римская концепция границы цивилизованного мира, проходящей по этой реке. Новая аристократия, возникшая в результате сближения франкских завоевателей и сенаторского класса, отвернулась от восточных регионов. Это негативное отношение изменилось только с воцарением Пипинидов во второй половине VII в. — тогда же, когда центр тяжести франкского государства, до тех пор привязанный к району Сены, Марны и Уазы, сместился на северо-восток¹¹¹.

Создается впечатление, что политика Теодеберта и Парфения — если она вообще проводилась — ориентировалась на совершенно иные перспективы, как и послужившая ей образцом политика Теодориха. Однако столетие, протянувшееся со смерти Хлотаря I (561 г.) до прихода к власти Пипина Геристальского (679 г.), можно считать подлинной катастрофой для Германии.

VIII. Проблемы институтов

А) Юридические рамки варварского общества.

Изучение институтов варварской Европы не является предметом данной книги¹¹². Однако необходимо подчеркнуть, что европейская цивилизация зиждилась не на примитивном антагонизме между «римским» и «германским». К моменту падения Империи римское право уже утратило свою монолитность. Все современные исследования стремятся распознать за фасадом классического права, которое в конце концов одержало верх с кодификацией Юстиниана, право вульгарное, из провинциальной практики, иногда вторгающееся в имперское законодательство, начиная с эпохи Константина.

Кажется доказанным, что римские кодексы, составленные при варварском владычестве («Бревиарий Алариха» для вестготского государства в 506 г.; «Lex Romana Burgundionum» (Римский закон бургундов) у бургундов в начале VI в.; «Edictum Theoderici» (Эдикт Теодориха) того же времени у остготов; «Lex Romana Curiensium» (Римский закон города Кур) VIII в. в Речии)¹¹³, основываются на вульгарном праве, успех которого на Западе уже не мог сдержать авторитет Империи. Так же глубоко это право проникло и в законы, предназначенные для самих варваров. Но не зашла ли «вульгаризация» еще дальше? Именно так полагает целая школа историков права, особенно в Испании¹¹⁴.

Что же касается германского права, то, поскольку оно фиксировалось на латыни, мы никогда не встречаемся с ним в чистом виде. Самые архаичные черты оно снова приобретает у франков (*Салигская правда из 65 статей*, около 507–511 гг.) и лангобардов (Эдикт *Ротари*, 643 г.). Несмотря на свою раннюю дату, первое законодательство вестготов (*Кодекс Эвриха*, около 470–480 гг.) и бургундов (*Loi Gombette*, около 501–515 гг.) отражает значительные заимствования из римского права. От германского права остготов и вандалов ничего не сохранилось. Аламаны и бавары уже утратили независимость, когда составляли свои законы (*Pactus Alamannorum, Lex Bajuvariorum*): они содержат заметные заимствования из салического, готского и канонического права. Прочие варварские законодательства (*рипуариеев, тюингов, франков-хамавов*) представляют собой вторичные компиляции, появившиеся в VII, VIII и IX вв. на основе Салической правды. Английские законы — единственные, написанные на германском наречии (Законы Этельбрета Кентского, конец VI в.), — составляют отдельную группу.

На основании древнейших из этих текстов можно с легкостью выявить общий «дух» варварского права, для которого характерны следующие черты: исключительно устная и формалистическая процедура, персональность права, важная роль поручителей и ордалий, тарификация денежных штрафов (*wergeld*), кровная порука и пр. Все эти особенности, несомненно, были частью общего германского наследия: многие из них обнаруживаются и в скандинавском праве, зафиксированном в письменном виде в XII в., — учитывая, что оно создавалось независимо от римского влияния. Однако во многих варварских правах можно отыскать римские идеи или новшества.

Красноречива сама идея кодификации: римляне создавали кодексы, частные или официальные, начиная с конца III в. (*Григорианский кодекс*). Нельзя исключить и того, что с персональным правом летов и федератов познакомила, хотя бы и

неофициально, вульгарная римская практика. Некоторые статьи Салической правды относительно вергельда настолько благоприятны для королевской власти (тройной размер вергельда за людей короля, причем значительная часть денежного штрафа отходит королю), что они, безусловно, представляют собой поправки, внесенные после усиления династии Меровингов¹¹⁵.

С другой стороны, римские идеи достаточно быстро скazyвались на варварской практике, чтобы несколько королевств отказалось от некоторых своих «основополагающих принципов». Так, государство вестготов, оставившее после себя более всего законодательных памятников, отказалось от персональности законов в пользу римской (и современной) идеи территориальности. Когда и как? Споры продолжаются и по сей день.

Приверженцы традиционной интерпретации считают, что готы жили по «Кодексу Эвриха» (около 470–480 гг.), пересмотренному Леовигильдом (около 570–580 гг.), а римляне – по «Бревиарию Алариха» (506 г.). «Книга судей» Реккесвinta (654 г.), запрещавшая обращение к иным законам под страхом штрафа, породила территориальное право, впоследствии отчасти переработанное Эрвигом (*lex renovata* от 681 г.) и, безусловно, Эгикой (693 г.). Но мы уже давно задаемся вопросом: не существовал ли принцип территориальности еще со времен Леовигильда? В 1941 г. Гарсиа Галло выдвинул новую версию: он предложил отнести возникновение территориального права к еще более раннему периоду¹¹⁶; это самая крайняя позиция. Алваро д'Орс считает, что «Кодекс Эвриха» не является очень древним образчиком германского права и представляет собой иное, как памятник вульгарного латинского законотворчества, составленный под влиянием галльских юристов и территориальный по характеру¹¹⁷. По его мнению, германские черты по-настоящему проявились, возможно, под франкским влиянием, только начиная с Реккесвinta, а вестготы так и не знали персонального права.

Еще слишком рано судить, какова будет судьба этих гипотез. Однако было бы слишком рискованно предполагать существование персонального права в конкретной стране, если документы правовой практики (которые отсутствуют в Испании) не подтверждают этого явным образом через обращение к *professio legis*.

Аналогичные сомнения высказаны Роэльсом в отношении бургундского законодательства¹¹⁸. Нет никакой уверенности в том, что «Бургундская правда», с одной стороны, и «Римский закон бургундов», с другой, представляли собой два параллельных официальных текста, предназначенных один для германских, а второй для римских подданных бургундского короля. Вполне возможно, что так называемый «Римский закон бургундов» (заголовок придуман современными учеными) был всего лишь частной компиляцией¹¹⁹, а «Бургундская правда» была территориальной.

В таком случае следовало бы допустить, что готское и бургундское право стало персональным только в рамках франкского государства, после завоевания Бургундии сыновьями Хлодвига и после включения Септимании в королевство Пипина Короткого. Таким образом, с самого начала персональное право могло бы существовать только в меровингском и лангобардском обществах, то есть в государствах, принадлежащих ко второму поколению варварских королевств.

Б) Структура варварского государства.

Варварские государства первого поколения, основанные восточнонемецкими народами в средиземноморском бассейне, выказали мало изобретательности в сфере политики. Они заимствовали основные пружины своей центральной и локальной администрации у Рима, правительства Равенны или префектур претория и сохранили фундаментальное различие между гражданской и военной службой, закрепившееся со времен Диоклетиана. Государствам второго поколения, главным образом меровингскому и лангобардскому, пришлось гораздо шире вводить новшества, отказавшись от

целых пластов античных политических структур, а также иерархической и служебной лестницы, учрежденной в эпоху тетрархии.

Механизм римского правительства делился на три уровня: императорский двор, префекты и викарии, наместники провинций. Только Одоакр и Теодорих в Италии сохранили их целиком. Перенесемся во времена Теодориха, когда переписка Кассиодора позволяет узнать о государственной структуре больше, чем это возможно в любом другом варварском королевстве. То, что осталось от императорских прерогатив — король готов вовсе не претендовал на все, — принадлежало Теодорику. Его окружали высшие руководители служб: *magister officiorum* (магистр оффиций), *quaestor palatii* (квестор дворца), *comes sacrarum largitionum* (комит священных щедрот), отвечающие за ведомства канцелярии, корреспонденции и финансов; все обладатели этих постов были римлянами, готские графы служили лично государю и занимались военными вопросами. На промежуточном уровне сохранялись префекты преториев Италии и Галлии, а в Риме и Арле существовали викарии. На низшем уровне провинции, как всегда, поручались *consulares* (консулярам), *correctores* (корректорам) и *praesides* (президам). Короче говоря, ничего не изменилось.

Другим государствам, в чьем распоряжении не оказалось ни столицы, ни префектуры, пришлось довольствоваться более простыми механизмами, дополняя домашние институты германского происхождения, которые встречаются повсеместно, канцеляриями, копирующими, в большей или меньшей степени, аппарат наместников провинций, и некоторыми элементами, позаимствованными у равеннского или византийского двора. В Толедо в введение *officium palatinum* входило управление, правосудие, финансы и хозяйственные функции; провинции были расчленены на военные округа, подчиняющиеся герцогам¹²⁰. В Лионе путаницы было несколько меньше (нам известен квестор дворца — безусловно, канцлер и майордом), но провинциальное

деление также было забыто. В Карфагене *praepositus regni* (препозит дворца) один руководил всеми ведомствами, память о провинциях как о географических единицах сохраняется, но во главе их более не стоит представитель центральной власти. В вестготском и бургундском королевстве всю полноту административных полномочий получил *comes civitatis* (комит (или граф) города), чиновник, чей пост был создан еще в гибнущей Империи. Наконец, повсюду основные средства государству по-прежнему приносила римская налоговая система; налоги взимались с римского населения с помощью римского кадастра, реестры которого более или менее регулярно обновлялись; повсеместное освобождение от налогов крупных землевладельцев-варваров одновременно уменьшало доходность и увеличивало налоговое бремя.

В государствах второго поколения память об имперских ведомствах стерлась, гражданская администрация была в большей или меньшей степени поглощена дворцовым аппаратом или военными институтами, а государственные налоги играли лишь второстепенную роль наряду с доходами от земель и имущества короны, а также и судопроизводства (остатки косвенных налогов были гораздо более жизнеспособными). У франков ничего не сохранилось от грандиозных институтов римской администрации; к концу VI в. античные кадастры были заброшены (кроме Речии, где они доведены до VIII в.), и никакое территориальное деление даже отдаленно не напоминало древних провинций; вся местная власть принадлежала графам и герцогам — исходно военным чинам. Дворец лангобардского короля, возможно, под византийским влиянием сохранил наименование *sacrum palatium* (священный дворец) и должность рефендария (главы канцелярии); но большинство крупных должностей (*marpahiz, stolesaz, scipoz*) имеют германское происхождение, в то время как остальные копируют иерархию равенского экзархата (*vestararius, cubicularius*). Прямой государственный налог практически исчез, а провинции, которые

серьезно повредила граница между лангобардскими и византийскими владениями, уступили место герцогствам.

Точное происхождение административных институтов варварской Европы установлено только в двух или трех случаях¹²¹. Важнейший из них связан с институтом графской власти. *Comes civitatis* (комит города) появился в самые последние годы Западно-Римской империи; первоначально это был сановник из императорского окружения (отсюда и его название: он принадлежал к *comitiva**), назначенный на пост первостепенной важности, где он какое-то время осуществлял гражданское и военное командование¹²². Однако стремительное и повсеместное распространение этого института, в 476 г. еще находившегося в зачаточном состоянии, объяснить довольно сложно; вероятно, несмотря на свою политическую раздробленность, Запад все еще обладал ощутимым юридическим единством. Возможно, Толедское королевство готово сыграло в этом процессе решающую роль: «Кодекс Эвриха» уже расценивает присутствие комитов (графов) в городах как естественное явление. В Галлии этот институт в VI в. был характерен преимущественно для юга; на севере же он получил распространение только в VII в.¹²³ В готской Италии комит города встречался лишь местами, когда реконкиста Юстиниана на время уничтожила этот институт; но государство лангобардов, в свою очередь, восстановило эту должность. Что касается дуксов (герцогов), чья власть всегда сохраняла в основном военный характер, то их римское происхождение еще более очевидно, но в готской среде порой можно заметить, что их функции смещаются в сторону прежде всего гражданской власти наместника провинции¹²⁴.

Необходимо напомнить об интересной попытке Эрнеста Бабю связать меровингскую административную иерархию с римской военной иерархией¹²⁵. Его гипотеза грешит некоторой

* *Comitiva* — здесь: окружение императора. — Примеч. ред.

систематичностью, но все равно достойна глубокого критического осмысления. Бабю предполагает, что в середине V в. имела место всеобщая «инфляция» титулов: почти все трибуны стали комитами, поднявшись на одну ступень, а некоторые комиты — дуксами. Утверждение этих трибунов-комитов в городах объясняется тем, что именно там находились пункты годового содержания армии¹²⁶.

В) Проблема режима гостеприимства.

Юридическая основа для поселения в Империи первых крупных варварских народов обеспечивалась договором (*fædus*), который, с одной стороны, гарантировал (по крайней мере, теоретически) соблюдение новоприбывшими законов Рима, а с другой — уточнял условия проживания и снабжения варваров продовольствием за счет римлян. Самое большое значение для истории поселения имеет положение о «гостеприимстве». Этот термин обозначает предоставление каждой небольшой группе (семейной или воинской) варваров какой-то земельной собственности Рима — иногда даже не одной — с целью обеспечить ей средства к существованию и кров. В принципе, а нередко и на практике, подобный режим является глубоко консервативным: он сохранял особые права собственников, границы и структуру поместий, так как предоставлял варварам только права пользования ими. Он позволил избежать конфискаций и беспринципного насилия: варвар — в том случае, если он благоразумен — должен быть заинтересован в успешном ведении хозяйства, часть прибылей от которого достается ему. Теоретически расторжение договора или переход варваров в другое место восстановливало римского собственника во всей полноте его прав. Фактически варвары имплантировались в римскую среду, но должны были понимать, а зачастую имитировать совершенно новый для них сельский уклад. Если режим гостеприимства существовал достаточно долго, то становился мощной движущей силой ассимиляции.

Тексты позволяют установить, что «гостеприимство» было оказано, по крайней мере, пяти народам: вестготам, бургундам, остготам и, ненадолго, аланам и вандалам. Кроме того, оно, безусловно, служило примером, более или менее осознанным, для других поселенцев, не заключавших договор по всей форме. К несчастью, сведения об этой важнейшей теме довольно расплывчаты и неполны; стоит немалого труда перевести их в конкретные термины, а интерпретации, предлагаемые современными историками, весьма противоречивы¹²⁷. Нам неизвестны подробности статей первого крупного договора о гостеприимстве, заключенного в 418 г. между патрицием Констанцием и вестготами Валлии. Условия не везде были одинаковыми; они различались в зависимости от численности размещаемых на поселение народов и протяженности регионов, предназначенных для их проживания: вестготы и бургунды, поселившиеся на достаточно ограниченных пространствах, как правило, получали две трети земли, в то время как остготы, имевшие в Италии больше простора, довольствовались одной третью¹²⁸. Рассмотрим вкратце основные составляющие «гостеприимства».

Кто из римских землевладельцев подлежал этой обязанности? Она касалась только крупных поместий аристократии (текст, касающийся бургундов в 456 г., упоминает только о разделе земель с галльскими сенаторами)¹²⁹. В нескольких случаях (нам известно главным образом об аланах в Валентину в 440 г.) речь в первую очередь шла о заброшенных имениях¹³⁰. Почти всегда этот режим вводился в ограниченном регионе. Забота о сохранении сплоченности варварской армии брала верх над необходимостью справедливого распределения повинностей. С уравнительной системой мы сталкиваемся только в государстве с самой лучшей администрацией — в Италии Теодориха: собственники, не предоставившие трети своей земли готам, должны были отдавать треть своего дохода в государственную казну (без сомнения, чтобы содержать готов, размещенных в

городах и на *limes*). В остальных случаях сама разбросанность крупных патrimonий приводила к установлению некоторого равенства.

Техническое название доли, предоставляемой постояльцам-варварам, — *sors*, «надел». Но каков был ее размер? У вестготов и бургундов она составляла две трети земель (тогда часть, оставленная римлянам, называлась *tertia* (треть)); у остготов — треть (в этом случае слово *tertia* обозначало готскую часть); нам неизвестно, сколько отводилось аланам и вандалам. Понятие «трети» имело долгую историю: в эпоху Поздней Римской империи так называлась повинность землевладельцев в отношении солдат и чиновников во время их официальных миссий, прибывших с ордером на расквартирование; Одоакр, размещая свои войска, вновь прибег к этой повинности. В Италии к варварам относились как к солдатам на постое у местного жителя¹³¹. Доля, равная двум третям в Галлии и Испании, выглядела новшеством.

Эта пропорция не применялась одинаково ко всем составляющим поместья. «Бургундская правда» (статья LIV), самый ясный для понимания документ, указывает, что бургунды получали 2/3 земли, 1/3 рабов, 1/2 лесов, *curtis* (центр хозяйства) и фруктовых садов. Это отклонение от нормы объяснить непросто: по-видимому, римлянин сохранял более широкие права на основное имущество, чем на участки, отдаваемые в аренду. Так как прямой доход от основного имущества, скорее всего, был более высоким, римлянин в конечном счете должен был получать примерно половину прибыли.

Разделы проводили римские чиновники. Лучше всего их деятельность прослеживается на примере готской Италии. Руководство этой работой было поручено талантливому чиновнику, префекту претория Либерию, который познакомился с похожим режимом на службе Одоакра. По его указаниям *delegatores* (уполномоченные) проводили раздел и составляли письменные акты (называвшиеся *pittacia*, как и старые ордера на постой).

Сложнее всего понять, как именно происходил раздел. Варвары действительно получали треть или две трети земли и приступали к ее обработке своими руками или, возможно, привлекая рабов, которые входили в их долю? Или же по-настоящему распределялся только урожай? Варвары занимали часть хозяйствского дома или строили себе отдельное жилище? Образовывали ли поля варваров единое целое внутри поместья? Представляется, что практические решения варьировались в общих рамках, очерченных *fædus*¹³².

Право варвара-постояльца на свой надел лишь очень постепенно приобрело характер квазисобственности. Бургундское законодательство делало римлянина единственным законным представителем поместья в имущественных исках и оставляло римлянину возможность выкупить в случае отказа постояльца. По закону вестготов раздел и права постояльца становились незыблемыми только по прошествии 50 лет. Как истинный собственник, римлянин оставался, по крайней мере, у вестготов единственным платильщиком поземельного налога, взимавшегося только за ту часть, которой он продолжал пользоваться. В частности, в королевстве Теодориха закон рассматривал римлянина и его постояльца как совладельцев (*consortes*), связанных совместным пользованием (*communio praediorum*).

Кроме исключительных случаев (вроде вопроса о целине в бургундском законодательстве), в текстах всегда выступают только один римлянин и один варвар. Это позволяет думать, что у варваров-поселенцев существовал некий предводитель, отвечавший за своих людей. Можно предположить, что это способствовало установлению отношений более или менее выраженного господства между варварской *optimates* (знатью) и массой простых воинов, получавших от них право пользоваться землей. Таким образом, две аристократии — римская и варварская — оказались как будто на равной ноге¹³³.

О психологических условиях сосуществования нам мало что известно. Имел место случай, когда достичь согласия не

удалось — речь идет об аланах Гоара, без сомнения поселенных Аэцием на Луаре в 442 г. Эти кочевники не смогли добиться взаимопонимания с галлами и с оружием в руках изгнали *domini* (хозяев) выделенных им земель. История вандалов, которые предпочли «гостеприимству» откровенную конфискацию, развивается в том же ключе. Раздел мог принести успех только в ситуации с уже сравнительно цивилизованными народами.

Главное преимущество «гостеприимства» заключалось в том, что варвары получали земли, необходимые для существования, без насилия; при этом вся тяжесть такого режима легла на тех, у кого были средства¹³⁴. Варвары извлекли сиюминутную выгоду от регламентированной процедуры (так как, таким образом, вместе с землей они получали часть доходов от ее эксплуатации); но в далекой перспективе она принесла пользу римской цивилизации: новоприбывшие, расселившиеся небольшими группами, встраиваясь в римскую аграрную структуру, легче ассимилировались.

Можно задаться вопросом — не были ли самыми прочными оплотами германского мира более компактные колонии, обосновавшиеся на казенных землях, унаследованных от императорского патrimonия или конфискованных у бежавших хозяев. Но не станем преувеличивать значение договоров о «гостеприимстве». Они коснулись почти исключительно варварских государств первого поколения, зародившихся до конца V в. в средиземноморском бассейне. Однако наиболее долгосрочный симбиоз был достигнут как раз в государствах второго поколения, причем на севере меровингской Галлии.

Глава VII

ЛОКАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

I. Средиземноморский мир

А) Нашествия и разрушение единства Средиземноморья.

Средиземное море обеспечивало римскому Западу сплоченность и единство. И отнюдь не по стратегическим или морским причинам: постоянные эскадры, базировавшиеся в Мисене и Равенне, исчезли еще при Северах. Дело было в основном в экономических мотивах. В государственной экономике Поздней Римской империи фундаментальную роль играли роды *navicularii* (привилегированных судовладельцев). Они тяготели к Италии, особенно к Риму, который не мог обойтись без ежегодных караванов судов, груженых пшеницей из Африки, Сицилии или Сардинии¹. Таким образом, любые события, происходившие в средиземноморском мире, и особенно в его центральной части, сильно били по Империи. С другой стороны, патrimonии аристократии были разбросаны по всей средиземноморской области, точно так же, как чиновники администрации делали карьеру во всех уголках этого региога².

Зато варварскому Западу накануне исламских завоеваний чрезвычайно недоставало единства. Прекратили курсировать флоты, перевозившие годовые запасы продовольствия, а Рим перестал быть центром всеобщего притяжения. Товарообмен с Востоком, в том объеме, в каком он сохранился, велся напрямую (несмотря на государственный контроль над отбытием и прибытием) и носил частный характер.

За исключением профессиональных торговцев и дипломатов, больше никто не путешествовал из одной страны в другую, и под страхом обвинения в измене владеть землями теперь можно было только в каком-то одном секторе средиземноморского региона. Италия, Испания, Африка (и Галлия в ее средиземноморской части) действовали порознь. Нашествия ли повинны в этом разрыве? Вот в чем состоит главная проблема³.

Первый серьезный контакт варваров со Средиземноморьем произошел в результате набега Алариха и разграбления Рима. Его следствием стало укрепление средиземноморского единства благодаря перемещению беженцев. Депопуляция Рима⁴ должна была повлечь за собой количественное сокращение морских караванов с продовольствием (*convois anponnaire*), но в момент, когда вандалы заняли Карфаген, они еще не утратили свое политическое и экономическое значение.

Заслугой Гензериха было то, что он ясно осознавал это положение. Главным рычагом его политики, по-видимому, стал хлебный шантаж. Чтобы он был эффективен, следовало удержать за собой три основных источника зерна: Гензерих владел Африкой с 439 г., на следующий год он напал на Сицилию, а к 455 г. захватил Сардинию. Нужен ли был еще и военный флот? Куртуа, который видит в этом короле основателя «хлебной империи», полагает, что реквизированных кораблей, перевозивших хлеб, было достаточно для любых нужд. Ф. Гиунта, для которого Гензерих не более чем пират, считает, что это ремесло требовало более солидного военно-морского оснащения⁵. Рассудить их не позволяет отсутствие текстов. Во всяком случае, при жизни Гензериха вандалам удавалось использовать свои корабли таким образом, чтобы причинять римлянам максимум беспокойства. С 437 по 477 г. о пиратах-вandalах идет молва почти по всему Средиземноморью⁶. Вершиной их деятельности стало взятие Рима в 455 г., принесшее колossalную добычу в виде движимого имущества и рабов. При наслед-

никах Гензериха вандальское мореходство ограничилось оборонительными задачами и поддержанием связей между Африкой и островами через центральную часть Средиземного моря⁷.

Какая часть древних структур уцелела в этом ужасном кризисе? Одоакр сумел восстановить продовольственные перевозки с Сицилии, договорившись с Карфагеном, а Теодорих сохранил этот *modus vivendi* (способ существования). Корпорации, отвечавшие за снабжение Рима, *catabolenses* и *navicularii*, не прекращали функционировать и в готскую эпоху; они поставляли зерно из Апулии. Но представляется, что караванов из Африки и с Сардинии больше не было — и это главное. Африканское сельское хозяйство было вынуждено функционировать в замкнутом круге, а Италия сумела обойтись без его услуг. Личные отношения, видимо, оказались практически разорванными. Разрушение Рима в ходе готских войн сделало тщетными всякие надежды на возврат к прошлому. Юстиниан не восстановил рухнувшего экономического и социального единства.

Таким образом, решительный поворот произошел несколько раньше падения Империи как института. Начиная с 440–460 гг. каждую страну средиземноморского Запада следует рассматривать как автономную единицу. Даже их отношение к византийской реконкисте, которая в большей или меньшей степени коснулась их всех, было различным.

Кое-кто доходит до того, что возлагает на Гензериха ответственность за конечное разрушение Империи⁸. Это слишком сильно сказано. Однако он положил начало той относительной изоляции, в которой отныне оказались Испания и Африка по отношению к Италии и, в меньшей степени, Галлии. Из одной страны в другую теперь перемещались лишь единицы.

Следствием этой раздробленности стало то, что большинство средиземноморских островов полностью кануло в безвестность. Никто не заинтересовался ими между падением королевства вандалов и началом эры сарацинских пиратов около

800 г. Корсика и Сардиния, вопреки византийскому или франкскому протекторату, лишенному практического значения, приспособились жить «под колпаком», повернувшись спиной к морю. Уже Юстиниан контролировал на них только прибрежные равнины и горнорудные районы. Завоевание Италии лангобардами, а после — Карфагена арабами прервало последние связи. Сардинские племена, без сомнения, усиленные за счет *Barbaricini*, изгнанников из Африки, получили фактическую независимость, такую же, как мавры «забытой Африки». Сардиния и Корсика стали «забытой Италией».

Следующей жертвой пала Далмация. Оставшаяся в составе *pars Occidentis* (Западно-Римской империи) в результате разделов IV в., она следовала судьбе Италии вплоть до падения остготов. Безопасность обеспечивалась связями, доходившими до самого Дуная, которые остготы сохраняли у себя в тылу. Византийская реконкиста привела к тому, что Далмации пришлось разделить горькую участь Балкан. С 600 г. славяне осаждали Фессалоники, которые были разрушены аварами около 614 г.; жители заперлись в руинах укрепленного дворца Диоклетиана, а мощи святых были перенесены в Рим папой Иоанном IV (640–642). Родина стольких императоров Восточно-Римской империи надолго перестала играть какую-либо роль в жизни Запада.

Каждому из новых средиземноморских государств, вынужденных довольствоваться лишь собственными ресурсами, пришлось отказаться от части своей территории, позволив ей стать местом выхода на поверхность «туземного варварства». Италия потеряла острова, кроме Сицилии; Испания — Страну Басков, а Африка — всю свою западную часть: здесь мы сталкиваемся с той же знакомой проблемой.

Б) К сравнительной истории германских государств в средиземноморском регионе.

На любой странице истории чувствуется, что государства, основанные готами, вандалами и, в меньшей степени,

бургундами, принадлежат к совершенно иному типу, нежели меровингская Галлия, англосаксонская Англия и лангобардская Италия⁹.

Их оригинальность заключается прежде всего в нерушимой верности античности, не только интеллектуальным и политическим структурам, но, кроме того и в основном, в сфере экономики: монетарная экономика и товарообмен с удаленными районами, крупная земельная собственность и применение рабского труда в сельском хозяйстве сохранили свои формы, присущие Поздней Римской империи. Римляне там по-прежнему были представлены своей традиционной элитой, сенаторским классом. Кроме того, для проблемы сосуществования варваров и римлян повсюду было найдено одно и то же, дуалистическое, решение (чему благоприятствовало арианство): общие для обоих народов институты были созданы только на вершине — в лице монарха и его непосредственного окружения. Римляне по-прежнему жили в своих городах, часто еще в своих провинциях, а варвары — в своих военных округах; существовало два правящих класса, и они не смешивались. Там, где налиничествовал этот дуализм, освобождение силами византийской армии было осуществимо: можно было снять весь варварский пласт — вандалы и остготы исчезли, не оставив следов, — кроме того, еще не умерла римская организация, теоретически готовая функционировать, тогда как невозможно представить себе, что осталось бы от Галлии при устраниении франков. Подлинная черта между античностью и средневековьем пролегла только тогда, когда античные механизмы окончательно утратили способность работать: государства Эвриха, Гензериха, Теодориха, Гундобада определенно стоят по одну сторону этой границы, а королевства Хлодвига, Реккареда и Ротари — по другую.

Сравнительное исследование можно распространить и на другие сферы, например, политических отношений. Сначала варварский Запад прошел стадию отчуждения, презрения или открытой вражды по отношению к Империи, и

стадия эта достигла своего апогея вместе с Гензерихом; между народами шла яростная борьба. Потом все меняется, но не в момент свержения безликого Ромула Августула, а с воцарением Теодориха в Равенне в 493 г. варварский мир организуется, и радикально консервативное государство остатков становится его краеугольным камнем, возрождаются связи с Империей, а варварство — в уничтожительном смысле этого слова — повсеместно отступает. Это плодо-творная тема для исследования.

В) Вокруг готов и свевов.

Мы уже проследили миграцию основных ветвей готской группы¹⁰. Этим, конечно, тема не исчерпывается, и немало чернил пролито по поводу малоизвестных второстепенных и даже воображаемых ответвлений. Имеет смысл вкратце напомнить здесь об этих чисто теоретических проблемах.

Первым делом, отбросим историю так называемых готов Индии, родившуюся в 1912 г. в результате ошибочной интерпретации трех надписей буддийских святилищ в районе Пуны¹¹.

Еще интереснее маленькая готская группа в Крыму¹². Во время гуннского нашествия в конце III в. эти готы, вместо того чтобы бежать на юго-запад, предпочли укрыться в горах Крыма (Яила Даг). Будучи христианами изначально, они с V по XV в. жили в полном взаимопонимании с византийцами Херсонса. Чудесным образом их небольшое княжество пережило вторжения степных племен и было уничтожено только в 1475 г. оттоманскими турками. Удивляет сообщение о том, что на готском языке там еще говорили даже в XVI в.: около 1560 г. посол Карла V услышал 68 готских слов от двух уроженцев Перекопа — через тысячу лет после смерти восточных языков в других регионах.

Укажем также, что часть готов, вступивших в Империю при Феодосии, была направлена в Египет. Папирус из Антиохии подтверждает присутствие там готов-ариан, пользовавшихся двуязычным (латынь, готский в версии Вульфили) библей-

ским текстом. Это единственное свидетельство подобного рода, оставленное бесчисленными варварскими гарнизонами Империи.

Государство свевов — безусловно, один из самых туманных и незначительных следов, оставленных завоеваниями. Источники, которые его касаются, исключительно лаконичны и совершенно чужды окружению королей Браги, чьи исторические традиции, таким образом, оказываются для нас неведомыми. Современный историк Р. Л. Рейнолдс использовал это как аргумент, чтобы предложить для истории свевов реконструкцию, радикально отличающуюся от той, которая уже излагалась выше (стр. 76–78). Она не кажется нам убедительной. Однако она поучительна как подтверждение того, что элементы головоломки, которую образуют документы, относящиеся к раннему средневековью, настолько неполны, что любой вариант их соединения почти всегда можно поставить под вопрос.

Рейнолдс пытался представить дело так, будто свевы прибыли в Испанию в результате морской экспедиции, сравнимой с миграцией англосаксов (а также герулов и бриттов, которые тоже добрались до Галисии). Он отрицает их присутствие среди народов, которые переправились через Рейн в 406 г. (Иероним упоминает только квадов)¹³.

Г) Проблема испано-готской изоляции.

Глубокое своеобразие Толедского королевства и крайняя редкость его контактов с внешним миром общеизвестны, о чем еще раз свидетельствует один знаменитый пример: папа узнал об обращении Реккареда только с трехлетним опозданием от маленького посольства из трех монахов, которое даже не добралось до Рима. Однако не будем близоруки: готская Испания не была замкнутым миром. Прежде всего уже назавтра после битвы при Вуйе испанцы с симпатией воспринимали остготское влияние; а несмотря на

недоверие по отношению к политике Меровингов и Византии, Испания все же не уклонилась от франкского и византийского вклада.

Остготы дали Испании двух королей, Тевдиса (531–548 гг.) и Тевдегизила (548–549 гг.), и государственных деятелей, которые после 507 г. привели в действие то, что осталось от государственных институтов. Однако отчетливые следы их деятельности редки: несколько типов фибул и пряжек в начале VI в. и, быть может, наименование *saio* (сайон), уполномоченного по исполнению королевских приказов.

Отношения с Византией, хоть и не встречавшие одобрения толедских королей, отрицать невозможно. Именно в Византии стремились найти приют ортодоксальные изгнанники, вроде святого Леандра или Иоанна Бикларского; именно там находился источник экономических идей (вроде организации *cataplus*, биржи, контролировавшей внешнюю торговлю), а главное, самого активного течения, вдохновлявшего испано-готское искусство в VII в.¹⁴ Это объясняется либо продолжительным существованием византийского анклава в Бетике, либо коммерческими контактами.

Роль франков отличается еще более спорностью. Цивилизации готской Испании и меровингской Галлии очень различаются. Интеллектуальный импульс эпохи Исидора не преодолел Пиренеев, и книги, которые он оставил, попали в Галлию не раньше конца VII в., или даже после 711 г.¹⁵ Идеология священной королевской власти, разработанная в Испании позднее, при короле Вамбе (672 г.), нашла отклик в Галлии только при Пипине Коротком. Напротив, готская Испания, почти единственная из варварских государств, осталась невосприимчивой к такому всеобщему течению, как *Tierornamentik* (звериный орнамент). Но по ту сторону определенной антиподии отмечаются признаки контактов, направленных в разные стороны. М. Броенс выявил в Галисии топонимы меровингского типа (составные на *-curtis* и *-villa*) и связал их с франкским походом 542 г.¹⁶ Это очень рискованная гипотеза. Цейс указал на присут-

ствие франкской утвари на кладбище в Памплоне. Самое главное, целая школа, участвующая в продолжающемся споре по поводу происхождения неримских элементов кастильского обычного права, верит в воздействие из-за Пиренеев¹⁷.

Даже лангобарды, возможно, не были полностью лишены каких-то сношений с Испанией¹⁸. Короче говоря, этот крайний пример учит тому, что ни одну из частей варварского Запада нельзя рассматривать как нечто замкнутое. Даже между самыми самостоятельными из них обмен никогда не прекращался полностью.

II. Галлия

А) Вокруг первых этапов франкского натиска.

Благодаря раскопкам проблема римских оборонительных укреплений в зоне первых поселений франков находится на пути к обновлению¹⁹. Родившаяся около 1880 г. под пером Г. Курта из соображений топонимического характера гипотеза о том, что фортификации Поздней Империи пересекали Бельгию недалеко от современной лингвистической границы (*limes belgicus*), с 1930 г. подкрепляется археологическими выводами. Некоторые из рассуждений по этому вопросу построены на сравнении: как случилось, что императоры, в других местах так заботившиеся о ликвидации прорывов в *limes*, оставили зиять брешь на нижнем Рейне? Другие носят чисто локальный характер: имеются указания на несколько, в настоящее время всего 5, форта в стратегически важных пунктах. Приверженцы *limes belgicus*, на какое-то время подавленные саркастическими замечаниями, вновь поднимают голову. Кое-где обнаруживаются другие укрепленные линии, в первую очередь ответвление саксонского берега на побережье²⁰. В результате обстоятельства франкской оккупации заметно прояснились. Однако археологи поступают мудро, не спеша предполагать наличие связи между их находками и феноменами языковой географии.

Относительно этой древнейшей истории франков наша наука так бедна, что слишком часто пополняется идеями, передаваемыми из поколения в поколение, и без уместной осторожности. Порой какая-то из них с треском лопается. Это именно то, что ожидает устаревший стереотип, противопоставляющий «франков-салиев» и «франков-рипуарииев», еще незабытый Ш. Верлинденом в 1955 г. На самом деле критика Ф. Стейнбаха, Э. Эвига и Ж. Станжера окончательно его разрушила²¹.

Решительная атака была подготовлена работами Ф. Бейерля по праву рипуарииев²²: он установил, что *Lex Ribuaria* (Рипуарская правда), отнюдь не будучи симметричной гомологией *Lex Salica* (Салическая правда), представляет собой лишь вторичную вариацию, применявшуюся к австралийцам и гораздо более позднюю (она не старше 633 г., а под своим названием известна только начиная с 803 г.). Что же касается самого слова «рипуарии», то у Иордана (который говорит о *riparioli*, союзническом корпусе, охранявшем берег некой реки, безусловно, Роны) оно не встречается, как считалось ранее; оно также отсутствует в источниках VI и даже VII в. *Riboarii* совершают свое запоздалое вхождение в историю в 726–727 гг. вместе с *Liber Historiae Francorum* (Книгой истории франков): как раз тогда и вплоть до X в. так называются жители района Кельна, Юлиха и Бонна к западу от Рейна, а также Рургай к востоку от реки, или приблизительного местоположения древнего *civitas Agripennium*. Вероятно, это название происходит от какого-то военного округа на берегу Рейна, в большей или меньшей степени повторявшего соответствующую римскую административную единицу. Рипуарии никогда не составляли племени или ответвления народа франков. Сама мысль о каком-либо единстве восточных франков спорна. О *Francia Rhenensis* (Рейнской Франкии) можно говорить в географическом смысле, как Равеннский космограф; но единственное политическое образование, о котором нам что-либо известно, — это Кельнское королевство.

Что касается салиев, то, хотя их существование и неоспоримо, почти невозможно сказать, какой именно реальности они соответствуют. Лишь немногие несомненные факты пережили сокрушительную атаку Станжера. Похоже, что данный термин обозначал политическую общность только после появления меровингской династии; впоследствии это было лишь слово из юридического лексикона или литературный синоним *Francus*. Автономная группа салиев, скорее всего, существовала только короткое время. Где они жили? У нас есть только два указания, одно проистекает из топонимического сопоставления салиев и Салланда на правом берегу голландского Рейна, другое обеспечивается ее локализацией в *Toxiandria* (Токсиандрии) — это название с трудом поддается интерпретации (ср. стр. 90) и восходит к Аммиану Марцеллину. Таким образом, давайте будем говорить о салиях лишь в связи с самыми первыми этапами переселения франков от Рейна примерно до Шельды. Впоследствии разумнее прибегнуть к более нейтральному выражению «западные франки».

Б) Франкский воин и ассимиляция завоеваний.

Огромный археологический материал позволяет нарисовать портрет франкского воина VI–VII вв. Рядовой франк был пехотинцем; его привычное наступательное оружие очень оригинально для германского мира: метательный топор и короткий меч с единственным лезвием, реже копье; оборонительное вооружение, шлем и щит, он использовал достаточно редко; только вожди сражались верхом с помощью длинного обоюдоострого меча, как многие другие варвары. Во всей Северной и Северо-Восточной Галлии картина одинакова. Этот воин является главной опорой франкского государства; а его могила, в каком-то смысле, — характерным «ископаемым». Можно со всей настойчивостью говорить, и оправданно, о том, что франкское завоевание знаменовало собой победу *Kriegerkultur* (воинской культуры) над все еще глубоко гражданской цивилизацией

Поздней Римской империи. Эта воинская культура, прекрасным выражением которой служат «упорядоченные кладбища»; начиная с VI в. они становятся все более многочисленными²³.

В подобном описании франкского воина принято использовать классические названия — франциска для топора, фрамея для копья и скрамасакс для меча. На самом деле эти крайне сомнительные наименования следует отвергнуть, хотя археологи нередко остаются верными им²⁴. Франкский метательный топор с одним лезвием назывался *francisca*, то есть франкским, только в Испании; его название перешло в галльскую историографию только с VIII в. благодаря некоему подражателю Исидора Севильского. *Framea* встречается в античных источниках в противоречивых значениях: Тацит считает, что это копье, Исидор — меч; Евхерию были известны оба смысла; этимология определенно германская, кажется, благоприятствует версии «обоюдоострого меча». *Scramasax* обязан своей популярностью Григорию Турскому, использовавшему это слово один раз, пояснив, что речь идет о большом ноже; однако неизвестно, одно у него было лезвие или два. Единственное франкское оружие, название которого мы знаем точно, — это ангон, «разновидность копья или гарпиона с треугольным наконечником», но оно встречалось редко.

Этот традиционный портрет изображает не франкского за воевателя; это воин меровингской армии. Франк эпохи нашествий почти неразличим за отсутствием археологических материалов периода до Хлодвига, которые можно было бы неопровергимым образом связывать с франками.

Политический и военный успех вынудил другие народы Галлии равняться на образец, предложенный франкским воином. Мы ничего не знаем о первых этапах этой мимикрии, которые восходят к временам Хильдерика и Хлодвига. Начиная с сыновей Хлодвига, распространение франкских обычаев на всю Галлию уже становится доступным для

изучения; это плодотворное, но трудоемкое исследование, в котором еще не сказано последнее слово.

Подтвердим сложность данной проблемы на примере Бургундии. В 533–534 гг. она изменила свой политический статус, войдя в состав меровингского государства. Как реагирует на это археологический материал? Уточнить это помогает основательное исследование Ханса Цейса²⁵. До 534 г. свидетельств мало, так как погребальная утварь отличается бедностью (но по той ли причине, что бургундские традиции, как и языки, были близки к готским? Или из-за того, что римско-христианское влияние оказалось ранним и глубоким?). После 534 г. можно отметить растущее количество «упорядоченных кладбищ» с развитой утварью, то есть выравнивание в рамках общего «меровингского» пласта; распространяется типичное вооружение, вроде меча с одним лезвием, и это еще одно франкское влияние; однако все чаще и чаще встречаются пластинчатые пряжки чрезвычайно своеобразного типа с животным, светским (главным образом лошади) или библейским (в основном пророк Даниил) орнаментом – речь идет о региональном новшестве, ничем не обязанном остальному франкскому миру. У нас нет ни одного веского доказательства франкской эмиграции, а главное кладбище, находящееся в Шарне (Сан-э-Луар), не прекращало функционировать.

В Аквитании данная проблема вызывает не меньшие сложности. Изгнание изрядной доли готов-ариан после битвы при Вуйе засвидетельствовано историографией; зато ни один текст не упоминает о масштабной франкской иммиграции. В результате археологи XIX в., например Барьер-Флави²⁶, приписывали готам все «варварские» могилы, какие встречали. Морис Броенс энергично протестовал²⁷ и, разумеется, совершенно оправданно: большинство из них относилось ко времени после 507 г., и здесь не наблюдалось никаких аналогий с некрополями испанской месеты. Большинство кладбищ позволяет обнаружить характерный «меровингский» слой с топорами и мечами с одним лезвием, тем более типичный, что готские

захоронения никогда не содержат оружия. Однако утварь демонстрирует также исключительно локальные формы (особенно в Лорагэ, где источником вдохновения служило восточное Средиземноморье). Как это истолковать? Броенс полагал, что аквитанский юг был наводнен 150 000 франков, из которых 50 000 здесь и поселились... Если оставить в стороне преувеличенные цифры, то надежно ли само объяснение? Так ли отличаются эти факты от того, что мы наблюдаем в Бургундии?

Археологи слишком часто переводят в плоскость завоевания и расселения проблему, которая должна решаться в свете ассимиляции и цивилизации, почти моды. Истинная победа Рима пробуждала у его подданных желание жить как римляне; триумф франкского воина должен был заставить все то, что причислялось к Галлии, перенять его образ существования, видимым выражением которого для нас является вооружение и погребальная утварь.

В) Некоторые проблемы правления Хлодвига.

Правление Хлодвига всегда занимало историков, в то время как посредственность источников приводила в отчаяние. Отсюда и появление, сменяемое безвременной кончиной, стольких интерпретаций, построенных на слишком шатком основании²⁸.

Самое прямое доказательство наших затруднений предоставляет доселе открытый спор относительно хронологии этого правления. Примерно до 1930 г., несмотря на некоторые сомнения, царило относительное спокойствие; затем в ходе оживленного диалога с Л. Левилланом²⁹ и Ф. Лотом³⁰ Бруно Круш³¹, а впоследствии и А. Ван де Вивер³² попробовали поставить все под сомнение. Попытка Круша, действительно слишком иконоборческая и недостаточно основательная, может рассматриваться как неудачная; работа Ван де Вивера совершенно иного качества. Если сегодня полемика и утихла, то вопрос тем не менее не решен, и можно сказать, что в современной ситуации

представляются равно возможными две очень разные хронологические системы.

Исходным пунктом спора является одно место у Григория Турского (*Hist. Franc.*, II, 27), выстраивающее основные события правления с интервалом в пять лет: победа над Сиагрием в V г.; над тюрингами в X г.; победа над аламаннами и обет принять христианство в XV г.; победа над Аларихом II при Вуйе также в XV г. Однако нам доподлинно известно, что битва при Вуйе состоялась не в 496 (XV г.), а в 507 г. (XXV–XXVI гг.). Распространяется ли эта ошибка также и на сведения, относящиеся к победе над аламаннами и крещению?

Относительно крещения Хлодвига у нас кроме Григория есть только два древних источника: почти современное письмо святого Авита Вьеннского с поздравлениями Хлодвигу в связи с крещением, которое лишь дополняет Григория неоспоримым уточнением, сообщая день крещения (Рождество), а также письмо святого Ницетия, епископа Трирского, к лангобардской королеве Хлозинде, внучке Хлодвига, написанное около 567–568 г. Оно относит обет Хлодвига принять крещение к следующему дню после посещения св. Мартина Турского, дата которого не указывается (до битвы при Вуйе Тур являлся вестготской территорией). Таким образом, три наших источника почти не пересекаются: Григорий Турский является единственным гарантом связи между крещением и победой над аламаннами, а также важной роли св. Ремигия Рейнского; только Авит называет днем крещения Рождество; один Ницетий говорит о связи с Туром (молчание Григория на эту тему весьма удивительно!). Ничто из сказанного не дает нам надежной даты. Однако если поверить в посещение Тура, то оно было возможно лишь в случае войны с готами: хорошо известной, имевшей место в 506–507 гг., или другой, попросту вероятной, в 498 г.? Если принять версию о том, что Хлодвиг одновременно сражался с аламаннами и готами, то идет ли речь о войне 495–496 гг., засвидетельствованной одним Григорием, или 505–506 гг., подтверждаемой Кассиодором?

Таким образом, есть два способа соблюсти эти совпадения во времени. Первый состоит в том, чтобы сохранить относительную верность Григорию, датировав крещение 25 декабря 497 г. (Лот), 498 или 489 г. (Левиллан) и повесив в две аквитанские кампании Хлодвига, как и в две против аламаннов. Другой побуждает больше полагаться на Кассиодора, отнести крещение и единственную войну с аламаннами к 506 г. и оставить свободными десять лет в начале правления, с X по XX г. (в течение которых никто не возражает против борьбы с бургундами), — этот подход принадлежит Ван де Виверу. У каждой системы свои слабости: у первой — умножение на два, у второй — десятилетнее молчание. Которую выбрать? Только один довод не лишен некоторого веса. Вне всякого сомнения, ортодоксальная вера Хлодвига благоприятствовала ему в борьбе с готами в 507 г.; было бы правдоподобней, если он уже восемь или десять лет принадлежал к ортодоксальной Церкви, чем если точкой отсчета было только минувшее Рождество. Но это предположение не является доказательством.

Второй эпизод правления, известный только из Григория Турского (*Hist. Franc.*, II, 38), порождает почти столь же разнообразные трактовки: вручение Хлодвигу знаков консульского достоинства, присланных императором Анастасием. Возведение Хлодвига в ранг почетного консула (ясно, что о фактическом консульстве речь не шла) не было из ряда вон выходящим событием; это достоинство и раньше уже присваивалось варварам (которые, правда, служили Империи непосредственным образом): это был дипломатический шаг с целью поздравить короля с победой над вестготами и добиться продолжения союза с ним в борьбе против остготов. Но что подумать об императорских атрибутах (пурпурная туника, диадема) и титуле Августа? О конном въезде Хлодвига в Тур, так похожем на коронационную процессию восточных императоров? Историки придерживались самых разных взглядов. Для одних (прежде всего Фюстеля де Куланжа) в этом было зерно истины: Анастасий

попытался узаконить власть Хлодвига и сделать его своим представителем на Западе; для других (особенно Альфана) речь идет просто-напросто о легенде; между этими двумя крайностями находят своих сторонников всевозможные промежуточные мнения. Вот то из них, которое представляется нам разумным. На самом деле Анастасий пожаловал королю франков только звание почетного консула; остальное было лишь инсценировкой по местной инициативе, исходившей либо от самого Хлодвига, либо турского духовенства, желавшего отпраздновать свое избавление от готов³³. Сам Теодорих, при всем своем уважении к прерогативам императора, носил пурпур и диадему, а в надписи из Террачина, как раз около 507–511 гг., принял титул *semp* *Augustus* (всегда Август): очевидно, что в его глазах эти формальности не подразумевали претензий на императорский сан или равенство с Анастасием. Впрочем, на севере Галлии с момента убийства Майориана в 461 г. не был признан ни один римский император. Если верить в важность роли турского общества, то можно думать, что эта театральная постановка была призвана придать франкской королевской власти желаемый римлянами вид. Если же заподозрить собственную инициативу Хлодвига, то его жест можно сравнить не только с аналогичными действиями Теодориха, но еще и с выходкой Мастины, князька Авреса, который незадолго до того провозгласил себя «императором».

Как бы то ни было, турский эпизод почти не имел последствий. У нас нет никакого другого свидетельства в пользу этих претенциозных титулов, а королевство Хлодвига и его преемников сохранило свои германские по сути формы.

III. Атлантический мир

А) Мифы и исторические факты о происхождении англичан.

Изрядная часть нашей документации по поводу английских корней, неважно в Британии она собрана или за ее

пределами, облечена в форму эпоса или откровенной мифологии. Первые этапы заселения Кента обратились в драму с тремя персонажами — бриттским королем Вортигерном и саксами Хенгистом и Хорсой; истоки Уэссекса вылились в историю Сердика и Порты; окончательное поражение бриттов скрывается позади героической истории короля Артура. Глядя из своего наблюдательного пункта на Востоке, историк Юстиниана Прокопий Кесарийский безнадежно перемешивает в своей «Войне с готами» судьбы Британии (которую он, правда, разбивает на два острова *Brittia* (Брития) и *Brittania* (Британия)) и поэтичные легенды о потустороннем мире, который античная традиция связывала с островами Блаженства.

Подход историков предпоследнего поколения ко всем этим текстам был категоричным: в них нет ничего, кроме постыдной дребедени, в которой за первенство борются самое возмутительное невежество и самое большое воображение. Великий французский медиевист Фердинанд Лот олицетворяет *акты* этой критической тенденции³⁴.

Изобличить недостатки всех наших источников не составляет труда: своеобразная хронология (с интервалом в четыре или восемь лет) «Англосаксонской хроники»; немыслимые имена Хенгист и Хорса («жеребец» и «лошадь») и даже Вортигерн (представляющее собой не что иное, как уэльский перевод латинского выражения, ошибочно принятого за личное имя). «История бриттов», ответственная за большую часть этих мифов (в том числе и об Артуре), представляет собой «роман, появившийся не раньше IX в.», а Гильдас, ее лучший источник, является «собранием чудовищных оплошностей». Наконец, сам Прокопий видел в Северо-Западе Европы лишь «страну химер».

С тех пор обозначилось более благоразумное отношение. Ныне не отрицают ни промахов, ни этимологических легенд, ни стремления персонифицировать в лице героя

историю целого народа. Но стали оказывать достаточно широкое доверие хронологическим и топографическим указаниям «Англосаксонской хроники». Сегодня история происхождения Кента в том виде, в каком ее прослеживает, например, Дж. Н. Л. Майерс на основании археологических указаний³⁵ или К. Джексон, в основном исходя из лингвистических свидетельств³⁶, охотно дает место анекдоту о Вортигерне, Хенгисте и Хорсе, по крайней мере, в качестве удачного символа. Некоторые, например Т. С. Летбридж и С. Ф. С. Хоукс³⁷, идут еще дальше и наделяют этих героев исторической реальностью, в которой им раньше было отказано. У Сердика было бы меньше шансов: его английская генеалогия, уэльское имя, войско из ютов, и все это в применении к истокам саксонского королевства, обеспечило ему единодушное недоверие, тем более что, как доказала археология, предполагаемая зона его высадки вблизи Саутгемптона оставалась бриттской в течение, по крайней мере, полувека после заявленной даты его прибытия. Артур появился слишком поздно, чтобы найти защитников Британии; однако признано, что его эпопея, как это предполагал еще Коллингвуд, представляет собой обобщенный и не лишенный точности взгляд на события, в центр которых Гильдас помещает Амвросия Аврелиана. И в тексте Прокопия обнаружено немало ценных сведений: роль, выпавшая на долю фризов, англосаксонские способы ведения битвы (пехота) и навигации (на веслах), отношения между англами и варнами и т. д. Раздвоение Британии объясняется наличием двух маршрутов из Византии на северо-запад (через Галлию и атлантическую Испанию)³⁸, и большинство подобных ошибок проистекает из античной традиции³⁹. Тем не менее не станем сомневаться в том, что в один прекрасный день маятник исторической науки, в результате одного из обыкновенных для него колебаний, вернет относительную благосклонность тезисам Лота...

Б) Политические и социальные структуры первоначальной Англии.

Вплоть до XX в. представление историков об английской древности оставалось все тем же, что было предложено Бедой в начале VIII в. Под влиянием того, что Беда мог наблюдать в современной ему Англии, он полагал, что в древности она состояла из гомогенных и примыкающих друг к другу королевств, каждое из которых возникло в результате иммиграции сплоченной этнической группы — здесь саксы, там англы, а рядом юты. Современное исследование все дальше уходит от этого упрощенного трафарета⁴⁰: оно допускает, что относительное этническое единство, существовавшее в VI и VII вв., являлось не изначальной данностью, унаследованной от эпохи миграций, а итогом географического раздела бриттских территорий между завоевателями и появившихся вследствие этого нужд, военных и экономических. Таким образом, бессмысленно было бы искать истинные корни каждого «народа» из списков Беды на континенте; все они возникли в результате перегруппировок, позднейших по отношению к переселению.

Эта новая позиция выгодна. Несмотря на разнообразие предполагаемых генеалогий Беды, она учитывает единство, отражаемое староанглийским языком с начала литературной эры: после своей высадки ни один клан не был достаточно изолирован, чтобы долгое время сохранять свое языковое своеобразие; по необходимости быстро сложился общий язык. Она проясняет мутацию, которая в Англии превратила древних саксов континента, народ с «республиканскими» взглядами по сравнению с остальными германцами, в подданных целой россыпи династий (достаточно откровенно ссылавшихся на бога войны Вотана в качестве своего прародителя)⁴¹. А главное — она в определенной степени сближает историю англосаксов и самых близких им германцев континента — франков: мы настойчиво подчеркиваем тот факт, что все существенные элементы франкской цивилизации меровингской эпохи были сформиро-

ваны после переправы через Рейн, включая и политические объединения.

Можно ожидать, что археология прольет еще немало света, в котором отказывают нам тексты, относящиеся к происхождению англосаксонских королевств. За последние 25 лет наши познания были значительно обогащены двумя выдающимися археологическими исследованиями — раскопками захоронения в корабле в Саттон-Ху в Саффолке (1939 г.), проведенными Р. Л. С. Брюс-Митфордом, который с необыкновенной живостью изложил историю Вуффингов, королевской династии Восточной Англии, и изучением дворца Йеверинг в Нортумберленде (1953–1957 гг.), осуществленным Б. Хоуп-Тэйлором и прояснившим конечную фазу языческой эпохи в Берниции. Благодаря им скучные политические сведения «Англосаксонской хроники» и королевских списков дополняются художественным и социальным контекстом.

Огромный курган в Саттон-Ху, в пятидесяти километрах к северо-востоку от Ипсвича, скрывал под собой морской корабль длиной примерно в 27 на 4,7 м в ширину и 1,5 м в высоту, построенный по клинкерной технологии и предназначенный для плавания на веслах⁴². Погребальная камера в середине корабля, правда, без захоронения содержала необыкновенно богатую утварь: византийское столовое серебро начала VI в., ювелирные изделия в перегородчатой технике, оружие, знаки королевского достоинства, наконец, небольшой клад золотых меровингских монет (собранных около 660–670 гг., по мнению большинства нумизматов, или около 625 г., по Лафури). Этот кенотаф следует приписать либо королю Редвальду (ум. ок. 625 г.), либо королю Этельхеру (ум. ок. 655 г.); отсутствие тела объясняется либо принятием христианства, либо смертью вдалеке от гробницы. Он свидетельствует о сочетании чрезвычайно разных традиций, средиземноморских (металлические вазы из Александрии и Константинополя), франкских (монеты), скандинавских, точнее, шведских (в целом идея захоронения в

лодке, шлем вендельского типа), наконец, бриттских (традиционная кельтская *hanging bowl*⁴³). Нет лучшего доказательства тому, что англосаксонская Англия не была изолированным миром, затерянным на границах *оikumены*, и ее аристократия участвовала во всех течениях европейской цивилизации.

Экономический уровень англосаксонского общества завтра после колонизации является предметом полемики между нумизматами. Насколько глубоким был упадок, пережитый Британией между исчезновением имперских монет (в начале V в.) и появлением меровингских (во второй половине VI в., а главное, в начале VII в.), низведший ее на доденежный уровень? По мнению одних⁴⁴, хотя золото и серебро практически исчезли, на юге местные жители остались верны меди в виде почти вышедших из употребления монет IV в. или их имитаций низкого качества (*minimi*); монетарная традиция так и не была прервана полностью, и выжившие бритты могли передать ее саксам. С точки зрения других⁴⁵, этот разрыв был глубоким и продолжительным; *minimi* здесь ни при чем (они появились позднее середины V в.), и англосаксы восприняли деньги только около 670 г., подражая государям на континенте. Эта проблема еще не разрешена; но следует сознаться, что первый тезис использует скорее постулаты, чем доказанные факты. Трудно было бы объяснить, как могли бритты сокрыть употребление денег в стране, покоренной саксами, тогда как утратили его там, где оставались свободными! Сторонники непрерывности любой ценой норовят зайти слишком далеко.

В) Античные пережитки в кельтской Британии.

Территории, оставшиеся за бриттами, были наименее романализованными на острове. Если не считать сохранения христианства, кажется, все указывает на стремительное вытеснение античных традиций: в языке практически ничего не осталось от латыни, экономическая жизнь вернулась к

примитивным туземным формам, общество вновь обрело племенную структуру, чуждую античному идеалу.

Однако сегодня эпиграфика и археология приглашают к пересмотру этой проблемы. На Западе во множестве встречаются латинские надписи, позднейшие по отношению к разрыву между Британией и Римом⁴⁶. Их стиль замечательно консервативен: использование консульских дат (вплоть до 540 г. в Пенмахно в Уэльсе), упоминание *cives* (горожан), *magistratus* (магистрата), *protector* (протектора) и т. д. Однако все это происходит в чисто кельтской среде (точнее, ир-бриттской), где обычно пользуются огамическим письмом. Что же думать об этих римских элементах, которые периодически дают о себе знать вплоть до VII в., намного дольше, чем в Галлии? Не сохранилось ли прямой связи между Средиземноморьем и кельтским миром?

Нarrативные тексты дают лишь одно очень незначительное указание, которое выявляет существование в начале VII в. маршрута Александрия — Испания — Британия⁴⁷. На юге Англии найдено несколько византийских монет VI—VII вв. Однако несколько лет назад археологи отыскали в дюжине мест в Девоне, Корнуолле, Южной Ирландии и даже на Гебридских островах керамику из восточного Средиземноморья и амфоры, известные равным образом в Испании, на Сицилии и в Греции⁴⁸. Так, обнаруживается неожиданный морской аспект римского наследия: со Средиземноморьем Британию связывала пуповина, проходившая через византийскую Испанию (в которой раньше видели только своеобразный тупик).

Г) Вокруг проблемы Нижней Бретани.

История армориканской Бретани предлагает не один парадокс. С одной стороны, отмечается глубина галльских влияний, подтвержденных археологическими находками, а также рассказами Цезаря о могуществе венетов, а с другой — такая незначительность галло-римских следов, в основном в западной части, что уже долгое время в области иден-

тификации городских центров царит неопределенность. Эта картина убеждает в том, что романизация была вполне поверхностной и оставила сельскую местность в галльском контексте. Однако лингвисты, особенно после Жозефа Лота⁴⁹, преподносят как догму то, что в средневековом и современном бретонском языке нет ни малейшего галльского следа, а крайняя Арморика была латинизирована вместе со всей остальной Галлией и в такой же степени.

Следует тотчас же отметить: а) что ничтожность римских следов присуща и другим районам Запада, которые никто не подозревает в том, что они ускользнули от латинизации; б) что мы не в состоянии уточнить, как далеко зашла латинизация сельской местности в остальной Галлии при Поздней Римской империи; вероятно, галльский язык проществовал до начала V в., как на Западе, так и у жителей Трира. Вплоть до этого момента в участи Бретани нет ничего необычного.

Если не погружаться в филологические тонкости, известно, что лингвисты делят кельтские языки на континентальную группу (галльский) и островную, распадающуюся на две подгруппы, бриттскую (уэльский, корнский, бретонский) и гэльскую (ирландский, гэльский Шотландии). Наше знание островных языков зиждется на богатом и надежном материале; что же касается галльского, то здесь все зависит лишь от нескольких личных имен и лаконичных и туманных надписей. Мы рассматриваем галльский язык как нечто единое лишь гипотетически; на самом же деле нам практически ничего неизвестно ни о галльском Северо-Запада, ни о галльском Северо-Востока (Цезарь удостоверяет существование у бельгов лингвистических особенностей, мы же не в силах их выявить). Все это должно побуждать к чрезвычайной осторожности, идет ли речь об отрицании или подтверждении возможности галльских пережитков.

Энергичное возвращение в Арморику начиная с V в. кельтского языка, как всегда казалось некоторым историкам, предполагало существование галльского субстрата,

реанимированного за счет иммиграции из Великобритании (которую никто и не думает отрицать). До последнего времени эта точка зрения единодушно отвергалась как запятнанная романтической фантазией. Но вот энергичная реакция, вдохновленная каноником Фальк'уном⁵⁰, попыталась ее реабилитировать исходя из лингвистических и особенно фонетических соображений. Если это верно, то столь необычная акцентуация Ваннете могла бы представлять собой галльский пережиток по отношению к акцентуации бриттского происхождения в других бретонских диалектах. Древнейшие бретонские документы оказались бы поддельными и обманчивыми, поскольку все они исходили от духовенства, а церковное руководство определенно состояло из островных иммигрантов: они объединили бретонские диалекты в один язык, упорядоченный по корнскому или уэльскому образцу. В современном состоянии этого спора история может вынести только один вердикт: не родится. Но в любом случае хорошо, что бретонская проблема рассматривается в новой плоскости.

Возможно, свет прольют продолжающиеся изыскания Ж.-Л. Флерио, который буквально изучил под микроскопом всю совокупность римских пережитков и анклавов в нижнебретонской среде⁵¹. Кажется, он выявил несколько фактов, благоприятствующих то тезису Лота, то Фальк'уна. Похоже, что в Верхней Бретани (где, как думал Лот, кельтские элементы являются позднейшим напластованием, а не наличествующим субстратом, как предполагал Фальк'ун) и в некоторых местах Нижней Бретани, особенно вокруг городов и на значительной части побережья Ванетеза и Леона, в средние века бытовал живой романский диалект. Отсутствие римских пережитков почти повсеместно внутри страны (где с точки зрения логики должен был находиться оплот локальной обороны от завоевателей, пришедших с моря) объясняется выживанием галльского наречия. История многое ожидает от этой схватки лингвистов.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для историка изучение проблем, связанных с варварскими нашествиями, во многих отношениях является долгим уроком скромности. Ни один коллективный феномен не оказывает такого сопротивления изучению его исходных причин. В самых известных случаях сходятся прецеденты, благоприятные обстоятельства, случайные приобретения, но ничто из этого не объясняет варварских нашествий цепью очевидных и необходимых причин. Если перенести проблему на окраины известного мира, на Север или Дальний Восток, как это модно делать вот уже у поколения историков, это обогащает наш бедный арсенал объяснений только новыми возможностями совершить ошибку. Но хотя слишком часто приходится отказаться от постижения причин, их понимание становится только более необходимым. Феномен переселения до сих пор рассматривался только в его внешнем и жестоком аспекте, с точки зрения военных действий и создания империй. Девятнадцатый век очень быстро осознал необходимость расширить область изучения за счет постоянного обращения к истории институтов, а после — к лингвистике; на двадцатое столетие пришелся расцвет топонимии, антропонимики и археологии в самых разных ее формах. Таким образом, поле нашего зрения раздвинулось. Каждое приобретение обязывает пересмотреть смежные области знания. История нашествий, наверное, более, чем какая-либо другая, выглядит, в последней части этой книги, как полотно Пенелопы. Уверенность в том, что предстоящие ревизии будут еще более

масштабными, чем предыдущие, не раз заставляла нас откладывать вынесение суждения, не из скептицизма, а из веры в будущее исторической работы: преждевременный догматизм — один из тягчайших грехов против Клио! Проясненная и обогащенная таким образом история нашествий первого тысячелетия христианской эры чрезвычайно поучительна. Она свидетельствует о том, что Европа никогда не переставала использовать для новаторских сочетаний все то, что ей предлагалось, даже принудительно. Эта способность впитывать, видоизменяя, извлекать из развалин зерно обновления, красной нитью проходит через все наше повествование. Это отличительная черта цивилизации по сравнению с первобытной культурой, носителями которой, вопреки некоторой видимости, «варвары» раннего средневековья не являются.

Примечания

Книга первая **НАШИ ПОЗНАНИЯ**

Глава I **Водоворот нашествий**

- ¹ Данная проблема остается предметом яростных споров; разумные соображения можно почерпнуть в кн. De Vries. *Kelten und Germanen* [N 117], S. 55. Популярная в настоящее время теория трактует это слово как иллирийский термин, что удобно, учитывая наше незнание этого языка...
- ² По этому вопросу см. превосходную небольшую книгу Emile Janssens. *Histoire ancienne de la mer du Nord*. Bruxelles, 1946.
- ³ *Goten, Nordgermanen, Angelsachsen* [N 129].
- ⁴ В районе, где лингвистам никогда не удавалось выявить наличие догерманского субстрата.
- ⁵ Около 230 г. до н. э. греческие поселенцы Ольвии (современный Николаев), недалеко от устья Днепра, стали свидетелями появления из степи — дотоле царства кочевников-иранцев, скифов и сарматов — новых грозных народов: галатов (галлов) и наряду с ними германских племен, бастарнов и скиров. Дакам нижнего Подунавья, а затем македонским царям пришлось бороться с этими неудобными соседями, чей центр притяжения,

по-видимому, располагался где-то в Восточных Карпатах. Предполагается, что они прибыли с Севера через «перешеек» между Балтийским и Черным морями. Римляне разбили их в 29 г. до Р. Х., но бастарны все еще присутствовали в этом регионе до III в. н. э. Скиры снова пустились в путь вместе с готами; их независимость продлилась до 469 г.; именно из этого племени вышел Одоакр, похоронивший Западную империю в 476 г. Немногие германские народы прошли столь долгий жизненный путь.

Нет смысла подробно рассказывать о драматических, но стремительных приключениях кимвров, тевтонов и амбонов. Покинув Ютландию, они пересекли Центральную Европу, напали на галльских бойев Богемии и в 113 г. показались у римского населенного пункта Норея в Каринтии. Уничтожив одного за другим четырех консулов, они отправились дальше, выбрав нелогичный маршрут через Баварию, Восточную Галлию, долину Роны, Каталонию. Осенью 102 г. Марий уничтожил тевтонов под Аквами Секстиивыми (Экс-ан-Преванс), а летом 101 г. — кимвров при Верцеллах в Пьемонте.

Кимвры передали свое название Химмерланду, к югу от Аальборга, тевтоны, возможно, — Ти, в окрестностях Тистеда, а амбраны — острову Амрум. Совершенно зря излишне критически настроенные ученые, сбитые с толку ошибкой у Страбона, считают, подобно шведу Л. Вейбуллу, что отправным пунктом миграции стали берега нижней Эльбы.

⁶ Передовой отряд, рискувший перебраться на западный берег Рейна, «зарейнские германцы», был отрезан в результате завоевания Галлии и подвергся массированной романизации.

⁷ См. карты в H. J. Eggers. *Der römische Import im freien Germanien*. Hamburg, 1951, и удобная разработка в: Wheeler. *Rome beyond the imperial frontiers* [N 81].

- ⁸ Истоки рунического алфавита (называемого *futhark* (*фютварк*) по порядку своих первых знаков) стали предметом страстных споров. Совсем недавно ученые пришли к единому мнению (только надолго ли?), соглашившись искать их в северо-итальянских надписях, какими они были накануне римского завоевания. Первые тексты, очень краткие, были выгравированы на оружии и украшениях III в.; ср. Musset et Mossé. *Introduction à la runologie* [N 148].
- ⁹ Мы принимаем датировку Н. Koethe. *Zur Geschichte Galliens im 3. Viertel des 3. Jahrhunderts*, 32. *Bericht der römisch-germanischen Kommission*, 1942 (1950). S. 199–224.
- ¹⁰ По поводу последнего ср. Jean Gricourt. *Les événements de 289–292 en Gaule d'après les trésors monétaires* // *REA*, LVI, 1954. P. 366–376.
- ¹¹ О кризисах III в. нам известно почти исключительно благодаря археологии и нумизматике. Отсюда и наша неспособность различить разрушения, вызванные сухопутными и морскими вторжениями в Галлию. По-видимому, варвары ставили перед собой только одну задачу — грабить и жить за счет вражеских земель; нет никаких указаний на то, что они стремились создать свои собственные государства: они не сделали этого даже в Дакии, где стали хозяевами. Таким образом, *римский мир* достиг многого, отсрочив свое падение на век или полтора: за это время германцы смогли разработать менее примитивные планы. А Рим, со своей стороны, смог усовершенствовать механизмы ассимиляции.
- ¹² Западногерманский язык почерпнул часть своего христианского словаря у готского; возможность заимствования политической терминологии очень спорна.
- ¹³ Тем не менее есть признак того, что начиная с V в. саксонское язычество обладало некоторой силой — речь идет о его переносе в Англию.
- ¹⁴ Страбон, VII, 1, 2: «Германцы живут за Рейном к востоку от кельтов; они мало отличаются от кельтского пле-

мени, если не считать большей дикости, более высокого роста и более светлых волос; что до остального, то они очень близки по физическому облику, обычаям и образу жизни».

¹⁵ Ср. стр. 254 и 255.

¹⁶ Я сознательно обходил некоторые спорные вопросы, которые будут рассмотрены более глубоко в следующих томах: существование частной собственности и сельской общины (*Markgenossenschaft*); происхождение «сотни» у различных народов (оно представляется разным у готов, франков и скандинавов); кельтские влияния на происхождение дружины; сравнительная роль римских и германских факторов в формировании частных армий в эпоху Поздней империи и т. д.

¹⁷ Остается набросать живописный портрет германского воина эпохи нашествий, каким он выглядел, например, в глазах Сидония Аполлинария. Его одежда прилегает к телу и сшита, в отличие от драпированного одеяния древнего римлянина (в IV в. оно уже использовалось только в качестве парадной «формы»); наиболее характерная деталь его облачения — штаны (под галльским названием *braies*); он носит длинные волосы (вплоть до того, что делает из них шиньон вроде бытавшего у свевов «свевского узла») и смазывает их жиром; иногда его украшает борода. Германская пища, приготовленная на жире, приводит римлян в ужас, но варвары быстро приучаются к средиземноморским рецептам (некий греческий врач составит для Теодориха I руководство по кулинарии). И наконец, самое ужасное, германцам неведомы термы и гимнастические упражнения.

¹⁸ Первоначально их натиск был направлен на юг, против Парфянского царства, через Кавказ. Когда в 226 г. на смену слабому парфянскому государству пришла империя Сасанидов, это побудило аланов повернуть на запад. Они образовали не слишком сплоченное государство между Уралом, Кавказом и Доном. В конце IV в. под

напором гуннов аланы оказались вовлечены в трансъевропейскую миграцию готов, за исключением осколка, зацепившегося на северных склонах Кавказа, сохранившегося там до сих пор и известного под названием осетин.

- ¹⁹ Проблема происхождения гуннов относится к числу самых сложных. Попытки свести воедино китайские и западноевропейские источники, предпринимавшиеся с XVIII в. (De Guignes, 1756), по-видимому, в целом не увенчались успехом, так что в настоящее время большинство востоковедов (Haussig, Moor, Altheim, Hambis) критикуют общепринятые взгляды на миграцию гуннов, как построенные на иллюзиях. Дальнейшее изложение опирается только на бесспорные факты. Оно отвергает догадки, основанные на предполагаемом тождестве китайского *Hiong-pou* и греческого *Khoupoi*. Это отсекает историю гуннов от всей дальневосточной предыстории, с которой она традиционно связывается.
- ²⁰ Происхождение авар едва ли менее спорно, чем генеалогия гуннов. Начиная с XVIII в. и в настоящее время их отождествляют с тунгусским народом жуань-жуаней, которых китайские источники называют основателями эфемерной империи между Кореей и Туркестаном. В 552 г. жуань-жуаны, которых один византийский источник называет еще и *Abaroi*, были разгромлены тюрками. Однако, как представляется, этот народ не имеет ничего общего с *Abaroi*, кочевниками с территории Казахстана, о которых упоминает Приск около 461 г.; самое большее, в данном случае, имело место заимствование названия. Были ли авары, имеющие отношение к Европе, тюрками (на что указывает титул их предводителя — *каган*) или восточными иранцами (Хауссиг)? Об этом нам ничего не известно, но доказано, что их цивилизация испытала сильное тюркское влияние.
- ²¹ См. стр. 254. Отметим некоторые из этих перемещенных предметов: в захоронении в Вольфсхайме в рейн-

ском Гессене (V в.) был найден медальон с текстом на пехлевийском языке; гробницы вождей в Вольфсхайме и Мундольсхайме (недалеко от Страсбурга) принадлежат к тому же горизонту, что и захоронения в Паннонии, на Украине и в Западной Сибири. В 1876 г. в Эране (Кальвадос) был найден клад понтийских золотых и серебряных изделий V в. Захоронение в Пуане (Об), безусловно принадлежащее убитому в 451 г. вестготскому королю Теодориху I, содержало две единицы оружия, происходящие с юга России.

²² Darko. *Rôle* [N 542].

²³ Cp. Sinor. *Barbares* [N 545] и E. F. Balazs. *Les invasions barbares*, в: *Aspects de la Chine*. Paris, 1959. Т. I. Р. 72–76.

²⁴ См. Roger Rémondon. *La crise de l'Empire romain de Marc-Aurèle à Anastase* (Nouvelle Clio, N 11). Paris, 1964.

²⁵ Мы излагаем в общих чертах достаточно революционные взгляды Д. Ван Берхема (D. Van Berchem. *L'armée de Dioclétien et la réforme constantienne*, Paris, 1952), которые встретили широкое одобрение и избавляют читателя от необходимости знакомиться с огромной по объему литературой предшествующего периода.

²⁶ См. стр. 282.

²⁷ Именно за отсутствием ясного видения этой причинно-следственной связи римское общественное мнение в течение большей части V в., отмечая, что армии остались непобежденными, а государство тем не менее рухнуло, обвиняло в измене чиновников варварского происхождения или воспитания. При этом не было ничего более несправедливого: почти все до самой смерти оставались верными римской идее (пусть и не эфемерным императорам). И именно в римской армии ассимиляция варваров до конца оставалась самой успешной.

²⁸ Вестготы стали первыми, кому удалось проникнуть на земли империи, сначала миром — в 376 г., затем силой — в 378 г., после победы при Адрианополе; в тече-

ние последующих 23 лет они беспрепятственно перемещались по Балканам, и никто даже не пытался их оттуда выдворить. С 418 г. они также первыми в масштабах всей государственной системы начали пользоваться благами *fædus* внутри империи. Вторая волна хлынула на римские земли, прорвав рейнский *limes*, в 406 г. Ее главных составляющих — вандалов, аланов, свевов и бургундов — также удалось уничтожить; большая часть из них впоследствии получила все преимущества *fædus*: в 435 г. — вандалы, а в 443 г. — бургунды. В 489 г. наконец и остготы стали образцовыми федератами, проведя на Балканах порядка двадцати лет на более или менее законном основании. Таким образом, в течение всего V в., вплоть до эпохи Хлодвига, господствовала система, которая рано или поздно превращала завоевателя в оккупанта, хотя и лишенного этого наименования. В VI в. после исчезновения Западной империи от этой системы пришлось отказаться, но формулы сосуществования, выработанные в ходе этого длительного слияния, повлияли даже на те народы, которые сами не принимали в ней участия.

²⁹ Если говорить подробнее, ситуация была сложнее: Восточная империя, хранительница законности, не признала западных императоров Гликерия (473–474 гг.) и Ромула (475–476 гг.); ее кандидатом был Юлий Непот, командующий армией, расквартированной в Далмации, и умерший только 9 мая 480 г. Лишь после этого Зенон согласился на комбинацию, предлагаемую Одоакром.

³⁰ Книга *Carcopino* (*Un empereur maure* [N 426]), неверно изображает его как событие, имевшее резонанс до самых окраин римской Африки.

³¹ В 508–509 гг. по политическим нуждам Теодориха здесь было восстановлен «римский фасад» с префектурой в Арле; он просуществовал до 537 г.

³² Некоторые тексты называют его герулом; совсем уж заблуждаются те, кто желает видеть его гунном. Скиры

жили на среднем Дунае; это был восточногерманский народ, долгое время связанный с бастарнами; его последние осколки, по-видимому, закончили свой путь в Баварии.

³³ Большинство составляли герулы с примесью скиров, ругов и тюркоязычных воинов; о последних практически ничего неизвестно.

³⁴ Включая экс-императора Ромула, который примерно до 510 г. жил на юге как богатый землевладелец.

³⁵ Выразилось это в том, что он выпустил несколько монет от собственного имени, а затем уже незадолго до гибели объявил императором своего сына Телу.

Глава II

Сухопутные нашествия: первая волна (IV–V вв.)

¹ Впрочем, в эпосе не делается различий между гуннами, союзниками Аэция, и гуннами, солдатами Аттилы.

² Орлеан защищал король алан Сангибан. Действительно ли город был осажден (в согласии с традиционным и знаменитым рассказом Сидония Аполлинария и житием святого Аниана)? Недавно этот факт был подвергнут сомнению, но без веских оснований (Sirago. *Galla Placidia* [N 76]. Р. 359 и п. 4).

³ Мы почти ничего не знаем о переселении алан с Востока на Запад между 375 и 406 гг. Некоторые историки ставят его под вопрос (Courtois. *Vandales* [N 233]. Р. 40–41). Тем не менее противостояние алан и гуннов, сыгравшее огромную роль в событиях 451 г. в Галлии, легче объяснить, если орлеанские аланы были потомками побежденных в 375 г.

⁴ С ними также связывают, хотя и с меньшей уверенностью, некоторые археологические находки (бронзовые изделия из Вандомуа и пр.).

⁵ Мы согласимся с этим написанием, принятым у филологов.

- ⁶ Jordanés. *Getica*, IV, 25 и XVII, 94.
- ⁷ Название Скандза тождественно Скандии (то есть Скандинавии); «ульми-ругии», по-видимому, являются «островными ругиями», и, несомненно, речь идет об островах в устье Одера.
- ⁸ Если большая часть историков высказывается в пользу Готаланда, то это происходит главным образом по той причине, что его большая площадь выглядит более преличествующей родине великого народа. Диалекты этих двух областей (нордические) не имеют ничего общего с готским языком (восточнонемецкого типа).
- ⁹ См. прежде всего: Oxenstierna. *Urheimat* [N 166].
- ¹⁰ Эти названия заставили израсходовать потоки чернил. Они появляются, в несколько искаженной форме, в «Истории Августа» в связи с событиями 269 г. Обычно считается, что слово *тервинги* означало «людей лесов» (русской тайги или карпатских лесов?), а *гревтунги* – «людей песка». Вторая пара, *Ostrogoti* и *Vesi* (позднее *Visigoti*), сначала трактовалась как «восточные» и «западные готы»; этот перевод, находившийся в немилости у поколения ученых (предлагались «готы блестящие» и «готы мудрые»), ныне снова в ходу, поскольку находит подтверждение у Иордана.
- ¹¹ Единственным длительным результатом этой морской фазы стало появление среди готов значительной группы пленных кappадокийцев, ставших посредниками между греческой культурой и германским миром. Вульфилла происходил именно от них.
- ¹² По крайней мере, так гласит рассказ авторитетного очевидца, Аммиана Марцеллина. Иордан излагает события совершенно иначе и утверждает, что готовы перешли на сторону гуннов. Если отбросить вымышленные подробности, это предание содержит крупицу правды: часть готов осталась на Украине под властью гуннов. По поводу группы, укрывшейся в горах Крыма, см. стр. 279.

- ¹³ Им приписывается строительство *vallum* (вала) в Молдавии, от Серета до Дуная, призванного отделить готские владения в Северной Молдавии от южных степей, где хозяйничали гунны: Radu Vulpe. *Le vallum de la Moldavie inférieure et le mur d'Athanaric*. La Haye, 1957.
- ¹⁴ Еще в период пребывания готов на Балканах римляне позаботились о том, чтобы расколоть их ряды, создав проримскую партию во главе с Фравиттой, а главное – Гайной. Эти готские вожди получили блестящие назначения. Но большая часть готов по-прежнему враждебно относились к Риму. Как представляется, Аларих в течение всей своей жизни балансировал между двумя курсами: получить пост в империи лично для себя или обеспечить своему народу надежное будущее. Почти наверняка именно в эти годы, проведенные вестготами на Балканах, произошло их обращение в арианство. Все это прекрасно освещено в кн.: E. A. Thompson. *The Visigoths from Fritigern to Euric* [N 172].
- ¹⁵ Аттал был низложен еще до разграбления Рима, но остался надежным советчиком вестготов, с которыми этот язычник так сроднился, что принял арианское крещение.
- ¹⁶ См. стр. 223; эти документы собраны и прокомментированы в: Courcelle. *Hist. littéraire* [N 106]. Р. 35–55; ср. также André Piganiol. *Le sac de Rome*. Paris, 1964.
- ¹⁷ Хотя его столица долгое время переносилась из Бордо в Тулузу и обратно (а иногда, при Эврихе, в Арль). Мы многое не знаем о договоре 418 г. Зачем Констанций призвал готов из Испании в Галлию? И какие провинции он им предоставил? Но два факта установлены: пожалование было сделано на условиях режима гостеприимства и возвращало Риму провинцию Нарбоннскую I, служившую мостом между Галлией, остававшейся в руках Рима, и Испанией.
- ¹⁸ Это одна из самых интересных идей из: R. de Abadal. *Del reino de Tolosa al reino de Toledo* [N 182]. Р. 62 ff.

- ¹⁹ Относительно унификации законодательства, см. стр. 264.
- ²⁰ Преданности излишней, по мнению некоторых современных испанских историков, которые пытаются отрицать «испанский характер» истории вестготов. На наш взгляд, это их мнение совершенно ошибочно. Хроника Албелльды рассказывает о том, как Альфонс II (791–842) восстановил в Овьедо *«отatem Gotorum ordinem sicut Toletu fuerat (все сословия готов, как это было в Толедо)»*.
- ²¹ Ругии наверняка хотели отомстить за поражение, нанесенное им Одоакром в конце 487 г. В составе готской армии они сохраняли некоторую автономию даже после завоевания Италии. Они не заключали браков с готами и подчинялись отдельным властям. В 451 г., в момент падения готского государства, они избрали собственного короля, Эрариха, который правил 5 месяцев. Это не избавило их от гибели в одной катастрофе с остготами.
- ²² Перипетии этой кампании не имеют большого значения — то Теодорих осаждал Одоакра в Равенне, то сам был блокирован в Павии. Одоакр тщетно пытался пробудить римский патриотизм, восстановив императорский титул (для своего сына Телы). Благодаря флоту, который Теодорих разместил в Римини, все закончилось тяжелой осадой Равенны. Одоакр сложил оружие 25 февраля 493 г. на условиях совместного с Теодорихом управления Италией. Но 5 марта, когда Теодорих вступил в столицу Западной-Римской империи, он устроил убийство Одоакра, его семьи и приближенных — достаточно жесткая прелюдия к вообще-то благоразумному и человечному правлению. Это была последняя жертва, возложенная Теодорихом на алтарь чисто варварской политики.
- ²³ Просто король — *Flavius Theodericus rex* король (Флавий Теодорих) — как Одоакр, а не король готов, так как армия была многонациональной. Этую особенность необходимо

подчеркнуть самым настойчивым образом. В Италии все свободные германцы, *capitalli*, были равны.

²⁴ Cassiodore. *Variae* [N 30], III, 43 (ed. Mommsen. S. 100).

²⁵ Идет полемика по поводу того, какие полномочия Теодорих осуществлял в Италии от имени Зенона. Наиболее вероятный ответ дает E. Stein. *Histoire du Bas-Empire* [N 77], t. II, p. 1: Теодорих был *magister militum per Italia* (магистр войска Италии), то есть теоретически коллекой короля Гундобада, магистра войска Галлии; но он трактовал свои функции в смысле генерального делегирования ему прав императора. Надпись в Террачине свидетельствует о тщательном и мудром расчете: здесь назван «Августом», а не «Цезарем», «триумфатором», *a* *не* «императором» (Fiebiger-Schmidt. *Inschriftenammlung* [N 3], N 193). Этот король дерзнул выпустить золотую монету (исключительное право императора), на которой был изображен он сам в императорском одеянии. Но выпуск был столь скромен, что мы располагаем всего одним экземпляром! При дворе он сохранял элементы имперского протокола, например питал пристрастие к пурпуре (Cassiodore, *Variae*, XI, XX и XXXI).

²⁶ Jordanés. *Getica* [N 32]. P. 308.

²⁷ Stein. *Histoire du Bas-Empire* [N 77]. Т. II, р. 127–128.

²⁸ При режиме гостеприимства префект Либерий расквартировал армию там же, где некогда были сосредоточены войска Одоакра: прежде всего в долине По и окрестностях Равенны, а также в Тоскане, Пицене и Самнии, еще несколько отдельных гарнизонов находилось в Кампании и Далмации. После наложения лангобардского пласта выявить вклад готов в топонимике очень сложно. Он состоит главным образом из некоторых названий на *-engo* в современной Ломбардии (например, Готтоленго, Маренго, Оффаненго). Лингвистический вклад кажется незначительным; Эрнст Гамильхег насчитывает (с излишней щедростью) до 70 слов, в основном терминов из судебной практики. Содержание этих

колоний не представляло особых проблем, так как готы были расквартированы в Италии *apponaria*, организованной в начале IV в. в преддверии массированных поставок зерна и вин.

К областям, зависевшим от Италии, Теодорих применил тот же строй в упрощенном виде. Это была Речия (север которой являлся только протекторатом), Северная Иллирия, Далмация и небольшая часть Паннонии (где короля представлял Мундон, наполовину гунн и наполовину гепид). Итальянские острова, кроме востока Сицилии, были оставлены вандалам. После битвы при Вуйе Теодорих завладел Провансом (не объявляя официально о его захвате) и заложил там основы автономного управления под контролем префекта, заседавшего в Арле.

²⁹ Витигис хотел породниться с Амалами, женившись на сестре Аталахе вопреки ее воле.

³⁰ Последним остготам посвящена классическая работа: Schmidt. *Die letzten Ostgoten* [N 212], которую необходимо дополнить данными папирологии, прекрасно изложенными в: Fulvio Crosara. *Dal v al VIII secolo, sulla traccia dei papiri giuridici d'Italia // Annali di Storia del Diritto*, III–IV, 1959–1960. Р. 349–390, особенно p. 372–381.

³¹ Судьбу двух столиц можно считать символичной. Милан, который в 538 г. объявил о переходе на сторону имперских войск, был разрушен в 539 г. Витигисом и погрузился в тень на четыре столетия, уступив дорогу Павии. Рим пережил первую годовую осаду в 537 г. Чтобы уничтожить запершегося в городе Велизария, Витигис приказал разрушить 14 акведуков, которые так и не были восстановлены, а Велизарий, чтобы выжить, избавился от «лишних ртов», которые уже не вернулись. Вторая осада, предпринятая Тотилой, продолжалась два года, с 544 по 546 г., и стоила частичного сноса и разрушения Трастевера. Третья осада продолжалась с весны

547 до января 550 г. — всего в осаде около 6 лет из 13! То, что Рим не погиб, должно быть, объяснялось исключительно его религиозной ролью. Только Равенна осталась сравнительно нетронутой.

³² По поводу этой даты идут споры: 406 или 405? Мы следуем выводам Courtois. *Vandales* [N 233]. Р. 38, п. 3.

³³ Так называемый поход Радагайса плохо изучен. Речь идет о некоей неоднородной толпе, которая вступила в Италию с северо-востока и дошла до Тосканы. Чтобы уничтожить ее, хватило одной битвы. При Фьезоле «римская» армия имела этнический состав, сближивший ее с завоевателями: находясь под командованием вандала Стилихона и вестгота Сара, она состояла в основном из аланов и гуннов.

³⁴ См. текст св. Амвросия. *Expositio in Lucam*. X, 10, и его комментарий у Куртуа.

³⁵ Однако тот же элемент встречается и в других районах Скандинавии.

³⁶ Силинги завещали свое название Силезии; термин «асдинги» в действительности, похоже, относился лишь к королевскому роду.

³⁷ Но нет уверенности в том, что их переход в арианство датируется именно этой эпохой. Скорее всего, их обращение состоялось только по пути в Испанию.

³⁸ Восстановить точный маршрут движения вандалов через Галлию невозможно, поскольку из-за дурной славы на их счет нередко заносились бедствия, к которым они не имели отношения.

³⁹ Традиция связывать с вандалами название Андалусии не имеет под собой оснований.

⁴⁰ Это гипотеза Le Gall. *L'itinéraire de Genséric* [N 239], поддержанная Courtois. *Vandales* [N 233].

⁴¹ Куртуа выступил против этого утверждения Виктора из Виты. Но археологические раскопки свидетельствуют об ином (о термах Карфагена, ср. [N 434]).

⁴² Таким образом, Рим теоретически сохранял за собой три Мавритании, запад Нумидии, восток Триполитании. Это были самые бедные области, где берберские традиции были очень сильны, поэтому империя ненадолго вернула себе свои владения. Уже после 455 г. следы ее присутствия в латинской Африке теряются. Изрядная часть западных областей оказалась в руках берберских племен; некоторые приморские города, вроде Типасы, в неизвестный момент приняли у себя вандальские гарнизоны; прямое или косвенное влияние вандалов ощущалось до Орана, а может быть, и Танжера. Само же вандальское государство в западном направлении почти не выступало за Константинов меридиан.

⁴³ Ср. *Vie de Fulgence de Ruspe* / Ed. Lapeyre. P. 11.

⁴⁴ Эта картина, опирающаяся на лаконичные и полные враждебности документы, неполна и, несомненно, пристрастна; источники же не дают оснований для другого видения. Единственный юридический документ, знаменитые *Tablettes Albertini*, показывает, что простой народ сохранял свои римские институты [N 13]. Несмотря на свою жестокость, вандалы продолжали питать некоторое уважение к прерогативам императора (чеканка золотых монет,); тем не менее королевские указы датировались по годам правления.

⁴⁵ Относительно споров вокруг интерпретации этого названия, ср. стр. 275.

⁴⁶ Впоследствии нам остается лишь наблюдать за чередой королей и стремительной романизацией вандалов. Однако религиозная пропасть воспрепятствовала успешному завершению этого процесса: он лишь ослабил мощь вандалов. Гунерих (477–484 гг.) был заложником в Константинополе, женился — против воли — на дочери Валентиниана III и тщетно пытался ввести наследственное правление на римский манер. О Гунтамунде (484–496 гг.) нам практически ничего неизвестно. Тразамунд (496–523 гг.) стал настоящим «вандальским

Теодорихом»: он не только женился на сестре остготского короля, но и понял, что германское меньшинство может выжить только путем приспособления к римской среде. Тразамунд любил поэзию и строительство, интересовался богословием, но, в отличие от своего шурина, не сумел добиться отклика у сенаториальной аристократии — единственного класса, способного обеспечить его административными кадрами. Хильдерих (523–530 гг.) по крови и воспитанию был римлянином более чем наполовину, но в остальном — полнейшей бездарностью. Гелимер (530–533 гг.) был проходной фигурой.

⁴⁷ См. размышления относительно их маршрута на стр. 279.

⁴⁸ Степень ущерба, нанесенного городам Северо-Запада Испании, подтверждается текстами и археологией. Нам известно, по меньшей мере, о трех римских городах и двух туземных бургах, которые так и не оправились после разгрома; ср. J.-M. Lacarra. *Panorama de la historia urbana en la península ibérica desde el siglo V al X*, *Settimane...*, VI, 1958. P. 328.

⁴⁹ Ср. *Martini episcopi Bracarensis opera omnia* / Ed. Barlow, Newhaven, 1950. Долгое пребывание в Палестине приводило Мартина к серьезной греческой культуре.

⁵⁰ Французская историография (кроме Coville. *Recherches sur l'*histoire de Lyon* [N 224]*) предпочтает первый вариант (хотя он встречается в источниках лишь 4 или 5 раз), тогда как народ этот обычно именовал себя *Burgundiones*; по поводу этого чередования ср. *Goti / Gutones* (готы / гутоны) и *Frisii / Frisones* (фризы / фризоны).

⁵¹ *Passio s. Sigismundi* // *MGH, SS. Rer. Merov.*, II, 333. Этот текст, несомненно, испытал сильное влияние Иордана.

⁵² Ammien Marcellin, XXIV, 2, 15.

⁵³ Устойчивая историографическая традиция пыталась исправить эти данные, сообщаемые в отрывке из Олим-

пиодора, и, опираясь на один только авторитет «Песни о Нibelунгах» (где столицей короля Гюнтера является Вормс), переместить это королевство в Германию I с центром в Вормсе. Сегодня налицо здоровая реакция; нужно отказаться от штампа «Вормское королевство» и говорить лишь о «рейнском королевстве бургундов». См. обзор дискуссии в *Altheim. Geschichte der Hunnen* [N 549], IV. S. 193 и сл.

⁵⁴ Эта катастрофа оставила в эпосе большой след (в «Песни о Валтари», а затем в «Песни о Нibelунгах», правда, в последней к событиям ошибочно примешан Аттила. Гунтиарий был воспет во всем германском мире, в англосаксонском «Видсиде» (Гудхере), а также в Эдде (Гуннар).

С пребыванием бургундов на Рейне связан недостаточно освещенный вопрос об их обращении в христианство. По утверждению Орозия, они приняли ортодоксальное христианство в 417 г.; но большинство авторов полагает, что из язычества они сразу перешли в арианство и случилось это где-то между 413 и 436 гг. С текстом Орозия. *Hist. adv. pag.* [N 17], VII, XXXII, 13, соглашается только Coville. *Recherches* [N 224]. Р. 139–152. Символично, что бургундские апостолы VI в. нигде не упоминают об этом краткосрочном обращении в ортодоксальное христианство.

⁵⁵ Такую, достаточно убедительную, интерпретацию этого очень дискуссионного названия приводит Duparc. *La Saupadia* [N 225]. Во всяком случае, это необязательно была современная Савойя.

⁵⁶ Эта дата неопределенна: 461 (Ковиль) или только ок. 470–474 гг. (?)

⁵⁷ Итальянские амбиции снова ненадолго овладели им в 490 г., когда он поддержал Одоакра в его борьбе с Теодорихом.

⁵⁸ *Hist. Franc.*, II, XXIV. Григорий был потомком епископа Лангрского, бывшего подданного Гундобада.

- ⁵⁹ Рунические тексты из Аргуэля (Ду) и Шарне (Савон-э-Луар) – единственные, которые подарила земля Галлии.
- ⁶⁰ Marc Sauter. *Quelques contributions de l'anthropologie à la connaissance du haut Moyen Age*, *Mélanges P. E. Martin. Genève*, 1961. P. 1–18; *Caractères dentaires* [N 231].
- ⁶¹ Григорий Турский приводит яркий пример времен Гундобада. *Liber de virtutibus s. Juliani* // *MGH. SS. Rer. Merov.*, I, 2. P. 567–568.
- ⁶² Как показали археологические раскопки в Женеве, бургундское государство (ср. стр. 248) было одним из тех варварских королевств, которые усвоили лучшие достижения городской жизни. Тексты подтверждают сохранение курий, *defensores* (дефенсоров) и *gesta municipalia* (муниципальных реестров) (ср. стр. 250). Культура Лионского королевства (о женевском периоде нам ничего не известно) заслуживала уважения и была всецело латинской. Гундобад переписывался с Теодорихом, прося прислать ему солнечно-водяных часов, и, по-видимому, у него имелся официальный поэт, некий Гераклиан. Подобно своему родственнику Сидонию Аполлинарию, Авит Вьеннский, обладавший влиянием при дворе, был блестящим ученым. В Лионе и, безусловно, Вьенне в начале VI в. еще действовали школы риторики. И наконец, все еще сохраняла подлинную живость латинская эпиграфика.

Глава III

Сухопутные нашествия: вторая и третья волны (V–VII вв.)

- ¹ Этот явный парадокс объясняет моментальное возникновение буйной поросли легенд вокруг происхождения франков и их правящей династии. Народу, ставшему повелителем Запада, было трудно ограничиться кратким, но справедливым утверждением Григория Турского

(*Hist. Franc.*, II, 8): «Многие не знают, кто был первым королем у франков». Уже сам Григорий намекает на предание, утверждавшее, что франки пришли из Паннонии. Скоро его стало недостаточно: в меровингскую эпоху была разработана сложная концепция, согласно которой франки сделались потомками троянцев, как и римляне, что уравняло их с последними...

² Такой перевод был предложен уже в VII в. Исидором Севильским (...из-за свирепого нрава (*a feritarte morum* прозванные) и в IX в. Эрмольдом Черным (Франк получил имя из-за своей свирепости, *feritate sua*). Связь с древнескандинавской *frakka*, «рогатина, копье», без сомнения, противоположна той, которую имеют в виду некоторые этимологи: это оружие было названо как раз в честь народа. Что же до слова *francus*, «свободный», то это имя прилагательное, образованное от имени народа.

³ Ср. стр. 283.

⁴ То, что она называет франкским — небольшие саманные дома с деревянным каркасом, имеющие в плане прямоугольник или квадрат, с очагом в центре; незатейливая керамика, декорированная орнаментом, часто в форме двух конусов, соединенных в основании, — не слишком отличается от того, что можно видеть в соседних областях, например у фризов.

⁵ Эта гипотеза, энергично поддерживаемая Werner. *Zur Entstehung* [N 311], с неменьшим пылом оспаривается De Laet и Dhondt. *Les Laeti* [N 397]. Спор остается нерешенным. Представляется, что безоговорочно последовать за Вернером невозможно: около 400 г. кладбища очевидным образом свидетельствуют о разрыве преемственности, что плохо подтверждает тезис о прямой связи между цивилизациями. Но нельзя отрицать того, что эти поселения внесли свой вклад в «варваризацию» Галлии.

⁶ Это утверждение не так обоснованно, как кажется на первый взгляд, так как во Фландрии, не имеющей запа-

сов камня, не осталось распознаваемых следов римских жилищ.

- ⁷ Или в то время это был район к западу от Шельды, где Плинний упоминает о *Texuandri*. Этот вопрос стал предметом яростных споров; ср. Stengers. *La formation de la frontière* [N 283].
- ⁸ Верлинден (Verlinden. *Les origines* [N 285]) противопоставляет этой «пылкости» рейнских франков «салическую неподвижность». Дело в том, что нам почти ничего не известно о событиях на севере. Единственный несомненный факт, о котором знал Сидоний Аполлинарий («Панегирик Майориану»), — это столкновение между Аэцием и франкским отрядом в месте, называемом *vicus Helena*. Споры идут вокруг места (без сомнения, это *Helesmes*, Норд, кантон Денайн), даты (вероятно, около 440 г.) и значения этого эпизода: Сидоний описывает его как разгон франкского свадебного пира, но разве стал бы Аэций утруждать себя по столь ничтожному поводу? Повторим только, что закрепление франков в окрестностях современной франко-бельгийской границы было достаточно мирным. Их предводителем был Меровинг Хлогион; Григорий Турский, не указывая даты, приписывает ему захват Камбре и территории вплоть до Соммы.
- ⁹ Наиболее глубоким исследованием, посвященным этим событиям, по-прежнему остается книга M. Bloch. *La conquête de la Gaule* [N 255].
- ¹⁰ Ригномер был убит Хлодвигом в Мане; но ничто не указывает на то, что он был королем: как некогда Хильдерикус в Анжере, Ригномер, вероятно, находился на службе у Рима, далеко от своего народа.
- ¹¹ Последний обзор его правления можно найти в: G. Tessier. *Le baptême de Clovis* [N 267 bis].
- ¹² Это искусственное имя; на самом деле *Chlodovechus* отождествляется с *Hludovicus*, то есть соответствует французскому Людовику (Луи).

- ¹³ Вот и все, что мы знаем об этом важнейшем эпизоде франкского завоевания. Даже предания не добавляют к этому ничего больше. Тем не менее F. Lot. *La conquête du pays d'entre Seine et Loire* [N 264] предлагает плодотворную догадку. Отмечая, с одной стороны, что ни один текст не говорит о прямом вторжении франков на запад Галлии, а с другой, что Мен с прилегающими территориями в государстве Меровингов обладал особым статусом (особенно с точки зрения налогообложения), он полагает, что население древнего *Tractus Armoricanus* (Армориканской области) — о чьих попытках добиться независимости в V в. нам известно, — видимо, договорилось с франками в собственных интересах, не дожидаясь столкновения и, возможно, опасаясь вестготов или бретонцев.
- ¹⁴ После победы над Сиагрием хронология правления Хлодвига представляет чрезвычайно сложную проблему, которая в 1935–1938 гг. вызвала немало споров между учеными. Мы не станем вдаваться в хитросплетения этой дискуссии (см. стр. 287). Для нескольких эпизодов мы приведем всего две даты — первая почерпнута из «краткой» хронологии Лота (на наш взгляд, наиболее приемлемой), а вторая — из «пространной» Van de Вивера.
- ¹⁵ По поводу дипломатической подготовки см. солидное исследование Levillain. *La crise des années 507–508* [N 262].
- ¹⁶ См. стр. 287.
- ¹⁷ Относительно Парфения, в ожидании всестороннего исследования, см. заметки A. Nagl. Parthenius, N 21, в Pauly-Wissowa. *Realenzyklopädie; Stroheker. Der senatorische Adel* [N 456]. S. 199 и F. Beyerle. *Die beiden deutschen Stammesrechte* // *ZRG, Germ. Abt.*, LXXIII, 1956. S. 126–128.
- ¹⁸ Этим переменам в германском мире способствовало появление славянской и аварской угрозы с Востока. Не

вызывает сомнения то, что франкские короли во главе с Теодебертом ощущали некое имперское или «империалистическое» призвание, побудившее их подчинять германцев, как об этом свидетельствует письмо к Юстиниану, написанное около 539 г. (*MGH. Epp. Merov. et Karol. Aevi*, III, 133): «Вы соизволили узнать, кто мы и в каких провинциях обитаем... Милостью Божией, мы покорили тюрингов, приобрели их землю, уничтожили их королевский род; нашему величеству подчинились швабы (аламаны. — Л. М.); саксы и *Eucii* (не локализованы. — Л. М.) добровольно повинуются нашей воле; наша власть простирается до Дуная, достигает границ Панонии и Океана».

- ¹⁹ Разрозненные аламаны, должно быть, поселились в разных местах Бургундии: ср. P. Lebel. *Noms de lieux dus aux Alamans en Côte-d'Or et en Haute-Marne // XXVIII^e Congrès de l'Ass. bourguignonne des Soc. sav.*, 1957. Р. 128–130.
- ²⁰ Создается впечатление, что часть аламаннов согласилась осесть на швейцарской равнине только за неимением лучшего. Для них главным магнитом оставалась Верхняя Италия, куда они наведывались в конце III, а потом в середине V в. Отряд аламаннов был основной ударной силой войска под командованием Витигеса, с которым столкнулся франкский король Теодеберт в 539 г. в Италии.
- ²¹ В эпоху могущества готов некоторые аламаннские вожди, вероятно, стремились к арианству, особенно король Гибуульт. Ничего долговечного из этого не получилось.
- ²² Хотя в письме Теодеберта к Юстиниану (около 539 г.) они не упоминаются.
- ²³ Некоторые бавары приняли участие в завоевании Италии лангобардами (ср. стр. 108); другие закончили свое путешествие в Бургундии, подарив топонимы Бейвье и Бейвье северо-западной части департамента Эн. Послед-

няя лангобардская династия в Италии имела примесь баварской крови.

- ²⁴ По поводу этих последних эпизодов см. нашу работу *Варварские нашествия на Европу. Вторая волна*.
- ²⁵ В «*Origo gentis Langobardorum*» (Происхождении народа лангобардов) (середина VII в.) и, главное, в «*Historia Langobardorum*» (Истории лангобардов) Павла Варнефрида, или Павла Диакона (середина VIII в.); в более пространной *Historia Langobardorum* рукописи из Готы (начало IX в.) немногое достойно внимания.
- ²⁶ Название лангобардов, *Langobardi*, кажется, означает «длиннобородые»; в англосаксонской традиции (Видсид) известна вариация *Headhobeardan*, «боевые *Bardi* (бороды)»; наконец, в древнескандинавской мифологии *Langardhr* является эпитетом Одина — во всем этом трудно разобраться. Долгое время считалось, что названия Барденгау (кантон земли Лунебург) и Бардовик (каролингский город в том же районе) напоминают о пребывании лангобардов на Эльбе; однако Р. Дрогерейт показал, что эти названия связаны с графом Бардо, владевшим этой территорией в IX в. (R. Drögereit // *Niedersächsisches Jahrvol für Langesgeschichte*, XXXI, 1959. S. 38–76).
- ²⁷ По поводу этого обращения в арианство мы располагаем только одним позднейшим текстом, где упоминается, что оно имело место в *Rugiland* (земле ругов), то есть примерно в 489–505 гг.; возможно, оно явилось заслугой ругских миссионеров. Предшествовало ли ему непродолжительное пребывание в лоне ортодоксального христианства? Этого утверждать нельзя.
- ²⁸ Paul Diacre. *Hist. Langob.* [N 33], II, 26. Существует предположение, что в этом очень литературном тексте под «паннонцами» подразумевается древнее население романизированной провинции; «норики» представляют собой либо их аналог, либо баваров, либо болгар.

- ²⁹ Почти нет сомнения в том, что первоначально Альбоин намеревался занять в Италии место остготов, а следовательно, обосноваться в Равенне. Только за неимением лучшего он разместил свою ставку в Вероне. Его преемники колебались между Вероной, Павией и Миланом. Павия, являвшаяся лишь второстепенной резиденцией Теодориха и надежным оплотом арианства, окончательно стала столицей только около 626 г. (Ewig. *Résidence et capitale* [N 445]. P. 36).
- ³⁰ Это междуцарствие получило самые разнообразные трактовки. Многие уверены в том, что в противовес централизующей монархии произошел возврат к традициям германского индивидуализма. Богнетти (Bognetti. *L'influsso* [N 481]) задается вопросом, не следует ли предполагать здесь главным образом своевременное вмешательство византийского золота...
- ³¹ Впервые присутствие аваро-славянской угрозы (авары, как и на Балканах, служили ударной силой, а славяне составляли костяк нападающих) отмечается в 601 г. на п-ве Истрия (Paul Diacre. *Hist. Langob.*, IV, 24). В 603 г. король лангобардов Агилульф посыпает на осаду Кремоны славянский корпус под предводительством аварского кагана (*ibid.*, IV, 28). В 611 г. славяне снова вторглись на п-в Истрия. Затем их продвижение остановилось, возможно, вследствие того, что *limes* был приведен в порядок. Тем не менее около 700 г. славянское население образовало клин, достигавший реки Натисон к западу от Чивидале. Около 641 г. мы узнаем о высадке славян на азиатическом побережье герцогства Беневент (Paul Diacre. *Ibid.*, IV, 44).
- ³² Судьба внутренних городов, известная только по лакунам в епископальных списках, с трудом поддается оценке. Какими войнами вызваны эти промежутки — готскими, лангобардскими — или же просто арианской нетерпимостью? Ситуация нормализовалась только в середине VII в.: ряд ортодоксальных епископских

кафедр был восстановлен по случаю Собора 649 г. в Латеране.

³³ Paul Diacre. *Hist. Langob.*, II, 32. Лот (Lot. *Hospitalité* [N 452]. Р. 1005) полагает, что здесь произошло смешение с «гостеприимством», когда римлянин предоставлял постояльцу-варвару треть своего имущества.

³⁴ Bognetti. *Longobardi e Romani* [N 247].

³⁵ По свидетельству археологии, владения аваров практически совпадали с современной Венгрией. Авары делили их с тюрками, славянами, болгарами и некоторыми осколками германских племен. Авары составляли пра-вящий класс. Если среди мужчин преобладал монголоидный тип, то у женщин он встречается редко или вовсе отсутствует, что, видимо, указывает на обычай экзогамии.

Глава IV

Морские миграции в Северо-Западной Европе

¹ Если привлечь литературные тексты на староанглийском, проблема окутывается еще более густым туманом: в них важную роль играют *Gaetas*, но кто они, юты или *Götar* из Южной Швеции?

² Замедленность этого процесса связана с несовершенством средств морского сообщения и тем, что вначале саксы распыляли свои силы. Решительные действия с их стороны оттягивались до тех пор, пока информаторы не подтвердили, что остров является легкой добычей, в то время как усиление франков лишило их всякой надежды на экспансию в Галлию.

³ Этой картине упадка недостает некоторых оттенков. По-видимому, кое-где города и виллы процветали под защитой фортификаций еще в середине IV в. После 400 г. эти города все еще сохраняли жизненную силу

(Илчестер, Роксетер и, главное, Веруламий / Сент-Олбанс).

- ⁴ Археологи задаются вопросом, была ли эта вторая волна того же самого происхождения, что и первая. В Восточной Англии некоторые выявляют северные элементы, может быть связанные с Ютландией или п-вом Сконе. Королевское кладбище Буффингов вокруг их резиденции Ренделхайма вблизи Ипсвича наводит на аналогии со шведами, особенно известно захоронение в корабле в Саттон-Ху (ср. стр. 294). В Кенте именно с этого времени становятся наиболее очевидными франкские влияния (кладбище в Лиминге). После успеха первых поселенцев миграция покатилась как снежный ком.
- ⁵ За исключением нескольких кельтских эмалированных чаш.
- ⁶ По-видимому, на начальном этапе этот натиск был слишком стремительным для людских ресурсов Уэссекса: отсюда и частые неудачи, засвидетельствованные англосаксонской хроникой, и некоторая медлительность колонизации в центральном Хэмпшире и Уилтшире. Но динамизм оставался отличительной чертой Уэссекса до того самого дня, когда его династия воцарились над объединенной Англией (IX в.).
- ⁷ В церковной сфере этот факт повлек за собой последствия первостепенного значения. Древнейшие институты Берниции выказывают любопытное сходство с установлениями Уэльса.
- ⁸ Маршруты миграции известны только по позднейшим и легендарным рассказам агиографов, которые называют ее начальной точкой либо Уэльс, либо Корнуолл. Их версия — зеркальное отражение достаточно оживленного в их время торгового маршрута (ср. стр. 296).
- ⁹ С X в. возможность взаимопонимания между бретонцами и уэльсцами исключена; тогда как с корнуольцами она сохранялась до XIII в.

- ¹⁰ См. ниже, стр. 297.
- ¹¹ То, что Жио (Giot. *Un type de céramique* [N 495]) приписывает бриттам-бретонцам фиолетовую керамику, обнаруживаемую на юго-восточном побережье от Кибера до мыса Сизун, является не более чем гипотезой.
- ¹² Отметим также, что в VI в. небольшая бретонская церковная колония обосновалась на южном берегу эстуария Сены; до 1790 г. 4 прихода образовывали внутри Руанской епархии анклав в виде диоцеза Доль.

Глава V

Столкновение цивилизаций

- ¹ Лучший общий обзор предложен М. Gysseling. *La genése* [N 277].
- ² Крупный торговый центр Кентовик в VII–VIII вв., вероятно, являлся очагом германской культуры. Германизация Булонне зашла достаточно далеко, чтобы остановить нормальную эволюцию топонимов на *-iacum*, но не смогла их искоренить: *Cessiacum* дал Кеск (иначе Шесси), а *Gilliacum* – Жельк (иначе Жилли). Романская реконкиста, начавшаяся в IX в. на юге, остановилась в конце XIII в. в Аа.
- ³ Островок в Эйфеле оставил след в виде романской терминологии, использовавшейся при размежевании в 721 г. (Éd. W. Levison // *Neues Archiv*, XLIII, 1922. P. 383–385). Трирский оазис был хорошо изучен Э. Эвигом, а главное, *Jungandreas*. *Ein romanischer Dialekt* [N 279]. В радиусе примерно тридцати километров от Трира говорили на сельском диалекте, близком к валлонскому или лотарингскому, засвидетельствованном несколькими топонимами (*Tabernae*, который в германских областях дал *Zabern* – откуда происходит и Саверн, – поблизости от Трира превратился в *Tawern*).

а главное, множеством названий полей (*Longkamp* в 920 г. вблизи Бернкастеля; *Ruvereit* в 1127 г., совр. Рородт = **roburetum*; в 981 г. *Castheneith*, совр. Кестен = **castanetum*, и т. д.).

- ⁴ Первый этап (разрушения римских структур) хорошо изучен в Норике благодаря житию святого Северина, написанному в 511 г. [N 15]. Оно содержит необычайно живой рассказ о событиях, произошедших между 453 и 488 гг.
- ⁵ Вопреки народной этимологии названия вроде Вальдштеттен, Валльштадт, Вальдзее, Валенхейм скрывают термин *walah-*, «welch», а каролингские тексты упоминают эти формы как *vicus Romaniscus*, *Walahsteti*, *Walchsē*, и пр. Попытка А. Janda. *Die Barschalen* [N 463] увидеть в полурабском классе *barschalen*, упоминаемом вплоть до XIII в., потомков порабощенного романского населения, похоже, провалилась.
- ⁶ По поводу этой проблемы, см. W. von Wartburg. *Die Ausgliederung der romanischen Sprachräume*. Bern, 1950.
- ⁷ По оценке С. Маззарино на начало V в.
- ⁸ Stroheker. *Der senatorische Adel* [N 456].
- ⁹ Бывший префект Галлии Дардан вместе с беженцами из Трира обосновался в укрепленной вилле в Южных Альпах; другие приняли участие в основании монастыря Лерен.
- ¹⁰ См. стр. 98. В сердце меровингского королевства уцелел только один сенаторский род, к которому принадлежал Нумериан, епископ Трира.
- ¹¹ A. Coville. *Les Siagrii // Recherches sur l'histoire de Lyon* [N 224]. Р. 3–29, стоит дополнить, ознакомившись с C. Cipolla. *Monumenta Novaliciensia vetustiora*. I. Р. 13 и сл. (переработанное издание).
- ¹² Sidoine, *Carmina*, XXII.
- ¹³ Cp. Böhner. *Die fränkischen Altertümer* [N 409] и *Ewig. Trier im Merowingerreich* [N 412].

- ¹⁴ Изданных Gose, Katalog... [N 4].
- ¹⁵ Karl Zimmermann. Vom Römerkastell Andernach zur mittelalterlichen Stadt // *Rheinische Vierteljahrsblätter*, XIX, 1954. S. 317–340.
- ¹⁶ Henri Pirenn, Le fisc royal de Tournai // *Mélanges F. Lot*, Paris, 1925. P. 641–648.
- ¹⁷ M. Fleury. Paris [N 401].
- ¹⁸ См. стр. 174 и сл.
- ¹⁹ Впрочем, это были земли не самые плодородные; окончательное их запустение связано главным образом с теми возможностями для охоты, которые нашли там франкские короли. Ср. L. Musset. *Les forêts de la Basse-Seine* // *RA*, 1950, II, p. 84–95.
- ²⁰ См. стр. 175.
- ²¹ Очевидна преемственность между крупной римской и франкской королевской *villa* (например, описанный Григорием Турским *Brinnacus*, совр. Берни-Ривьер, Эн). Однако случаи выживания или возрождения были редкими, поскольку существование крупной *villa* было неотделимо связано с социальным укладом.
- ²² Böhner. *Die fränkischen Altertümer* [N 189].
- ²³ Хариатто Валанский, Арбогаст Шартрский, без сомнения, происходили из франкских семей, издавна состоявших на службе у Рима.
- ²⁴ Helen Wieruszowski. Die Zusammensetzung des gallischen und fränkischen Episkopats // *Bonner Jahrbücher*, CXXVII, 1922. S. 1–83.
- ²⁵ Прекрасно охарактеризованные в Werner. *Zur Entstehung* [N 311].
- ²⁶ Особенно Salin. *Civilisation mérovingienne* [N 308]. Т. II. P. 189–192.
- ²⁷ См., например, Heurgon. *Trésor de Tunus* [N 432].
- ²⁸ Мы заимствуем часть этих наблюдений у R. Lantier // *Journal des Savants*, 1962. P. 98–99. Ср. также R. Mac Mullen. The celtic Renaissance // *Historia*, XIV, 1965. P. 93–104.

- ²⁹ Часто устанавливается соответствие самих основ: например, герм. *-reiks* для имен на *-rix*.
- ³⁰ Adolf Bach. Zur Frankonisierung des deutschen Orstnamenschatzes // *Rheinische Vierteljahrsblätter*, XIX, 1954. S. 30–44.
- ³¹ Таким образом, следует отказаться от тезиса, введенного в моду книгой W. Arnold. *Ansiedlungen und Wandergungen deutscher Stämme*. 1875, которая, например, связывает названия на *-ingen* с аламаннами, а на *-heim* – с франками. В действительности речь идет о типах, общих для нескольких народов и перемешанных в одном и том же регионе. С помощью этих окончаний можно различить хронологические пласти, а не этническую структуру.
- ³² Лучшие, хотя и недостаточно критические, перечни можно найти в кн.: Gamillscheg. *Romania germanica* [N 316].
- ³³ Бедро, позвоночник, бок, молочный зуб (*фр.*) – Примег. перев.
- ³⁴ Белый, коричневый, голубой, серый, тусклый (*фр.*) – Примег. перев.
- ³⁵ Бук, бирючина, тростник, хмель, живая изгородь (*фр.*) – Примег. перев.
- ³⁶ Зерновой хлеб, сноп, козел, фураж (*фр.*) – Примег. перев.
- ³⁷ Ситуация в Британии рассматривалась на стр. 126; о римских Балканах речь пойдет в томе II настоящей работы.
- ³⁸ Мы вкратце излагаем несколько хорошо продуманных страниц J. Fontaine // *Settimane...*, IX, 1961. Р. 217–221.
- ³⁹ Этот пункт спорен, ср. стр. 114.
- ⁴⁰ Некоторые города были разрушены, например *Julium Carnicum* (Зуглио, к северу от Удине).
- ⁴¹ Сохранились фрагменты толкования на Евангелие от святого Иоанна, *Skeireins*, несколько записок на полях и две хартии. Практически все, что мы знаем о готском

языке, происходит из итальянских рукописей (часто папирусистов), но язык Вульфилы служил также готам Египта и, безусловно, Аквитании и Испании. Этот язык быстро исчез, а его документы преследовались как арианские.

⁴² Herbert Bloch. Ein datierter Ziegelstempel Theoderichs des Grossen // *Mitteilungen des deutschen archaeologischen Instituts, Röm. Abt.*, LXVI, 1959. S. 196–203.

⁴³ Fiebiger-Schmidt. *Inschriftenammlung...* [N 3], N 193.

⁴⁴ Courcelle. *Les lettres grecques* [N 85]. P. 258–259.

⁴⁵ См. стр. 259.

⁴⁶ У этого морального успеха имелся также экономический аспект. Теодорих сумел использовать возможности, которые открывал перед ним важный маршрут Аквилея — Паннония — балтийское побережье. Солдаты и добыча, прибывавшие из Италии, породили золотой век на островах Балтики. Возможно, этот же самый успех имел также художественную и техническую стороны. Полагают, что готская Италия сыграла заметную роль в формировании скандинавского орнаментального стиля VI в.

⁴⁷ Только в 817 г. проантичная реакция восстановила название *regnum Italiae* (королевство Италии). Византийский юг Италии сохранял название Лангобардии вплоть до XI в.

⁴⁸ Panazza. *Lapi e sculture* [N 9].

⁴⁹ Они снова появились в составе правящих слоев только после освобождения Септимании от мусульман в VIII в. (например, святой Бенедикт Анианский).

⁵⁰ M. Lugge. *Gallia und Francia* [N 405].

⁵¹ Следовало бы оттенить это слишком спешное заключение. В Речии и Аквитании *Romanus* (римлянин) в «этническом» смысле просуществовал дольше, чем где-либо; в последней к концу меровингской эпохи это слово часто принимало «региональное» значение (в качестве синонима аквитанца). Бретонцы оставались за

рамками объединения. В Аквитании в начале VIII в. растущую роль играл негерманский народ-завоеватель, баски. Многие источники называют *Vascones* (васконами) жителей территории к югу от Гаронны, которая превратилась в *Vasconia* (Васконию), или Гасконь. Обо всем этом, ср. замечательное исследование Ewig. *Volkstum* [N 400].

⁵² Bergengruen. *Adel und Grundherrschaft* [N 393].

⁵³ Sprandel. *Der merowingische Adel* [N 415].

⁵⁴ Этим объясняется то, что мы никогда не сможем установить связи между эпонимами бесчисленных мест на *-villa*, *-curtis*, *-ingen* и *-heim* и великими аристократическими родами меровингской эпохи, известными из текстов.

⁵⁵ Рише, *Education et culture* [N 97]. Р. 220–291, обоснованно и подчеркнуто отмечает это противостояние.

⁵⁶ Мы не можем распространяться о региональных особенностях германо-римского объединения. Тем не менее напомним, что в Провансе Меровинги сохранили остготские механизмы; что в Аквитании последним прибежищем (в 677–678 гг.) муниципальной жизни на римский манер оставался Пуатье, а Тур, Бурж, Клермон, Лимож, Бордо, наряду с Пуатье, были последними оплотами сенаторского сословия; что в Бургундии правящий класс долгое время оставался римским, хотя большая часть населения усвоила варварский образ жизни...

Заключение

¹ Мы присоединяемся к интерпретации: K. F. Stroheker. *Um die Grenze zwischen Antike und abenländischen Mittelalter* // *Saeculum*, I, 1950. S. 433–465.

Книга вторая
НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предисловие

- ¹ L'avènement de Clovis II et les règles d'accession au trone chez les Mérovingiens // *Mélanges L. Halphen*. Paris, 1951. P. 155–164.
- ² Малый *Manuel d'épigraphie chrétienne d'après les marbres de la Gaule* (E. Le Blant, Paris, 1869) устарел и к тому же относится к предшествующей эпохе. Очерк Поля Дешана (Paul Deschamps. Etude sur la paléographie des inscriptions lapidaires // *Bulletin monumental*, LXXXVIII, 1929. P. 5–86) поверхностен и ориентирован на более поздний период. Досадным образом обе работы игнорируют тексты, выгравированные на предметах утвари, столь информативные для истории цивилизации.
- ³ Это касается, например, монументального собрания Barrière-Flavy [N 289].
- ⁴ Les chapiteaux de marbre du VIIe siècle en Gaule, style et évolution // *Cahiers archéologiques*. II, 1947. P. 69–85; Rèpartition des sarcophages mérovingiens à décor en France // *Etudes mérovingiennes*. Poitiers, 1952. P. 117–126; Les sarcophages de plâtre à décor trouvés autour de Paris, Paris et Ile-de-France // *Mémoires*, XI, 1960. P. 257–269.
- ⁵ Дать ориентиры может очерк H. Zeiss [N 313].
- ⁶ Отправной точкой этого процесса послужила его книга *L'art pré-roman* [N 299].
- ⁷ *Corpus delle sculture altomedievale*, опубликованный Centro italiano di studi sull'alto medioevo, том I которого вышел в 1959 г. (Лукка).
- ⁸ Образец практического решения этой задачи для небольшого региона можно найти в кн.: M. E. Mariëns. *Les vestiges archéologiques de la région de Lesse et Lomme des*

origines aux Mérovingiens // *Ardenne et Gaume, monographie 4*. Bruxelles, 1961.

⁹ *Histoire littéraire* [N 106] и *Sur quelques textes* [N 107].

¹⁰ Относительно искусства, ср. Knögel. *Schriftquellen* [N 300].

¹¹ В продолжение слегка устаревшей работы аббата Тугара, Tougard. *De l'histoire profane dans les Actes des Bollandistes*. Paris, 1874.

Глава VI

Общие проблемы

¹ Существуют также нюансы религиозного характера: в арианских государствах это приверженец ортодоксальной веры; ср. Григорий Турский. *Lib. in gloria martyrum*, 24: «Римлянами зовут людей нашей веры» (у вестготов).

² Относительно *barbaricarius*, W. G. Sinnigen. *Barbaricarii, Barbari and the Notitia Dignitatum* // *Latomus*, XXII, 1963. P. 806–815.

³ Краткие указания можно найти в: Latouche. *Grandes invasions* [N 109]. P. 13–15, и F. Thibault. *Les impôts directs* // RHD, XXV, 1901. P. 708–709, а также в более детальном обзоре: Ewig. *Volkstum* [N 400]. P. 609 и сл.

⁴ Sinor. *Les Barbares* [N 545].

⁵ Греч. слово.

⁶ Этим уместным замечанием мы обязаны Feist. *Germanen und Kelten* [N 119]. S. 52–54.

⁷ Некоторые ссылки в кн.: Thompson. *The conversion* [N 199]. S. 7.

⁸ Cl. Saúncchez-Albornoz. *Settimane...*, IX, 1961. P. 437–438; El senatus visigodo // *Cuadernos de Historia de España*, VI, 1946. P. 45–46.

⁹ Оно было мастерски исследовано Куртуа. *Vandales* [N 233], чьи выводы были оспорены Френдом [N 235].

¹⁰ См. Demougeot. *Le chameau* [N 428].

¹¹ По поводу франкских военачальников ср. Stroheker. *Zur Rolle der Heermeister* [N 267].

- ¹² См. библиографический обзор в R. MacMullen, *Barbarian Enclaves in the northern Roman Empire*, *L'antiquité classique*, XXXII, 1963. Р. 552–561. Относительно Поздней Римской империи см. Sirago. *Galla Placidia* [N 76]. Р. 499–500.
- ¹³ Нападки Мориса Роблена (Maurice Roblin. *Le nom de «Mauritania»* // *Bull. Soc. Nat: Antiq. France*, 1948–1949. Р. 171–182) на традиционную интерпретацию остаются не слишком убедительными.
- ¹⁴ Например, для ознакомления: Longnon, *Noms de lieu* [N 321]. Р. 127–137. Позиции топонимистов были бы сильнее, если бы их подтвердили археологические свидетельства.
- ¹⁵ Не была ли бытовая юридическая практика частично германизирована до варварского завоевания? Положительный ответ на этот вопрос позволил бы разрешить дилемму, связанную с происхождением кастильских фуэрос: «вульгарное римское право» или «германское право» (ср. стр. 262)?
- ¹⁶ См. особенно Sirago. *Galla Placidia* [N 76]. Р. 369–398.
- ¹⁷ Courtois. *Vandales* [N 223]. Р. 147–148; Ch. Saumagne. *Les circoncellions d'Afrique* // *AESC*, VI, 1934. Р. 351–364.
- ¹⁸ В то же время святой Герман Оксеррский защищал интересы армориканцев легальными способами в Равенне.
- ¹⁹ Для ознакомления с фактами см., прежде всего, W. Levison. *Bischof Germanus von Auxerre* // *NA*, XXIX, 1903. Р. 95–175; Sirago. *Galla Placidia* [N 76]. Р. 380 и сл.; Loyen. *Recherches historiques* [N 91]. Р. 45, 65–66.
- ²⁰ См. Mazzarino. *Si puo parlare* [N 72] и Erika Engelmann. *Zur Bewegung der Bagauden im römischen Gallien* // *Festchrift H. Sproemberg*. Berlin, 1956. S. 373–385.
- ²¹ Сираго, *Galla Placidia* [N 76]. Р. 501 и сл., высказывает ошибочную гипотезу по поводу связи между летами и багаудами. Едва ли стоит о ней вспоминать. Багауды не раз парализовали римскую оборону от варваров. Несколько причин объясняют их исчезновение после 454 г.:

ослабление государства и давления с его стороны; появление поселенцев-варваров, особенно на Луаре, что исключило всякую возможность успеха общего восстания.

- ²² Томпсон, *The settlement* [N 198], полагает, что в первые годы своего пребывания в Аквитании вестготы пытались солидаризоваться с сельскими восстаниями; быстрое вмешательство патриция Констанция, предоставившего им *fædus* в 418 г., спасло социальный порядок. Этого нельзя исключить, но доказательства ничтожны.
- ²³ Таков, по крайней мере, тезис, с блеском отстаиваемый С. Маззарино, *Si puo parlare...* [N 72]. P. 415–416.

- ²⁴ J. Hubaux. *La crise...* [N 65].
- ²⁵ Courcelle. *Histoire littéraire* [N 106]. P. 55.
- ²⁶ Рассматриваемом в основном по R. Thouvenot. Salvien et la ruine de l'Empire romain // *MAHR*, XXXVIII, 1920. P. 145–163 и Courcelle. *Histoire littéraire* [N 106]. P. 119–130.
- ²⁷ По поводу этого поучительного эпизода, ср. Chr. Lacombrade. *Synusios de Cyrune, hellune et chrutien*, Paris, 1951. P. 202.

- ²⁸ Несмотря на победу христианства, количество жестоких кар увеличивалось.

- ²⁹ Известные стихи Рутилия Намациана свидетельствуют о том, что он выжил в катастрофе 410 г.

- ³⁰ Ср. стр. 135.

- ³¹ Текстов предостаточно (Courcelle, *Hist. littéraire* [N 106]): голод, доходивший до каннибализма, коллективные самоубийства, знатные дамы, доведенные до нищенства, депортации, аресты и избиение заложников, — недостатка нет ни в чем, и этот никак не литературные штампы!

- ³² A. Audin // *Rev. archéol. de l'Est*, IV, 1953. P. 61–65, и *Bull. Soc. Nat. Antiq. France*, 1952–1953. P. 87–88.

- ³³ Grègoire de Tours. *H. F.* [N 32], V, 17; G. Panazza. *Lapidi di Pavia* [N 9], inscr. 10.

- ³⁴ Ср. Wenskus. *Stammesbildung* [N 135].

- ³⁵ См. яркую статью De Vries. *Königtum* [N 141].

³⁶ В начале V в. они делились на основную группу, остававшуюся в Дании, и ответвление на среднем Дунае. Последнее, изрядно потревоженное лангобардами в 505 г., в свою очередь, распалось надвое. Одна из этих частей поселилась в Восточной Империи, а вторая, возглавляемая королевским родом, отправилась на воссоединение со своими собратьями на берега Балтийского моря (около 512 г.).

³⁷ E. A. Thompson. *The settlement* [N 198]. P. 66–67.

³⁸ См. начало кн.: F. Lot. *L'art militaire et les armées au Moyen Age en Europe et dans le Proch-Orient*. Т. I, Paris, 1946, которая, впрочем, представляет собой лишь набросок. Вторжения не произвели революции в римской тактике. Предшествовавшие контакты были слишком тесными, чтобы оставалось место для неожиданностей. Наименее привычной была маневренная тактика конных лучников. Руководства по тактике Поздней Римской империи свидетельствуют об адаптации маневров для возможных врагов. Зато о тактике варваров мы не знаем почти ничего.

³⁹ Греч. слово.

⁴⁰ См. также стр. 182. Таким образом, выводы М. Блока, *Les invasions* [N 105], остаются достаточно гипотетическими. Ср. текст Мария Аваншского за 569 г.: «Албоин... со всем войском... с женщинами и всем своим народом *in fara* Италию захватил».

⁴¹ Прежде всего Fuchs. *Kunst der Ostgotenzeit* [N 175]; см. также D. P. Dimitrov. *Les peintures murales du tombeau antique de Siliстра* // *Cahiers archéologiques*, XII, 1962. P. 35–52.

⁴² Courtois. *Les Vandales* [N 233]. P. 229.

⁴³ По крайней мере, на Западе; на Востоке неизбежно привлекают внимание тексты вроде рассказа Приска, посланника при дворе Аттилы: см. прелестную брошюру E. Doblhofer. *Byzantinische Diplomaten und östliche Barbaren*, Graz, 1955.

- ⁴⁴ По поводу последнего пункта проницательные суждения содержатся в кн.: R. de Abadal. *Del reino de Tolosa...* [N 182]. P. 30.
- ⁴⁵ У Куртуа. *Les vandales* [N 233], мы найдем список императорских посланников в Карфагене, однако без всяких комментариев.
- ⁴⁶ И в итоге осужденных по причинам религиозного порядка: Prosper Tiro. *Chron.*, ann. 437.
- ⁴⁷ Неполный список этих римских советников был составлен Э. Эвигом, *Résidence et capitale* [N 445]. P. 30.
- ⁴⁸ Для Галлии см. Adrien Blanchet. *Les enceintes romaines de la Gaule*. Paris, 1907; Albert Grenier. *Manuel d'archéologie gallo-romain*. T. I. Paris, 1931. P. 403–484.
- ⁴⁹ Paulin de Pella, *Eucharisticos*, v. 333–343.
- ⁵⁰ Ср. Jérôme Carcopino. *Les castella de la plaine de Sétif* // *Revue africaine*, LIV, 1918. P. 5 и сл.
- ⁵¹ *Carmina*, XXII, 101–129.
- ⁵² Некоторые священнослужители (Ницетий Ремезианский, Виктристий Руанский, Амантий Аквилейский), на прямую соприкасавшиеся с варварами, осознавали этот недостаток и искали средства его исправить; они не были услышаны.
- ⁵³ Предложенное П. Курселем, *Settimane...*, IX, 1961. P. 644–645.
- ⁵⁴ Особенно P. Courcelle. *Histoire littéraire* [N 106].
- ⁵⁵ Например, клад золотых изделий из Тене: J. Heurgon. *Le trésor de Tènè* [N 432].
- ⁵⁶ Основные документы собраны в: P. Courcelle. *Hist. littéraire* [N 106]. P. 40–46, и *Sur quelque textes* [N 107], а также Sirago. *Galla Placidia* [N 76].
- ⁵⁷ *MGH, Epist.*, I, 319.
- ⁵⁸ Впрочем, этот эпизод имеет привкус легенды; Paul Diacre. *Hist. Langob.* [N 33], IV, 37.
- ⁵⁹ Courtois. *Victor de Vita* [N 247]. P. 58, 81; R. Louis. *Saint Germain d'Auxerre et son temps*. P. 49, и др.
- ⁶⁰ J. Fontaine. *Isidore de Sèville* [N 86]. P. 855–856.

- ⁶¹ Некоторые эпиграфические ссылки в: Demougeot. *De l'unité* [N 63]. P. 525.
- ⁶² C. I. L., IX, 1596.
- ⁶³ Courcelle. *Sur quelques textes* [N 107]. P. 32–34.
- ⁶⁴ Это предположение подтверждает один факт. В то время как вторжения III в., застигнувшие врасплох процветающий Запад, выразились в закапывании неисчислимого количества кладов, иногда содержащих сотни килограммов серебра, завоевания V в. редко приводили к подобному результату.
- ⁶⁵ J. Werner. *Zu den auf öland und Gotland gefundenen Goldmünzen // Fornvärnen*, XLIV, 1949. S. 257–286.
- ⁶⁶ По поводу добычи, оставшейся на месте, в Африке, см. Courtois. *Vandales* [N 233]. P. 275. О добыче от разграблений Рима в 410 и 455 г.: Courcelle. *Hist. littéraire* [N 106]. P. 35–40 и 152–154; Courtois. *Ibid.* P. 194–196. Стоит раскрыть две особенности грабежа Рима 455 г.: методичная рассудительность вандалов (например, отбор статуй, доказывающий, по крайней мере, частичное усвоение римских ценностей) и тот факт, что изрядная часть добычи была просто-напросто перевезена из императорской сокровищницы к Гензериху (в том числе и богатства, захваченные Титом в Иерусалиме); таким образом, с экономической точки зрения это событие осталось бесплодным.
- ⁶⁷ Olympiodore. *Excerpta / Èd. de la Byzantine de Bonn.* P. 470, fr. 22.
- ⁶⁸ См. Paul Allard. *Une grand fortune romain au Ve siècle // Revue des Questions historiques*, XLI, 1907. P. 5–30.
- ⁶⁹ Courcelle. *Hist. littéraire* [N 106]. P. 69–74.
- ⁷⁰ Этот факт был убедительно доказан Томпсоном. *Christianity* [N 150] и *Early visigothic christianity* [N 171]. P. 807.
- ⁷¹ Всегда полезно обратиться к Х. фон Шуберту (H. von Schubert. *Geschichte des christlichen Kirche im Frühmittelalter*. Tübingen, 1917–1921) и проницательному суждению Mappy (H. I. Marrou. *Nouvelle histoire de l'Eglise...*, I, Paris,

1963. Р. 465–471). Однако история германского арианства стоит на пороге обновления благодаря Э. Томпсону: см. библиографию, N [171], [172 *bis*], [199].

⁷² Что само по себе не было спецификой арианства, а лишь восточной чертой, присущей всем церквям, основанным византийской миссией.

⁷³ См. стр. 79.

⁷⁴ См. стр. 108.

⁷⁵ Как этот запрет применялся на практике? Известно, что государи всегда считали себя свободными от его соблюдения. Что же касается частностей, то Томпсон, *The conversion* [N 199]. Р. 32, и Куртуа, *Vandales* [N 233]. Р. 220, собрали эпиграфические примеры смешанных браков.

⁷⁶ Законодательство Империи выносило еретические церкви за городские стены, но оно соблюдалось не в полной мере. Тем не менее некоторые арианские церкви Италии находятся «за стенами» (Аквилея, Милан, Неаполь); см. Cecchelli. *L'arianesimo* [N 206].

⁷⁷ Ср. стр. 264.

⁷⁸ Чему учат нас по поводу германской колонизации Франции последние работы по топонимии, CRAI, 1945. Р. 289–298; *L'antroponymie française // Hommage offert à Ferdinand Lot*. Paris, 1946. Р. 17–37.

⁷⁹ Это излюбленный тезис Броена, *Le peuplement germanique* [N 184].

⁸⁰ Этим, безусловно, объясняется то, что в Пе де Ко топонимы, образованные от имени франка + окончание *-iacas*, полностью исчезли под влиянием норманнов. Эта мода, конечно, не была воспринята крестьянами, которые одни оставались на месте после 911 г.

⁸¹ F. Lot. *Noms de lieux en ville et en court* [N 322].

⁸² Неогороженный участок, превращаемый после снятия урожая в общий выгон (англ.). — Примег. перев.

⁸³ Мы видим, как изменились взгляды историков с тех пор, как в 1934 г. Роже Дион, противопоставляя сель-

ский уклад Северной и Южной Франции, написал по поводу линии, разделявшей их в XVIII в.: «Можно говорить о военном фронте, ограничивавшем какое-то мощное немецкое вторжение с юга и запада» (*Essai sur la formation du paysage rural français*. Tours, 1934. P. 150). С тех пор автор пересмотрел свои позиции.

⁸⁴ Bloch. *Les invasions* [N 105].

⁸⁵ В числе самых заметных назовем Кельн, Майнц, Регенсбург, *Carnuntum*, *Aquincum*. Две императорские резиденции, Трир и Сирмий, находились неподалеку от границы.

⁸⁶ Возможно, у франков это предварительное урбанистическое образование продвинулось дальше всего: Нимвеген и Уtrecht, расположенные на территории, захваченной ими в середине IV в., как минимум, сохранили свое название. Возможно, это положило начало процессу, в результате которого Хильдерикус выбрал своей резиденцией Турне.

⁸⁷ Эта проблема была великолепно рассмотрена в начале статьи Эвига. *Résidence et capitale...* [N 445].

⁸⁸ Многочисленные статьи кратко изложены в: *Praetorium, palais burgonde et chateau comtal. Genava*, XVIII, 1940. P. 69–87, и *Le prieuré Saint-Victor, les débuts du christianisme et la royaute burgonde à Genève // Bull. de la Soc. d'Hist. et d'Archéol. de Genève*, XI, 3, 1958. P. 211–258.

⁸⁹ См. стр. 157.

⁹⁰ См. стр. 236. Необходимо подчеркнуть, что даже в варварских кварталах все — архитектура, планы и декор — оставалось верным римской традиции. О более явном уважении нельзя было бы и мечтать.

⁹¹ Большая перестройка африканских городов в VI и VII вв. является делом рук византийских военных инженеров, строивших тесные цитадели из материалов разобраных общественных зданий. Для наследия прошлого эта работа оказалась куда более разрушительной, чем воздействие вандалов.

- ⁹² Символом приобщения варваров к городу стало то, что их короли начали увековечивать память о себе, основывая города, присваивая им свое имя. Около 578 г. Леовигильд заложил Реккополис (в честь своего сына Реккареда) на Тахо, выше Толедо. В Африке Гадрумет (Сузы) был переименован в Гунерихополис. Кур в Речии на короткий период стал Теодорихополисом.
- ⁹³ Фундаментальные исследования на данную тему, которые будут углублены в следующем томе, это: Chénon. *Le defensor civitatis* [N 61]; Joseph Tardif. *Les chartes mérovingiennes de Noirmoutier* // RHD, 1898. P. 763–790; Jean Richard. *Le defensor civitatis et la curie municipale dans la Bourgogne du VIII siècle* // *Mém. Soc. Hist. Dr. et Inst. anc. pays bourguignons...*, XXI, 1960. P. 141–145.
- ⁹⁴ Спор начался в 1904 г. с великой работы шведского ученого Б. Салина. *Die altgermanische Thierornamentik* [N 156], впервые предложившего удовлетворительную классификацию варварских стилей, рассматриваемых исходя из Скандинавии. Иранская гипотеза обязана своей самой ясной формулировкой русскому ученому Михаилу Ростовцеву (Michael Rostovtzeff), прежде всего в его большом обзоре *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922. Наконец, главным защитником римской гипотезы стал швед У. Холмквист. *Germanic art* [N 154].
- ⁹⁵ Которые между тем также испытали ряд восточных и понтийских влияний. Таким образом, вливания этих последних элементов осуществляются на нескольких стадиях хронологического развития.
- ⁹⁶ См. прежде всего: Salin и France-Lanord. *Le fer à l'époque mérovingienne* [N 309], а также работы не столь технического характера одного Салина: *La métallurgie du fer au lendemain des grandes invasions* // CRAI, 1956. P. 24–29; *Les techniques de la damasquinure* [N 307]; *La civilisation mérovingienne* [N 308].
- ⁹⁷ См. тексты, собранные в кн.: Fontaine. *Isidore de Séville* [N 86]. P. 817–818.

- ⁹⁸ Riché. *Education et culture* [N 97]. P. 237.
- ⁹⁹ Весьма уместны наблюдения Фонтена, *Isidore* [N 86]. P. 833 и 843–846.
- ¹⁰⁰ *De l'état de l'instruction* [N 96].
- ¹⁰¹ Cp. Riché. *Education et culture* [N 97]. P. 254–291, и статьи того же автора *La survivance des écoles* [N 98] и *L'instruction des laïcs en Gaule mérovingienne au VII^e siècle* // *Settimane...*, V, 1958. P. 873–888.
- ¹⁰² Fontaine. *Isidore* [N 86]. P. 876, n. 4; *Vitas sanctorum patrum Emeretensium* [N 423]. P. 192.
- ¹⁰³ Fontaine. *Isidore*. P. 880–881.
- ¹⁰⁴ Рише. *Education et culture*. P. 184–185, собрал несколько показательных текстов по медицине.
- ¹⁰⁵ См. Kemp Malone. *Widsith*. Copenhagen, 1962 (автор не принимает во внимание ошибочных теорий Р. Л. Рейнольдса по поводу этой поэмы).
- ¹⁰⁶ Трезвые суждения можно найти в кн.: Brady. *The legends of Ermanaric* [N 217] и Zink. *Les légends héroïques* [N 220].
- ¹⁰⁷ Cp. Musset, Mossè. *Introduction à la runologie* [N 148], а главное, G. Baesecke. *Vor- und Frühgeschichte des deutschen Schrifttums*. Halle, 1940–1950.
- ¹⁰⁸ См. карту в L. Musset. *La conversion des Germains* // *Histoire universelle des missions catholiques*. T. I. Paris, 1957. P. 109.
- ¹⁰⁹ Joachim Werner. *Waage und Geld in der Marowingerzeit*, *Sitzungsberichte d. Bayer. Akad. der Wiss., Phil.-Hist. Klasse*, 1954. T. I.
- ¹¹⁰ *Der merowingische Adel* [N 415].
- ¹¹¹ Саксонская Англия, ставшая христианской, чувствовала себя обязанной перед древними саксами континента, прежде всего, конечно, обязанной в религиозном плане, но, кроме того, — и Беда тому свидетель — в плане этнической солидарности. Это чувство долга и стало одним из причин англосаксонской миссии в Германии.
- ¹¹² Мы вернемся к ним в томе *Le haut Moyen Age occidental: les pouvoirs*.

¹¹³ Здесь не место рассматривать его традиционные атрибуты; в настоящее время высказываются сомнения относительно «Римского закона бургундов» и «Эдикта Теодориха» (первый П. Раси считает делом рук Гундобада, римского магистра войска; во втором случае А. д'Орс уверен, что «Эдикт» на самом деле составлен в галльских землях, входящих в государство Теодориха).

¹¹⁴ Проблема заключается в следующем: в кастильских фуэрос, позднейших по отношению к Реконкисте, можно обнаружить элементы, одинаково чуждые официальному римскому праву, компиляциям эпохи вестготов и мусульманскому праву (личная месть, «утренний дар», поручители). Откуда они взялись? Франкские заимствования? Пережитки готских обычаев, незаписанных и находящихся за рамками официального права? Доримские элементы, сохранившиеся в вульгарном провинциальном праве? Сочетание вульгарного римского права, готских и франкских обычаев? Версий — огромное множество.

¹¹⁵ Персональность законов, разумеется, не имела той безусловной этнической природы, которая ей часто приписывается: духовенство, или, по крайней мере, прелаты как класс, считались римлянами независимо от своего происхождения. Крупные землевладельцы-варвары часто составляли завещание — документ, соответствующим их имущественному положению, но неизвестный германскому праву.

¹¹⁶ A. Garcia Gallo. *Nacionalidad y territorialidad del derecho* // *Anuario de historia del derecho español*, XIII, 1936–1941. P. 168–264; cp. W. Reinhart. *Über die Territorialitäüt* [N 196].

¹¹⁷ Alvaro d'Ors. *Estudios visigoticos*: II. *El código de Eurico*. Madrid, 1960; cp. также La territorialidad del derecho de los Visigodos // *Settimane...*, III, 1955. P. 363–408.

¹¹⁸ Wilfried Roels. *Onderzoek naar het gebruik van de aangehaalde bronnen van Romains Recht in de Lex Romana*

Burgundionum. Anvers, 1958; ср. G. Chevrier // BEC, CXVIII, 1960. P. 206–209.

¹¹⁹ Этим объясняется то, что он, «по-видимому, ненадолго пережил исчезновение бургундского королевства» (Gaudemet, *Survivances romaines* [N 448]. P. 160).

¹²⁰ Эта путаница возникла уже в Тулузе: *consiliarius* (советник) совмещал функции, которые в Равенне отводились квестору священного дворца и магистру оффиций. А. д'Орс предположил, что вестготский король Тулузы присвоил сферу компетенции префекта Арля, однако это мнение не получило всеобщего признания.

¹²¹ Фискальные институты будут рассматриваться в книге *Le haut Moyen Age: les pouvoirs*; относительно городских институтов, см. стр. 260.

¹²² Declareuil. *De comtes de cité* [N 62].

¹²³ Bergengruen. *Adel und Grundherrschaft* [N 393]. S. 177–178.

¹²⁴ См., главным образом, Rolf Sprandel. *Dux und comes in der Merowingerzeit* // ZRG, *Germ. Abt.*, LXXIV, 1957. S. 48–84; ср. также Bergengruen. *Op. cit.* [N 393]. S. 179–181 и Dietrich Claude. *Untersuchungen zum frühfränkischen Comitat* // ZRG, *Germ. Abt.*, LXXXI, 1964. S. 1–79.

¹²⁵ E. Babut. *Recherches sur l'administration mèrovingienne* // RH, CXXXI, 1919. P. 265–266.

¹²⁶ Следовало бы прояснить, откуда взялось соответствие между латинскими и германскими титулами (*comes* = *grâvo*, *dux* = *herizogo*). Оно установилось очень поздно. В каролингскую эпоху *grafio* часто приравнивался к *vicecomes*.

¹²⁷ Самая энергичная попытка прояснить этот вопрос была предпринята Ф. Лотом, *Du régime de l'hospitalité* [N 452].

¹²⁸ Многие остготы, расквартированные в городах, в частности в Равенне, обеспечивались продовольствием за счет института анноны, а не «гостеприимства».

¹²⁹ В отношении Испании этот факт был поставлен под вопрос, но ошибочно, по мнению A. Garcia Gallo. *Notas sobre el reparto de tierras entre Visigodos y Romanis* // *Hispania*, I, 1941. P. 40–63.

- ¹³⁰ Можно предположить, что самобытный образ жизни кочевников-алан позволил им воспользоваться *deserta Valentiae urbis* (пустошами города Валентины), перемещаясь там со своими стадами.
- ¹³¹ О возможных увеличениях этой доли в эпоху лангобардов, ср. стр. 113.
- ¹³² У нас есть информация по поводу местожительства: в 456 г. бургунды поселились в доме Сидония Аполлинария (*Carmina*, XII). Позднее у них были собственное жилье (*Lex Burgundionum*, XXXVII, 7). Земли также подвергались разделу (*Ibid.*, статья LV). Тем не менее ни археология, ни топонимика не позволяют восстановить на местности дробление прежней территории поместья на установленные законом доли.
- ¹³³ Thompson. *The Visigoths* [N 172]. Р. 119–120.
- ¹³⁴ Здесь проявляется замечательная перемена в подходах: сенаторам, несшим основные затраты, связанные с гостеприимством, прежние императорские законы предоставляли широкие льготы в вопросе постоянных войск (освобождение от постоянных войск основной резиденции).

Глава VII

Локальные аспекты

- ¹ Египетское зерно, долгое время незаменимое, начиная с Константина, направлялось в Византию.
- ² По поводу последних примеров таких карьер, ср. Courcelle, *Les lettres grecques* [N 85]. Р. 299, п. I.
- ³ Отношение варваров к Средиземноморью еще мало изучено. Современное исследование, озабоченное в основном подтверждением тезисов Пиренна, направляет все свои усилия на экономические проблемы и главным образом на период VII–IX вв. Некоторые сведения можно найти в: Ensslin. *Theoderich* [N 208]; Courtois. *Vandales* [N 233] и Courtois. *Les rapports entre l'Afrique et la Gaule*

au début du Moyen Age // *Cahiers de Tunisie*, II, 1954. P. 127–145.

- ⁴ Между 367 и 419 гг. количество «продовольственных карточек» (*frumentationes*) в нем упало от 244 000 до 120 000: Sirago. *Galla Placidia* [N 76]. P. 477.
- ⁵ Courtois. *Vandales* [N 233] и Giunta. *Genserico e la Sicilia* [N 237].
- ⁶ Примерно до 455 г. итальянские берега почти каждый год подвергались их атакам. Около 474 г. состоялось два набега на Эпир и Грецию, а чуть позже два других в Испанию (один – на атлантическое побережье, в Галисию. Неужели вандалы сохранили память о своем прежнем обиталище?).
- ⁷ Несмотря на свои андалузские истоки, Империя Гензериха не установила никакой стабильной связи между Африкой и Испанией или Корсикой и Сардинией, которые служили главным образом местами изгнания. Этую морскую империю нельзя даже сравнивать с ее предшественницами.
- ⁸ J. J. Saunders. The debate on the fall of Rome // *History*, XLVIII, 1953. P. 1–17.
- ⁹ Самые энергичные усилия с целью постичь их своеобразие предприняты Строкекером, *Die geschichtliche Stellung* [N 133]. Мы будем следовать в русле его рассуждений.
- ¹⁰ Ср. стр. 47–68.
- ¹¹ См. в последней связи Wüst. *Goten in Indien?* [N 174].
- ¹² Vasiliev. *The Goths in Crimea* [N 173]; Schwarz, *Die Krimgoten* [N 168].
- ¹³ R. L. Reynolds. *Reconsideration of the history of the Suevi* [N 392].
- ¹⁴ См. примеры в: Zeiss. *Die Grabfunde* [N 202]. S. 126, и Pedro de Palol Salellas. *Hallazgos hispanovisigodos en la provincia de Jaen* // *Ampurias*, XVII–XVIII, 1956. P. 286–292.
- ¹⁵ Изучение распространения по Европе продуктов вестготской культуры только начинается; см. некоторые

- интересные наблюдения в: Jacques Fontaine. *Isidore de Séville. Traité de la nature*. Bordeaux, 1960. P. 69–83.
- ¹⁶ Broëns, *Los Francos y el poblamiento* [N 183].
- ¹⁷ См. стр. 262.
- ¹⁸ Палол Сателлас указывает на типично лангобардские украшения в Испании.
- ¹⁹ Хороший обзор положения дел на 1947 г. приводится в кн.: Heurgon. *L'hypothèse du limes belgicus* [N 278]; ср. также Faider-Feytmans. *La frontière du Nord* [N 275]. Похоже, что нетерпение Верлиндена. *Les origines* [N 285]. P. 36–43, и сарказм Станжера. *La formation* [N 283] уже отодвинуты в прошлое.
- ²⁰ J. Mertens. Oudenburg et le litus saxonicum en Belgique // *Helinium*, II, 1962. P. 51–62.
- ²¹ Ewig. *Die civitas Ubiorum* [N 258]; Stengers. *La formation de la frontière* [N 283].
- ²² ZRG, *Germ. Abt.*, 1935. S. 2; а главное, предисловие к изданию Бейерелем и Бухнером законодательства рипуарияев (*MGH. Leges*, T. III, 2, 1954).
- ²³ Эта идея высказывается очень определенно, но в несколько спорном контексте, в кн.: Bergengruen. *Adel und Grundherrschaft* [N 393]. S. 167 и сл. Проблема вновь поднимается, но более детально, у Бодмера, *Der Krieger der Merowingerzeit* [N 394].
- ²⁴ См. примечание Жана Юбера (Jean Hubert, *BEC*, CVI, 1945–1946. P. 140–142); по поводу «франциски»: G. Kurth. *Etudes mèrovingiennes* [N 261]. Т. I. P. 42–43; «фрамеи»: G. Must. The origin of framea // *Language*, XXXIV, 1958. P. 364–366.
- ²⁵ *Studien zu den grabfunden* [N 232].
- ²⁶ *Les arts industriels* [N 289].
- ²⁷ *Le peuplement germanique* [N 184].
- ²⁸ Разумные соображения об ограниченности наших знаний можно почерпнуть в: Halphen. *Grègoire de Tours historien de Clovis* [N 259].
- ²⁹ Levillan. *La conversion et la baptême de Clovis* [N 263].

- ³⁰ Lot. *La victoire sur les Alamans et la conversion de Clovis* // RBPH, XVII, 1938. P. 63–69.
- ³¹ B. Krusch. *Die erste deutche Kaiserkrönung* // *Sitzungsber. der bayr. Akad.*, 1932. P. 1060.
- ³² Van de Vyver. *La victoire contre les Alamans* [N 268].
- ³³ Это гипотеза Курселя. *Le titre d'Auguste* [N 256].
- ³⁴ Hengist. *Vortigern et la conquête de la Grande-Bretagne par les Saxons* // *Mélanges Bèmont*, Paris, 1913; *Les migrations saxonnnes* [N 347]; *Valeur historique* из *De excido* [N 348]; *Bretons et Anglais* [N 350]; *Nennius* [N 349].
- ³⁵ *Some parallels...* [N 371]. P. 469 и сл.
- ³⁶ *Language and history...* [N 343]. P. 200 и сл.
- ³⁷ В *Dark Age Britain* [N 361]. P. 112–122 и 108–111.
- ³⁸ По поводу этого последнего маршрута ср. стр. 296.
- ³⁹ См. в последней связи, A. R. Burn. *Procopius and the Island of Ghosts* // *EHR*, LXX, 1955. P. 258–261.
- ⁴⁰ Самая последняя и энергичная критика исходила от H. R. Loyn. *Anglo-Saxon England and the Norman Conquest*, London, 1961. P. 24–26. Ср. также Lethbridge // *Dark Age Britain* [N 361]. P. 116, и сл.
- ⁴¹ Ср. K. Sisam. *Anglo-Saxon royal genealogies* [N 354].
- ⁴² Bruce-Mitford. *The Sutton-Hoo ship burial* [N 362] объединяет в себе все самое главное; по поводу даты см., в первую очередь: Lafaurie // *Settimane...*, VIII, 1960. P. 249.
- ⁴³ Подвесная чаша (англ.). — Примег. перев.
- ⁴⁴ C. V. Sutherland, *Coinage in Britain in the 5th and 6th centuries*, в *Dark Age Britain* [N 361]. P. 3–10.
- ⁴⁵ J. P. C. Kent. *From Roman Britain to Saxon England* // *Anglo-Saxon Coins*. London, 1961. P. 1–22.
- ⁴⁶ Macalister. *Corpus Inscriptionum Insularum Celticarum* [N 12]; комментарий Джексона, *Language and History* [N 343]. P. 118–120, и G. Haseloff. *Settimane...*, IX, 1961. P. 477–496.
- ⁴⁷ Житие святого Иоанна Духовника, Grosse, *Las Fuentes* [N 188]. P. 412–413.
- ⁴⁸ Кроме Haseloff. *Op. cit.* P. 480–483, ср. Ralegh-Radford. *Imported pottery* [N 489]; Allen Fox и G. C. Dunning. *Some*

evidence for a dark-age trading site at Bantham // *Antiquaries Journal*, XXXV, 1955. P. 55–67; Al. Young. A bronze age pin from South Uist // *Ibid.*, XXXVIII, 1958. P. 92–94.

⁴⁹ Прежде всего *L'émigration bretonne* [N 497].

⁵⁰ Falc'hun. *Le breton, forme moderne du gaulois* [N 492], и *Histoire de la langue bretonne* [N 493].

⁵¹ Fleuriot. *Recherches sur les enclaves...* [N 494].

Библиография

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

И ДОКУМЕНТЫ

Пояснения к библиографии

История нашествий лежит на стыке двух областей изучения — истории классической античности и истории средневековья. Поэтому специалист по нашествиям использует всю совокупность их источников: как и историк античности, он широко привлекает данные эпиграфики, нумизматики, монументальной археологии, керамографии и пр. Но материала, относящегося к его дисциплине, на пути встречается все меньше и меньше: так, по истечении VII в. эпиграфика уже не может ему по-настоящему помочь. Подобно медиевисту, он желал бы воспользоваться архивными документами, но до IX столетия они крайне редки — только Равеннский папирус да несколько грамотнеровинских королей. В общем, все эти дисциплины не только не балуют бывающим через край богатством, но не в силах даже закрыть зияющего провала.

В результате приходится прибегать к более рискованным отраслям знания, например: к лингвистике, топонимии, антропонимике. Как бы мало ни был знаком с ними обычный историк, здесь не может быть и речи о том, чтобы описывать присущие им методы. Удовольствуемся тем, что обозначим границы. К истории цивилизаций их принципы неприменимы, и данные, которые можно из них извлечь, лишь очень редко заполняют пробелы политической истории.

Огромным недостатком изучаемой эпохи является отсутствие связной историографической канвы. Некоторым народам посчастливилось с великими летописцами: фран-

кам — с Григорием Турским, англам — с Бедой Достопочтенным, лангобардам — с Павлом Диаконом. Но это лишь островки в бескрайнем океане. Большинство фактов можно установить только с помощью документов посредственного качества. Самые немногословные хроники, самые бессодержательные жития святых — уже редкая удача! Целые пластины истории завоеваний, причем важнейшие, вроде первого этапа англосаксонских миграций, не освещаются *ни одним* письменным источником.

Наша библиография страдает фундаментальными пробелами. Для установления даже самого мизерного факта требуется столько труда, что в результате она нередко рассыпается пылью узкоспециальных статеек. Часто историк, раскапывая частности, упускает из виду ненадежность собственных методов и шаткость масштабных построений, которые его исследования призваны подкрепить. И вот, в награду за эту муравьиную работу на протяжении поколений мы с удивлением осознаем, что зачастую извечные истины, благоговейно принятые от пращуров, оказываются с червоточинкой. Вопрос о передвижении франков-рипуариев обсуждался десятилетиями, пока не выяснилось... что в эпоху завоеваний рипуариев не существовало! Другие серьезные открытия связаны с варварским правом: не слишком ли много мы рассуждали о персональном праве, не уверившись, что оно было персональным всегда? Топонимистам еще поколение назад пришлось проглотить такие же горькие пилюли. Мелкие детали изучены лучше, чем очертания целого.

История нашествий находится на стадии скорее изучения, чем синтеза. Она пробудет на том же месте еще долгое время, потому что обобщения требуют все больших и больших познаний, которые редко сходятся вместе. Никто не имеет права рисковать, будучи только историком, незнакомым с лингвистикой, археологией и юриспруденцией. Подобное сочетание можно, в порядке исключения, обнаружить лишь в нескольких книгах. Однако слишком мно-

го исследователей кризиса V в. были лишь историками и не извлекли из археологии всех тех уроков, которые она в состоянии дать.

Таким образом, становится понятен внешний вид ниже-следующей библиографии, в которой узкоспециальные статьи в процентном отношении упоминаются чаще, чем заглавия книг. Однако мы старались называть лишь те, которые дают пищу для размышлений, выходящих за рамки их узкой темы.

Сокращения

AA	<i>Auctores Antiquissimi.</i>
AESC	<i>Annales (Économies, Sociétés, Civilisations)</i> (Париж).
BEC	<i>Bibliothèque de l'École de Chartes</i> (Париж).
CCM	<i>Cahiers de Civilisation Médiévale</i> (Пуатье).
CHM	<i>Cahiers de Histoire Mondiale</i> (Париж).
CRAI	<i>Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres</i> (Париж).
CSEL	<i>Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum</i> (Вена).
DA	<i>Deutsches Archiv</i> (Кельн).
EHR	<i>English Historical Review</i> (Лондон).
HZ	<i>Historische Zeitschrift</i> (Мюнхен).
JRS	<i>Journal of Roman Studies</i> (Лондон).
MA	<i>Le Moyen Age</i> (Париж и Брюссель).
MAHR	<i>Mélanges d'Archéologie et d'Histoire publiés par l'École française de Rome</i> (Рим).
MGH	<i>Monumenta Germaniae Historica.</i>
NA	<i>Neues Archiv</i> (Ганновер, впоследствии Берлин).
RA	<i>Revue Archéologique</i> (Париж).
REA	<i>Revue des Études Anciennes</i> (Бордо).
RBRH	<i>Revue Belge de Philologie et d'Histoire</i> (Брюссель).
RH	<i>Revue Historique</i> (Париж).
RHD	<i>Revue Historique de Droit</i> (Париж).

-
- RMAL *Revue de Moyen Age Latin* (Страсбург).
- SS *Scriptores.*
- Settimane *Centro italiano di studi sull' alto medioevo. Settimane di studio* (Сполето).
- ZRG *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte* (Кельн).

Раздел I

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ*

I. Эпиграфические источники

Первые надписи варварской эпохи собраны в разных томах *Corpus Inscriptionum Latinarum*, а некоторые из них в:

1) Diehl (E.). *Inscriptiones latinae christianaee veteres*. Berlin, 1924–1931. 3 vol.

А) Германцы вообще.

2) Arntz (Helmut), Zeiss (Hans). *Die einheimischen Runendenkmäler des Festlandes*. Leipzig, 1939.

3) Fiebiger (O.), Schmidt (L.). *Inschriftenammlung zur Geschichte der Ostgermanen*. Wien, 1917; дополнения 1939 и 1944.

Б) Галлия.

4) Gose (Erich). *Katalog der frühchristlichen Inschriften in Trier*. Berlin, 1958.

5) Le Blant (Edmond). *Inscriptions chrétiennes de la Gaule antérieures au VIII^e siècle*. Paris, 1856–1865, 2 vol.

6) Le Blant (E.). *Nouveau recueil des inscriptions chrétiennes de la Gaule*. Paris, 1892.

В) Испания.

7) Hübner (Aemilius). *Inscriptiones Hispaniae christianaee*. Berlin, 1871–1900, 2 vol.

* См. кн. II, Предисловие: «Будущая работа над источниками» (стр. 191).

8) Vives (José). *Inscripciones cristianas de la España romana y visigoda*. Barcelona, 1942.

Г) Италия.

9) Panazza (Gaetano). *Lapidi e sculture paleocristiane e pre-romaniche di Pavia // Arte del primo millenio*. Torino, 1952. Р. 211 и сл.

10) Rossi (J. B. de). *Inscriptiones christianaes Urbis Romae septimo saeculo antiquiores*. Roma, 1857–1888, 2 vol.

Д) Африка.

Обратитесь к Courtois. *Les Vandales et l'Afrique* [N 233], appendice II. Р. 365–388.

Е) Великобритания.

11) Hübner (Aemilius). *Inscriptiones Britanniae christianaes*. Berlin, 1876.

12) Macalister (R. A. S.). *Corpus inscriptionum insularum celticarum*. Dublin, 1945–1949.

II. Папирологические и приравненные к ним источники

13) Courois (Christian), Leschi (Louis), Perrat (Charles), Saumagne (Charles). *Tablettes Albertini, Actes privés de l'époque vandale*. Paris, 1952.

14) Tjäder (J. O.). *Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens, der Zeit 445–700*. Lund, 1955.

III. Нarrативные источники*

А) До распада единого Запада.

15) Eugippius. *Vita Severini / H. Sauppe // MGH, AA, I, 2*, 1877, или *éd. P. Knöll, CSEL, IX, 2*, 1886.

* Сборники отрывков, относящихся к отдельным проблемам, приведены выше, в разделе II, вместе с современными работами.

- 16) *Notitia Dignitatum* / Seeck, Berlin, 1876.
- 17) Orose, *Historiae adversus paganos* / C. Zangemeister // *CSEL*, V, 1882.
- 18) «Prosper Tiro», *Chronicon*, éd. Th. Mommsen, *MGH*, AA, IX (*Chronica minora*, I), p. 341–485.
- 19) *Ravennatis Anonymi Cosmographia*, ed. J. Schnetz, Leipzig, 1940; перев. на нем. J. Schnetz, Uppsala, 1951.
- 20) Salvien, *De gubernatione Dei*, ed. Pauly, *CSEL*, VIII, 1883; перев. на фр. J.-P. Grégoire, F.-Z. Collombet, Paris, 1893, 2 vol.

Б) Варварские королевства.

Обобщенная, но в то же время точная картина отражена в:

- 21) Wattenbach (W.), Levison (W.), *Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, Vorzeit und Karolinger. I. Die Vorzeit von den Anfängen bis zur Herrschaft der Karolinger* (W. Levison), Weimar, 1952; Beiheft. *Die Rechtsquellen* (R. Volner), Weimar, 1953*.

Галлия.

- 22) Frédégaire, *Chronicon*, éd. B. Krusch, *MGH, SS. Rer. Merov.*, II, 1888, p. 1–108; перев. на англ. IV книги: J. M. Wallace-Hadrill, Edinburgh, 1960.

- 23) Grégoire de Tours, *Historia Francorum*, éd. Omont, Collon & Poupartin, Paris, 1913 или *Opera*, *MGH, SS. Rer. Merov.*, I, 2^е éd., 1951; перев. на фр. R. Latouche, Paris. P. 1963.

- 24) Marius d'Avenches, *Chronicon*, éd. Th. Mommsen, *MGH, AA*, XI (*Chronica minora*, II), p. 225–239.

- 25) Sidoine Apollinaire, *Opera*, éd. Luetjohann, *MGH, AA*, VIII, 1887; перев. на фр. A. Loyen в серии публикаций сборника G. Budé.

* За дополнительными подробностями в связи с юридическими источниками рекомендуем обратиться к книге *Le haut Moyen Age occidental: les pouvoirs*.

26) Venance Fortunat, *Opera*, éd. F. Leo и B. Krusch, *MGH*, AA, IV, 1881–1885.

Испания.

27) Hydace, *Chronicon*, éd. Th. Mommsen, *MGH*, AA, XI (*Chronica minora*, II), p. 1–36.

28) Isidore de Séville, *Chronicon*, éd. Th. Mommsen, *MGH*, AA, XI (*Chronica minora*, II), p. 391–506; *Historia Gothorum*, éd. Mommsen, *ibid.*, p. 241–303.

29) Jean de Biglar, *Chronicon*, éd. Th. Mommsen, *MGH*, AA, XI (*Chronica minora*, II), p. 207–220.

Италия.

30) Cassiodore, *Chronicon*, éd. Th. Mommsen, *MGH*, AA, XI (*Chronica minora*, II), p. 109–161; *Variae*, éd. Mommsen, *ibid.*, XII, 1894.

31) Ennodius, *Panegyricus dictus clementissimo regi Theoderico*, éd. Hartel, *CSEL*, VI.

32) Jordanes, *Getica*, éd. Th. Mommsen, *MGH*, AA, V, I, 1882.

33) Paul Diacre, *Historia Langobardorum*, éd. Bethmann & Waitz, *MGH*, SS. *Rer. Langob.*, 1878.

34) Procope, *Bellum Gothicum*, ред. греч. текста и перев. на итал. Comparetti. Roma, 1895–1898. 3 vol.

Африка.

35) Ferrand de Carthage, *Vita Fulgentii*, ред. и перев. на фр. G. Lapeyre, Paris, 1929.

36) Victor de Tunnunna, *Chronicon*, éd. Th. Mommsen, *MGH*, AA, XI (*Chronica minora*, II), p. 163–206.

37) Victor de Vita, *Historia persecutionis vandalicae*, éd. Petschenig, *CSEL*, VII, 1881, или éd. C. Halm, *MGH*, AA, III, I.

Великобритания.

38) Bede the Venerable, *Historia eclesiastica gentis Anglorum*, éd. C. Plummer, Oxford, 1896, 2 vol.; перев. на англ. L. Sherley-Price, Harmondsworth, 1955.

39) Anglo-Saxon Chronicle. Лучшее издание: Earle и Plummer, *Two of the Saxon Chronicles Parallel*, Oxford, 1892, 2 vol., переиздано D. Whitelock, 1952; версия C: Rositzke (Harry A.), *The C-text of the old-english Chronicles*, Bochum, 1940; перев. на англ. Whitelock (Dorothy), Douglas (David C.), Tucker (Susie I.), *The Anglo-Saxon Chronicle*, London, 1961.

40) Gildas, *De conquestu et excidio Britanniae*, éd. Th. Mommsen, *MGH, AA*, XIII (*Chronica minora*, III), p. 25–85.

41) Nennius, *Historia Brittonum*, éd. Th. Mommsen, *MGH, AA*, XIII (*Chronica minora*, III), p. 111–222, или éd. F. Lot, Paris, 1934.

IV. Дипломатические и приравненные к ним источники

А) Галлия.

42) Pertz (K. A. F.), *Diplomata regum Francorum e stirpe merowingica*, *MGH*, in-fol., Hannover, 1872 (очень плохого качества).

43) Bréquigny и Pardessus, *Diplomata, chartae et instrumenta aetatis merovingicae*, 2 vol., Paris, 1843–1849.

44) Lauer (Philippe), Samaran (Charles), *Les diplômes originaux des Mérovingiens*, Paris, 1908.

45) Lot (Ferdinand), *Liste des cartulaires et recueils contenant des pièces antérieures à l'an mil*, *Archivium Latinitatis Medii Aevi*, XV, 1940, p. 5–24.

46) Tardif (Joseph), *Archives de l'Empire, Monuments historiques, Cartons des rois*, Paris, 1866.

Б) Италия.

47) Agnellus, *Liber pontificalis ecclesiae Ravennatis*, éd. O. Holder Egger, *MGH, SS. rer. Langob.*, 1878, p. 265–391.

В) Англия.

48) Birch (W. de Gray), *Cartularium Saxonicum*, London, 1885–1893, 3 vol.

- 49) Kemble (J. M.), *Codex diplomaticus aevi saxonici*, London, 1839–1848, 6 vol.
- 50) Harmer (F. E.), *Anglo-Saxon writs*, Manchester, 1952.
- 51) Robertson (A. J.), *Anglo-Saxon charters*, Cambridge, 1939.
- 52) Whitelock (Dorothy), *Anglo-Saxon Wills*, Cambridge, 1930.

V. Агиографические источники

А) Сборники и каталоги.

- 53) *Acta sanctorum*, éd. Bollandistes, Bruxelles. P. 1643, 67 vol.
- 54) Mabillon (Jean), *Acta Sanctorum Ordinis Sancti Benedicti*, Paris, 1678–1702, 9 vol.
- 55) *Bibliotheca hagiographica latina*, éd. Bollandistes, Bruxelles, 1898–1911, 3 vol.
- 56) *Passiones Vitaeque Sanctorum Aevi Merovingici*, éd. B. Krusch, W. Levison, *MGH, SS. rer. Merov.* T. III–VII, 1896–1920.

Б) Критика.

- 57) Aigrain (René), *L'hagiographie, ses sources, ses méthodes et son histoire*, Paris, 1953.
- 58) Delehaye (Hippolyte), *Les légendes hagiographiques*. Bruxelles, 1955.

Раздел II

СОВРЕМЕННЫЕ РАБОТЫ

I. Наследие античности

А) Античное общество накануне падения.

59) Altheim (Franz), *Niedergang der alten Welt*, Frankfurt, 1952, 2 vol.

60) Bloch (Herbert), The pagan revival in the West at the end of the fourth century, в книге *The conflict between Paganism and Christianity*, ed. A. Momigliano, Oxford, 1963, p. 193–218.

61) Chénon (Émile), Étude historique sur le defensor civitatis: III. Le defensor civitatis en Occident après la chute de l'Empire, *RHD*, XIII, 1889, p. 515–537.

62) Declareuil (J.), Des comtes de cités à la fin du Ve siècle, *RHD*, XXXIV, 1910, p. 794–836.

63) Demougeot (Émmilienne), *De l'unité à la division de l'Empire romain (395–410)*, Paris, 1951.

64) Dill (Samuel), *Roman Society in the last century of the western Empire*, London, 1898, (репринт New York, 1960).

65) Hubaux (Jean), La crise de la 365^е année, *L'Antiquité classique*, XVII, 1948, p. 343–354.

66) Jones (A. H. M.), Were ancient heresies national or social movements in disguise // *Journal of theological studies*, X, 1959, p. 280–298.

67) Liebeschütz (W.), Did the Pelagian movement have social aims? *Historia*, XII, 1963, p. 227–241.

68) Lot (Ferdinand), *La fin du monde antique et le début de Moyen Age*, Paris, 1927 (2-е издание, 1951).

- 69) Lot (Ferdinand), *Nouvelles recherches sur l'impôt foncier et la capitation personnelle sous le Bas-Empire*, Paris, 1955.
- 70) Macmullen (Ramsey), *Soldier and Civilian in the later Roman Empire*, Cambridge (Mass.), 1963.
- 71) Mazzarino (Santo), *Aspetti sociali del quarto secolo*, Roma, 1951.
- 72) Mazzarino (Santo), Si può parlare di rivoluzione sociale alla fine del mondo anticō *Settimane...*, IX, 1961, p. 410–425.
- 73) Nesselhauf (Herbert), *Die spätrömische Verwaltung der gallisch-germanischen Länder*, Berlin, 1938.
- 74) Reitter (Nikolaus), *Der Glaube an die Fortdauer des römischen Reiches während des V. und VI. Jahrhund.*, Münster, 1900.
- 74 a) Rémond (Roger), La crise de l'Empire romain, de Marc-Aurèle à Anastase («*Nouvelle Clio*», N 11), Paris, 1964.
- 75) Rostovtzeff (Michael), *The social and economic history of the Roman Empire*, Oxford, 1926.
- 76) Sirago (Vito Antonio), *Galla Placidia e la trasformazione politica dell' Occidente*, Louvain, 1961.
- 77) Stein (Ernest), *Histoire du Bas-Empire*, Paris, 1949–1959, 2 vol.
- 78) Stroheker (K. F.), Um die Grenze zwischen Antike und abendlänischen Mittelalter, *Saeculum*, I, 1950, p. 433–465.
- 79) Sundwall (J.), *Abhandlungen zur Geschichte des ausgehenden Römertums*, Helsingfors, 1919.
- 80) Vittinghoff (Friedrich), Zur verfassung der spätantiken Stadt, в кн.: *Studien zu den Anfängen der europäischen Städtewesens (Reichenau-Vorträge)*, Konstanz, 1955–1956, p. 11–39.
- 81) Wheeler (Mortimer), *Rome beyond the Imperial Frontiers*, London, 1954.
- Б) Античная культура, гибель и преемственность.
- 82) Bardy (G.), Les origines des écoles monastiques en Occident, *Sacris Erudiri*, VIII, 1953, p. 86–104.
- 83) Bonnet (Max), *Le latin de Grégoire de Tours*, Paris, 1890.

- 84) Chadwick (Nora K.), *Intellectual contacts between Britain and Gaul in the fifth century // Studies in Early British History*. Cambridge, 1954, p. 118 и сл.
- 85) Courcelle (Pierre), *Les Lettres grecques en Occident de Macrobre à Cassiodore*, Paris, 1943.
- 86) Fontaine (Jacques), *Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigothique*, Paris, 1959, 2 vol.
- 87) Fontain (Jacques), Le problème de la culture dans la latinité chrétienne du III^е au VII^е siècle, *L'Information littéraire*, IX, 1957, p. 208–215.
- 88) Lorgin (A.), La vie scolaire dans les monastères d'Irlande aux V–VII siècles, *RMAL*, I, 1945, p. 221–236.
- 89) Lot (Ferdinand), A quelle époque a-t-on cessé de parler latin? *Bulletin Du Cange*, VI, 1931, p. 97–159.
- 90) Loyen (André), *Sidoine Apollinaire et l'esprit précieux en Gaule aux derniers jours de l'Empire*, Paris, 1943.
- 91) Loyen (André), *Recherches historiques sur les panégyriques de Sidoine Apollinaire*, Paris, 1942.
- 92) Manitius (M.), *Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters*, München, 1911–1931, 3 vol.
- 93) Marrou (Henri-Irénée), *Histoire de l'éducation dans l'Antiquité*, Paris, 1948 (5-е издание, 1960).
- 94) Marrou (H.-I.), La place de haut Moyen Age dans l'histoire du christianisme, *Settimane...*, IX, 1961, p. 595–630.
- 95) Momigliano (Arnaldo), Cassiodorus and Italian culture of his time, *Proceedings of the British Academy*, XLI, 1955, p. 218–245.
- 96) Pirenne (Henri), De l'état de l'instruction des laïques à l'époque mérovingienne, *RBPH*, XLIII, 1934, p. 164–177.
- 97) Riché (Pierre), *Éducation et culture dans l'Occident barbare (VI–VIII siècles)*, Paris, 1962.
- 98) Riché (Pierre), La survivance des écoles publiques en Gaule au Ve siècle, *MA*, LXIII, 1957, p. 421–436.
- 99) Roger (Maurice), *L'enseignement des lettres classiques d'Ausone à Alcuin*, Paris, 1905.

- 100) Schanz (Martin), *Geschichte der römischen Literatur*, IV, München, 1914–1920, 2 vol.
- 101) Stevens (C. E.), *Sidonius Apollinaris and his age*, Oxford, 1933.
- 102) Tardi (D.), *Fortunat, Étude sur un dernier représentant de la poésie latine dans la Gaule mérovingienne*, Paris, 1927.
- 103) Vielliard (Jeanne), *Le latin des diplômes royaux et chartes privées de l'époque mérovingienne*, Paris, 1927.

II. Нашествия. Общие положения

- 104) Bloch (Marc), *Sur les grands invasions. Quelques positions de problèmes*, *Revue de synthèse*, LX, 1940–1945, p. 55–81.
- 105) Bloch (Marc), *Les invasions*, *Annales d'Histoire sociale*, 1945, I, p. 33–46, и II, p. 13–28.
- 106) Courcelle (Pierre), *Histoire littéraire des grandes invasions germaniques*, Paris, 1948.
- 107) Courcelle (Pierre), *Sur quelques textes littéraire relatifs aux grandes invasions*, *RBPH*, XXXI, 1953, p. 23–37.
- 108) Fischer (J.), *Die Völkerwanderung im Utreil der zeitgenössischen kirchlichen Schriftsteller Galliens*, Heidelberg, 1948.
- 109) Latouche (Robert), *Les grandes invasions et la crise de l'Occident au V^e siècle*, Paris, 1946.
- 110) Latouche (Robert), *Aspect démographique de la crise des grandes invasions*, *Population*, II, 1947, p. 681–690.
- 111) Lot (Ferdinand), *Les invasions germaniques. La pénétration mutuelle du monde barbare et du monde romain*, Paris, 1935 (2-е издание, 1945).
- 112) Lot (F.), *Les invasions barbares*, Paris, 1937, 2 vol.
- 113) Palanque (Jean Rémy), *Saint Jerome and the Barbarians*, в кн.: *A Monument to St. Jerome*, ed. F. X. Murphy, New York, 1952, p. 173–199.
- 114) Riché (Pierre), *Les invasions barbares*, Paris, 1953 (coll. «Que sais-je?»).

III. Германцы

А) Общие положения.

- 115) Capelle (Wilhelm), *Das alte Germanien. Die Nachrichten der griechischen und römischen Schriftsteller*, Jena, 1937.
- 116) Capelle (Wilhelm), *Die Germanen der Völkerwanderung, auf Grund der zeitgenössischen Quellen dargestellt*, Stuttgart, 1940.
- 117) De Vries (Jan), *Kelten und Germanen*, Berne et Münich, 1960.
- 118) Drögereit (Richard), Die Ausbreitung der nordwestdeutschen Küstenvölker über See, *Neues Archiv für Niedersachen*, XXIII, 1951, p. 229–250.
- 119) Feist (Sigmund), *Germanen und Kelten in der antiken Überlieferung*, Halle, 1927 (2. Auf., Baden, 1948).
- 120) Gutenbrunner (Siegfried), *Germanische Frühzeit in den Berichten der Antike*, Halle, 1939.
- 121) Gutenbrunner (S.). Jankuhn (H.), Laur (W.), *Völker und Stämme Südostschleswigs im frühen Mittelalter*, Schleswig, 1952.
- 122) Hoops (Johannes), *Reallexikon des germanischen Altertumskunde*, Strasbourg, 1911–1919, 4 vol.
- 123) Karsten (T. E.), *Les anciens Germains*, перев. F. Mossé, Paris, 1931.
- 124) Melin (Bengt), *Die Heimat der Kimbern*, Uppsala, 1960.
- 125) Much (R.), *Die Germania des Tacitus*, Heidelberg, 1937.
- 126) Reinerth (Hans), *Vorgeschichte der deutschen Stämme*, Leipzig – Berlin, 1940, 3 vol.
- 127) Schmidt (Ludwig), *Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung*: I. *Die Ostgermanen*, 2. Auf., München, 1941; II. *Die Westgermanen*, 2. Auf., München, 1938–1940, 2 vol.
- 128) Schütte (Gudmund), *Our Forefathers, the Gothic nations*, Cambridge, 1929–1933, 2 vol.

- 129) Schwartz (Ernst), *Goten, Nordgermanen, Angelsachsen. Studien zur Ausgliederung der germanischen Sprachen*, Bern, 1951.
- 130) Schwartz (E.), Probleme und Aufgaben der germanischen Stammeskunde, *Germanische-romanische Monatsschrift*, 1955, p. 97–115.
- 131) Schwartz (E.), *Germanische Stammeskunde*, Heidelberg, 1956.
- 132) Steinbach (Franz), *Studien zur westdeutschen Stammes- und Volksgeschichte*, Jena, 1926.
- 133) Stroheker (K. F.), Die geschichtliche Stellung der ostgermanischen Staaten am Mittelmeer, *Saeculum*, XII, 1961, p. 140–157.
- 134) Svennung (J.), *Scandinavia und Scandia. Lateinisch-nordische Namenstudien*, Uppsala, 1963.
- 135) Wenskus (Reinhart), *Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen Gentes*, Cologne et Graz, 1961.

Б) Цивилизация.

- 136) Amira (Karl von), *Grundriss des germanischen Rechts*, 3. Auf., Strasbourg, 1913.
- 137) Boudriot (Wilhelm), *Die altgermanische Religion in der amtlichen kirchlichen Literatur des Abenlandes vom V. bis XI. Jh.*, Bonn, 1928.
- 138) Dannenbauer (Heindrich), Adel, Burg und Herrschaft bei den Germanen, *Historisches Jahrvol*, LXI, 1941, p. 1–50.
- 139) Dannenbauer (H.), Hundertschaft, centena und huntari, *Historisches Jahrvol*, LXII–LXIX, 1949, p. 155–219.
- 140) De Vries (Jan), *Altgermanische Religionsgeschichte*, 2 ed., Berlin, 1956–1957, 2 vol.
- 141) De Vries (J.), Das Königtum bei den Germanen, *Saeculum*, VII, 1956, p. 289–309.
- 142) Dumézil (Georges), *Les dieux des Germains*, Paris, 1959.
- 143) Giesecke (Heinz Eberhart), *Die Ostgermanen und der Arianismus*, Leipzig, 1939.

- 144) Grierson (Philip), *Election and inheritance in early Germanic Kingship*, *Cambridge Historical Journal*, VII, 1941, p. 1–12.
- 145) Gutenbrunner (Siegfried), *Die germanischen Götternamen der antiken Inschriften*, Halle, 1936.
- 146) Kroeschell (Karl), *Die Sippe im germanischen Recht*, *ZRG, Germ. Abt.*, LXXVII, 1960, p. 1–25.
- 147) Kuhn (Hans), *Die Grenzen der germanischen Gefolgschaft*, *ZRG, Germ. Abt.*, LXXIII, 1956, p. 1–83.
- 148) Musset (Lucien), Mossé (Fernand), *Introduction à la runologie*, Paris, 1965.
- 149) Rosenfeld (Hellmut), Vol, *Schrift und lateinische Sprachkenntnis bei den Germanen vor der christlichen Mission*, *Rheinisches Museum*, XCV, 1952, p. 193–209.
- 150) Thompson (E. A.), *Christianity and the Northern Barbarians*, в кн.: *The conflict between paganism and Christianity in the fourth century*, ed. A. Momigliano, Oxford, 1963, p. 56–778.

Б) Археология.

- 151) Åberg (Nils), *The Occident and the Orient in the Art of the seventh century*, Stockholm, 1943–1947, 3 vol.
- 152) Åberg (Nils), *Den historiska relationen mellan folkvartingstid och Vendeltid*, Stockholm, 1953.
- 153) Holmqvist (Wilhelm), *Kunstprobleme der Merowingerzeit*, Stockholm, 1939.
- 154) Holmqvist (W.), *Germanic Art during the first millennium A. D.*, Stockholm, 1955.
- 155) [Mariën (M. E.)], *L'art mérovingien*, *Musées Royaux d'Art et d'Histoire*, Bruxelles, 1954.
- 156) Salin (Bernhard), *Die altgermanische Thierornamentik*, Berlin – Stockholm, 1904 (репринт 1935)
- 157) Tischler (Fr.), *Der Stand der Sachsenforschung, archäologisch gesehn*, *35. Bericht der röm.-germ. Kommission*, 1954, p. 21–215.

Г) Ономастика.

- 158) Förstemann (E.), *Altdeutsches Namenvol*, Bonn, 1900–1916.
- 159) Polenz (Peter von), *Landschafts- und Bezirksnamen im frühmittelalterlichen Deutschland*, Marburg, 1961 и сл.
- 160) Schöpfeld (M.), *Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen*, Heidelberg, 1911.
- 161) Schwartz (Ernst), *Deutsche Namenforschung*, Göttingen, 1950, 2 vol.
- 162) Woolf (Henry B.), *The old germanic principles of name-giving*, Baltimore, 1939.

IV. Готы

А) Общие работы, источники.

- 163) [An.] I Goti in Occidente, *Settimane...*, III, 1956.
- 164) Klein (K. K.), Frithigern, Athanarich und die Spaltung des Westgotenvolkes am Vorabend des Hunneneinbruchs, *Südostforschung*, XIX, 1960, p. 35–51.
- 165) Mansion (J.), Les origines du christianisme chez les Goths, *Analecta Bollandiana*, XXXII, 1914, p. 5–30.
- 166) Oxenstierra (Eric Graf), *Die Urheimat der Goten*, Leipzig – Stockholm, 1948.
- 167) Rosenfeld (H.), Ost- und Westgoten, *Die Welt als Geschichte*, XVII, 1957, p. 245–258.
- 168) Schwarz (Ernst), Die Krimgoten, *Saeculum*, IV, 1953, p. 156–164.
- 169) Schwarz (E.), Die Urheimat der Goten und ihre Wanderung ins Weichselland und nach Südrussland, *Saeculum*, IV, 1953, p. 13–26.
- 170) Thompson (E. A.), The Passio S. Sabae and early visigothic Society, *Historia*, IV, 1955, p. 331–338.
- 171) Thompson (E. A.), Early Visigothic Christianity, *Latomus*, XXI, 1952, p. 505–519, 794–810.

- 172) Thompson (E. A.), *The Visigoths from Fritigern to Euric*, *Historia*, XV, 1963, p. 105–126.
- 172 bis) Thompson (E. A.), *The Visigoths in the time of Ulfila*, *Nottingham Medieval Studies*, V, 1961, p. 3–32.
- 173) Vasiliev (A. A.), *The Goths in the Crimea*, Cambridge (Mass.), 1936.
- 174) Wüst (Walther), *Goten in Indien?*, в кн.: Fr. Altheim, *Geschichte der Hunnen* [N 549], B. III, p. 141–189.

Б) Культура готов.

- 175) Fuchs (Siegfried), *Kunst der Ostgotenzeit*, Berlin, 1944.
- 176) Lambert (Élie), *La tradition visigothe en Occident et dans l'art omeiyade d'Espagne*, *Annales du Midi*, LXV, 1953, p. 295–300.
- 177) Marchand (James W.), *Notes on gothic manuscripts*, *Journal of English and German Philology*, LVI, 1957, p. 213–224.
- 178) Mossé (Fernand), *Manuel de la langue gotique*, 2^e éd., Paris, 1956.
- 179) Mossé (F.), *Bibliographia Gotica*, *Mediaeval Studies*, XII, 1950, p. 237–324; XIX, 1957, p. 174–196.
- 180) Plate (Rudolf), *Geschichte der gotischen Literatur*, Berlin, 1931.
- 181) Schlunk (Helmut), *Arte visigodo*, в: *Historia Universal del Arte Hispanico*, II, Madrid, 1947.

В) Вестготы в Аквитании и Испании.

- 182) Abadal y de Vinyals (Ramon de), *Del reino de Tolosa al reino de Toledo*, Madrid, 1960.
- 183) Broëns (Maurice), *Los Francos y el poblamiento de la península Ibérica durante los siglos VI y VII*, *Ampurias*, XVII–XVIII, 1955–1956, p. 59–77.
- 184) Broëns (M.), *Le peuplement germanique de la Gaule entre la Méditerranée et l'Océan*, *Annales du Midi*, LXVIII, 1956, p. 17–38.
- 185) Castro (Américo), *La realidad histórica de España*, México, 1954.

- 186) Gamillscheg (Ernst), Historia lingüistica de los Visigodos, *Revista de Filología Española*, XX, 1932, p. 118–150; 229–260.
- 187) Garcia Gallo (Alfonso), El carácter germanico de la epica y del derecho en la edad media española, *Anuario de Historia del Derecho Español*, XXV, 1955, p. 583–679.
- 188) Grosse (Roberto), *Las fuentes de la época visigoda y bizantina*, Barcelona, 1947 (*Fontes Hispaniae Antiquae*, IX).
- 189) Lantier (Raymond), Le cimetière wisigothic d'Estagel, *Gallia*, I, 1943, p. 153–188; *CRAI*, 1947, p. 226–235; 1948, p. 154–163.
- 190) Lantier (R.), La céramique wisigothique, в: *Les invasions barbares et le peuplement de l'Europe*, Paris, 1953, p. 23–34.
- 191) Lot (Ferdinand), La Vita Viviani et la domination visigothique en Aquitaine, в: *Mélanges P. Fournier*, Paris, 1929, p. 467–477.
- 192) Loyen (André), Les débuts du royaume wisigoth de Toulouse, *Revue des Études latines*, XII, 1934, p. 406–415.
- 193) Menéndez Pidal (Ramon), *Historia de España*: III. *España visigoda*, Madrid, 1940.
- 194) Miles (G. G.), *The coinage of the Visigoths of Spain*, New York, 1952.
- 195) Reinhart (Wilhelm), La tradición visigoda en el nacimiento de Castilla, в: *Estudios dedicados a Menéndez Pidal*, Madrid, I, 1950, p. 535–554.
- 196) Reinhart (W.), Über die Territorialität der westgotischen Gesetzbücher, *ZRG, Germ. Abt.*, LXVIII, 1951, p. 348–354.
- 197) Stroheker (K. F.), *Eurich, König der Westgoten*, Stuttgart, 1937.
- 198) Thompson (E. A.), The settlement of the Barbarians in Southern Gaul, *JRS*, XLVI, 1956, p. 65–75.
- 199) Thompson (E. A.), The conversion of the Visigoths to catholicism, *Nottingham Mediaeval Studies*, IV, 1960, p. 4–35.
- 199 bis) Thompson (E. A.), The Barbarian Kingdoms in Gaul and Spain, *ibid.*, VII, 1963, p. 3–33.

- 200) Wohlhaupper (Eugen), Das germanische Element im altspanischen Recht, *ZRG, Germ. Abt.*, LXVI, 1948, p. 166–173.
- 201) Yver (Georges), Euric, roi de Wisigoths, в: *Études d'histoire du Moyen Age dédiées à Gabriel Monod*, Paris, 1896, p. 11–46.
- 202) Zeiss (Hans), *Die Grabfunde aus dem spanischen Westgotenreich*, Berlin – Leipzig, 1934.
- 203) Zeumer (Karl), Geschichte der westgotischen Gesetzgebung, *NA*, XXIII, 1898, p. 419–516; XXIV, 1899, p. 39–122.
- 204) Zeumer (K.), Die Chronologie der westgotenkönige von Toledo, *NA*, XXVII, 1901, p. 411–444.

Г) Остготская Италия.

- 205) Åberg (Nils), *Die Goten und Langobarden in Italien*, Uppsala, 1923.
- 206) Cecchelli (Carlo), L'arianesimo e le chiese ariane d'Italia, *Settimane...*, VII, 1959, p. 743–774.
- 207) Degani (Mario), *Il tesoro romano-barbarico di Reggio Emilia*, Firenze, 1959.
- 208) Ennslin (Wilhelm), *Theoderich der Grosse*, Munich, 1947; 2. Auf., 1959.
- 209) Kraus (F. F.), *Die Münzen Odovacars und des Ostgotenreiches in Italien*, Halle, 1928.
- 210) Mommsen (Theodor), Ostgotische Studien, *NA*, XIV, 1889, p. 451–544 (= *Gesammelte Schriften*, VI, 1910, p. 362–484).
- 211) Rey (Maurice), Théodoric le Grand, в: *Hommes d'État*, ed. Duff & Galy, Paris, 1936, t. I, p. 421–511.
- 212) Schmidt (Ludwig), Die letzten Ostgoten, *Abhandl. der preuss. Akad. der Wiss., Phil.-Hist. Klasse*, 1943, Nr. 10.
- 213) Van de Vyver (A.), Cassiodore et son œuvre, *Speculum*, VI, 1931, p. 244–292.
- 214) Vismara (Guilio), Romani e Goti di fronte al diritto nel regno Ostrogoto, *Settimane...*, III, 1955, p. 409–463.

- 215) Wrede (Ferdinand), *Über die Sprache der Ostgoten in Italien*, Strasbourg, 1891.
- 216) Zeiller (Jacques), *Étude sur l'arianisme en Italie à l'époque ostrogotique et à l'époque lombarde*, *MAHR*, XXV, 1905, p. 127–146.

Д) Отражение могущества готов в литературе.

- 217) Brady (Carloine), *The Legends of Ermanaric*, Berkeley, 1948.
- 218) Menéndez Pidal (R.), *Floresta de leyendas heroicas españolas. Rodrigo, el último godo*, I, Madrid, 1942.
- 219) Vries (Jan de), Theoderich der Grosse, *Germanisch-romanische Monatsschrift*, XLII, 1961, p. 319–330.
- 220) Zink (Georges), *Les légendes héroïques de Dietrich et l'Ermrich dans les littératures germaniques*, Lyon — Paris, 1950.

V. Бургунды

- 220 bis) Beck (Marcel), *Bemerkungen zur Geschichte des ersten Burgundenreichs*, *Schweizerische Zeitschrift für Geschichte*, XIII, 1963, p. 433–534.
- 221) Besson (M.), *L'art barbare dans l'ancien diocèse de Lausanne*, Lausanne, 1909.
- 222) Blondel (Louis), Le prieuré Saint-Victor, les débuts de christianisme et la rouyaute burgonde à Genève, *Bull. de la Soc. d'Hist. et d'Archéol. de Genève*, XI, 1958, p. 211–258.
- 223) Chaume (Maurice), *Les origines du duché de Bourgogne*, Dijon, 1925, 4 vol.
- 224) Coville (Alfred), *Recherches sur l'histoire de Lyon du V^e au IX^e siècle*, Paris, 1928.
- 225) Duparc (Pierre), *La Sapaudia*, *CRAI*, 1958, p. 371–383.
- 226) Jahn (A.), *Geschichte der Burgundionen und Burgundiens bis zum Ende der 1. Dynastie*, Halle, 1874, 2 vol.

- 227) Köhler (G.), *Die Bekehrung der Burgunden zum Christentum*, *Zeitschrift für Kirchengeschichte*, LVIII, 1938, p. 227–243.
- 228) Lot (Ferdinand), *Les limites de Sapaudia*, *Revue savoisienne*, LXVII, 1935, p. 146–156.
- 229) Martin (P. E.), *Le problème de la Sapaudia*, *Rev. Suisse d'histoire*, XVIII, 1933, p. 183–205.
- 230) Perrenot (Th.), *La toponymie burgonde*, Paris, 1942.
- 231) Sauter (Marc de), Moeschler (Pierre), *Caractères dentaires mongoloïdes chez le Burgondes de la Suisse occidentale*, *Archives des Sciences*, XIII, 1960, p. 387–426.
- 232) Zeiss (Hans), *Studien zu den Grabfunden aus dem Burgundenreich an der Rhone*, *Sitzungsber. der Bayer. Akad. der Wiss., Phil.-Hist. Klasse*, 1938.

VI. Вандалы

- 233) Courtois (Christian), *Les Vandales et l'Afrique*, Paris, 1955.
- 234) Courtois (C.), *Les Vandales*, в: Ch. A. Julien, *Histoire de l'Afrique du Nord*, т. I, Paris, 1951.
- 235) Frend (W. H. C.), [The Vandales and Africa], *JRS*, XLVI, 1956, p. 161–166.
- 236) Gautier (Ernst Félix), *Genséric, roi de Vandales*, Paris, 1932.
- 237) Giunta (Federico), *Genserico e la Sicilia*, Palerme, 1958.
- 238) Heuberger (R.), *Vandalische Reichskanzlei und Königsurkunden*, *Mitteilungen des Inst. für Österreich. Geschichtsforschung*, XI, 1929, p. 76–113.
- 239) Le Gall (Joël), *L'inténaire de Genséric*, *Rev. de Philologie*, X, 1936, p. 268–273.
- 240) Martroye (Félix), *Genséric, la conquête vandale et la destruction de l'Empire d'Occident*, Paris, 1907.
- 241) Martroye (F.), *L'Occident à l'époque byzantine. Goths et Vandales*, Paris, 1937.

- 242) Pallasse (Maurice), *Moyen Age Vandale en Afrique du Nord. Autour des Tablettes Albertini*, *RMAL*, X, 1954, p. 161–168.
- 243) Schmidt (Ludwig), *Geschichte des Wandalen*, 2. Auf., München, 1942 (перев. на фр. *Histoire des Vandales*, Paris, 1953).
- 244) Wrede (Ferdinand), *Über die Sprache der Wandalen*, Strasbourg, 1886.

VII. Лангобарды и лангобардская Италия

- 245) Bethmann (L.), Holder-Egger (O.), *Langobardische Regesten*, *NA*, III, 1878, p. 225–318.
- 246) Blasel (C.), *Der Übertritt der Langobarden zum Christentum*, *Archiv für katholisches Kirchenrecht*, LXXXII, 1903, p. 577–619.
- 247) Bognetti (Gian Piero), *Longobardi e Romani*, в: *Studi in onore di E. Besta*, Roma, 1939, p. 353–410.
- 248) Bognetti (G. P.), *Sul tipo e il grado di civilta dei Longobardi in Italia*, в: *Art du Moyen Age dans la région alpine*, Olten, 1954, p. 41–75.
- 249) Bruckner (Wilhelm), *Die Sprache der Langobarden*, Strasbourg, 1895.
- 250) Duchesne (Louis), *Les évêchés d'Italie et l'invasion lombarde*, *MAHR*, XXIII, 1903, p. 83; XXV, 1905, p. 365.
- 251) Löfstedt (Bengt), *Studien über die Sprache der langobardischen Gesetze*, Stockholm, 1961.
- 252) Schaffran (E.), *Die Kunst der Langobarden*, Jena, 1941.
- 253) Werner (Joachim), *Longobardischer Einfluss in Süddeutschland während des 7. Jh. im Lichte archäologischen Funde*, в: *Atti del I Congresso di Studi Longobardi*, Spoleto, 1951, p. 521–524.
- 254) Werner (J.), *Die Langoberden in Pannonien*, *Abhandl. der Bayr. Ak. der Wiss., Phil.-Hist. Klasse*, N. F., Nr. 55 A, 1962.

VIII. Франки

А) Общие работы и источники; Хлодвиг.

255) Bloch (Marc), *La conquête de la Gaul par les rois francs*, *RH*, CLVII, 1927, p. 161–178.

256) Courcelle (Pierre), *Le titre d'Auguste décerné à Clovis*, *Bull. Soc. Nat. Antiq. France*, 1948–1949, p. 46–57.

257) De Boone (W. J.), *De Franken van hun eerste optreden tot de dood van Childerik*, Amsterdam, 1954.

258) Ewig (Eugen), *Die civitas Ubiorum, die Francia Rinensis und das Land Ribuarien*, *Rheinische Vierteljahrsblätter*, XIX, 1954, p. 1–29.

259) Halphen (Louis), *Grégoire de Tours, historien de Clovis*, в: *Mélanges Ferd. Lot*, Paris, p. 235–244.

260) Kurth (Godefroid), *Clovis*, 3^е éd., Bruxelles, 1923, 2 vol.

261) Kurth (G.), *Études franques*, Paris – Bruxelles, 1919, 2 vol.

262) Levillain (Léon), *La crise des années 507–508 et les rivalités d'influence en Gaule de 508 à 514*, в: *Mélanges N. Iorga*, Paris, 1933, p. 537–567.

263) Levillain (L.), *La conversion et le baptême de Clovis*, *Rev. d'Hist. de l'Église de France*, XXI, 1935, p. 161–192.

264) Lot (Ferdinand), *La conquête du pays entre Seine et Loire par les Francs. La ligue armoricaine et les destinées du duché du Maine*, *RH*, CLXIV, 1930, p. 242–253.

265) Lot (F.), *Naissance de la France*, Paris, 1948.

266) Schmidt (Ludwig), *Aus den Anfängen des salfränkischen Königtums*, *Klio*, XXXIV, 1942, p. 306–327.

267) Strohaker (K. F.), *Zur Rolle der Heermeister fränkischer Abstammung im späten 4. Jh.*, *Historia*, IV, 1955, p. 314–330.

267 bis) Tessier (Georges), *Le baptême de Clovis*, Paris, 1964.

268) Van de Vyver (André), *La victoire contre les Alamans et la conversion de Clovis*, *RBPH*, XV, 1936, p. 859–914.

- 269) Van de Vyver (A.), *La chronologie du règne de Clovis d'après la légende et d'après d'histoire*, *MA*, LIII, 1947, p. 177–196.
- 270) Verlinden (Charles), *De Franken en Aetius*, *Bijdragen tot de Geschiedenis Nederlanden*, I, 1946, p. 1–15.
- 271) Verlinden (C.), *Frankish colonization: a new approach*, *Transact. of the Royal Hist. Soc.*, 1954.

Б) Проблемы лингвистической границы.

- 272) Bloch (Marc), *Peuplement et régime agraire*, *Rev. de synthèse hist.*, XLII, 1926, p. 93–99.
- 273) Des Marez (G.), *Le problème de la colonization franque et du régime agraire dans la Basse-Belgique*, *Mém. Acad. royale de Belgique*, in-4°, 2^e s., IX, 1926.
- 274) Dhondt (Jan), *Essai sur l'origine de la frontière linguistique*, *L'Antiquité classique*, XVI, 1947, p. 261–286; XXI, 1952, p. 107–122.
- 275) Faider-Feytmans (Germaine), *La frontière du Nord de la Gaule sous le Bas-Empire*, в: *Mélanges J. Marouzeau*, Paris, 1948, p. 161–172.
- 276) Gamillscheg (Ernst), *Germanische Siedlung in Belgien und Nordfrankreich. Die fränkische Einwanderung und junggermanische Zuwanderung*, *Abhandl. der Preuss. Akad. der Wiss., Ph.-Hist. Kl.*, 1937.
- 277) Gysseling (Maurits), *La genèse de la frontière linguistique dans le Nord de la Gaule*, *Revue du Nord*, XLIV, 1962, p. 5–37.
- 278) Heurgon (J.), *L'hypothèse du limes belgicus, état présent de la question*, *Revue du Nord*, XXIX, 1947, p. 212–216.
- 279) Jungandreas (Wolfgang), *Ein romanischer Dialekt an der Mosel zwischen Eifel und Hunsrück*, *Zeitschrift für romanische Philologie*, LXXI, 1955, p. 414–421.
- 280) Kurth (Godefroid), *La frontière linguistique en Belgique et dans le Nord de la France*, Bruxelles, 1896–1898, 2 vol.

- 281) Petri (Franz), *Germanische Volkserbe in Wallonien und Nordfrankreich*, Bonn, 1937, 2 vol.
- 282) Petri (F.), Zum Stand der Diskussion über die fränkische Landnahme und die Entstehung der germanisch-romanischen Sprachgrenze, *Rheinische Vierteljahrblätter*, XV–XVI, 1950–1951, p. 39–86.
- 283) Stengers (J.), *La formation de la frontière linguistique en Belgique ou de la légitimité de l'hypothèse historique*, Bruxelles, 1959.
- 284) Vannerus (J.), Le limes et les fortifications gallo-romaines de Belgique. Enquête toponymique, *Mém. Acad. royale de Belgique, Classe des Lettres*, 1943.
- 285) Verlinden (Charles), *Les origines de la frontière linguistique en Belgique et la colonisation franque*, Bruxelles, 1955.
- 286) Wartburg (Walter von), *Umfang und Bedeutung der germanischen Siedlung in Nordgallien im 5. und 6. Jh. im Spiegel der Sprache und Ortsnamen*, Berlin, 1950.
- Б) Археология Галлии в эпоху раннего средневековья.
- 287) Arbman (Holger), Verrerie cloisonnée et filigrane, *Kungl. humanistika vetenskapssamfundet i Lund. Årsberättelse*, 1949–1950, p. 136–172.
- 288) Audy (Jean), Riquet (Raymond), La basilique cémétériale de Montferrand (Aude), contribution à l'étude du peuplement des grandes invasions, *CRAI*, 1961, p. 185–204.
- 289) Barrière-Flavy (M. C.), *Les arts industriels des peuples barbares de la Gaule*, Toulouse – Paris, 1901, 2 vol.
- 290) Blanchet (Adrien), *Les trésors de monnaies romaines et les incursions germaniques en Gaule*, Paris, 1900.
- 291) Böhner (Kurt), Archäologische Beiträge zur Erforschung der Frankenzeit am Niederrhein, *Rheinische Vierteljahrblätter*, XV–XVI, 1950–1951, p. 19–38.
- 292) Butler (R. M.), Late Roman Town Walls in Gaul, *The Archaeological Journal*, CXVI, 1959, p. 25–50.

- 293) Cochet (abbé), *La Normandie souterraine. Sépultures gauloises, romaines, franques et normandes*, Paris, 1854.
- 294) Cochet (abbé), *Le tombeau de Childéric Ier, roi de Francs, restitué à l'aide de l'archéologie*, Paris, 1859.
- 295) Dhondt (Jan), de Laet (S. J.), Hombert (P.), Quelques considérations sur la fin de la domination romaine et les débuts de la colonisation franque en Belgique, *L'Antiquité classique*, XVII, 1949, p. 150–156.
- 296) Faider-Feytmans (G.), L'aire de dispersion des cimetières mérovingiens en Belgique, в: *Études mérovingiennes*, Paris, 1953, p. 103–109.
- 297) France-Lanord (Albert), Un cimetière de lètes à Cortrat (Loiret), RA, 1963, I, p. 15–35.
- 298) France-Lanord (A.), Fleury (Michel), Das Grab der Arnegundis in St-Denis, *Germania*, XL, 1962, p. 241–359.
- 299) Hubert (Jean), *L'Art pré-roman*, Paris, 1938.
- 300) Knögel (E.), Schriftquellen zur Kunstgeschichte der Merowingerzeit, *Bonner Jahrbücher*, CXL–CXLI, 1936, p. 1–258.
- 301) Lantier (Raymond), Un cimetière du IV^e siècle (Vert-la-Gravelle), *L'Antiquité classique*, XVII, 1949, p. 373–401.
- 302) Lantier (R.), Hubert (J.), *Les origines de l'art français*, Paris, 1947.
- 303) Lindenschmidt (Ludwig), *Handbuch der deutschen Altertumskunde: I. Altertümer der merowingischen Zeit*, Braunschweig, 1880–1889.
- 304) Roblin (Michel), Cités ou citadelles? Les enceintes romaines du Bas-Empire d'après l'exemple de Paris, *REA*, LIII, 1951, p. 301–311.
- 305) Salin (Édouard), Sur le peuplement des marches de l'Est après les grandes invasions, *CRAI*, 1945, p. 498–504.
- 306) Salin (E.:), *Manuel des fouilles archéologiques: I. Les fouilles de sépultures du V^e au VIII^e siècle*, Paris, 1946.
- 307) Salin (E.:), Les techniques de la damasquinure en Gaule mérovingienne, *Gallia*, IX, 1951, p. 31–52.

- 308) Salin (E.:), *La civilisation mérovingienne*, Paris, 1949–1959, 4 vol.
- 309) Salin (E.:), France-Lanord (A.), *Le fer à l'époque mérovingienne. Étude technique et archéologique*, Paris, 1943.
- 310) Werner (Joachim), *Münzdatierte austrasische Grabfunde*, Berlin – Leipzig, 1935.
- 311) Werner (J.), Zur Entstehung der Reihengräberzivilisation, *Archaeologia Geographica*, I, 2, 1950, p. 23–32.
- 312) Wuilleumier (P.), Audin (A.), Leroi-Gourhan (A.), *L'Église et la nécropole Saint-Laurent dans le quartier lyonnais de Choulans*, Lyon, 1949.
- 313) Zeiss (H.), Die germanischen Grabfunde des frühen Mittelalters zwischen mittleren Seine und Loiremündung, *Bericht der röm.-germ. Kommission*, XXXI, 1941, p. 5–174.

Г) Ономастические и лингвистические проблемы в Галлии.

- 314) Dauzat (Albert), *La toponymie française*, Paris, 1939.
- 315) Dauzat (A.), *Les noms de famille de France*, Paris, 1945.
- 316) Gamillscheg (Ernst), *Romania Germanica. Sprach- und Siedlungsgeschichte der Germanen auf dem Boden der alten Römerrechts*, Berlin – Leipzig, 1934–1936, 3 vol.
- 317) Gröhler (H.), *Ursprung und Bedeutung der französischen Orstnamen*, Heidelberg, 1913.
- 318) Johnson (J.), *Étude sur le noms de lieu dans lesquels entrent les éléments court, ville et villiers*, Paris, 1946.
- 319) Lebel (Paul), *Les noms de personnes*, Paris, 1946.
- 320) Legros (Élisée), Le nord de la Gaule. Linguistique et toponymie, *Bull. Comm. roy. toponymie et dialectologie*, XVI, 1942, p. 161–228.
- 321) Longnon (Auguste), *Les noms de lieu de la France*, Paris, 1920–1929.
- 322) Lot (Ferdinand), De l'origine et de la signification des noms de lieu en ville et en court, *Romania*, LIX, 1933, p. 199–246.

- 323) Roblin (Michel), *Le terroir de Paris aux époques gallo-romaine et franque*, Paris, 1951.
- 324) Vincent (Auguste), *Toponymie de la France*, Bruxelles, 1937.
- 325) Wartburg (W. von), *Die Entstehung der romanischen Völker*, Halle, 1939 (перев. на фр. *Les origines des peuples romans*, Paris, 1941).

IX. Англосаксы

А) Происхождение. Общие работы.

- 326) Åberg (Nils), *The Anglo-Saxons in England*, Uppsala, 1926.
- 327) Blair (Peter Hunter), *An Introduction to Anglo-Saxon England*, Cambridge, 1956.
- 328) Blair (P. H.), *The Origins of Northumbria*, *Archaeologia Aeliana*, XXV, 1947.
- 329) Chadwick (H. M.), *The Origin of the English Nation*, Cambridge, 1907.
- 330) Chadwick (Nora K.), *Studies in early British History*, Cambridge, 1954.
- 331) Chadwick-Hawkes (Sonia), *Soldiers and Settlers in Britain, 4th to 5th century*, *Medieval Archaeology*, V, 1961, p. 1–70.
- 332) Clarke (R. Rainbird), *East Anglia*, London, 1960.
- 333) Collingwood (R. G.), *The Roman evacuation of Britain*, *JRS*, 1922, p. 74–89.
- 334) Collingwood (R. G.), Myres (J. N. L.), *Roman Britain and the English settlement*, Oxford, 1936.
- 335) Copley (Gordon J.), *The Conquest of Wessex in the sixth century*, London, 1954.
- 336) Corder (Philip), *The re-organisation of the defences of Romano-British towns in the 4th century*, *Archaeological Journal*, LXII, 1955, p. 20–42.

- 337) Crawford (O. G. S.), Cerdic's Landing-place, *Antiquity*, XXVI, 1952, p. 193–200.
- 338) Demougeot (Émilienne), Les invasions germaniques et la rupture des relations entre la Bretagne et la Gaule, *MA*, LXVIII, 1962, p. 1–50.
- 339) Drögereit (Richard), Sachsen und Angelsachsen, *Niedersächsisches Jahrvol für Landesgeschichte*, XXI, 1949.
- 340) Hawks (C. F. C.), The Jutes of Kent, в: *Dark Age Britain* [N 361], p. 91–111.
- 341) Hodgkin (R. H.), *A History of the Anglo-Saxons*, 3d ed., Oxford, 1953, 2 vol.
- 342) Hoskins (W. G.), *The westward Expansion of Wessex*, Leicester, 1960.
- 343) Jackson (Kenneth), *Language and History in early Britain*, Edinburgh, 1953.
- 344) Jankuhn (Herbert), The Continental home of the English, *Antiquity*, XXVI, 1952, p. 14 и сл.
- 345) Joliffe (J. E. A.), *Pre-feudal England, The Jutes*, Oxford, 1933.
- 346) Lethbridge (T. C.), The Anglo-Saxon settlement in Eastern England. A reassessment, в: *Dark Age Britain* [N 361], p. 112–122.
- 347) Lot (Ferdinand), Les migrations saxonnes en Gaule et en Grande-Bretagne, *RH*, CXIX, 1915, p. 1–40.
- 348) Lot (F.), De la valeur historique du «De excidio...» de Gildas, в: *Mediaeval Studies in memory of G. S. Loomis*, 1927, p. 229–264.
- 349) Lot (F.), *Nennius et l'Historia Brittonum*, Paris, 1934.
- 350) Lot (F.), Bretons et Anglais aux V^е et VI^е siècles, *Proceedings of the British Academy*, 1930.
- 351) Myres (J. N. L.), The «adventus Saxonum», в: *Aspects of Archaeology, presented to O. G. S. Crawford*, London, 1951, p. 221–241.
- 352) Myres (J. N. L.), Pelagius and the End of the Roman Rule in Britain, *JRS*, L, 1960, p. 21–36.

- 353) Sayles (G.), *The medieval foundations of England*, London, 1948.
- 354) Sisam (Kenneth), Anglo-Saxon royal genealogies, *Proceedings of the British Academy*, XXXIX, 1953, p. 287–348.
- 355) Stenton (F. M.), *Anglo-Saxon England*, 2^е éd., Oxford, 1947.
- 356) Stevens (C. E.), Gildas sapiens, *EHR*, LVI, 1941, p. 353–373.
- 357) Sutherland (E. H. V.), Coinage in Britain in the 5th and 6th centuries, в: *Dark Age Britain* [N 361], p. 3–10.
- 358) White (Donald A.), *Litus Saxonicum. The British Saxon Shore in scholarship and History*, Madison, 1961.
- 359) Whitelock (Dorothy), *The beginnings of English Society*, Harmondsworth, 1952.
- 360) Wilson (D. M.), *The Anglo-Saxons*, London, 1960.

Б) Археология.

- 361) [An.], *Dark-Age Britain, Studies presented to E. T. Leeds*, ed. D. B. Harden, London, 1956.
- 362) [Bruce-Mitford (R. L. S.)], *The Sutton-Hoo ship-burial. A provisional Guide*, 6th éd., London, 1957.
- 363) Fox (Cyril), *Offa's Dyke*, Oxford, 1955.
- 364) Fox (C. и Aileen), Wansdyke reconsidered, *The archaeological Journal*, CXV, 1958, p. 1–48.
- 365) Jessup (R. F.), *Anglo-Saxon jewellery*, London, 1950.
- 366) Kendrick (T. D.), *Anglo-Saxon Art to A. D. 900*, London, 1938.
- 367) Leeds (E. T.), *The archaeology of the anglo-saxon settlement*, Oxford, 1913.
- 368) Leeds (E. T.), *Early anglo-saxon Art and Archaeology*, Oxford, 1936.
- 369) Leeds (E. T.), The distribution of the Angles and Saxons archaeologically considered, *Archaeologia*, XCI, 1945, p. 1–106.
- 370) Myres (J. N. L.), Cremation and inhumation in anglo-saxon cemeteries, *Antiquity*, XVI, 1941.

- 371) Myres (J. N. L.), Some parallels to the anglo-saxon pottery of Holland and Belgium in the migration period, *L'Antiquité classique*, XVII, 1948, p. 453 и сл.
- 372) Myres (J. N. L.), Romano-Saxon Pottery, в: *Dark Age Britain* [N 361], p. 16–39.
- 373) Thompson (J. D. A.), *Inventory of British Coin Hoards*, London, 1956.

В) Топонимия, лингвистика.

- 374) Ekwall (Eilert), *The concise Oxford Dictionary of English Place-Names*, 4th éd., Oxford, 1960.
- 375) Förster (Max), *Keltisches Wortgut im Englischen*, Halle, 1921.
- 376) Förster (M.); *Der Flussname Themse und seine Sippe*, München, 1941.
- 377) Jackson (Kenneth), The British Language during the period of the English settlement, в: *Studies in Early British History* [N 330], p. 60–82.
- 378) Mawer (Allen), *The chief elements used in English place-names*, Cambridge, 1924.
- 379) Mosse; (Fernand), *Esquisse d'une histoire de la langue anglaise*, Lyon, 1947.
- 380) Smith (A. H.), *English Place-Names elements*, London, 1956, 2 vol.
- 381) Smith (A. H.), Place-names and the Anglo-Saxon settlement, *Proceedings of the British Academy*, 1956, p. 67–88.
- 382) Stenton (F. M.), The historical bearing of place-name studies. Anglo-Saxon heathenism, *Transactions of the roy. hist. Soc.*, 1941, p. 1–24.

Х. Различные германские народы

Аламаны.

- 383) Schwarz (E.), Die Herkunft der Alamannen, *Vorträge und Forschungen*, hrsg. von Th. Mayer, I, 1954, p. 37–51.

Фризы.

- 384) Boeles (P. C. J. A.), *Friesland tot de elfde eeuw*, 2^е éd., 's Gravenhage, 1951.

Гепиды.

- 385) Csallany (D.), *Archäologische Denkmäler der Gepiden im Mitteldonaubekken*, Budapest, 1961.

- 386) Sevin (Heinrich), *Die Gebiden*, München, 1955.

Саксы на континенте.

- 387) Ehmer (Helmut), *Die sächsischen Siedlungen auf dem französischen Litus Saxonicum*, Halle, 1937.

- 388) Lintzel (Martin), *Der sächsische Stammestaat und seine Eroberung durch die Franken*, Berlin, 1933.

- 389) Loisne (comte de), La colonisation saxonne dans le Boulonnais, *Mém. Soc. Nat. Antiq. France*, 1906, p. 139–160.

- 390) Salin (E.), Les traces d'industrie et de peuplement saxon ou anglo-saxon en Gaule mérovingienne, *RA*, 6^е s., XXXII, p. 917–925.

- 391) Slicher van Bath (B. H.), Dutch tribal problems, *Speculum*, XXIV, 1949, p. 319–338.

См. также Tischler [N 157] и Lot [N 347].

Свевы.

- 392) Reynolds (R. L.), Reconsideration of the history of the Suevi, *RBPH*, XXXV, 1957, p. 19–47.

XI. Региональные исследования варварского Запада

А) Галлия.

- 393) Bergengruen (Alexander), *Adel und Grundherrschaft im Merowingerreich*, Wiesbaden, 1958.

- 394) Bodmer (J. P.), *Der Krieger der Merowingerzeit und seine Welt*, Zurich, 1957.
- 395) Boyer (Georges), Remarques sur la charte de Nizezius, в: *Études d'hist. du droit privé offertes à P. Petot*, Paris, 1959, p. 39–48.
- 396) Volner (Rudolf), *Die Provence in merowingischer Zeit*, Stuttgart, 1933.
- 397) De Laet (S. J.), Dhondt (Jan), Nenquin (J.), Les Laeti du Namurois et l'origine de la civilisation mérovingienne, в: *Études d'histoire et d'archéologie Namuroises dédiées à F. Courtoy*, Gembloux, 1952, p. 149–172.
- 398) Dhondt (Jan), L'essor urbain entre Meuse et mer du Nord à l'époque mérovingienne, в: *Studi in onore di A. Sapori*, Milano, 1957, p. 57–78.
- 399) Ewig (Eugen), *Die fränkischen Teilungen und Teilreiche*, 511–613, Wiesbaden, 1952.
- 400) Ewig (E.), Volkstum und Volksbewusstsein im Frankenreich, *Settimane...*, V, 1957, p. 587–648.
- 401) Fleury (Michel), Paris du Bas-Empire au début du XIII^e siècle, в: *Paris, croissance d'une capitale*, Paris, 1961, p. 73–96.
- 402) Garaud (Marcel), Le peuplement du Poitou et la conquête franque, *REA*, LII, 1950, p. 90–102.
- 403) Garaud (M.), Note sur la cité de Poitiers à l'époque mérovingienne, в: *Mélanges L. Halphen*, Paris, p. 271–279.
- 404) Latouche (Robert), De la Gaule romaine à la Gaul franque, Aspects sociaux et économiques de l'évolution, *Settimane...*, IX, 1961, p. 370–409.
- 405) Lugge (Margret), *Gallia und Francia im Mittelalter*, Bonn, 1960.
- 406) Maille; (marquise de), *Recherches sur les origines chrétiennes de Bordeaux*, Paris, 1959.
- 407) Prou (Maurice), *La Gaule mérovingienne*, Paris, 1897.

Б) Рейнская область, Германия.

- 408) [An.], *Germania romana: I. Römerstädte in Deutschland (Gymnasium, Beihefte, I)*, Heidelberg, 1960.
- 409) Böhner (Kurt), *Die fränkischen Altertümer des Trierer Landes*, Berlin, 1958, 2 vol.
- 410) Büttner (Heinrich), Das Bistum Worms und der Neckarraum während des Früh- und Hochmittelalters, *Archiv für mittelrheinische Kirchengeschichte*, X, 1958, p. 9–38.
- 411) Demougeot (Émilienne), Note sur l'évacuation des troupes romaines en Alsace au début du V^e siècle, *Revue d'Alsace*, 1953, p. 7–16.
- 412) Ewig (Eugen), *Trier im Merowingerreich*, Civitas, Stadt, Bistum, Trier, 1954.
- 413) Ewig (E.), Civitas, Gau und Territorien in den trierischen Moselländern, *Rheinische Viertjahrsblätter*, XVII, 1952, p. 120–137.
- 414) Frings (Th.), *Germania Romana*, Halle, 1932.
- 415) Sprandel (Rolf), *Der merowingische Adel und die Gebeite östlich des Rheins*, Freiburg im Br., 1957.

В) Швейцария, Реция.

- 416) Franken (M.), *Die Alamannen zwischen Iller und Lech*, Berlin, 1944.
- 417) Heuberger (R.), Das ostgotische Rätien, *Klio*, XXX, 1937, p. 77–109.
- 418) Martin (Paul-Edmond), *Études critiques sur la Suisse à l'époque mérovingienne (534–715)*, Paris – Geneve, 1910.
- 419) Meyer-Marthalier (Elisabeth), *Rätien im frühen Mittelalter*, Zurich, 1948.
- 420) Schmidt (Ludwig), Zur Geschichte Rätiens unter der Herrschaft der Ostgoten, *Zeitschrift für schweizerische Geschichte*, XIV, 1934, p. 451–459.
- 421) Schmidt (L.), Zur Geschichte der alamannischen Besiedlung der Schweiz, *ibid.*, XVIII, 1938, p. 369–379.

Г) Испания.

- 422) David (Pierre), *Études historiques sur la Galice et le Portugal du VI^e au XII^e siècle*, Lisbonne, 1947.
- 423) Garvin (Joseph N.), *The Vitas Sanctorum Patrum Emeritensium*, Washington, 1946.
- 424) Gibert (Rafael), *El reino visigodo y el particularismo español*, *Settimane...*, III, 1955, p. 537–583.
- 425) Messmer (Hans), *Hispania-Idee und Gotenmythus*, Zurich, 1960.

Д) Северная Африка.

- 426) Carcopino (Jérôme), *Un empereur maure inconnu d'après une inscription latine découverte dans l'Aurès*, *REA*, XLVI, 1944, p. 94–120.
- 427) Courtois (Christian), *Victor de Vita et son uvre*, Alger, 1954.
- 428) Demougeot (Émilienne), *Le chameau et l'Afrique du Nord romaine*, *AESC*, XV, 1960, p. 209–247.
- 429) Diesner (H. J.), *Die Lage der nordafrikanischen Bevölkerung im Zeitpunkt der Vandaleninvasion*, *Historia*, XI, 1962, p. 97–111.
- 430) Frend (W. H. C.), *The donatist Church*, Oxford, 1952.
- 431) Gautier (E. F.), *Le passé de l'Afrique du Nord. Les siècles obscurs*, Paris, 1937.
- 432) Heurgon (J.), *Le trésor de Ténès*, Paris, 1958.
- 433) Lapeyre (G. G.), *Saint Fulgence de Ruspe. Un évêque africain sous la domination vandale*, Paris, 1929.
- 434) Lesine (A.), Picard (Mme C.), Picard (G.-Ch.), *Observations sur la ruine des thermes d'Antonin à Carthage*, *CRAI*, 1956, p. 425–430.
- 435) Romanelli (Pietro), *Storia delle provincie romane dell'Africa*, Roma, 1959.
- 436) Salama (A.), *Deux trésors monétaires du V^e siècle trouvés en Petite-Kabylie*, *Bull. Soc. Nat. Antiq. France*, 1959, p. 238–240.
- 437) Zeiller (Jacques), *L'arianisme en Afrique avant l'invasion vandale*, *RH*, CLXXIII, 1934, p. 535–541.

Е) Италия.

- 438) Bertolini (O.), *Roma di fronte a Bisanzio e ai Longobardi (Storia di Roma, IX)*, Roma, 1941.
- 439) Hartmann (Ludo-Moritz), *Geschichte Italiens im Mittelalter*, I, 2. Auf., Gotha, 1923.
- 440) Hodgkin (Thomas), *Italy and her invaders*, Oxford, 1880–1899, 8 vol.
- 441) Paribeni (R.), *Da Diocleziano alla caduta del Impero d'Occidente (Storia di Roma, VIII)*, Roma, 1941.
- 442) Pepe (Gabriel), *Il medio evo barbarico d'Italia*, 3^e éd., Torino, 1945.

XII. Проблемы преемственности: от Римской империи к средневековью

А) Общие работы.

- 443) [An.], *Il passaggio dall' Antichità al Medioevo in Occidente, Settimane...*, IX, 1961.
- 444) Aubin (Hermann), *Vom Altertum zum Mittelalter*, München, 1949.
- 445) Ewig (Eugen), *Résidence et capitale pendant le haut Moyen Age, RH, CCXXX*, 1963, p. 25–72.

Б) Галлия и Германии.

- 446) Böhner (Kurt), *Die Frage der Kontinuität zwischen Altertum und Mittelalter im Spiegel der fränkischen Funde des Rheinlandes, Trierer Zeitschrift*, XIX, 1950, p. 82–106.
- 447) Garaud (Marcel), *Le droit romain dans les chartes poitevines du IX^e au XI^e siècle*, в: *Mélanges G. Cornil*, Gand, 1926, I, p. 399–424.
- 448) Gaudemet (Jean), *Survivances romaines dans le droit de la monarchie franque du V^e au X^e siècle, Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis*, XXIII, 1955, p. 149–206.
- 449) Kurth (Godefroid), *Les sénateurs en Gaule au VI^e siècle, в: Études franques [N 261]*, p. 97–115.

450) Lemarignier (Jean-Francois), Les actes de droit privé; de l'abbaye de Saint-Bertin au haut Moyen Age. Survivances et déclin du droit romain dans la pratique franque, *Rev. int. des droits de l'Antiquité*, V, 1950, p. 35–72.

451) Lot (Ferdinand), La nomination du comte à l'époque mérovingienne et la novelle 149 du Justinien, *RHD*, 1924, p. 272–286.

452) Lot (F.), Du régime de l'hospitalité, *RBPH*, VII, 1928, p. 975–1011.

453) Petrikovits (Harald von), Das Fortleben römischer Städte an Rhein und Donau, *Trierer Zeitschrift*, XIX, 1950, p. 73–81.

454) Rey (Raymond), La tradition gallo-romaine dans la civilisation méridionale jusqu'à l'invasion sarrasine, *Pallas*, II, 1954, p. 155–175.

455) Richard (Jean), Tribunal et notariat aux temps mérovingiens, *Annales de Bourgogne*, XXXIV, 1962, p. 194–195.

456) Stroheker (K. F.), *Der senatorische Adel im spätantiken Gallien*, Tübingen, 1948.

457) Tardif (Joseph), Les chartes mérovingiennes de Noirmoutier, *RHD*, XXII, 1898, p. 763–790.

В) Швейцария, Реция, Алемания.

458) Fellmann (Rudolf), Neue Forschungen zur Schweiz in spätömischer Zeit, *Historia*, IV, 1955, p. 209–219.

459) Laur-Belart (R.), The late limes from Basel to the lake of Constance, в: *Third Congress of Roman Frontier Studies*, ed. E. Birley, Durham, 1952, p. 55–67.

460) Martin (P. E.), La fin de la domination romaine en Suisse, *Bull. Soc. hist. et archéol. de Genève*, XVI, 1935, p. 3–30.

Г) Норик, Паннония, Дакия.

461) Alföldi (Andreas), *Der Untergang der Römerherrschaft in Pannonien*, Berlin – Leipzig, 1924–1926, 2 vol.

- 462) Iorga (N.), *Histoire des Roumains et de la Romanité orientale*, II, Bucarest, 1937.
- 463) Janda (Anna), *Die Barschalken, Ein Beitrag zur Sozialgeschichte des Mittelalters*, Wien, 1926.
- 464) Kaphahn (Fritz), *Zwischen Antike und Mittelalter. Das Donau-Alpenland im Zeitalter St. Severins*, Munich, 1947.
- 465) Koller (H.), Der Donauraum zwischen Linz und Wien im Mittelalter, *Hist. Jahrvol der Stadt Linz*, 1960, p. 11–53.
- 466) Lozovan (Eugen), Byzance et la romainté scythique; Romains et Barbares sur le moyen Danube, в: F. Altheim, *Geschichte der Hunnen* [N 509], II, p. 197–244.
- 467) Schwarz (E.), Die bairische Landnahme um Regensburg im Spiegel den Völker- und Ortsnamen, *Beiträge zur Namenforschung*, I, 1949, p. 70.
- 468) Zibermayr (Ignaz), *Noricum, Baiern und Österreich. Lorch als Hauptstadt und die Einführung des Christentums*, Horn, 1956.

Д) Испания.

- 469) Lacarra (Jose; Maria), *Il tramonto della Romanità in Hispania*, Madrid — Roma, 1961.
- 470) Sánchez-Albornoz (Claudio), *Ruina y extinción del municipio romano*, Buenos Aires, 1943.
- 471) Sánchez-Albornoz (C.), El tributum quadragesimale. Supervivencias fiscales romanas en Galicia, в: *Mélanges L. Halphen*, Paris, 1951, p. 645–658.
- 472) Sánchez-Albornoz (C.), Pervivencia y crisis de la tradicion jurídica romana en la España goda, *Settimane...*, IX, 1961, p. 128–199.

Е) Северная Африка.

- 473) Carcopino (Jérôme), La fin du Maroc romain, *MAHR*, LVII, 1940, p. 349–448.
- 474) Courtois (C.), Grégoire VII et l'Afrique du Nord. Remarques sur les communautés chrétiennes d'Afrique au XI^e siècle, *RH*, CXLV, 1945, p. 97–122, 193–226.

- 475) Gage; (Jean), Nouveaux aspects de l'Afrique chrétienne, *Annales de l'École des Hautes-Études de Gand*, I, 1937, p. 181–230.
- 476) Ménage (J.), *Le christianisme en Afrique. Déclin et extinction*, Paris – Alger, 1915.
- 477) Piganiol (André), En marge des tablettes Albertini, в: *Hommage à L. Febvre*, II, Paris, 1953, p. 67–70.
- 478) Rössler (Otto), Die lateinische Reliktwörter im Berberischen, *Beiträge zur Namenforschung*, XIII, 1962, p. 258–262.
- 479) Seston (William), Sur les derniers temps du christianisme en Afrique, *MAHR*, LIII, 1936, p. 101–124.
- 480) Bognetti (Gian Pierro), La continuità delle sedi episcopali e l'azione di Roma nel regno Longobardo, *Settimane...*, VII, 1959, p. 415–454.
- 481) Bognetti (G. P.), L'influsso delle istituzioni militari romane sulle istituzioni longobarde del sec. VI e la natura della «fara», *Atti del Congresso intern. di diritto romano*, Verona, 1948, t. IV, Milan, 1951, p. 167–210.
- 482) Cecchelli (Carlo), Continuità storica di Roma antica nell'alto medioevo, *Settimane...*, VI, 1958, p. 89–149.
- 483) Leicht (P. S.), Gli elementi romani nella costituzione langobarda, в: *Scritti vari di storia del diritto italiano*, I, Milano, 1943.
- 484) Vaccari (Pietro), *Ricerche di storia giuridica: I. Il colonato romano e l'invasione longobarda*, Pavia, 1907.

XIII. Миграции кельтских народов

А) Общие работы, Великобритания.

См., главным образом, Jackson [N 343] и [N 377].

- 485) Marcus (G. J.), Factors in early celtic navigation, *Études celtiques*, VI, 1953–1954, p. 312–327.
- 486) Ralegh Radford (C. A.), Imported Pottery found at Tintagel, Cornwall, в *Dark Age Britain* [N 361], p. 59–70.

487) Ridgeway, Niall «of the Nine Hostages», *JRS*, XIV, 1924, p. 123–136.

488) Stevens (C. E.), *L'Irlande et la Bretagne romaine*, *REA*, XLII, 1940, p. 671–681.

489) Vendryes (Joseph), Pharamond, roi de France, dans la tradition irlandaise, в *Mélanges Ferd. Lot*, Paris, 1925, p. 743–767.

490) Wainwright (F. T.), *The Problem of the Picts*, Edinburgh, 1955.

Б) Арморика.

491) Couffon (René), *Limites des cités gallo-romaines et foundation des évêchés dans la péninsule armoricaine*, Saint-Brieuc, 1943.

492) Falch'un (François), Le breton, forme moderne du gaulois, *Annales de Bretagne*, LXII, 1955, p. 202–213.

493) Falch'un (F.), *Histoire de la langue bretonne d'après la géographie linguistique*, I, Paris, 1963.

494) Fleuriot (J. L.), Recherches sur les enclaves romanes anciennes en territoire bretonnant, *Études celtiques*, VIII, 1958, p. 164–178.

495) Giot (P. R.), Un type de céramique antique inédit de Cornouaille et d'ailleurs, *Annales de Bretagne*, LXII, 1955, p. 164–178.

496) Largillièr (René), *Les saints et l'organisation chrétienne primitive dans l'Armorique bretonne*, Rennes, 1925.

497) Loth (Joseph), *L'émigration bretonne en Armorique*, Rennes, 1883.

498) Loth (J.), Les langues romane et bretonne en Armorique, *Revue celtique*, XXXVII, 1907, p. 374–403.

499) Reinach (Salomon), Les Francs et la Bretagne armoricaine, *RA*, 1928, I, p. 246–253.

В) Испания.

500) David (Pierre), Étude sur les églises celtiques de Galice, в *Études Historiques sur la Galice* [N 422], p. 57–63.

XIV. Степные народы

А) Общие работы.

- 501) Darkó (Eugène), *Le rôle des peuples nomades cavaliers dans la transformation de l'Empire romain*, *Byzantion*, XVIII, 1946–1948, p. 85–97.
- 502) Grousset (René), *L'Empire des steppes*, Paris, 1939.
- 503) Moravcsik (Gyula), *Byzantinoturcica*, 2^e éd., Budapest, 1958, 2 vol.
- 504) Sinor (Denis), *Les Barbares*, *Diogène*, N 18, 1957, p. 52–68.
- 505) Vernadsky (George), *Der sarmatische Hintergrund der germanischen Völkerwanderung*, *Saeculum*, II, 1951, p. 340–392.
- 506) Vernadsky (G.), *The Eurasian nomads and their impact on medieval Europe*, *Studi Medievali*, IV, 1963, p. 401–434.

Б) Гунны.

- 507) Alföldi (Andreas), *Attila*, в *Mehschen die Geschichte machten*, Wien, 1930, B. I, p. 229–234.
- 508) Altheim (Franz), *Attila und die Hunnen*, Baden-Baden, 1951 (перев. на фр. *Attila et les Huns*, Paris, 1952).
- 509) Altheim (F.), *Geschichte des Hunnen*, Berlin, 1959–1962, 4 vol.
- 510) Altheim (F.), Haussig (H. W.), *Die Hunnen in Osteuropa, Ein Forschungsbericht*, Baden-Baden, 1958.
- 511) Boor (H. de), *Das Attila-Bild in Geschichte, Legende und heroischer Dichtung*, Bern, 1932.
- 512) Browning (R.), *Where was Attila's Camp?*, *Journal of Hellenic Studies*, LXXIII, 1953, p. 143–145.
- 513) Demougeot (Émilienne), *Attila et les Huns*, *Mém. de la Soc. d'Agric. de la Marne*, LXXIII, 1958, p. 7–42.
- 514) Gordon (C. D.), *The Age of Attila. Fifth century Byzantium and the Barbarians*, Ann Arbor, 1960.
- 515) Hambis (L.), *Le problème des Huns*, *RH*, CCXX, 1958, p. 249–270.

- 516) Harmatta (J.), Hun Society in the Age of Attila, *Acta Archaeologica* (Budapest), 1952, p. 277–305 (перев. на фр. La société des Huns à l'époque d'Attila, в *Recherches à la lumière du marxisme*, II, 1957, p. 179–238).
- 517) Homeyer (H.), *Attila. Der Hunnenkönig von seinen Zeitgenossen dargestellt*, Berlin, 1951.
- 518) Maenchen-Helfen (O.), Huns and Hsiung-Nu, *Byzantion*, XVII, 1944–1945, p. 222–243.
- 519) Moör (Elemer), Zur Herkunft der Hunnen, *Beiträge zur Namenforschung*, XIV, 1963, p. 63–104.
- 520) Thompson (E. A.), *A History of Attila and the Huns*, Oxford, 1948.
- 521) Werner (Joachim), *Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches*, Munich, 1956.

Б) Авары.

- 522) Barišić, Le siège de Constantinople par les Avares et les Slaves en 626, *Byzantion*, XXIV, 1954, p. 371–395.
- 523) Haussig (H. W.), Die Quellen über die zentralasiatische Herkunft der europäischen Awaren, *Central Asiatic Journal*, II, 1956.
- 524) Kollantz (Arnulf), *Quellenvol zur Geschichte der Awaren*, Praga, 1944.
- 525) Kollantz (A.), Die Awaren, *Saeculum*, V, 1954, p. 129–178.
- 526) Labuda (G.), Chronologie des guerres de Byzance contre les Avars et les Slaves à la fin du VI^e siècle, *Byzantinoslavica*, XI, 1950, p. 166–173.
- 527) Lipták (P.), Avaren und Magyaren im Donau-Theiss Zwischenstromgebeit, *Acta Archeologic Hungarica*, VIII, 1957, p. 199–268.
- 528) Reinecke (P.), Die archäologische Hinterlassenschaft des Awaren, *Germania*, XII, 1928, p. 87–98.

Хронологическая таблица

Даты	Империя		Западные германцы	Готы	Степные народы
	Восток	Запад			
350	364–378: Валент	364–375: Валентиниан	358: салические франки в Токсандрии	341: Вульфил епископ готов	
375	379–395: Феодосий 395–408: Аркадий	375–392: Валентиниан II 392–395: Феодосий 395–423: Гонорий		375: гунны уничтожают готское государство Германариха 376: готы в Империи 378: битва при Адрианополе 397: готы в Иллирике	

400	<p>408–450: Феодосий II</p> <p>423–455: Валентиниан III</p>	<p>406: Рейнский прорыв</p> <p>409: вандалы в Испании</p>	<p>410: Аларих в Риме</p> <p>413: вестготы в Аквитании</p> <p>418: основание Тулуз- ского королевства</p>	<p>409: аланы в Испании</p>
425		<p>429: вандалы в Африке</p> <p>436: уничтожение рейнского королевства бургундов</p> <p>439: Гензерих в Карфагене</p> <p>443: основание Женевского королевства бургундов</p>		<p>434: Аттила, король гуннов</p>

Продолжение табл.

Даты	Империя		Западные германцы	Готы	Степные народы
	Восток	Запад			
			449: Хенгист и Хорса в Англии		
450	450–457: Маркиан	455–456: Авит 457–461: Майориан	455: разграбление Рима Гензерихом		451: битва на Каталаунских полях 452: Аттила в Италии 453: смерть Аттилы 454: конец империи гуннов
				466–484: правление Эвриха	

		467–472: Анфемий	Ок. 472: бургунды в Лионе	473: Теодорих, король остготов	
	474–491: Зенон			Ок. 470–480: Кодекс Эвриха	
475		476: свержение Ромула Августула	476: Одоакр господин Италии Ок. 480–416: Бундобад, король бургундов 481: Хлодвиг, король салических франков	484–507: Аларих II, король вестготов	488: уход остготов в Италию

Продолжение табл.

Даты	Империя		Западные германцы	Готы	Степные народы
	Восток	Запад			
491–518: Анастасий			Ок. 495: зарождение Уэссекса	493: Теодорих берет Равенну	
500			Ок. 501–515: Бургундская правда Ок. 507–511: 1-я редакция Салической правды 511: смерть Хлодвига	506: Бревиарий Алариха 507: поражение Алариха II при Вуйе 524: казнь Бозия	
518–527: Юстин					

Продолжение табл.

Даты	Восточная империя	Западные германцы	Готы	Степные народы и славяне
525	527-565: Юстиниан	<p>Ок. 530: установление франкского протектората над Тюрингией</p> <p>533–534: византийская реконкиста в Африке</p> <p>534: завоевание бургундского королевства франками</p> <p>Ок. 536: установление франкского протектората над Алеманией</p>	<p>526: смерть Теодориха</p> <p>531: конец вестготской королевской династии</p> <p>536: начало византийской реконкисты в Италии</p>	
550		<p>Ок. 555: франкский протекторат над Баварией</p>	<p>552: смерть Тейи, последнего короля остготов</p> <p>554: столицей вестготов становится Толедо</p>	

Продолжение табл.

Даты	Восточная империя	Западные германцы	Готы	Степные народы и славяне
	565–578: Юстин II	568: лангобарды в Италии 572: лангобарды берут Павию 574–584: междуцарствие у лангобардов	561: последнее восстание остготов 568–586: Леовигильд, король вестготов	570: авары в Паннонии
575		590–616: Агиульф, король лангобардов 597: начало христианской миссии в Англии	585: вестготы захватывают королевство свевов 587: обращение вестготов в ортодоксальное христианство при короле Реккареде	582: авары захватывают Сирмий

600	<p>607: обращение лангобардского короля Агиульфа в ортодоксальное христианство</p>	<p>612–621: Сизебут, король вестготов</p>	<p>Ок. 600: славяне под Солунью</p>
625	<p>Ок. 626: столицей лангобардов становится Павия</p> <p>628–652: Ротари, король лангобардов</p> <p>Ок. 640: лангобарды захватывают Геную</p> <p>643: Эдикт Ротари</p>	<p>636: смерть Исидора Севильского</p>	<p>Ок. 625: Само, король богемских славян</p> <p>626: авары под Константинополем</p>

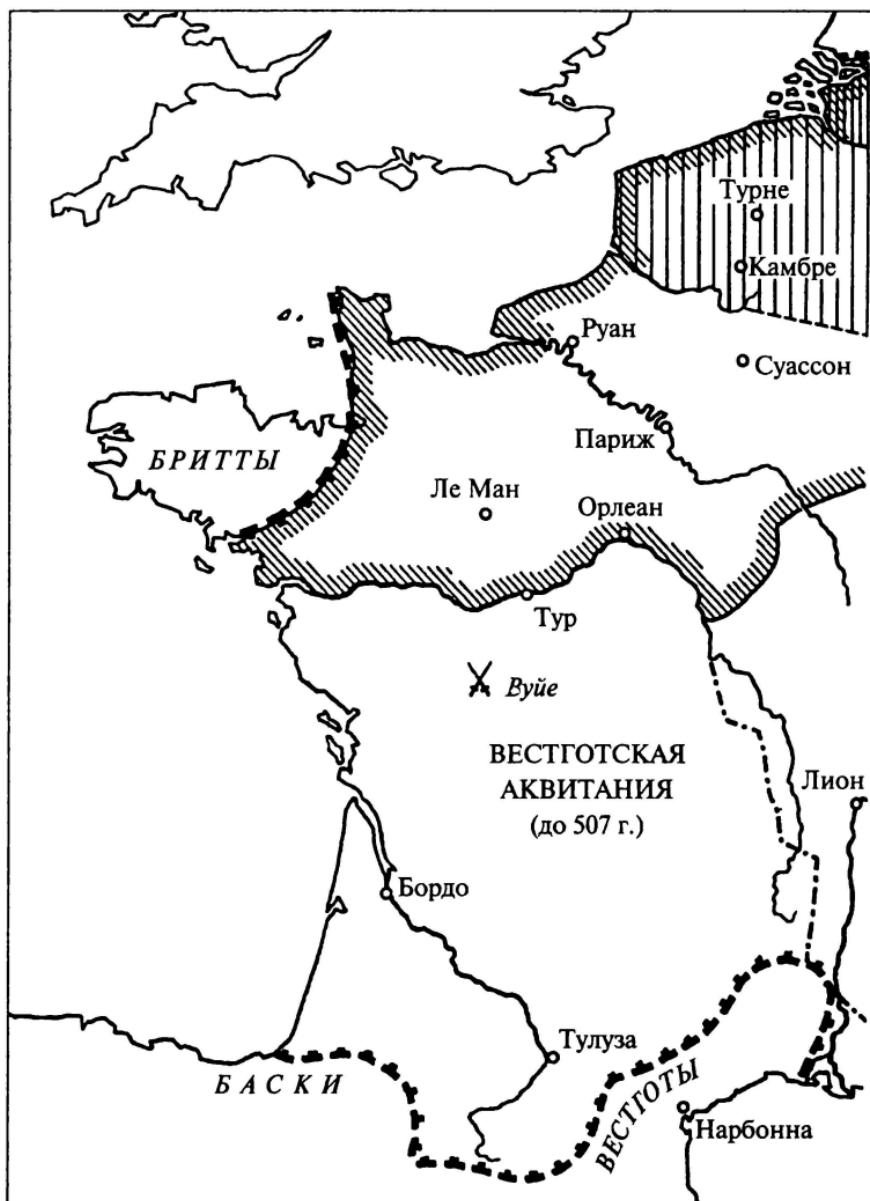
Окончание табл.

Даты	Восточная империя	Западные германцы	Готы	Степные народы и славяне
650		<p>Ок. 662: последняя арианская реакция у лангобардов (Гrimоальд)</p> <p>671: окончательный отказ от арианства</p>	<p>654: король Реккесвинт издает «Книгу судей»</p> <p>672: первое известное миропомазание короля (Вамба)</p>	
675				Ок. 680: болгары к югу от Дуная
700				<p>705: болгарский хан Тервел получает признание византийского императора</p> <p>711: мусульмане в Испании. Гибель королевства вестготов</p>

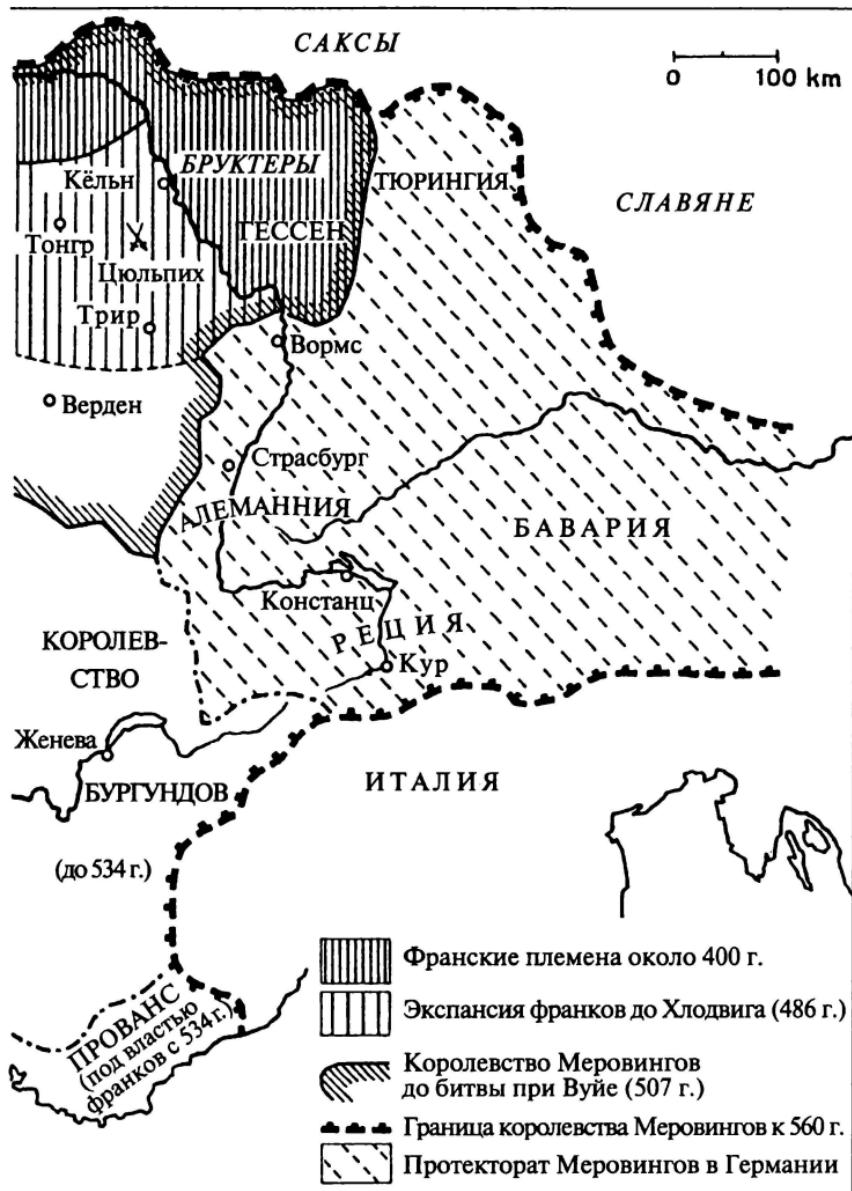


- Граница королевства в 711 г.
- Граница старого королевства свевов
- Граница византийских завоеваний
- Зона расселения готов
- Зона расселения свевов

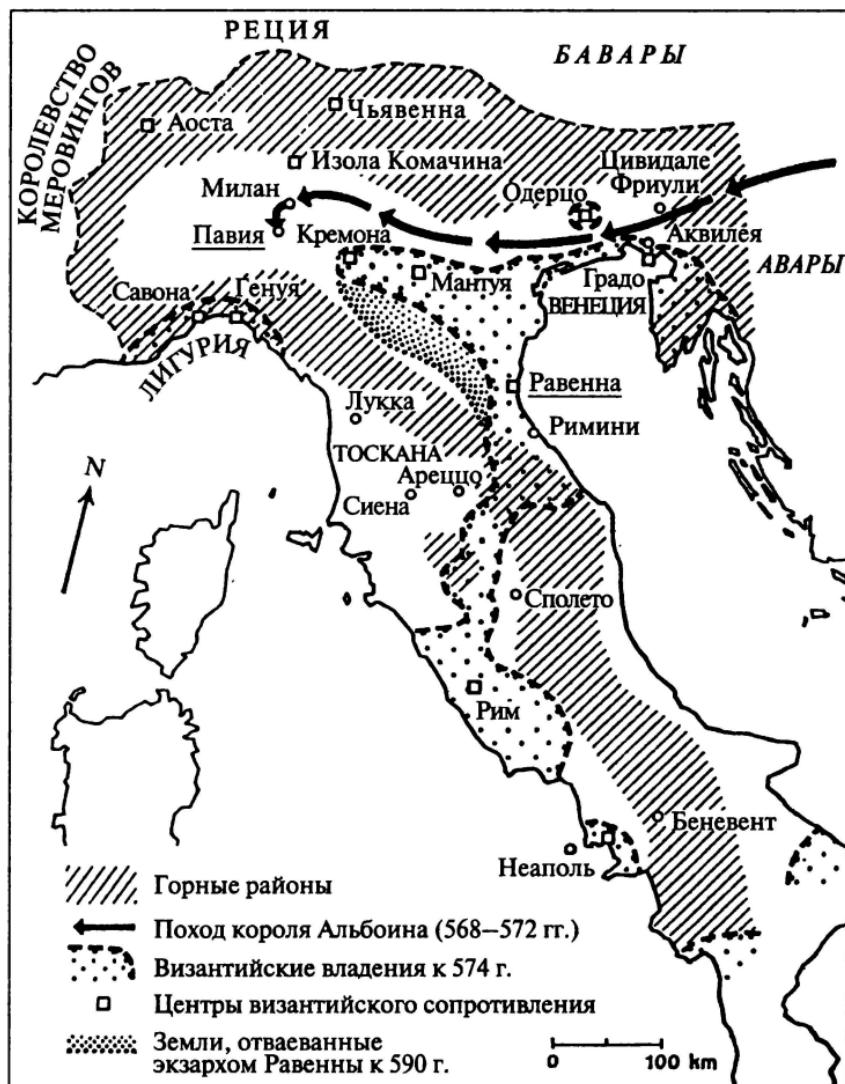
Карта 1. Вестготская Испания

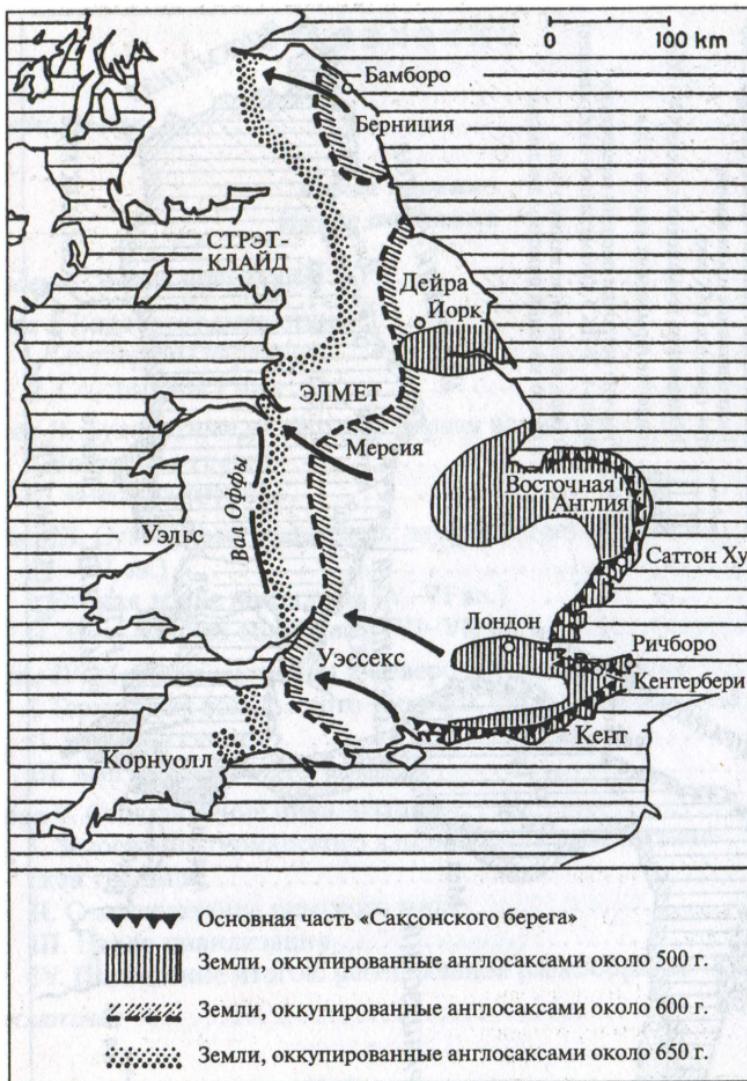


Карта 2. Франкское



королевство Меровингов





Карта 4. Завоевания англосаксов в Британии



Карта 5. Лингвистическая граница

Оглавление

<i>Предисловие</i>	5
--------------------------	---

Книга первая **Наши познания**

<i>Введение. Эпоха нашествий</i>	9
<i>Глава I. Водоворот нашествий</i>	13
I. Со стороны варваров	13
II. Со стороны Рима	31
<i>Глава II. Сухопутные нашествия: первая волна (IV–V вв.)</i> ..	40
I. Восточная группа	41
II. Западная группа	68
<i>Глава III. Сухопутные нашествия: вторая и третья волны (V–VII вв.)</i>	84
I. Вторая волна нашествий (V–VI вв.)	84
II. Третья волна нашествий (VI–VII вв.)	104
<i>Глава IV. Морские миграции в Северо-Западной Европе</i> ...	117
I. Германская волна:proto-викинги, англы, саксы и юты	117
II. Пикты и скотты	133
III. Миграции бриттов на юг	137
<i>Глава V. Столкновение цивилизаций</i>	141
I. Завоевания германского языка. Новая лингвистическая граница	141
II. Сопротивление римского мира	152
III. Новая цивилизация	164
IV. Подведение итогов: региональное разнообразие ...	174
<i>Заключение</i>	188

Книга вторая

Нерешенные проблемы и направления исследования

<i>Предисловие. Будущая работа над источниками</i>	191
<i>Глава VI. Общие проблемы</i>	195
I. Откуда происходит «варварство» раннего средневековья	195
II. Борьба социальная и борьба против завоевателей ..	203
III. Завоеватели	211
IV. Оборона и жертвы	220

V. Существовало ли идеологическое противостояние между варварами и римлянами?	228
VI. Проблемы расселения	237
VII. Проблемы цивилизации	250
VIII. Проблемы институтов	262
Глава VII. Локальные аспекты	274
I. Средиземноморский мир	274
II. Галлия	282
III. Атлантический мир	290
Общее заключение	299
Примечания	301
Библиография. Методы исследования и документы	353
Пояснения к библиографии	355
Сокращения	358
Раздел I. Опубликованные источники	360
Раздел II. Современные работы	366
Хронологическая таблица	400
Карты	409

Научно-популярное издание

Мюссе Люсьен
Варварские нашествия на Европу:
германский написк

Главный редактор В.В. Чубарь

Макет Е.А. Антоновой

Корректор Н.Э. Тимофеева

Подписано в печать 10.10.07.

Формат 84x108 1/32. Усл. печ. л. 40.32.

С.: Ист. библ. (84). Доп. тираж 2000 экз. Заказ № 3264.

С.: Ист. библ. (новая). Тираж 2000 экз. Заказ № 3248.

ООО «Издательство «Евразия»

197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н

Издание осуществлено при техническом участии

ООО «Издательство АСТ»

Отпечатано в ОАО «ИПП «Курск», 305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109.

E-mail:kursk-2005@yandex.ru

www.petit.ru

Варварские нашествия на Западную Европу полностью изменили ее облик. В кровавых столкновениях между варварами и римлянами рождалась новая цивилизация — цивилизация Средневековья.

В книге известного французского историка Люсьена Мюссе на основе многочисленных исторических источников подробно анализируются процессы крушения Римской империи и становления варварских королевств.

Историческая библиотека

ISBN 978-5-8071-0184-6



9 785807 101846